

**ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА**

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., Д. В. Костин, д-р физ.-мат. наук, доц.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ. мат. наук, доц. Члены совета: В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., С. А. Куролап, д-р геогр. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., А. А. Сирота, д-р техн. наук, проф., Ю. Н. Стариков, д-р юрид. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., С. А. Шабров, д-р физ.-мат. наук, доц., А. И. Шашкин, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, доц.; ответственный секретарь – М. Е. Новичихина, д-р филол. наук, проф. Члены редколлегии: А. В. Сосновский, д-р гуманитарных наук, проф. (г. Берлин, Германия); Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); В. Ф. Олешко, д-р филос. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); Т. А. Тернова, д-р филол. наук, доц.; Г. Ф. Ковалев, д-р филол. наук, проф.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Журнал принимает к публикации статьи по специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.4. - Фольклористика (филологические науки), 5.9.9 – Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Адрес редакции,
издателя: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vlvtul@mail.ru
Тел.: +7 (473) 274-52-71

© Воронежский государственный университет, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. С. НИКИТИНА

Кольцова Л. М., Чуриков С. А. СЛОВЕСНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПОЭЗИИ
И. С. НИКИТИНА..... 5

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. ПЛАТОНОВА

Алейников О. Ю. «ДОКУМЕНТЫ БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ». ИЗ ПИСЕМ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ А. ПЛАТОНОВА 9
Антонова Е. В. ТВОРЧЕСТВО А. ПЛАТОНОВА В ОТЗЫВАХ В. БОКОВА (ПО ПИСЬМАМ А. ПЛАТОНОВУ 1940-Х ГГ.) 15
Грязнова А. Ю. ЭЛЕМЕНТЫ ГОГОЛЕВСКОЙ ПОЭТИКИ В ПЬЕСЕ А. ПЛАТОНОВА «ШАРМАНКА» 20
Никонова Т. А., Азизова С. В. «ПЛАТОНОВ СОВСЕМ ДРУГОЙ ЧЕЛОВЕК И ДРУГОЙ ПИСАТЕЛЬ»: «СОКРОВЕННЫЙ»
МИР АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА 24
Осипенко М. В. «ПЕСНЬ КОЛЕС» А. ПЛАТОНОВА: СЦЕНАРИЙ О ДРУЖБЕ НАРОДОВ В СССР 29
Умрюхина Н. В. АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ И «МОСКОВСКИЙ АЛЬМАНАХ»: НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СОТРУДНИЧЕСТВО 33

ФИЛОЛОГИЯ

Генералова Е. В. ИСТОРИЧЕСКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА XVI–XVII ВВ.:
ОТ КОНЦЕПЦИИ К РЕАЛИЗАЦИИ 37
Гуменюк О. Н. КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ЛИРИКА. ПЕСНИ ЮНОШЕСКОЙ БЕЗОТВЕТНОЙ ЛЮБВИ 43
Гун Цзэхуэй. УСАДЕБНЫЙ ТОПОС В РОМАНЕ И. А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА» И КОНЦЕПЦИЯ
ГЕТЕРОТОПИИ М. ФУКО 47
Желтикова Т. В., Радь Э. А. СМЫСЛОВАЯ МНОГОПЛАНОВИТЕЛЬНОСТЬ ОБРАЗА МОСКВЫ В ЦИКЛЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ
«СТИХИ О МОСКВЕ» 52
Житенев А. А., Скрябина А. В. ТИПОЛОГИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В СБОРНИКЕ Н. КОНОНОВА «САРАТОВ» (2012) 55
Зинурова Р. Р. МОТИВ ЗАЧАТИЯ И РОЖДЕНИЯ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ «ОТ СЪЕДЕННОГО» В БАШКИРСКИХ
БОГАТЫРСКИХ СКАЗКАХ 60
Мокиенко В. М. КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ-БИБЛЕИЗМЫ В ТЕКСТЕ И В ЗЕРКАЛЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ
(МЕРЗОСТЬ ЗАПУСТЕНИЯ) 65
Пращерук Н. В. МИНИАТЮРЫ Е. А. ДОМБРОВСКОЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ДУХОВНОЙ ПРОЗЫ 70
Пухова Т. Ф. МОТИВ «ОБМАННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ» В ВОРОНЕЖСКИХ И КУРСКИХ НАРОДНЫХ ВОЛШЕБНЫХ
СКАЗКАХ 75
Тернова Т. А. ОСМЫСЛЕНИЕ МАРГИНАЛЬНОСТИ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ 79
Толмачева Г. С. СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ И СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ОБОРОТЫ:
АКТУАЛИЗАЦИЯ НЕЯВНЫХ ПРИЗНАКОВ 83

<i>Чжу Цзывэй. МЕТАПУТЕШЕСТВИЯ И ВРЕМЕННЫЕ ПРИСТАНИЩА В МАЛОЙ ПРОЗЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ «ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧОРБА», «НАТАША», «ТЯЖЕЛЫЙ ДЫМ»)</i>	92
<i>Щуклина Т. Ю., Мардиева Л. А. ГРАФИКСАЦИЯ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ</i>	97

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Омарбл Бестун, Хорольский В. В. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КУРДИСТНА И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЖУРНАЛИСТИКУ ИРАКСКИХ КУРДОВ</i>	101
<i>Борисова У.С., Николаева Я. А. МЕДИЙНЫЙ ЛАНДШАФТ ЯКУТИИ: АНАЛИЗ СОБЫТИЙ И ИНТЕРЕСОВ В НОВОСТНЫХ ИЗДАНИЯХ ЗА 2022–2023 ГГ.</i>	105
<i>Видная О. Е. РОЛЬ РЕДАКТОРА В РАЗВИТИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ: ОПЫТ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ</i>	110
<i>Вороненкова Г. Ф., Кирик К. В. МЕТОДЫ, ИНСТРУМЕНТЫ И ЦЕЛИ ПРОПАГАНДИСТСКИХ КАМПАНИЙ НСДАП В 1933–1939 ГОДЫ</i>	115
<i>Горохов М. Ю. ФЕНОМЕН КОЛЛЕКТИВНОЙ ЭКСПЕРТНОСТИ В СМИ</i>	123
<i>Деева И. В. КРИТЕРИИ УСПЕШНОСТИ ФОРМАТА РЕАЛИТИ-ШОУ НА РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ</i>	127
<i>Дементьева К. В., Самарцев О. Р. МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ</i>	133
<i>Иванова Н. А. «ЛИЧНЫЙ (ПЕРСОНАЛЬНЫЙ) БРЕНД» И ЕГО ЭЛЕМЕНТЫ. К ВОПРОСУ О ВЫРАБОТКЕ НАУЧНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ</i>	136
<i>Тянь Кайгэ. КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ КОМПАНИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КИТАЯ</i> ..	140
<i>Кан Кумсук. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА МАНИПУЛИРОВАНИЯ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА)</i>	144
<i>Назайкин А. Н. СОВРЕМЕННЫЙ ВИЗУАЛЬНЫЙ СТОРИТЕЛЛИНГ: ВИДЫ КОНТЕНТА И ТИПЫ</i>	148
<i>Пивоварчик Т. А. МЕДИАЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ВАРИИРОВАНИЕ ДИСКУРСА: ФАКТОРЫ, ПАРАМЕТРЫ, ЕДИНИЦЫ</i>	151
<i>Суворова Н. А., Струкова Е. М. БРЕНД МАЛОГО ПОСЕЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ ТУРИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА</i>	155
<i>Нгуен Минь Туан. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ВО ВЬЕТНАМЕ</i>	158
<i>Тянь Юнчунь. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МАТЕРИКОВОГО КИТАЯ И ГОНКОНГА ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19</i>	163
<i>Фатеева И. А. ХАРАКТЕР РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ ИЗДАНИЯМИ ДЛЯ ЖУРНАЛИСТОВ ПЕРВОЙ ТРЕТИ ХХ ВЕКА</i>	169
<i>Федотова Л. Н. РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ</i>	173
<i>Юй Хунбо. РЕКЛАМНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: СОПОСТАВЛЕНИЕ ЛЕКСИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ДИСКУРСА</i>	177
<i>ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ</i>	180

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2024. № 3. July – September

CONTENTS

THE 200TH BIRTH ANNIVERSARY OF I. S. NIKITIN

Koltsova L. M., Churikov S. A. THE VERBAL EMBODIMENT OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN THE POETRY OF I. S. NIKITIN 5

THE 125TH BIRTH ANNIVERSARY OF A. PLATONOV

Aleinikov O. U. "WITHOUT A STATUTE OF LIMITATIONS DOCUMENTS". FROM THE LETTERS OF A. PLATONOV'S RESEARCHERS 9

Antonova E. V. THE WORKS OF A. PLATONOV IN THE REVIEWS OF V. BOKOV (BASED ON LETTERS TO A. PLATONOV IN THE 1940S) 15

Gryaznova A. Yu. ELEMENTS OF GOGOL'S POETICS IN A. PLATONOV'S PLAY «BARREL ORGAN» 20

Nikonova T. A., Azizova S. V. «PLATONOV IS A COMPLETELY DIFFERENT PERSON AND WRITER»: «THE INNERMOST» WORLD OF ANDREI PLATONOV 24

Osipenko M. V. "THE SONG OF WHEELS" BY A. PLATONOV: A SCENARIO ABOUT THE FRIENDSHIP OF PEOPLES IN THE USSR 29

Umryukhina N. V. ANDREY PLATONOV AND THE MOSCOW ALMANAC: A FAILED COLLABORATION 33

PHILOLOGY

Generalova E. V. THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE XVI–XVII-TH CENTURIES HISTORICAL PHRASEOLOGICAL DICTIONARY: FROM CONCEPT TO THE FULFILLMENT 37

Humeniuk O. M. TYPOLOGY OF CHARACTERS IN N. KONONOV'S COLLECTION 'SARATOV' (2012) 43

Gong Zehui. THE MANOR TOPOS IN I. A. BUNIN'S NOVEL "THE LIFE OF ARSENIYEV" AND M. FOUCAULT'S CONCEPT OF HETEROTOPIA 47

Zheltikova T. V., Rad E. A. THE SEMANTIC DIVERSITY OF THE IMAGE OF MOSCOW IN THE CYCLE OF M. I. TSVETAeva «POEMS ABOUT MOSCOW» 52

Zhitenev A. A., Skryabina A. V. TYPOLOGY OF CHARACTERS IN N. KONONOV'S COLLECTION 'SARATOV' (2012) 55

Zinurova R. R. THE MOTIVE OF THE CONCEPTION AND BIRTH OF THE MAIN CHARACTER "FROM BEING EATEN" IN BASHKIR HEROIC TALES 60

Mokienko V. M. WINGEDWORDS AND BIBLICAL UNITS IN TEXT AND IN THE MIRROR OF COMPARISON (ABOMINATION OF DESOLATION) 65

Prashcheruk N. V. MINIATURES BY E. R. DOMBROVSKAYA IN THE CONTEXT OF MODERN LITERARY SPIRITUAL PROSE 70

Puhova T. F. THE MOTIF OF THE "FRAUDULENT OFFER" IN VORONEZH AND KURSK FOLK FAIRY TALES 75

Ternova T. A. UNDERSTANDING MARGINALITY IN THE HUMANITIES 79

<i>Tolmacheva G. S.</i> COMPARATIVE ADVERBS AND COMPARATIVE CLAUSES: ACTUALISATION OF IMPLICIT FEATURES.....	83
<i>Zhu Ziwei.</i> META-TRAVELS AND TEMPORARY SHELTERS IN VLADIMIR NABOKOV'S SMALL PROSE (BASED ON THE MATERIAL OF THE SHORT STORIES «THE RETURN OF CHORB», «NATASHA», «TORPID SMOKE»)	92
<i>Shchuklina T. Yu., Mardieva L. A.</i> GRAPHIZATION IN THE ASPECT OF LINGUISTIC PERSONALITY	97

JOURNALISM

<i>Omarble Bestoon, Khorolsky V. V.</i> KURDISTAN'S POLITICAL PARTIES AND THEIR IMPACT ON IRAQI KURDISH JOURNALISM.....	101
<i>Borisova U. S., Nikolaeva Y. A.</i> MEDIA LANDSCAPE OF YAKUTIA: ANALYSIS OF EVENTS AND INTERESTS IN NEWS PUBLICATIONS FOR 2022–2023.....	105
<i>Vidnaya O. E.</i> THE ROLE OF THE EDITOR IN THE DEVELOPMENT OF PROVINCIAL JOURNALISM: THE EXPERIENCE OF TAMBOV PROVINCE.....	110
<i>Voronenkova G. F., Kirik K. V.</i> METHODS, TOOLS AND GOALS OF THE NSDAP PROPAGANDA INFORMATION CAMPAIGNS IN 1933–1939.....	115
<i>Gorohov M. Y.</i> THE PHENOMENON OF COLLECTIVE EXPERTISE IN THE MEDIA.....	123
<i>Deeva I. V.</i> CRITERIA FOR THE SUCCESS OF THE REALITY SHOW FORMAT ON RUSSIAN TELEVISION	127
<i>Dementieva K. V., Samartsev O. R.</i> REGIONAL MEDIA MODELS IN MODERN SOCIETY.....	133
<i>Ivanova N. A.</i> «PERSONAL (PERSONAL) BRAND» AND ITS ELEMENTS. ON THE ISSUE OF DEVELOPING A SCIENTIFIC DEFINITIONS.....	136
<i>Tian Kaige.</i> COMMUNICATION TECHNOLOGIES FOR PROMOTING COMPANIES IN CHINA'S SOCIAL NETWORKS	140
<i>Kang Kumsuk.</i> LINGUISTIC MEANS OF MANIPULATING MASS CONSCIOUSNESS IN RUSSIAN-LANGUAGE MEDIA TEXTS (USING THE EXAMPLE OF MEDICAL DISCOURSE)	144
<i>Nazaykin A. N.</i> TYPES MODERN VISUAL STORYTELLING AND TYPES OF CONTENT.....	148
<i>Pivavarchyk T. A.</i> MEDIA LINGUISTIC VARIATION OF DISCOURSE: FACTORS, PARAMETERS, UNITS.....	151
<i>Suvorova N. A., Strukova E. M.</i> THE BRAND OF A SMALL SETTLEMENT IN THE DEVELOPMENT OF THE TOURISM POTENTIAL OF THE REGION.....	155
<i>Nguyen Minh Tuan.</i> FORMATION AND DEVELOPMENT OF MILITARY JOURNALISM IN VIETNAM	158
<i>Tian Yongchun.</i> COMPARATIVE ANALYSIS OF THE INFORMATION POLICY OF MAINLAND CHINA AND HONG KONG DURING THE COVID-19 PANDEMIC	163
<i>Fateeva I. A.</i> THE NATURE OF THE IMPLEMENTATION OF THE EDUCATIONAL FUNCTION BY PROFESSIONAL PUBLICATIONS FOR JOURNALISTS THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY.....	169
<i>Fedotova L. N.</i> ADVERTISING AND PR IN A CHANGING WORD.....	173
<i>Yu Hongbo, Boguslavskaya V. V.</i> ADVERTISING TECHNICAL DISCOURSE: COMPARISON OF LEXICAL AND MORPHOLOGICAL FEATURES OF RUSSIAN AND CHINESE DISCOURSE.....	177
SUBMISSION GUIDELINES.....	180

СЛОВЕСНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПОЭЗИИ И. С. НИКИТИНА

Л. М. Кольцова, С. А. Чуриков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 июля 2024 г.

Аннотация: статья посвящена поэтическому творчеству И. С. Никитина с позиций лингвоаксиологии. В ней рассматриваются ключевые слова, обозначающие воплощение духовно-нравственных ценностей русского языкового сознания в индивидуально-авторском осмыслении.

Ключевые слова: русская поэзия, И. С. Никитин, лингвоаксиология, поэтический язык, духовно-нравственные ценности.

Abstract: The article is devoted to the poetic works of I. S. Nikitin from the standpoint of linguoaxiology. It examines the key words denoting the embodiment of the spiritual and moral values of the Russian language consciousness in an individual author's understanding.

Keywords: Russian poetry, I. S. Nikitin, linguoaxiology, poetic language, spiritual and moral values.

*Не правда ли, мгновения любви
Есть лучшие мгновенья нашей жизни!*
И. С. Никитин. «Как мне легко, как счастлив
я в тот миг...»

Двухсотлетие со дня рождения Ивана Саввича Никитина — безусловное основание и благодатная причина обратиться к творчеству поэта, занимающего достойное место в ряду русских классиков и совершенно особое в числе прославивших воронежский край деятелей искусства, науки, просвещения.

По словам И. А. Бунина, не очень щедрого на похвалу в адрес литераторов, Иван Саввич «в числе тех великих, кем создан весь своеобразный склад русской литературы, ее свежесть, ее великая в простоте художественность, ее сильный простой язык, ее реализм в самом лучшем смысле этого слова» [1]. Следует отметить, что творчество И. С. Никитина никогда не было обделено вниманием ученых-филологов и педагогов. Причем значительная часть работ, посвященных поэту, принадлежит воронежским ученым и преподавателям (В. М. Акаткин [2], Е. П. Андреева [3], П. А. Бороздина [4], Я. И. Гудошников [4], А. И. Кретов [4], В. М. Кузнецов [5], С. Г. Лазутин [3], О. Г. Ласунский [6], В. А. Малкин [4], А. М. Путинцев [9], В. А. Тонков [10], Б. Т. Удодов [4] и др.). Однако его поэтический язык как эстетически совершенная форма выражения индивидуального видения мира, его неповторимый образный строй, обнаруживающий неисчерпаемые возможности творческого сознания познавать глубинные смыслы Бытия, до сих пор остается малоисследованным, освещенным только

в отдельных фрагментах (см. работы А. А. Аскоченской [11], С. А. Кудряшова [12], Е. А. Кателиной [13], Е. А. Назиковой [4], В. И. Собинниковой [14], А. И. Чижик-Полейко [4], И. П. Шалиной [15]).

Новые лингвистические направления, идеи, методологические подходы позволяют более целенаправленно и целесообразно подойти к пониманию удивительного и загадочного мира слов и значений, воплощающего дух языка в его индивидуальном выражении. Особенно действенным в этом плане нам представляется **лингвоаксиологический подход** (Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Б. И. Фоминых, А. Н. Матрусова, К. Я. Сигал, М. С. Милованова и др.), который, с одной стороны, выстраивает и уточняет систему общих ценностей, которые несет в себе творчество признанного истинно национального поэта, а с другой стороны, позволяет определить весомость и значимость слова самого И. С. Никитина в русском языковом пространстве.

Такое исследование представляется чрезвычайно актуальным именно сегодня, когда в нашу жизнь на государственном уровне возвращается понимание, что для безопасности и самого существования народа необходимо сохранять культурные традиции, сберегать духовно-нравственные ценности, и в первую очередь, его язык, вершиной которого является высокая поэзия. Для благополучия страны, государства, человека совершенно необходимо воспитание высоким словом.

В поэтическом мире И. С. Никитина эти высокие слова светятся, как звезды, и главное из них — **Небо** и сопряженные с ним понятия. Небо занимает самую сильную позицию — позицию заголовка — в стихотворении, которое могло бы занять первое место в по-

тенциальной антологии литературных произведений, где мысли, мечты, чаяния и надежды человека обращены к вечно изумляющему и непостижимому пространству.

Написанное в 1849 г. еще молодым поэтом стихотворение «Небо» [16, 81–82] содержит в себе главные вопросы, которые всегда занимали и будут занимать пытливый ум: тайна «начала творений»; система «всего мироздания», цель и смысл существования «обширной вселенной» и каждой песчинки в ней; законы «движения и жизни». Сама по себе глубокая дума о таинственной сфере, где властвует мощная, чудная движущая «мириады планет» сила, раскрывает ценностные ориентиры поэта: устремленность к пониманию мироустройства и осмысление своего мироустройства в нем. Такое ощущение бытия в индивидуальном поэтическом сознании не просто отражает сложившийся веками в русском языке сакральный смысл слова и образа **неба**, но и создает, дополняет, расширяет этот смысл. Подтверждением служит то толкование слова неба, которое представлено в «Словаре русской ментальности» В. В. Колесова: «НЕБО — обозримый в высоту предел воздушного пространства, символизирующий чистоту и возвышенность внеземного духовного мира, блаженного промысла Бога. Воспринимается как зримая граница измеримой высоты, являющей грань воздушного пространства, устремленного к недостижимой выси, величина абсолютная в противовес предельности зрительной постижимости неба. Небесный свод несет в себе идею надежного укрытия земли сверху, служащего одновременно непроницаемой преградой всему подлежащему, находя последнюю степень достижимости в поднебесье» [17, 498].

Для И. С. Никитина и сама Русь начинается с неба:
*Под большим шатром
Голубых небес* [16, 91].

Следует обратить особое внимание на эту метафору — «шатер небес». Как было известно каждому образованному человеку в XIX в., шатровый стиль в архитектуре был единственным русским национальным стилем. Шатер небес — и покров, и защита, и то устройство, которое создает образ Родины как храма, наполненного несметным природными и духовными богатствами.

Глубокая «дума» И. С. Никитина о **таком** Небе неразрывно связана с другим сакральным словом, образом, символом — **молитва**, без которой не стоит храм:

*И кажется мне, все какой-то дышит тайной,
И забываю я свой день печальный,
С оставленным трудом без жалобы мирюсь,
Гляжу на небеса и в тишине молюсь*
(Вечер, 1850) [16, 85].

Как и слово небо, слово «молитва» занимает в произведениях поэта вершину текстовой иерархии: «Молитва» (1851), «Молитва дитяти» (1853), «Сладость молитвы» (1854) и др.

Молитва у И. С. Никитина — теплая, горячая, жаркая, светлая, благодатная, но чаще всего — **святая**, т.е. возвышенная, бескорыстная, истинная, являющая собой наивысшую ценность для духовной жизни человека. Молитва дает силу, укрепляет волю, умертвляет сомнения, примиряет со злой действительностью, «с самим собой и с людьми», поднимает к небесам и дарует любовь и веру. Особенное место среди этих стихотворений принадлежит программному произведению — «Молитва дитяти», которое совершенно закономерно изначально вошло в пособия и хрестоматии по русской словесности. Так, в первом комплексе учебных пособий по русской словесности, изданном в Воронеже А. А. Хованским [18, 9] даются подробные рекомендации по анализу никитинского стихотворения: «учителем может вестись беседа о «бесчисленных мирах», зачем к каждому человеку приставлен Ангел-хранитель, почему Бог сидит на престоле, что значит «мужать» на понятных детям примерах, когда глаза «светятся». При анализе содержания целесообразно поставить вопросы «*Будет ли польза от молитвы дитяти?*», «*Как молитва доходит до Бога?*», «*О чем нужно молиться?*» то есть происходит не только обучение родному языку на конкретном, понятном и соответствующем возрастному развитию тексте, но и усвоение традиционных для общества того времени религиозных ценностей. Подобный прием, на наш взгляд, можно и нужно активно применять на практике в современном образовательном процессе, подбирая материалы, соответствующие нынешним ценностным ориентирам российского общества» [19, 189].

Святая молитва избавляет от «горечи сущности злой», дарует невозмутимый мир и любовь к жизни. Главное молитвенное прошение И. С. Никитина — святая благодать, изменяющая человеческую жизнь, наполняющая ее энергией и радостью, сближающая человека с Творцом. Счастливой порой называет поэт время

*Когда, дитя беспечное свободы,
В знакомых мне явлениях природы
Величие и мысль я находил
И жизнь мою, как дар небес, любил*
(Перемена, 1849) [16, 67].

Присутствие высших сил ощущает И. С. Никитин во всех явлениях природы, во всех событиях жизни. Но особенно остро — в минуты тоски, страдания, тяжелых раздумий:

*И мнитса мне, слышу я шепот невнятный,
И кто-то со мной в полумраке стоит;
Быть может, незримо, в тот миг благодатный
Мой ангел-хранитель молитву творит.
И в душу прольется мне светлая радость...*
(Сладость молитвы, 1853) [16, 134].

И мысли, и чувства И. С. Никитина наполнены в молитвенный час светом Неба и ощущением милосердия Всевышнего, который

*... весь любовь, и жизнь, и сила,
С Ним благо все, с Ним свет во тьме!..*
(С. В. Чистяковой, 1854) [16, 163].

Эта Божественная любовь, находящая отражение и отклик в душе человека, освящает все поэтическое творчество И. С. Никитина. Ее языковое воплощение многозначно и многообразно, причем это многообразие строго и стройно организовано и складывается в хорошо прослеживаемую иерархическую систему смыслов, обнаруживая глубочайшее понимание и переживание поэтом главных событий в духовном мире народа и индивидуальном сознании человека, стремящегося к осмыслению своей сущности и самосовершенствованию.

Прежде и выше всего в этой иерархии любовь к Родине, которой посвящены лучшие, ставшие хрестоматийными стихотворения И. С. Никитина, где мысль и чувство слиты воедино:

*И зреет мысль так вольно и широко,
И сладко песнь в честь Родины поется,
И кровь кипит, и сердце гордо бьется
И с радостью внимаешь звуку слов:
«Я Руси сын! здесь край моих отцов!»*
(Юг и север, 1851) [16, 91].

Последняя строчка широко вошла в русскую речь (см. [20]).

Непременным и непреложным условием существования для поэта, вне всякого сомнения, является не только любовь к Родине, но и **любовь к жизни**. Жизнь может измучить, ум и сердце возмутить, роптать научит, любовь и веру погасит, но от всех бед, сомнений, страданий спасает человека «горение к кресту», святая молитва, присутствие и участие высшей силы:

*Приникни с жаркими слезами,
Креста подножье обойми:
Ты примиришься с Небесами,
С самим собою и людьми.*
(Молитва дитяти, 1853) [16, 111].

Любовь к природе, дарованное человеку чувство красоты — тоже важнейшая ценность, возвышающая и приближающая творение к Творцу:

*Кротко звезд золотое сияние,
В чистом поле покой и молчанье.
Точно в храме, стою я в тиши,
И в восторге молюсь от души.*

(«В синем небе плывут над полями...», 1858) [16, 294].

Удивительное плотное и полное сопряжение смыслов, образующее цельность, гармоничность языковой картины И. С. Никитина характерно для большинства стихотворений поэта, которые литературная критика, как правило, относит к пейзажной лирике. На наш взгляд, это глубоко философская лирика, в которой представлена широкая и осмысленная мировоззренческая картина, созданная благодаря возможностям русского языка в силу его се-

мантической емкости, обильных парадигматических и синтагматических связей.

Творец всего сущего — Небо — Храм — Молитва — Русь — Вера — Любовь — Мысль — Истина — Разум — Правда — Честь, — все это теснейшим образом связанные и родственные в единстве художественного мира поэта слова — понятия — образы — символы.

Этим ценностям, этим святыням призван служить человек:

*Знамя чести и истины строгой
Только крепкие в бурю несут.
Бесконечное мысли движенье,
Царство разума, правды святой —
Вот прямое твоё назначение,
Добрый подвиг на почве родной!*

(«Обличитель чужого разврата...», 1860) [16, 319].

Сам поэт убежден, что свое предназначение в постижении истины, желании и увеличении добра в своей стране и для своего народа, в понимании и создании красоты он выполняет со всем жаром чуткой радости и страданий души:

*Вижу на каждом шагу своею тайны; но сладко
мне думать:*

В царстве природы не лишний я гость с моей душой и песней.

(«Подле реки одиноко стою я под тенью ракиты...», 1854) [16, 189].

Воздействие поэзии И. С. Никитина, его значимость и значение в воспитании мысли и чувства при условии возвращения общества к духовно-нравственным ценностям, создаваемым лучшими отечественными мыслителями, просветителями, священнослужителями, писателями и поэтами, неизбежно должно возрастать.

Внимание к языку и стилю И. С. Никитина в отечественной лингвистике, обращение к его слову с новыми инструментами исследования, поисковыми системами, информационными технологиями дает возможность правильнее, точнее, полнее понять жизнь Языка в индивидуальном поэтическом творчестве и язык поэта в Жизни русского слова. Это важно, интересно и радостно для науки, искусства, культуры в целом, для воспитания чувства и совершенствования разума.

В большинстве работ, посвященных творчеству подлинно народного русского поэта, в материалах к школьным урокам по творчеству И. С. Никитина повторяется ставшая расхожей и укоренившаяся характеристика Ивана Саввича как певца печали и непомерных страданий, горестных раздумий и унылых песен. Лингвоаксиологический подход к языку поэта показывает совершенно иную картину: редкостное единство ценностных и стройную систему духовно-нравственных предпочтений, устремленность к прекрасному и возвышенному миру русского духа.

К Ивану Саввичу Никитину, поэту прошлого, на-

стоящего и будущего, могут быть обращены строки другого великого поэта — А. А. Блока:

*Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он — весь дитя добра и света,
Он весь свободы торжество [21, 57].*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Памяти сильного человека // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т.: Т. 9. — М.: Художественная литература, 1967. — С. 502–506.
2. Акаткин В. М. Поэзия прозы (о творчестве Ивана Никитина) / В. М. Акаткин // Никитин И. С. «Мой дух сроднился с духом века»: стихотворения, поэмы, проза, избранные письма / И. С. Никитин; [вступ. ст., примеч. В. М. Акаткина; сост. Р. В. Андреева, Л. Ф. Попова]. — Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозем. края, 2009. — С. 3–30.
3. И. С. Никитин: статьи и материалы о жизни и творчестве / отв. ред. В. А. Тонков. — Воронеж: Облкнигоиздат, 1952. — 247 с.
4. И. С. Никитин: статьи и материалы: К 100-летию со дня смерти. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1962. — 308 с.
5. Кузнецов В. И. Нетленные строки: этюды об Алексее Кольцове и Иване Никитине / В. И. Кузнецов. — Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1984. — 222 с.
6. «Я Руси сын!..»: к 150-летию со дня рождения И. С. Никитина / ред.-сост. О. Г. Ласунский. — Воронеж: Центр.— Чернозем. кн. изд-во, 1974. — 226 с.
7. Плоткин Л. А. Творческий путь И. С. Никитина / Л. А. Плоткин // Никитин И. С. Сочинения. — М., 1955. — С. III–XXXVIII.
8. Прядкин С. Н. К 60-летию со дня кончины И. С. Никитина / С. Н. Прядкин // Труды Воронеж. ун-та. — 1925. — Т. 1. — С. 359–361.
9. Путинцев А. М. Иван Саввич Никитин. (Жизнь и творчество) / А. М. Путинцев // Никитин И. С. Сочинения. Вып. 1 — М., 1955. — С. 1–26.
10. Тонков В. А. Никитин: Очерк жизни и творчества / В. А. Тонков. — М.: Просвещение, 1968. — 128 с.
11. Аскоченская А. А. Синтаксические особенности поэзии И. С. Никитина // Автореферат дис. ... канд. филол. наук / А. А. Аскоченская. — Воронеж, 1998. — 30 с.
12. Кателина Л. С. Устойчивые словосочетания, включающие эпитеты, в поэмах А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Никитина и Н. А. Некрасова / Л. С. Кателина // Материалы по русско-славянскому языкознанию. — Воронеж, 1986. — С. 79–83.
13. Кудряшов С. А. Лексика и фразеология поэм И. С. Никитина // Автореферат дис. ... канд. филол. наук / С. А. Кудряшов. — М., 1954. — 16 с.
14. Собинникова В. И. Вопросительные предложения как средства экспрессии в поэзии И. С. Никитина / В. И. Собинникова // Язык и стиль произведений фольклора и литературы. — Воронеж, 1986. — С. 74–80
15. Шалина И. П. Имя в творчестве И. С. Никитина / И. П. Шалина // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. — Воронеж, 2011. — № 1. — С. 104–106.
16. Никитин И. С. Собрание сочинений: в 2 т. — Т. 1: Стихотворения / И. С. Никитин; сост. Л. А. Плоткин. — М.: Правда, 1975. — 368 с.
17. Колесов В. В. Словарь русской ментальности. В 2 т. — Т. 1 / В. В. Колесов Т. 1. — СПб.: Златоуст. — 592 с.
18. Живое слово для изучения родного языка. Методика русского языка в рассказах и объяснениях по литературным образцам в связи с логикой, грамматикой и словесностью, для всестороннего развития и воспитания учащихся, согласно с требованиями педагогических принципов. Практический курс первого класса / Сост. А. В. Барсов, ред. А. А. Хованский. Воронеж, 1889.
19. Чигирева Е. М. Принципы филологического анализа текста в трудах А. А. Хованского и А. В. Барсова / Е. М. Чигирева, Л. М. Кольцова // Распоповские чтения 2024: сборник научных статей / Отв. ред. С. А. Чуриков. — Продолжающееся научное издание. Вып. 10. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. — С. 186–195.
20. Кольцова Л. М. Крылатое слово И. С. Никитина. Опыт словаря / Л. М. Кольцова, С. А. Чуриков, М. В. Винтер. — Воронеж: ИД ВГУ, 2019. — 160 с.
21. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 3. Стихотворения. Книга третья (1907–1916) / А. А. Блок. — М.: Наука, 1997. — 989 с.

*Воронежский государственный университет
Кольцова Л. М., доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка
E-mail: kolzowa@mail.ru
Чуриков С. А., кандидат филологических наук, заведующий
кафедрой русского языка
E-mail: churikovsa@yandex.ru*

*Voronezh State University
Koltsova L. M., Doctor of philological sciences, Professor of
the chair of Russian language
E-mail: kolzowa@mail.ru
Churikov S. A., Candidate of philological sciences, Head of
the chair of Russian language
E-mail: churikovsa@yandex.ru*

«ДОКУМЕНТЫ БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ». ИЗ ПИСЕМ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ А. ПЛАТОНОВА

О. Ю. Алейников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 июля 2024 г.

Аннотация: *статья посвящена проблемам изучения литературно-художественного наследия А. Платонова: исследователем уточняется происхождение идей и подходов, не утративших своего значения на современном этапе развития науки. В центре внимания автора работы — письма исследователей, содержащие малоизвестные факты из истории приращения знаний о жизни и творчестве писателя. Большая часть писем цитируется впервые.*

Ключевые слова: *история науки, наследие А. Платонова, письма исследователей.*

Abstract: *the article is devoted to the problems of studying the literary and artistic heritage of A. Platonov. the origin of ideas and approaches that have not lost their importance at the present stage of scientific development is clarified. The author of the work focuses on letters from researchers containing unknown facts from the history of increasing knowledge about the writer's life and work. Most of the letters are quoted for the first time.*

Keywords: *History of science, Platonov's heritage, letters of researchers*

В литературно-критических работах об истории изучения платоновского наследия встречаются ссылки на «обстоятельства непреодолимой силы», под которыми, как правило, понимаются запреты на полноту знаний о писателе, не позволявшие в подцензурную эпоху обнародовать его произведения и факты биографии, «нежелательные» для советской печати. Но история нашей науки убеждает, что в годы, когда у многих «рты были на замке» [1, 23], неблагоприятные обстоятельства преодолевались учеными, посвятившими себя платоновской теме. О том, как непросто и драматично это происходило, позволяют судить письма исследователей, хранящиеся в государственных архивах и частных собраниях. Ценность этих документов велика. Обращаясь к ним, мы уточняем происхождение научных идей и подходов, не утративших своего значения, вспоминаем тех, кто, не жалея себя, трудился «в усилии к будущему времени...» [2].

Первооткрывателем творчества А. Платонова для научных исследований по праву считается Лев Алексеевич Шубин (1928–1983). Его статья «Андрей Платонов» [3], опубликованная в шестом номере журнала «Вопросы литературы» за 1967 год, стала прорывом и «прологом» для дальнейших разысканий. Ее автор, говоря об эстетической и философской природе платоновской прозы, опирался на произведения, жестоко раскритикованные в 1920-е и в 1930-е годы, анализировал роман «Чевенгур», цитировал повесть «Котлован», возрождая веру в возможность

их опубликования. «Статья Л. Шубина <...> была для нас и открытием, и утверждением» [4], — делился впечатлениями от прочитанного брат писателя П. П. Климентов.

С середины 1960-х годов, изучая труднодоступные архивы и пореволюционную периодику, Л. А. Шубин собирал материалы для своей книги об Андрее Платонове, ставшей, по замечанию С. Г. Бочарова, главным делом его жизни [5, 4]. Работы Льва Шубина в печати появлялись нечасто [6], но были замечены и востребованы многими поколениями исследователей. Не устарели наблюдения литературоведа о том, что многие идеи, выдвинутые в ранних статьях А. Платонова-публициста, «переданные героям» [7, 198], в его художественном творчестве «лишаются завершенности, проверяются на прочность» [7, 198] и обеспеченность жизненным смыслом. Ученый был первопроходцем в постижении «самобытного сочетания в сознании молодого писателя новой революционной идеологии и стихийной народной философии, традиционного русского правдоискательства, проповеднической серьезности, высокой патетики и народного юмора (с примесью некоторой толики юродства, имеющего также богатую историческую национальную традицию), <...> утопии и сатиры, активной установки на преобразование мира с глубинной созерцательностью, противоречие человека и природы, от жесткого максималистского противостояния к сложному, обогащающему взаимовлиянию и взаимообмену, — все эти завязи платоновской обрванной проблематики» [5, 4] выявлял литературовед, обращаясь к творчеству А. Платонова.

Работая в издательстве «Советский писатель», Шубин сталкивался с ограничениями и запретами, мешавшими составлять и комментировать издания, которые он готовил к печати. В условиях цензуры, выхолащивавшей профессиональное прочтение платоновского текста, литературоведу «приходилось писать в стол» [8, 4] и делиться своими сокровенными мыслями о писателе вне «конторы» — так он называл «присутственное место».

Письма Л. А. Шубина, адресованные Владиславу Петровичу Скобелеву (1930–2004) и его семье, передают разные эпизоды противодействия казенным «обстоятельствам» и «причинам», над которыми Лев Алексеевич иронизировал: «Впрочем, понимаю — этого не скажешь. Обстоятельства наши очень строгие» [из письма от 09.03.1977]. «Опять молчал год. Простите, Бога ради! Причины были, они (причины) есть, но их «причин» нет» [из письма от 07.01.1978]. «Все на нашей Шипке спокойно» [из письма от 19.01.1978].

В письмах редактора, мыслителя и вольнодумца, приводятся интересные факты о литературной жизни, «временах и нравах» 1970-х годов, но особый «сюжет» выстраивается вокруг платоновской темы: «Новостей особых сообщить пока не имею. <...> Написал (вчерне) главку для книги о Платонове. Даже вот выступил с отрывком на вечере Платонова. Тебе, прирожденному оратору и лектору, — хоб что, а для меня это вона, что! Жаль, что вы не смогли приехать на вечер — он, кажется, был хороший. <...> Владик! Пишу Славе [В. А. Свительскому. — О. А.] и тебе — мне для работы сейчас нужны материалы о Воронеже. Пришлите, если есть, верну быстро» [из письма от 9.03.1977]. «В издательстве тяжело, противно, мерзко. Редактирую сб.<орник> восп.<оминаний> о Заболоцком. Резали. Но, кажется, все еще интересно. Редактирую сб.<орник> восп.<оминаний> о Казакевиче. Будут еще резать. Пока интересно. Пишу Платонова. Зарезжут совсем. Пока интересно» [из письма от 19.01.1978]. «Жизнь моя медленно идет, поскрипывая... В «конторе» гадко. <...> Вот еще и проболел я всю зиму. Работа над Платоновым идет. Для меня, по моим темпам, неплохо. Пишу. Честно сказать, хотя я и пишу все эти полтора года (и для меня очень много), но не знаю и не представляю себе зачем, кому. Для публикаций нет никаких каналов и возможностей — ни по материалу, ни по сути того, что пишу. Грустно. Начинаю исподволь втягиваться в тему Заболоцкого. Идет материал — сам идет. Но тоже — зачем, куда, кому?» [из письма от 23.03.78].

Нельзя не признать, что «Л. Шубин посвятил себя своему поглощающему труду, которому не было видно конца, <...> в каком-то более высоком и старинном смысле, нежели тот, в каком обычно мы употребляем этот стертый оборот» [5, 4–5]. В добросовестном изучении «духовно-творческой биографии» [5, 6] создателя «Сокровенного человека» литературовед

видел высокую и ответственную задачу, стоявшую перед научным сообществом. Вспоминая платоновские слова о том, что книги следует писать — «каждую, как единственную» [9, 13], Л. А. Шубин строго спрашивал с себя и с других: «Помнишь, Эйхенбаум, сравнивая Горького и Блока, говорит: Горький — заместитель интеллигенции в революции. Все мы, вслед за ним, заместители той интеллигенции, которой уже нет» [из письма от 9.03.1977].

В 1970-е годы новые подходы к изучению творчества А. Платонова все очевиднее отвергались догматическим литературоведением. А. И. Овчаренко, один из «столпов» консервативной официальной науки, препятствовал выходу в свет новаторской статьи С. Г. Семеновой (1941–2014) о влиянии федоровских идей на автора «Происхождения мастера». Обвинял исследователя в увлечении реакционной и «враждебной» философией автора «Общего дела» и находил в ее статьях проявления «борьбы и размежевания» [10, 410] с советским литературоведением. Лауреат Государственной премии А. И. Меченко, возглавлявший в МГУ кафедру истории советской литературы, заявлял, что диссертации об Андрее Платонове «уже защищены», указывал аспирантам на более «насущные» темы. Существовало также «мнение», что изучать раннее творчество писателя — удел краеведения. По свидетельству Н. М. Малыгиной, с 1975 года навещавшей Марию Александровну Платонову (1903–1983), вдова писателя недоумевала, почему после окончания аспирантуры в Ленинградском университете Н. Малыгиной пришлось отложить защиту диссертации, несмотря на положительные отзывы и проделанную большую работу, в том числе поисковую. В подшивках воронежской «Нашей газеты» исследователь выявила «Рассказ о многих интересных вещах», атрибутировала участие А. Платонова в создании этого произведения [11] и, благодаря многочисленным наблюдениям над его прозой 1920-х годов, предложила новый взгляд на творчество писателя. Уже в конце 1970-х годов открывалась возможность реализовать подход к платоновской прозе «как к единому целостному метатексту» [12, 35] — так будет сформулирована программа работы на многие годы. Однако «выпускающей организацией» кандидатская диссертация не была допущена к защите. «Я не могу понять, почему так сложились взаимоотношения с Ленинградом? Приняли они Вас хорошо. Почему же так и не утвердили Вашу работу? <...> Вернетесь ли в Москву жить? Когда? ...Вы совсем забросили диссертацию, или будете еще сражаться за нее?» [13, 85–86], — задавалась вопросами М. А. Платонова в письме от 8 августа 1978 года. Много лет спустя, готовя публикацию для журнала «Отчий край», Н. М. Малыгина расскажет о подоплеке тех событий: «Вопрос Марии Александровны, буду ли я сражаться, укрепил мою решимость довести дело до конца. Конечно, ее поддержка придавала мне сил.

Ситуация на кафедре советской литературы Ленинградского университета, о которой спрашивала Мария Александровна <...> в конце 1970-х годов изменилась. На обсуждении моей диссертации, несмотря на положительные отзывы рецензентов, мне было рекомендовано переделывать работу. <...> Заведующий кафедрой профессор Л. Ф. Ершов считал художественный уровень прозы Платонова 20-х годов недостаточным высоким для того, чтобы можно было о ней писать диссертацию. В то время обстановка на кафедре осложнялась для меня еще тем, что уволили из университета моего научного руководителя — Лидию Арсеньевну Гладковскую... Она была единственной на кафедре, кто согласился руководить работой о Платонове. Остальные отнеслись к намерению написать диссертацию неодобрительно и настороженно. Меня спрашивали, чего ради я интересуюсь Платоновым, если я не из Воронежа, как будто Платонов мог вызывать только краеведческий интерес. Мне тогда даже в голову не приходила мысль, что ради бесконфликтного прохождения аспирантуры тему можно изменить» [из письма Н. М. Малыгиной в редакцию журнала «Отчий край». Январь 2005 года].

По словам Л. А. Шубина, за каждой подобной историей стоят не «обстоятельства» и «не судьба»: «Нет безмяннх страстей и сил безликих нет. Есть только реальные люди. Гадости творит не судьба, а люди» [из письма В. П. Скобелеву от 19.01.1978]. В «ленинградской» истории 1978 года свою роль, очевидно, сыграли стереотипы восприятия творчества А. Платонова в советской печати, отсутствие интереса у работников кафедры ЛГУ к разным слагаемым творческой биографии писателя, а также элементарное незнание многих его произведений. С таким же предвзятым отношением в 1960-е и в 1970-е годы сталкивалась Мария Александровна Платонова: «И никто не поверит, как я устаю от унижительных разговоров с людьми, которые всё запрещают, но сами Платонова совсем не читали, совсем. Только помнят чьи-то злобные ругательства» [14, 26].

Кандидатскую диссертацию «Эстетические взгляды Андрея Платонова» Н. М. Малыгина защитит в Томске в 1982 году, но не откажется от подхода, предложенного в своей ранней работе. Поэтике «возвращения» в творчестве писателя будут посвящены ее многие труды, востребованные научным сообществом [15].

В начале 1978 года С. Г. Семенова запишет в дневнике: «...полной истины сказать с советской трибуны нельзя. Да и то, что говорится, вкривь и вкось понимается» [10, 395]. В условиях запретительной системы идеи, обсуждавшиеся в частной беседе, переиначивались и даже присваивались [10, 410], рукописи, отклоненные советскими издательствами и журналами, не только уходили в самиздат, но и пересказывались без ссылок на автора. Об одной из опубликованных об А. Платонове моногра-

фий Л. А. Шубин писал В. П. Скобелеву: «Не в том дело, что там всего нахватано <...> Помнишь, Иешуя, заглянув в записи Левия Матвея, ужаснулся: Бр-р-р» [из письма от 1.07.1982].

В провинции информационное поле для глубоких работ о наследии Платонова также ревниво регламентировалось, статьи, предложенные к печати, отклонялись под разными предлогами. Владиславу Анатольевичу Свительскому [1940–2005], известному отечественным и зарубежным исследователям по многочисленным статьям [16], один из воронежских редакторов, сетуя на цензуру, сообщал, что «научная сфера деятельности “невелика, непублична” и не имеет отношения к выступлениям в местной периодике. Ученый рассматривал проблему подцензурного письма с других позиций: «Напрасно отделяетесь указанием на то, что принадлежите к тем, кто делает “реальное и публичное дело”. <...> Облегчите себе участь ссылками на цензора, болото... Уверяю Вас, мир гораздо безнадежнее. Русский художник и цензор скованы одной цепью, не существуют один без другого. Их трогательное единство еще не скоро будет нарушено. Не принадлежу к его защитникам, но, может быть, художник от него кое-что и получает: ему надо быть более упругим, жизнестойким, умудренным. Моя же (до сих пор оправдывавшаяся) вера в художника говорит, что настоящий Мастер, каковым, несомненно, был Андрей Платонов, не в состоянии пустить в свою душу никого, в том числе цензора. Иначе — не художник, не мастер, иначе — вырождение. <...> Да, учтите, в наших условиях есть альтернатива, страшная и кратковременная, не известно, чем чреватая, только затормаживающая естественный ход развития. К ней Вас вольно или невольно тянет: профессора со связанными за спиной руками, пианисты с перебитыми пальцами» [из письма Л. Коробкову от 04.03.1975].

Не только в «теории», но и в интенсивной научно-критической работе исследователи, объединенные бережным отношением к платоновской теме, искали способы обойти цензурные запреты. Особое значение приобретали цитаты из анализируемых текстов, литературные параллели. Цитаты-ассоциации создавали иносказательный контекст, помогали понять аллюзивный смысл сказанного. Так, например, в статье о пьесе Платонова «Ученик лицея» В. П. Скобелев и В. А. Свительский использовали два четверостишия из блоковского стихотворения «Пушкинскому Дому»:

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.
Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Слова «тайную свободу», выделенные у А. Блока курсивом, в условиях подцензурного анализа приобрели особое значение, служили кодом к зашифрованному подтексту. Насколько актуален и прозрачен для середины 1970-х годов был смысл подобных метафор и сопоставлений, мы можем судить по тому уже, что статья «Тайная музыка свободы», из которой привожу цитаты, была опубликована в пятом номере журнала «Подъем» за 1976 год с сокращениями и под другим названием (была известна читателям как «Радостное состояние поэзии»).

Конечно, усиление запретительной системы драматично сказывалось на работе и судьбах исследователей. Л. А. Шубин чрезвычайно серьезно отнесся к известию о вынужденном отзыве В. П. Скобелевым из московских аттестационных инстанций докторской диссертации, защищенной им в Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена в ноябре 1973 года, но так и не утвержденной экспертным советом ВАК: *«Дорогой Владик! <...> Очень меня огорчило твое письмо — не словами, не текстом, так сказать, а именно своим подтекстом. Показалось мне, дай Бог, чтобы только показалось, <...> что как-то “подкосила”, “подсекла” тебя, твой дух и твой юмор, вся эта подлейшая и глупейшая история с диссертацией. Показалось мне, что принял ты это как-то очень “всерьез”, как какую-то “оценку” твоей работы. Не разумом, разумеется, — слишком свойственен тебе народный и природный юмор и ирония, — но где-то там, в глубине, в недоступных нашему разуму глубинных “подкорках”, как говорят господа фрейдисты. А “наверх” это “всплывает” как какое-то ерническое — “где уж нам” <...> Нехорошо это. Во-первых, им и не должно нравиться то, что мы пишем. А во-вторых, мы ведь должны знать, помнить, понимать, чувствовать подлинную цену “ихой” подлой игры.*

Кому быть живым и хвалимым,
Кто должен быть мертв и хулим, —
Известно у нас подхалимам
Влиятельным только одним.

И мы принимаем участие по необходимости в “ихой” игре в диссертации, звания, положения, ордена, медали и т.д. Но ведь знаем, и в этом наше перед ними отличие, что это необходимо, что это не более, чем игра. <...> Для них это не игра, а жизнь, но мы ведь знаем, что жизнь, наука, литература — это вовсе не диссертации и звания, а нечто совсем, совсем иное. И даже лежит где-то совсем в ином измерении. <...> Нельзя этого забывать и допускать сомнения в этом даже в свое “подсознание”. Иначе мы сравниваемся с ними, уравниваемся с ними. А они очень этого хотят. <...> И их хула — нам в похвалу. И только. <...> Дай тебе Бог сил, твердости и юмора. Хотя, это я хорошо чувствую по себе, с годами этого нашего “оружия” и наших “запасов” становится все меньше. В моей конторе тоже ужасно трудно. Но у тебя есть студенты, и они — хоть один на сто или даже

на тысячу — все-таки оправдывают твою работу» [из письма от 23.03.78].

Десятилетняя история присуждения докторской степени В. П. Скобелеву (в 1983 году он защитит свою работу в московском совете) носила, конечно же, совсем «не частный характер». В диссертации воронежского исследователя, внука русского крестьянина и сына агронома, была предпринята смелая попытка показать, как различные художественные концепции национального бытия формировались в прозе 1920-х годов и обсуждались в литературной критике тех лет «в свете раскрестьянивания народной жизни» [17]. Над этой проблематикой размышлял и Л. А. Шубин: *«Владик! Книгу твою и статью получил и прочел. Это все серьезно и разговор о книге в письмо не влезет. Надеюсь на встречи. Спасибо. Скажу только, что идея “раскрестьянивания”, оркестрованная в книге, мне очень близка. Я об этом говорил и, кажется, писал. Жаль только, что в книге она звучит все же слишком мажорно. Идея, вернее самый этот факт исторический, трагическое обстоятельство нашей жизни. Мы не успели вырастить еще нового идеала, как все уже “началось” <...> мы-то раскрестьянились, а другого вырастить не успели. <...> Остальное до встречи. Книга хорошая, нужная книга (как В. И. говорю)»* [из письма от 9.03.1977].

В 2003 году В. П. Скобелев вспоминал, что «монографию “Масса и личность...” писал, учитывая пример Шубина. Эту книгу старался “не застегивать” на парадные пуговицы» [18, 42]. Конечно, ученый подвергал себя большому риску: диссертация, направленная на утверждение в ВАК, все еще находилась на рассмотрении. Но, как видим, своих профессиональных позиций не сдавал, испытания переносил стоически: в письмах, адресованных тем, кто его поддерживал, рефреном проходит строка из «Песенки старого шарманщика» Булата Окуджавы: «Хватило бы улыбки, когда под ребра бьют...» [19, 34].

Тем же правилам следовал Л. А. Шубин. Делясь нерадостной “хроникой” своей работы в “Советском писателе”, он не терял надежды, что успеет завершить свою заветную книгу: *«Прессинг какой-то жуткий, жизнь играет в хоккей с нами очень жестко. Комментарий к Заболоцкому завершил, но они его сократили вдвое, жаль. Но это только первый том. Второй грядет. Написал рецензию на критические книги А. Адамовича. Для меня — это ЧП. А за это время в издательстве рукописи набегали — жуть. Живу в кошмаре. Однако договор со мной на книгу о Платонове все-таки заключили. Вот с 5 июля ухожу в отпуск на 44 дня <...> (у меня были 3 неиспользованных отпуска и 1 месяц обещали творческого за свой счет). Словом, надо работать и работать»* [письмо от 01.07. 1982].

В следующем году из-за тяжелой болезни Л. А. Шубин уйдет из жизни. Его книга «Поиски смысла отдельного и общего существования. Об Андрее Платонове», подготовленная к печати Е. Д. Шубиной,

выйдет в 1987 году. «Работы разных лет» будут вновь прочитаны и станут значимым ориентиром для всех, кто изучает наследие писателя. Архив ученого (в том числе его переписка) в этом юбилейном году будут переданы на хранение в Платоновскую группу ИМЛИ...

Для введения в научный оборот документов «без срока давности» в подцензурную эпоху большую роль сыграли краеведческие разыскания [20]. Многие факты открывались из писем братьев А. Платонова — Петра Платоновича и Сергея Платоновича Климентовых. Большая часть этой информации была обнародована В. А. Свительским [21]. Воспоминания Г. З. Литвина-Молотова об Андрее Платонове, присланные им в Воронеж после публикации в журнале «Подъем» ряда произведений писателя, пока не выявлены, но сохранились письма, адресованные О. Г. Ласунскому. В одном из них первый редактор А. Платонова советует обратиться к материалам воронежской пореволюционной периодики за 1919, 1920 и 1921 годы и перечисляет названия газет и журналов, с которыми сотрудничал начинающий поэт и журналист А. Климентов (Платонов). Г. З. Литвин-Молотов настаивает: «Незачем приписывать Платонову вещи по наитию. Писал он все же мало, но больше, чем печатали. И утверждают неправильно, что чуть ли не все передовые статьи писал он. Стиль его тогда был наш, нам свойственный <...> И, как правило, газета заполнялась ответственным редактором — т. е. мною. Это не исключало, конечно, максимального использования группировавшихся вокруг «Воронежской бедноты», «Красной деревни», «Призыва», «Искры», «Известий» их талантливых сотрудников. <...> Достаточно и того, что написано и опубликовано А. П. Платоновым (Климентовым). Незачем приписывать ему того, что он не писал» [письмо от 28.05.1970].

Двадцать лет назад, отвечая письмом на вопрос редколлегии «Платоновского вестника» о том, велика ли дистанция между подцензурным «взглядом на платоновское наследие и современным взглядом», В. П. Скобелев уверенно признал: «Мы много еще не знали о Платонове (это позже Н. В. Корниенко и другие ученые открыли, опубликовали и прокомментировали огромный пласт платоновских материалов). Многое мы тогда и не могли сказать. Вот вам и дистанция. В прежние годы у нас была возможность лишь что-то сказать о Платонове...» [18, 45].

К 125-летию Андрея Платонова исследователям удалось сделать очень многое для приращения наших знаний о писателе. Осуществленные за последние годы издательские проекты — увидевшие свет добротные тома Научного собрания сочинений А. П. Платонова, долгожданный девятый (юбилейный) выпуск «Страны философов» [22] и многие другие издания убеждают в том, что продолжается интенсивная исследовательская работа, уточняются контексты изучения и понимания творчества писателя, в научный оборот вводятся ценнейшие ар-

хивные материалы, в том числе деловая переписка губернского мелиоратора А. П. Платонова, неизвестные письма и заметки его современников, источники и редакции статей и произведений, неопубликованные материалы, извлеченные из архивов, описание личной библиотеки писателя, хранящейся в ИМЛИ РАН, стенограмма обсуждения его рассказов. Несомненно, документы, относящиеся к жизни и творчеству великого уроженца Ямской слободы, будут востребованы специалистами «без срока давности».

ЛИТЕРАТУРА

1. Epelboin A. Retour a Voronej / A. Epelboin // La Quinzaine litteraire. — 1999. — 16–30 novembre. — P. 23.
2. Семенова С. Г. «В усилки к будущему времени...» (Философия Андрея Платонова) / С. Г. Семенова // Литературная Грузия. — 1979. — № 11. — С. 104–121.
3. Шубин Л. Андрей Платонов / Л. Шубин // Вопросы литературы. — 1967. — № 6. — С. 26–54.
4. Письмо П. П. Климентова В. А. Свительскому от 31 мая 1984 года [из собрания О. Ю. Алейникова].
5. Бочаров С. Дело жизни автора этой книги / С. Бочаров // Шубин Л. А. Поиски смысла отдельного и общего существования. Об Андрее Платонове. Работы разных лет. — М.: Советский писатель, 1987. — С. 3–14.
6. Шубин Л. А. «Чтобы завещанное им слово не убывало...» [Рец. на сборник: Творчество Андрея Платонова. Статьи и сообщения. — Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1970] / Л. А. Шубин, Г. А. Белая // Вопросы литературы. 1972. — № 2. — С. 188–193; Шубин Л. Созревающее время / Л. Шубин // Детская литература. — 1980. — № 10. — С. 31–34; Шубин Л. Начало сознания. О публицистике Андрея Платонова воронежского периода / Л. Шубин // Литературное обозрение. — 1981. — № 9. — С. 100–103.
7. Шубин Л. А. Поиски смысла отдельного и общего существования. Об Андрее Платонове. Работы разных лет / Л. А. Шубин. — М.: Советский писатель, 1987. — 368 с.
8. Шубина Е. От составителей / Е. Шубина // Андрей Платонов: Мир творчества. — М.: Современный писатель, 1994. — С. 3–8.
9. Шубин Л. Критическая проза Андрея Платонова / Л. Шубин // Платонов А. Размышления читателя. Статьи. — М.: Советский писатель, 1987. — С. 3–18.
10. Мытарства идеала (Из дневников Светланы Семенович) // Семенова С. Г. Юродство проповеди: метафизика и поэтика Андрея Платонова; сост., предисл. А. Г. Гачевой. — М.: ИМЛИ РАН, 2020. — 621 с.
11. Малыгина Н. М. Идейно-эстетические искания А. Платонова в начале 20-х годов («Рассказ о многих интересных вещах» / Н. М. Малыгина // Русская литература. — 1977. — № 4. — С. 158–164.
12. Малыгина Н. М. Художественный мир Андрея Платонова в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Н. М. Малыгина. — М., 1992. — 38 с.
13. Цит. по: Малыгина Н. М. Мир, в котором жил Андрей

Платонов. Из воспоминаний жены писателя / Н. М. Малыгина // Отчий край. — 2005. — № 3(47). — С. 85–86.

14. Письма М. А. Платоновой воронежцам. Публикация и предисловие О. Ю. Алейникова // Платоновский вестник. Информационно-библиографический бюллетень. — 2009. — № 4. — С. 23–31.

15. См., например: Малыгина Н. М. Андрей Платонов: поэтика «возвращения»: Науч. изд. / Н. М. Малыгина. — М.: Теис, 2005. — 334 с.

16. Свительский В. А. А. Платонов вчера и сегодня. Сборник статей / В. А. Свительский. — Воронеж, 1998. — 156 с.

17. Скобелев В. П. Масса и личность в русской советской прозе 20-х годов (К проблеме народного характера) / В. П. Скобелев. — Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1975. — 340 с.

18. «Правды о Платонове они боялись...» [интервью

с В. П. Скобелевым] // Платоновский вестник. Информационно-библиографический бюллетень. — 2003. — № 2–3. — С. 41–45.

19. Алейников О. Ю. Человек из легенды / О. Ю. Алейников // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. — 2010. — № 2. — С. 30–36.

20. Ласунский О. Г., Акулов В. Начало пути. (Страницы жизни и творчества А. П. Платонова) / О. Г. Ласунский, В. Акулов // Ласунский О. Литературные раскопки. — Воронеж, 1972. — С. 201–239.

21. Свительский В. Из бесед и переписки с родственниками А. Платонова / В. А. Свительский // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. — 1999. — № 13. — С. 185–202.

22. «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 9. Юбилейный / отв. редактор Н. В. Корниенко; сост. М. В. Осипенко. — М.: ИМЛИ РАН, 2024. — 1040 с.

Воронежский государственный университет

Алейников О. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук

E-mail: oaleinikov@yandex.ru

Voronezh State University

Aleinikov O. U., Candidate of Philology, Associate Professor. Department of Russian literature XX–XXI centuries, Theory of literature and Humanities

E-mail: oaleinikov@yandex.ru

ТВОРЧЕСТВО А. ПЛАТОНОВА В ОТЗЫВАХ В. БОКОВА (ПО ПИСЬМАМ А. ПЛАТОНОВУ 1940-Х ГГ.)

Е. В. Антонова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Поступила в редакцию 10 сентября 2024 г.

Аннотация: статья знакомит с высказываниями о творчестве А. П. Платонова, содержащимися в письмах поэта В. Ф. Бокова 1941–1947 гг. Одновременно с этим уточняется история переписки Бокова с Платоновым в указанный период.

Ключевые слова: А. П. Платонов, В. Ф. Боков, переписка, книга «Река Потудань», рассказ «Семья Иванова».

Abstract: the article introduces the statements about the literary work of A. P. Platonov contained in the letters of the poet V. F. Bokov 1941–1947. At the same time, the history of Bokov's correspondence with Platonov during the specified period is being clarified.

Keywords: A. P. Platonov, V. F. Bokov, correspondence, the book «Potudan River», the story «Ivanov's Family».

Главная цель настоящей публикации — познакомить читателя с отзывами о творчестве А. Платонова, написанными поэтом В. Боковым в крайне непростых жизненных обстоятельствах без какой-либо оглядки на позицию «официальной» критики. Отзывы эти содержатся в письмах к Платонову 1941–1947 гг., выявленных к настоящему времени: 1) от 26 октября 1941 г. (почтовая карточка); 2) от 30 июня 1942 г.; 3) от 22 августа 1944 г.; 4) от 6 декабря 1945 г.; 5) от 3 апреля 1946 г.; 6) от 4 мая 1946 г.; 7) от 28 июня 1946 г.; 8) от 7 августа 1946 г.; 9) от 10 августа 1946 г.; 10) от 28 августа 1946 г.; 11) от 5 сентября 1946 г.; 12) от 9 октября 1946 г.; 13) от 23 января 1947 г. (почтовая карточка); 14) от 30 января 1947 г.; 15) от 20 февраля 1947 г.; 16) от 27 марта 1947 г.; 17) от 10 сентября 1947 г. (почтовая карточка). Письмо 1 отправлено из Чистополя, 2 — из Виленского пехотного училища, базировавшегося в г. Сталинск (совр. Новокузнецк), остальные — из Верхнечebuлинского района Кемеровской области, где осужденный Боков отбывал наказание по статье 58–10, часть II (письма 4, 8, 11, 12, как следует из их содержания, были переданы Боковым с оказией)¹. Из писем можно понять, что ответные послания Платонова Боков получил трижды: 4 мая (письмо Платонова от 22 апреля, см. [2, 196–197]), в начале сентября 1946 г., а также в феврале 1947 г. (письмо Платонова от 7 февраля, см. [2. С. 199]). По архивохранилищам письма распределены следующим образом: 5–8, 16 — ОР ИМЛИ

(Ф. 629), остальные — РО ИРЛИ (Ф. 780)².

Изолированность от литературной и вообще культурной жизни сильно тяготила Бокова, поэтому рефреном практически во всех его письмах звучат просьбы о присылке книг и даже рукописей известных ему до войны рассказов Платонова (справедливым будет отметить, что Боков также просил о присылке вообще любых литературных газет и журналов). Прежде всего, речь идет о книге «Река Потудань», экземпляр которой Боков захватил с собой, уезжая в Чистополь, но позже утратил: «Бесконечно счастлив был бы получить экземпляр “Реки Потудань” — ведь это единственная книга, которую я увез, уходя из Москвы в 41 году! И ее нет со мной теперь» (ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 43. Л. 29 об.).

Желание Бокова довольно скоро исполнилось, но книга была послана ему не Платоновым, прямой контакт с которым тогда еще не возобновился. Вероятно, в то время некоторые известия о жизни Платонова и приветы от него доходили к Бокову через редактора журнала «Дружные ребята» В. Елагина³.

В день получения книги, 3 апреля 1946 г., Боков написал ее автору воодушевленное письмо: «Сегодня в моем сердце так много высоких дум и счастья: я думаю о тебе, я держу в руках сборник “Река Потудань” и не могу оторваться от его строк, затягиваю-

² Общий обзор писем и прочих материалов Бокова, включенных в этот фонд, см. в исследовании В. Шошина [2; 173–175, 194–205].

³ См. в письме от 3 апреля: «Ваши редкие приветы из писем других я получал всегда с трепетом» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 7 об.; письмо 5). В. Елагин упоминается в письмах Бокова от 6 декабря 1945 г., 3 апреля, 4 мая, 28 июня, 9 октября 1946 г., 30 января 1947 г.

¹ Материалы следственного дела Бокова см. [1, 614–632]

щих в пучину бесстрашия мысли, чувства и правды. Я еще раз напишу тебе о том, что в октябре 41 года, когда я все оставил и уезжал из Москвы, я взял только одну книгу с собой, твою “Реку”. И вот много лет с тех пор я не видел ее и не держал в руках, а сегодня — какое счастье — она пришла ко мне из украинских земель, посланная Евдокией Фесенко. Я читаю, перечитываю ее и вижу, что в ней есть самое редкое качество — сколько бы ее ни читал, она не надоедает, и каждый раз все действует и действует на сердце, как хорошая музыка, созданная гением или сердцем народа. Пытаюсь найти, как рассказы сделаны и не могу: таков закон всего редкостного, оно неразложимо. Дорогой Андрей Платонович, я всегда был и остался самым лучшим вашим другом, ваше торжественно-певуче-печальное творчество экзальтировало меня вплоть до какого-то сплошного одухотворения и готовности на подвиг. В ваших строках везде глядит скорбная печаль древнего лика России, той силы, что поила народ и делала его сильным, терпеливым и героически тихим» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 7–7 об.). Написал Боков и о впечатлении, производимом книгой на окружавших его людей: «Я много говорил о вас за все время разлуки и сегодня говорил людям, которые с восторгом читали “Реку Потудань”. Они не знали вас никогда, теперь узнали и прошли не мимо, как по обычному, заезженному прозаику, а полюбили вас и заволновались и вышли из оцепенения и равнодушия в живую мысль и живое слово» (Там же. Л. 7).

Платонов ответил Бокову на это письмо. Долгожданный ответ, написанный 22 апреля, достиг адресата уже 4 мая. И в тот же день Боков написал странное письмо, начинавшееся словами: «Дорогой, незабвенный Андрей Платонов! Я не пишу Платонович, потому что хочу подчеркнуть всю красоту, всю значительность для меня этого литературного имени. Сегодня утром увидел ваш почерк и обрадовался ему до биения сердца, которое все еще чувствует и не становится камнем. Я хорошо помнил ваши рукописи, писанные неизменно простым карандашом, ваши щедрые интервалы между строк и ваш неспешающий, задумчивый, мудрый почерк, в котором даже пометки опрятны и не пугают и не нервируют⁴. И вот он передо мной. Как дорого! С того дня, как я писал вам о книге, я не расстаюсь с ней, и каждый день читаю ее и слушаю ее великую, значительную, печальную музыку. Уверен, что в целом свете нет еще такого читателя вашего, каким являюсь я; неисходно щедро требует и требует моя душа чтения ваших фраз. Можно поверхностно заключить, что это происходит потому, что я лично знал вас. Но ведь я знал лично и Пастернака, и Федина, и Пришвина, и Л. Леонова, и В. Иванова — но почему же никто так не приковал,

⁴ По некоторым письмам Бокова к Платонову можно видеть, что иногда он даже подражал почерку Платонова.

как Андрей Платонов?» (Там же. Л. 8).

Далее Боков с упоением погружается в анализ рассказов сборника, начиная с «Такыра» и «Фро»: «Тут один из читателей, бывший зам. председателя московского облсуда, дававший срока и ныне сам схвативший пятнадцать, дующийся и пыжающийся в ценители истинной литературы, сказал мне о том, что сцена с Заррин-Тадж и Атах-Бабой на песке натуралистична. Я улыбнулся, я даже не стал возражать ему, а сам подумал, что такой величественной, библейски-красивой и беспощадной в трезвости видения сцены я не знаю ни у кого из русских писателей⁵. Глаза Атах-Бабы “не устающие и не счастливые” преследуют меня, — это фразы гения. Движущийся под Заррин-Тадж песок пустыни исполнен какой-то загадочной символической тайны, в которой угадан великий смысл всего бытия, зарегистрированного на земле не только человеком, не только сверчком или кузнечиком, но даже и песчинкой! Для меня полностью приемлема эстетика вашего словаря, например, исключительно привлекательная фраза “река громила чинару под корень”, при помощи слова “громила” утверждается маленький драматический конфликт, в котором река буйствует и громит чинару, а чинара тоже буйствует и не сдается реке, встречаются две силы и в этой встрече, несмотря на борьбу, жертв нет. Мало того, чинара даже камень берет и подымает вверх, вживая его в себя. Что-то есть веселое и грозное в этой фразе. Так могут писать только поэты, понимая поэта не в условности размера и рифмы. Везде, в каждой фразе какое-то слитное, нерасторжимое поэтическое единство и мастерство. Даже такая фраза из “Фро” — “этот волос мог принадлежать только Федору” обнаруживает художника, сим сказано: Фро была верна Федору. Это от ее имени сказано, она-то уж знает! А напиши фразу — “Фро была верна Федору” — запахло бы бульварщиной, плохой прозой. Везде истинный вкус, везде умное художество, о котором у нас много говорят, но часто не видят. В рассказах о любви нет эротики: писать о любви — это испытывать себя на самой трудной пробе вкуса, нигде у вас нет оступлений <sic!>, везде истинный вкус» (Там же. Л. 8–8 об.).

Особенно интересными кажутся в этом письме размышления над одним из самых загадочных

⁵ Этот сюжет, связанный с «Такыр», будет повторен и в письме Бокова от 10 августа 1946 г.: «...встречающиеся на пути люди — все дилетанты и им надо начинать преподавание закулисной истории литературы с азов. Например, один из таких лжезнатоков литературы, прочтя рассказ “Такыр”, сказал, что сцена любви Атах Бабы с Заррин Тадж полна грубости и натурализма. Что я ему мог сказать? Улыбнуться и все, от бессилия озлиться на убогого умишку. Сцена эта одна из шедевров русской литературы, она торжественна, библейски красива, она не имеет себе равных» (ИРЛИ. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 30; письмо 9).

рассказов Платонова, давшим название всей книге: «В рассказе “Река Потудань”, мне кажется, вы испугались и не сказали всего в угоду большинства людей, созданных на размножение, Никита же Фирсов создан на удивление <sic!>⁶ — это великая душа. Вы говорите — “однако Никита не узнал от близости с Любой той высшей близости, что знал раньше”. Это верно истине, но чтобы оправдаться у большинства, он познал бедное, но необходимое наслаждение, с помощью жестокой и жалкой силы. Вы хотите сказать, что творческая, духовная сила любви выше и сильнее производящей людей, да — это мысль гения, она за пределами, но уж взялся, не трусь. Эта мысль выше медицинского патолого-анатомического диагноза состояния Никиты и его любви, вот почему тот же читатель, что обвинил вас в натурализме за сцену на песке, обвинил вас и в “Реке” за чудеса потенции Никиты. Я почти разрастаюсь в критическую статью своим письмом, но пойми меня, дорогой Андрей, что с октября 41 года я не встретил действительно глубокого собеседника по нашему высокому поприщу — а ведь я им жил, я был счастлив, когда говорил с вами у вас целые сутки, и когда вы на вопрос Марии Александровны “Сколько же вы можете говорить с Витькой?” отвечали: “До полного обветшания!”» (Там же. Л. 8 об. — 9).

Не будучи уверенным, что его письмо от 4 мая получено, в следующем письме от 28 июня 1946 г. Боков вновь пишет о книге: «Не знаю, получили ли вы мое письмо со стихами — ответ на ваше апрельское письмо. В нем я подробно писал свои новые впечатления от “Реки Потудани”, которую здесь имею и читаю каждый день по две — по три странички. В ее ритме я чувствую великое, терпеливое напряжение жизни; в ней есть торжественность Шекспира. Один из моих новых знакомых, мудрый старичок русский прочитал и сказал “великая музыка”. Это так» (Там же. Л. 11).

Читая в лагере «Реку Потудань», Боков знал уже о существовании книг Платонова военного времени — «Рассказы о Родине» и «В сторону заката солнца». О них говорилось в статье О. Грудцовой «Рассказы Андрея Платонова» в журнале «Новый мир» (1945. № 8), присланном Бокову Елагиным. Начиная с 3 апреля 1946 г. вплоть до февраля 1947 г., просьба о присылке теперь уже этих книг рефреном будет звучать практически в каждом письме к Платонову⁷, как и просьба прислать рукописи рассказов «Родина электричества», «Июльская гроза», «Жизнь в семействе» (опубликованная редакция рассказа «Среди животных и растений»), «В прекрасном и яростном мире» и др. Эта просьба, к сожалению, не была выпол-

нена, иначе в письмах Бокова мы имели бы возможность читать сейчас отзывы и на военные рассказы. Однако в начале 1947 г. Боков прочел в «Новом мире» (1946. № 10–11) рассказ Платонова «Семья Иванова», узнал он и о разгромной критике этого рассказа. Свою осведомленность Боков обнаруживает в письме от 30 января 1947 г.: «Из письма Елагина я узнал, что вам очень плохо, туберкулез и разрушительные палочки Ермилова⁸ мешают жить» (ИРЛИ. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 38). А 27 марта в Москву отправляется большое письмо, призванное поддержать Платонова: «И до нашего глухого уголка дошло печатное слово ваше, освещенное светом правды и разума. Я хочу вас обрадовать: вы написали истинно-народный рассказ. Когда я прочитал подвальную статью в “Правде”⁹ и слова “обывательский, грязноватый, пошлый рассказец”, я сразу насторожился и в злопахательстве необоснованных эпитетов оценки увидел не критику, а старые, личные счеты и сознание: можно отомстить, подходящее время. Теперь, когда я прочитал рассказ, я хочу зажечь вас радостью и этой радостью нейтрализовать инъекцию критического яда, который так или иначе у вас должен был от всей этой шумихи быть. Рассказ истинно народен потому, что он отвечает на вопрос миллионов современных людей, пришедших с фронта в оставленные семьи. За четыре-пять лет разлуки редкий мужчина или женщина не изменили хотя бы раз, если не физически, то хотя бы в минутных помыслах о возможности физического сближения с мужским или женским началом вна брачного закона и брачной верности, потому что таковую брачную близость нельзя было в эту минуту иметь. И вот вновь сходятся два разлученных, имеющих детей. Они узнают друг о друге — это их оскорбляет лично. Как тут быть? Многие уходят, бросают детей. Как тут быть? — Задаете вы вопрос народу всему нашему — и отвечаете на него: семья как основной очаг воспитания человека, воспитания детей, выше всего, выше мелких ссор и ревностей. Ответ мудрый и справедливый, он осторожно поучает народ. Он в высшей степени нравственен той нравственностью, которой Л. Толстой не находил у Мопассана. <...> В рассказе вы женщину ставите выше мужчины. Это хорошо. Так уже повелось, что женщина обязана быть верной, а мужчине можно пошалить. Вы это разбиваете. Да, к женщине мы должны быть снисходительнее. Она — мать, она — рождает детей и в основном растит их — может ли быть более героически-трудного подвига, чем этот? Итак, дорогой друг, жму руку, целую Вас, сыновней

⁸ Боков обыгрывает название возбудителя туберкулеза (палочки Коха), имея в виду критическую статью критика В. Ермилова «Клеветнический рассказ А. Платонова» (Литературная газета. 1947. 4 января. С. 4).

⁹ Речь идет о статье А. Фадеева «О литературно-художественных журналах» (Правда. 1947. 2 февраля. С. 3).

любовью своей по-прежнему всей душой люблю вас, как кровного литературного отца» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 5–6 об.).

Боков высказывается не только о проблематике рассказа, но и об изменениях в стиле Платонова: «Все мои знакомые здесь читают рассказ и говорят: “Да, правдивый, жизненный рассказ”. Прекрасно написан разговор отца Иванова с Любой, момент эгоистического ожесточения ревности. Может быть, Петруша немного навязчиво серьезен, но это сгущенные краски, прием гротеска, пафоса найденной черты характера. А меня как самого внимательного читателя вашего удивило новое качество в вашем творчестве. Типично ли оно для всех ваших рассказов времени Войны — не знаю. “Семья Ивановых” <sic> написан без обычного вашего стилизового воодушевления строя фразы. Очевидно, вы немного поустали и свою буйность поэтического напряжения письма сменили на эпическую спокойность разума. Почти нет эпитетов, все просто — этим рассказ всем рядовым, неподготовленным читателям ближе. Мастерство высшего порядка доступно очень немногим. Даже среди писателей очень немногие его чувствуют и понимают, большинство восторгается им по инерции и по рабской опаске, как бы не попасть в число непонимающих» (Там же. Л. 6–6 об.)...

Считая Платонова «кровным литературным отцом», Боков отдавал должное и другим своим учителям: «Три имени для меня остались дорогими, как учителя: Платонов, Пришвин, Пастернак. Последний не влиял на меня при личном общении, но когда я с ним расстался, то он ожил в моей крови, как-то преломляясь через Русь и народность слова» (Там же. Л. 14 об.; письмо 8), «Мне написал письмо Пришвин, чему я очень рад. Ведь я у него в доме вырос, и он материковый писатель, от земли и от России. Он поэт. Сначала я учился у него, потом у вас, и еще много оказал влияния на меня Пастернак — вот эти три П с большой буквы в моей крови. И вы не обижайтесь, что я вас в себе совмещаю и вы во мне не ссоритесь, а цементируете душу» (ИРЛИ. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 40–40 об.; письмо 15). Нет, однако, оснований не верить тому, что Платонов занимал среди перечисляемых первое место. Именно Платонову Боков вверил свою судьбу, пытаясь в августе 1944 г. передать из заключения письмо Сталину: «Все, что сказано в большом письме к человеку, воплотившему в своем имени волю народов, я считаю достаточным для моего возвращения — большего я ничего сделать не могу. Вы единственный, кто может сделать вручение его лично Ему через Шолохова. <...> Если письмо это получит лично он, я надеюсь на то, что он все поймет и решит. <...> В Москве у меня никого больше нет, кто бы мог скорее Вас сделать это» (Там же. Л. 27 об.—28; письмо 3)¹⁰.

¹⁰ Судьбой этого письма Боков интересуется позже

Очевидна искренность Бокова, когда в состоянии близком к отчаянию он пишет в августе 1946 г.: «Дорогой Андрей Платонович, я по вас много раз смертно начинал тосковать. Никто для меня не был такой сильной опорой и таким сильнодействующим средством в импульсах жизни и творчества, как вы. Так и осталось. Не раз я загорался весь при воспоминании о вас и о той нежной дружбе моей с вами, которая у нас была. Я чувствовал так много отеческой заботы вашей на себе. Когда, случалось, мы прощались поцелуем <...> в этом выражалось мое обожание вас и преклонение перед вами как перед истинным творцом со скромным мыслящим напряженным лицом, с печалью серых глаз и постоянной внутренней работой над собой. А с вашей стороны чувствовалась в поцелуе любовь и желание, чтобы я сделал много в искусстве. Я бесконечно много раз думал о вашем творчестве, я слышу его пульс, слышу его трагически красивое напряжение; мелодия ваша порой не сложна, но она настолько глубока, что доходит до физической силы. Пожалуй, основная ваша канденция: мир прекрасен и яростен. Вы срываете все маски с красивой мишуры обмана, развенчиваете пускание прекраснотных слюней и иллюзий, вы показываете, что за добром постоянно охотится зло и настораживаете это добро против наветов зла. Кажется мне, что о вашем творчестве я читал бы целый курс литературы. Люблю, люблю вас, Андрей Платонов и хочу, чтобы вы жили, и хочу прочесть вам все написанное за время разлуки. Побегите сильно, еще лучше встану на ноги; похвалите очень — тоже возрадуюсь и загорюсь» (Там же. Л. 31–31 об.; письмо 10).

«Смелый и беспощадный писатель с пророческой решимостью» (Там же. Л. 26 об.; письмо 2), «самобытный драгоценный камень в сияющей короне духа нашей нации, нашего народа» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 13; письмо 7), «истинный друг духа, мысли, красоты и моего народа» (Там же. Л. 15; письмо 8), «незабвенный рыцарь художества» (ИРЛИ. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 41; письмо 17) — так, поэтически возвышенно, именовал Боков Платонова, и предвкушал, переходя на восторженное ты: «...когда я тебя увижу, это будет для меня счастье. Я сразу взмою высоко, как орел» (Там же. Л. 36 об.; письмо 12)...

Личное общение двух писателей продолжилось и по возвращении Бокова из Сибири. В архиве Платонова, поступившем в ИМЛИ, сохранились подборки стихов Бокова 1948–1949 гг., часть которых —

в письмах 1945, 1946 гг.: «Но что слышно с тем письмом — кому его передал Шолохов? Никаких следов» (ИРЛИ. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 29; письмо 4); «Где мое письмо И. В. С<талину>? Сейчас бы по нему могли что сделать» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 9 об.; письмо 6); «Кому и когда передали мое письмо И. С<талину>? Не надо ли написать еще? Кому? Как? Сообщите мне. Поверьте, что больше нельзя» (Там же. Л. 13 об.; письмо 7).

с посвящением «А. П.», юмористические записки, призванные поднять настроение больного друга... и среди поздней переписки такое вот свидетельство попыток творческого сотрудничества: «Пробовал я [Боков.— Е. А.] писать “Ноев ковчег”, но все сжег: сплошная дрянь идет из-под пера. Может, как<нибудь> пойдет с другого бока. <...> Может быть, мы с тобой доработаем мою пьесу “Дуб идет” и дадим в театр, т.к. “Брат океана”¹¹ остыл от этого и вряд ли с ним я впрягусь в одно ярмо — слишком разные кисти у нас. А потом, тема “Ноева ковчега” только лишь политическая, а на моих ладонях таких углей не держать, просыплю. Да и тебя надо двоим за руки держать все время, чтобы не ударил кому в ухо. Вот

¹¹ Подразумевается писатель А. Кожевников, автор романа «Брат океана».

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Антонова Е. В., кандидат филологических наук, стар-
ший научный сотрудник
E-mail: antonova.imli@gmail.com*

сказки я могу помогать делать <...> Числа десятого декабря я зайду и потолкуем обо всем»(ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 25; письмо от 1 декабря 1949 г.).

Все эти материалы еще требуют дальнейшей разработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Мы предчувствовали польханье...» Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 — сентябрь 1945 г. Документы и комментарии. — В 2 т. — Т. 2. Кн. 1 / Рук. коллектива Т. М. Горяева; сост. В. А. Антипина, З. К. Водопьянова, Т. В. Домрачева. — М.: Политическая энциклопедия, 2015. — 768 с.

2. Шошин В. А. Из писем к Андрею Платонову. (По материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома) / И. А. Василенко // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. — СПб.: Наука, 1995. — 357 с.

*A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian
Academy of Sciences
Antonova E. V., PhD in Philology, Senior Researcher
E-mail: antonova.imli@gmail.com*

ЭЛЕМЕНТЫ ГОГОЛЕВСКОЙ ПОЭТИКИ В ПЬЕСЕ А. ПЛАТОНОВА «ШАРМАНКА»

А. Ю. Грязнова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 июля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается функционирование элементов гоголевской поэтики в комедии А. Платонова «Шарманка». Раскрывается значение миражной интриги и категории пустоты в пьесе, прослеживается связь мотивов и образов «Шарманки» с произведениями Н. Гоголя «Мертвые души» и «Ревизор».

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, А. Платонов, «Шарманка», миражная интрига, фигура фикции.

Abstract: the article explores the use of Gogol's literary techniques in A. Platonov's play "Barrel Organ". It examines the significance of the mirage intrigue and the concept of emptiness in the work, as well as the connection between the motifs and images in "Barrel Organ" and the works of Nikolai Gogol, such as "Dead Souls" and "The Government Inspector".

Keywords: N. Gogol, A. Platonov, «Barrel Organ», mirage intrigue, figure of fiction.

На точки пересечения поэтики Н. Гоголя и А. Платонова указывали многие исследователи, отмечая как совпадение отдельных мотивов, тем и образов [1], так и мировоззренческое сходство обоих писателей [2], [3]. Н. Гоголя и А. Платонова роднит сатирическое осмысление действительности, склонность к изображению трагикомических явлений, пристальное внимание к категориям смерти, пустоты, «ничто». Последней, в частности, посвящена статья В. Грекова, рассматривающая роль «фигуры фикции» и «миражной интриги» в повести А. Платонова «Котлован». Исследователь возводит к гоголевской манере изображения абсолютизацию и в то же время сближение категорий «всё» и «ничто», существующую в повести как на уровне стиля (герои «Котлована», как отмечает В. Греков, не раз повторяют о себе: «Я — ничто»), так и на уровне пространственно-временной организации (строительство дома оборачивается углублением котлована). В то же время В. Греков фиксирует и ряд отличий, например: «...Миражная интрига у Гоголя строится на самообмане действующих лиц, поверивших в значительность некоего незначительного лица, "пустышки"... В основе самообмана героев "Котлована" — вера в значительность идеи, на самом деле не значительной, а абсурдной» [3, 228].

Разговор о категориях фикции, миражности и пустоты, связывающих художественные системы Н. Гоголя и А. Платонова, как нам кажется, мог бы быть дополнен анализом пьесы А. Платонова «Шарманка», работа над которой была завершена в 1931 году [4, 647]. За два года до этого А. Платонов, обсуждая в переписке с М. Горьким возможность публикации,

а затем инсценировки романа «Чевенгур» (ни того, ни другого добиться не удалось), получает от М. Горького письмо, содержащее фразу, ставшую впоследствии широко цитируемой: «Во психике Вашей, — как я понимаю ее, — есть сродство с Гоголем. Поэтому: попробуйте себя на комедии, а не на драме» [5, 512]. Конечно, нет оснований полагать, что «Шарманка» является прямым откликом А. Платонова на этот совет, однако характер интриги пьесы, принцип развития действия, отдельные реплики персонажей обнаруживают некоторое сходство с гоголевскими произведениями.

Главную сюжетную линию «Шарманки» составляет попытка приезжего иностранного профессора Стерветсена и его дочери Серены приобрести «ударную душу» СССР для Западной Европы. В сюжете продажи / обмена души Н. Дужина отмечает аллюзию на «Мертвые души» Н. Гоголя, подчеркивая, что в 1930-е годы писатель развивает эту тему особенно настойчиво» [6, 521]. Понятие «душа» получает в тексте пьесы различные наименования-замены. Сначала это «психия ударничества», «небесная радость земного труда», «энтузиазм» [4, 201]. Душа понимается как нечто коллективное, единое для всех, но при этом находящееся вонне людей («башня надлежащей души» [4, 201]). Затем она приравнивается поочередно к «надстройке» («...Вы обрадуете всю пан-Европу, если отпустите нам горячий дух из вашей государственной надстройки» [4, 226]), затем к «установке» («Папа... Купи тогда Европе установку. Надстройку им ведь жалобно дарить!» [4, 203]) и, наконец, «директивке» («Купи, папа, директивку. Надстройку экстремизма ты купишь после вдалеке» [4, 202]). Постепенная подмена «души» «директив-

кой» осуществляется незаметно для иностранцев и создает комический эффект, в частности, в эпизоде, когда Стерветсен и Серена обменивают привезенные с собой европейские наряды на документы, обращающиеся в потребительском кооперативе, полагая, что именно в них и заключена «душа» социализма. Заведующий кооперативом Щоев одобрительно относится к этому обману, видя в нем своего рода диверсию против Европы: «Бюрократизм... Движем его на капитализм — и фашистам конец»; «...из бумаги оформим душу — и пустим к ним ее: пускай тогда плачут...» [4, 229]. В то же время у читателя возникает вопрос о наличии души у самого Щоева и его заместителя Евсея, которые отпускают голодающим людям клей и мухобойный порошок, хотя в кооператив «прут» птица и рыба. Однако заготавливать ее без соответствующей «установки» Щоев запрещает. Подмена души бумагами и документами происходит, таким образом, и в самих руководителях кооператива, которые не могут принимать никаких самостоятельных решений в отсутствие циркуляров «сверху»: «Десять суток циркуляров нет — ведь это ж жутко, я линии не вижу под собой!», — жалуется Щоев [4, 203].

В «Шарманке», как и в гоголевской поэме, присутствует мотив механистичности и машиноподобности. Но если у Н. Гоголя его назначение — подчеркивать «неживость» и бездуховность героев (губернаторская дочка, похожая на фарфоровую куклу; механически повторяющиеся действия персонажей), то у А. Платонова, трепетно относящегося к машине и видевшего в ней «живой удивительный и точный образ» человека [7, 40], этот мотив наполняется иным смыслом. По А. Платонову, «одухотворены» могут быть в равной степени и люди, и машины, если они объединены общим трудом спасения человечества. Поэтому в «Шарманке» ощущается сочувственное отношение автора к Кузьме — механическому созданию, изобретенному «бродячим культработником» Алешей и становящемуся к финалу пьесы все более «человечным», но не к Щоеву и Евсею, которые даже перед смертью просят бумагу и чернила, чтобы написать расписку, «что согласны кончатся» [4, 239]. Машиноподобность героев у Н. Гоголя — признак «омертвления» души, утраты того, что было. У А. Платонова взаимное подобие людей и машин — свидетельство их родства и общей судьбы.

С мотивом автоматизма и механистичности связаны заглавный образ пьесы и принцип построения сюжета. Особенностью сюжета «Шарманки» является то, что он движется не событием, а словом. Слово создает новые коллизии и новые взаимоотношения между персонажами, тут же претворяясь в действие. Так, например, на протяжении пьесы многократно меняется отношение Алеши и Мюд к Кузьме, который оказывается то «бедным» и «любимым» [4, 198], то «оппортунистом» и «буржуазным угожденцем»

[4, 234] в зависимости от того, какой лозунг — контрреволюционный или в поддержку социализма — он произнесет. В финале пьесы Алеша называет Кузьму оппортунистом, а затем разбирает его, объявив, что оппортунизм теперь уничтожен. Так же легко и логически немотивированно совершается кульминационное событие пьесы — превращение романтика-изобретателя Алеши, мечтающего о социалистическом преобразовании мира, в «присмиривца», «вредителя» и «классового врага» — лишь по причине обвинения во вредительстве, которое выдвигает ему Щоев. Художественный мир платоновской пьесы — это мир, в котором любое явление тут же может перейти в свою противоположность, а настроения героев, их оценки окружающего меняются так же легко, как мелодии в шарманке. При этом каждый из героев вроде бы преследует свою цель: Стерветсен — приобрести ударную социалистическую душу, Щоев — выгоднее ее продать, странствующие культработники Мюд и Алеша — в буквальном смысле прийти в социализм. Однако цель эта выглядит призрачной, постоянно меняет формы (душа — установка — «директивка») или отдалается от героев, что позволяет охарактеризовать интригу пьесы как миражную.

Понятие «миражности» первым ввел, применительно к фельетонному творчеству Н. Гоголя, А. Григорьев, определив его как «форму без содержания, движение без цели» [8, 251]. Позже (уже применительно к гоголевской драматургии) Ю. Манн вводит понятие «миражной интриги», на которой строится сюжет комедии «Ревизор» и суть которой состоит в том, что действие развивается «в убыстряющемся темпе и целенаправленно», однако цель при этом «заранее убрана» [9, 224]. «Миражностью» интриги «Ревизора», по мнению исследователя, определяется и характер гоголевского гротеска, основанного на алогизме, несоразмерности причины и следствия, содержания и формы: ничтожности фигуры Хлестакова — и грандиозности того эффекта, который производит его появление в городе.

Похожим образом сюжет платоновской «Шарманки» строится вокруг попыток героев достичь постоянно отдалающейся и меняющей очертания цели. Их фразы и поступки часто выглядят нелогичными, потому что являются реакцией не на явления действительности непосредственно, а на понятия и категории, которыми эти явления обозначаются. Поэтому герои пьесы постоянно задают друг другу вопросы «что это?» или «кто это?» и действуют, основываясь на ответе:

Мюд. <...> Алеша, она — что?

Алеша. Зажиточная, должно быть.

Кузьма. ...Ххады... [4, 200]

В сценах, связанных с Щоевым и другими кооперативными служащими, такого рода диалоги приобретают остросатирический характер:

Шум ветра над учреждением, крики птиц.

Щолев. Евсей, это что такое?

Евсей. Это, Игнат Никанорович, новый квартал наступает, по-старому — весна!

Щолев (*задумчиво*). Весна... Хорошая большевистская эпоха!

Евсей. Терпимая, Игнат Никанорович.

Мюд. Сейчас весны нету, она уже давно прошла. Сейчас лето наступило — строительный сезон!

Щолев. Как лето?!

Евсей. Да это все равно, Игнат Никанорович. Только ведь погода меняется, а время одинаковое [4, 208].

Действие почти всей пьесы, за исключением экспозиции, в которой странствующие по «бесконечному ландшафту» Алеша и Мюд встречают Стерветсена и Серену, и развязки, в которой строители ликвидируют кооператив, разворачивается в замкнутом пространстве учреждения, за стены которого Щолев не выглядывает, поэтому и не знает, какое снаружи время года. Его взаимодействие с городом осуществляется через переговорную трубу, как взаимодействие с предполагаемыми (но не появляющимися в тексте пьесы) органами власти — через циркуляры. «Миражность» «Шарманки» связана, таким образом, с абсолютной оторванностью людей, наделенных властью, от реальной жизни и насущных проблем человека. На этом основаны гротескные ситуации, переводящие звучание пьесы — комедии по авторскому определению — в трагическую тональность. Так, вместо того, чтобы накормить голодающих пайщиков птицей, рыбой или грибами, которых в кооперативе в избытке, Щолев требует организовать «вечер испытания новых форм еды», на котором герои едят котлеты из чернозема и кашу из саранчи.

Эта сцена «Шарманки», по наблюдению Н. Дужиной, насыщена библейскими аллюзиями и представляет собой «альтернативу причастию»: «“хлебу жизни” герои предпочитают “научную” пищу» [6, 525]. Если истинный смысл причастия — в обретении единства людей с Богом, то описание совместного принятия пищи в «Шарманке», наоборот, демонстрирует предельную разобщенность героев. Пока кооперативные служащие едят и танцуют, в окна заглядывают голодающие жители города и выпрашивают еду: «Один из гостей-служащих подходит к окну и открывает его. Врывается шум района и постепенно затихает. Три полудетских лица появляются в окне и глядят в учреждение. Гость-служащий равнодушно обдаёт те лица дымом, который выходит далее во мрак районной ночи» [4, 223]. Сцена «испытания новых форм еды» ярче всего демонстрирует фиктивность кооператива, созданного для того, чтобы обеспечивать людей продовольствием, но увязшего в бессмысленной деятельности. Учреждение, в котором совершается карнавализованное причастие, представляет собой пространство фикции, миража, лишенных содержания форм. Голодающие же дети

и пустынный районный пейзаж за окном воплощают собой реальность, знакомую современникам А. Платонова и понятную читателю / зрителю 1930-х годов, наблюдавшему последствия сплошной коллективизации.

Разобщенность людей проявляется и в характере диалогов. А. Платонов использует многозначность слов, создающую эффект беспредметности разговора между персонажами: формально герои говорят об одних и тех же вещах, однако понимают их по-своему:

Мюд (*бросается на Серену*). Ты дурочка капитализма! Алеша всю вашу Европу расстроит — вот что!

Серена. Ах, я уже расстроена... [4, 233]

То же ощущение одиночества и покинутости людей на самих себя создается в пьесе за счет нарушения субъект-объектных отношений. Так, Стерветсен, согласившийся обменять свои костюмы, привезенные из Европы, на «директивки», получает от Евсея циркуляр «о принципах самовозбуждения энтузиазма» [4, 229], Щолев требует от Годовалова организовать «самобичевание».

Трагедию разобщенности людей, по мнению Ю. Манна, воспроизводит и Н. Гоголь в «Ревизоре», герои которого лишь на время объединяются чувством страха перед надвигающейся катастрофой. В финале эти кратковременные связи разрушаются, обнажая «страшное раздробление» жизни [9, 227]. Для А. Платонова также характерно понимание одиночества и разобщенности как главной проблемы человечества. В 1920-е годы надежды на их преодоление он связывает с коммунизмом, понимаемым как товарищество, «дружество», «напряженное сочувствие между людьми» [4, 17] — то есть то, что достигается работой души, а не исполнением циркуляров и директив. 1931-й год, когда была завершена «Шарманка», был объявлен годом завершения «фундамента» социализма [4, 666], что давало художнику повод для подведения неких промежуточных итогов социалистического строительства. Как и «Котлован», написанный годом раньше, «Шарманка» ставит вопрос о том, что будет возведено на этом фундаменте.

Завершение развития «миражной интриги» и в «Ревизоре», и в «Шарманке» связано с бумагой, документом, который в обоих произведениях замещает собой непосредственное взаимодействие между героями. В комедии Н. Гоголя завязка и развязка действия осуществляется посредством письма. Прямого столкновения между городскими чиновниками и настоящим ревизором Н. Гоголь не изображает, сохраняя таким образом атмосферу призрачности вокруг этой фигуры, которая важна в пьесе не как конкретный человек, а как идея возмездия и справедливости. При этом с исчезновением миража завершается и само произведение. Фиктивные связи, объединяющие героев, распадаются, обнаруживая стоящую за ними пустоту, и герои на полторы ми-

нуты застывают в немой сцене перед тем, как уйти в небытие.

В комедии А. Платонова, построенной по закону мгновенного воплощения слова в действии или событии, Щоев обнаруживает среди бумаг, в гневе возвращенных Стерветсеном для обратного обмена на одежду, решение о ликвидации кооператива, после чего на сцене появляются рабочие, которые в буквальном смысле осуществляют эту ликвидацию, демонтируя учреждение на глазах зрителей. Однако исчезновение миража у А. Платонова не означает, как у Н. Гоголя, завершения сюжета. Слова рабочего: «Вы нам весь путь загородили», — предполагают, что за пределами учреждения протекает другая жизнь, и на месте уничтоженного кооператива будет построено что-то новое. Для А. Платонова, как для художника XX века, пустота (завершает пьесу все тот же образ «бесконечного ландшафта») не конец, а источник новых сюжетов и смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасев Л. В. «Предыдущего не считайте здравым...» (Гоголь и Платонов: об одной параллели) // Л. В. Карасев. Гоголь в тексте. — М.: Знак, 2012. — С. 219–223.

Воронежский государственный университет

*Грязнова А. Ю., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук*

E-mail: gryaznova@phil.vsu.ru

2. Пескова М. Н. В. Гоголь и А. П. Платонов — постановка проблемы / М. Н. Пескова // *Literaria humanitas*. — № 15. — Brno, 2010. — С. 293–298.

3. Греков В. Необычное в прозе Гоголя и Платонова («Фигура фикции» и «миражная интрига») / В. Греков // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. — М.: Наследие; Наука, 1994. — С. 218–229.

4. Платонов А. П. Сочинения. Научное издание / А. П. Платонов. — Т. 4. — Кн. 2. — М.: ИМЛИ РАН, 2020. — 842 с.

5. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. / М. Горький. — Т. 19. — М.: Наука, 2017. — 1000 с.

6. Дужина Н. И. Мелодии шарманки (Цитата и аллюзия в пьесе «Шарманка») / Н. И. Дужина // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. — Вып. 5. — М.: ИМЛИ РАН, 2003. — 984 с.

7. Платонов А. П. Да святится имя твое // Платонов А. П. Сочинения. Научное издание. — Т. 1, Кн. 2. — М.: ИМЛИ РАН, 2004. — 514 с.

8. Григорьев А. А. Ф. Достоевский и школа сентиментального натурализма // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. — М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1936. — С. 249–256.

9. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя / Манн Ю. В. — 2-е изд., доп. — М.: Худож. лит., 1988. — 413 с.

Voronezh State University

*Gryaznova A. Yu., Doctor of Philology, lecturer of the
Department of the Russian Literature of the 20th and 21st
Centuries, Theory of Literature and the Humanities*

E-mail: gryaznova@phil.vsu.ru

«ПЛАТОНОВ СОВСЕМ ДРУГОЙ ЧЕЛОВЕК И ДРУГОЙ ПИСАТЕЛЬ»: «СОКРОВЕННЫЙ» МИР АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Т. А. Никонова, С. В. Азизова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 сентября 2024 г.

Аннотация: статья рассматривает процесс формирования поэтики советской литературы на примере творчества Андрея Платонова начального периода его творчества. Один из тезисов, которые выдвигают авторы, состоит в утверждении, что Андрей Платонов является писателем нового типа, биография и творчество которого стали фактом искусства послереволюционной эпохи. Суть второго тезиса состоит в том, что предметом размышлений писателя, несмотря на его увлеченность идеями революции, был русский человек и русское мышление.

Ключевые слова: советская литература, русский писатель, Андрей Платонов, революция.

Abstract: the article examines the process of forming the poetics of Soviet literature on the example of Andrei Platonov's work of the initial period of his work. One of the theses put forward by the authors is the statement that Andrei Platonov is a new type of writer, whose biography and work have become a fact of art of the post-revolutionary era. Russian people and Russian thinking were the subject of the writer's reflections, despite his fascination with the ideas of the revolution.

Keywords: Soviet literature, Russian writer, Andrey Platonov, revolution.

Процесс рождения нового художественного сознания, новой литературной теории есть одновременно и рост личности художника и мыслителя. В. Келлер, автор первой статьи об А. Платонове периода его воронежской юности, уже тогда отметил цельность его личности. «Я говорю о нем, как о человеке, ибо он и то, что он пишет, — одно. И какая цена искусству, если оно не открывает человека?» [1, 159].

Л. А. Шубин, автор основополагающих работ об А. Платонове, отметил в одной из своих статей: «Русская литература, и в этом ее величие, с замечательной полнотой, глубиной и искренностью поведала нам о духовной жизни русской интеллигенции, о ее путях и судьбах, об этапах ее развития. Поведала о том народолюбии, которое, по словам А. Блока, “с екатерининских времен проснулось в русском интеллигенте <...> и с той поры не оскудевало”» [2, 202].

Разумеется, о народолюбии русской интеллигенции и «старой» русской литературы писал не только Л. А. Шубин. Более перспективно, с нашей точки зрения, его замечание, характеризующее принципиальную новизну советской литературы, которую исследователь увидел в том, что и миф о народе, существовавший в русской литературе XIX века, был частью «духовной жизни русской интеллигенции», ее революционизирующим содержанием. Однако при этом человек из народа, замечает Л. Шубин, «прямо и непосредственно выразить себя в искусстве до революции ... не мог.

Советская литература шла по первопутку» [2, 203].

В этом, с нашей точки зрения, одна из первоочередных задач советской литературы, шедшей «по первопутку». В ней должен был появиться новый писатель, сложиться его мировоззрение, его понимание искусства, однако прямых формулировок и деклараций было явно недостаточно. Надо было «прямо и непосредственно выразить себя в искусстве» для того, чтобы стать голосом и сознанием тех, кто был лишен этой возможности до революции. Предстояло преодолеть инерцию «старого» искусства, устоявшихся литературных канонов. Нужен был читатель, владеющий новым сознанием, откликающийся на искреннее слово писателя.

В. Келлер, отметивший цельность личности молодого писателя А. Платонова, коснулся этой первоочередной задачи, поставленной самим временем. Подтверждают верность замечания В. Келлера слова А. Платонова, отметившего важную для него неразделимость жизни и искусства. Отвечая критикам, исходившим из устоявшихся стереотипов, начинающий писатель обозначил не только свою позицию, но и задачи новой литературы: «Я живу, не думаю, а вы, рассуждая, не живете — и ничего не видите, даже красоту, которая неразлучна и верна человеку, как сестра, как невеста» [3, 68].

Удивительно точно это внутреннее самоощущение молодого Платонова через десятилетия, в эпоху очередной смены смысловой и эстетической парадигмы, понял В. Г. Распутин. «Мы уже привыкли к тому роду литературы, который был у нас в девятнадцатом веке и продолжился в веке двадцатом. Существуют

определенные способы создания такой литературы, отвечающие нашему вкусу и вниманию. *Платонов совсем другой человек и другой писатель*. Такое ощущение, что он пришел из таких глубин и времен, когда литературы еще не было, когда она, быть может, только-только начиналась и избирала русло, по которому направить свое течение. И где только-только начинался русский человек и русское мышление. Поэтому у него все «не по правилам» позднейшей литературы. Совсем другой мир — реальный и одновременно ирреальный; какое-то иное расположение слов и даже иные формы слов, иные мысли, еще не говорившиеся и не затвердевшие; иные у героев души, открывающиеся лишь чистому...» (Курсив наш.— Авт.) [4, 7].

Свои самые первые размышления о новом искусстве, с которым он ощущал свою душевную, кровную связь, молодой А. Платонов декларировал в 1920 году в воронежской газете «Красная деревня», отвечая на критику читателей, не узнавших себя в его рассказе «Чульдик и Епишка».

«Я уверен, что приход пролетарского искусства будет безобразен. Мы растем из земли, из всех ее нечистот, и всё, что есть на земле, есть и на нас.

Но не бойтесь, мы очистимся — мы ненавидим свое убожество, мы упорно идем из грязи. В этом наш смысл. Из нашего уродства вырастает душа мира» [5, 80].

Непонимание, а главное — заведомая несправедливость критических оценок, продиктованных литературными стереотипами, вызвали эту яркую программную реплику молодого автора, впервые столкнувшегося с недоброжелательной критикой. Этот случай А. Варламов отметил как начало нелегких взаимоотношений писателя с читателями и критикой: «Платонов словно предчувствовал, что его писательский удел — раздражать и навлекать на себя гнев, он учился держать удар и отвечать обидчикам. С рабочих позиций в рабочем государстве делать это было удобнее всего, и он свое законное место грамотно занял, благо ему прикидываться рабочим надобности не было» [6, 39]

На наш взгляд, подобной идеологической расчетливости не было в цитированном ответе А. Платонова.

Как и многие пролетарские авторы, А. Платонов пришел в литературу не от «книжного» опыта, пришел с недоверием к «чужому», готовому слову. Его творчество несло вызов устоявшимся литературным нормам и стереотипным читательским оценкам. Его героем был «рядовой народ», его реальная жизнь, в которой писатель Андрей Платонов всегда искал ответы на свои вопросы. И неслучайно несколькими годами позже он напишет в очерке «Че-ЧЕ-О»: «...искусство дороже вещей, потому что оно приближает человека к человеку, а это труднее и нужнее всего» [7, 212]. Этот вывод — результат разговора с Федо-

ром Федоровичем, пожилым мастерским из числа тех, кому «надо глядеть ему в рот и сочувствовать ему, тогда его затруднения речи имеют проясняющее значение» [7, 212].

Рано проявившаяся платоновская личностная уникальность, самоотверженная преданность истине были его органическими чертами. В седьмой записной книжке 1931 года обратим внимание на важную для нас мысль зрелого писателя, утверждавшего, что следует «писать не талантом, а человечеством, *сущностью своею*» (Курсив наш.— Авт.) [8, 81].

Особую важность платоновских размышлений для понимания его творчества отметила член-корреспондент РАН Н. В. Корниенко: «Записные книжки писателя — один из помощников на трудном пути познания того нового мира, что создан Платоновым в русской литературе XX века» [8, 4].

Как всегда в переходную эпоху, дистанция между творчеством жизни и созданием произведений практически не осознается, срабатывает тенденция сдвига литературной нормы в сферу быта (Ю. Тынянов), меняющая обе составляющие — и литературу, и быт. Не случайно Н. В. Корниенко указывает на большое значение писем, биографических материалов в художественном сознании писателя. Они, по ее справедливому заключению, — «органическая часть наследия писателя, замечательный документ русской истории литературы и быта советской эпохи, бесценный, а зачастую и единственный надежный первоисточник для понимания платоновского творчества, составления хроники жизни гениального писателя и комментария его произведений» [5, 7–8].

А. Платонов остро чувствовал особенность своих героев, своего видения мира. В письме М. А. Платоновой 1927 года он писал о своих сложных отношениях с читателями, критиками, перед которыми он не мог предстать в «приемлемом» виде: «Мои идеалы однообразны и постоянны (Здесь и ниже подчеркнuto А. Платоновым.— Авт.). Я не буду литератором, если буду излагать только свои неизменные идеи. Меня не станут читать. Я должен опошлять и варьировать свои мысли, чтобы получались приемлемые произведения. Именно — опошлять! А если бы я давал в сочинения действительную кровь своего мозга, их бы не стали печатать» [5, 205].

Молодой писатель понимает причины своей невключенности в идейно организованный литературный поток. Для доказательства обратимся к статье А. Платонова «Фабрика литературы (О коренном улучшении способов литературного творчества)» (1926), написанной не без элементов пародии на декларативный стиль современников, но в которой между тем, как отметила Н. В. Корниенко, «...прозвучат и вполне серьезные и сокровенные идеи Платонова» [9, 5]. В этой статье-деклара-

ции А. Платонов не только иронизирует по поводу приемов писательского «ремесла», но излагает свои взгляды на литературу.

Как свидетельствует статья, писатель уже четко осознает свои цели в творчестве и понимает, что он не таков, каким его хотят видеть: «Говорят — пиши крепче, большим полотном, покажи горячие недра строительства новой эпохи, нарисуй трансформацию быта, яви нам тип человека нового стиля с новым душевным и волевым оборудованием» [9, 45].

Далее А. Платонов перечисляет регулятивные требования идеологов становящейся советской литературы, которые по своей сути повторяли стереотипы изображения «простого» человека в «народолюбивой» литературе прошлого. Нормативы послереволюционных десятилетий изложены в программных документах писателей и критиков, входивших в Российскую ассоциацию пролетарских писателей (РАПП). Содержание статьи показывает, что А. Платонов с ними не согласен в главном. Если литературой так легко руководить, то это, по А. Платонову, умозрительное дело, а не искусство. Поэтому в тексте его статьи появляется инженер, которого он противопоставляет поэту: «От инженера на вас пахнет здоровый тугой ум и свежий ветер конкретной жизни, а от поэта (не всегда, но часто) на вас подует воздух из двери больницы, как изо рта психопата» [9, 47].

Возможно, поэтому герои первых произведений писателя — инженеры, преобразователи, хотя действуют они, как поэты. У инженера, как его изображает писатель, творческий ум, который поглощает человека целиком. Это его качество можно принять за аскетизм, свойственный, например, революционерам романа М. Горького «Мать», в котором Власов отказывается от любимой девушки во имя революционной борьбы, что высоко оценено романистом.

А. Платонов иначе оценивает поведение такого героя. Напомним платоновский тезис о том, что надо «писать не талантом, а человечеством, сущностью своею». В ранних, научно-фантастических повестях, он изображал инженеров, увлеченных глобальными идеями достижения счастья и радости для всего человечества. Но для А. Платонова важно, что масштабные идеи не делают его героев счастливыми, не несут радости их близким. Так, преодолевающий внешние препятствия для реализации своей технической задачи Петер Крейцкопф из «Лунных изысканий» буквально сеет смерти на своем пути. В повести «Эфирный тракт», ведомый своей идеей, Михаил Кирпичников оставляет семью, несмотря на протесты жены. Там же инженер Матиссен, реализовав свой замысел, нарушает движение материков, вызывает гибель множества людей и в конечном итоге погибает сам. В таком завершении «инженерных» сюжетов — платоновская оценка масштабных, космических задач, для выполнения

которых требуются человеческие жертвы, отказ от «счастья вблизи человека» (так А. Платонов называет рассказ 1947 года).

Повесть «Епифанские шлюзы» (1926) можно считать первым свидетельством того, что созданная А. Платоновым картина мира получила художественное воплощение. В повести, сюжет которой связан с жертвой английского инженера Бертрама Перри, которую он приносит, пытаясь цивилизовать «дикую» и «таинственную» страну [10, 100]. Реализация грандиозного проекта, считал Перри, сделает его героем эпохи, каким некогда был Тамерлан, и лишь тогда достойным любви его невесты. Гибель в финале повести героя, не реализовавшего своих замыслов, — прощание А. Платонова с героями-глобалистами, для которых грандиозность их планов дороже человека.

Отметим еще одну особенность повести «Епифанские шлюзы», которая позволяет считать, что сложность и многогранность художественного мира писателя получила адекватное воплощение в его языке. Внешне изломанный, насыщенный «неправильными», на первый взгляд, выражениями, он становится визитной карточкой писателя. Однако носитель русского языка легко понимает такие словосочетания, как «река умирала» и «рыбы спустились» («Чевенгур») [11, 92], «некуда жить, вот и думаешь в голову» («Котлован») [11, 434]. Именно в таких фразах через десятилетия В. Г. Распутин увидит «какое-то иное расположение слов и даже иные формы слов, иные мысли, еще не говорившиеся и не затвердевшие» [4, 22], отметит рождающуюся душу платоновского героя. Верность такого наблюдения подтверждает и сам писатель, в письме М. А. Платоновой, курировавшей в его отсутствие публикацию повести, настойчиво указывавший «на необходимость точного сохранения моего языка (Подчеркнуто А. Платоновым. — Авт.)» [5, 213]. Отныне «неправильная» платоновская фраза станет не только его стилиевой приметой, но обозначит пространство его прозы, отграничит его слово от бытового, разговорного континуума.

Повесть «Сокровенный человек» несет в себе другое платоновское открытие. Она обозначила одно из важных качеств платоновских образов-заголовков, содержательный, философский смысл которых раскрывает текст повести, его герой из числа тех «иносказательных» людей, речи которых «имеют проясняющее значение» [7, 212].

Экспозиция сюжета — смерть жены — включает глубоко личное переживание Пухова в события гражданской войны, в реальную историю страны. На пересечении, казалось бы, разных по объему событий по-платоновски «неправильная» фраза вводит читателя во внутренний мир героя.

«Фома Пухов не одарен чувствительностью: он на гробе жены вареную колбасу резал, проголодавшись вследствие отсутствия хозяйки» [10,

161]. На фоне «гастрономической» темы, полемически заявленной в первых строках повести, смерть жены может быть воспринята как частная утрата. Однако к этой ситуации и к начальной фразе Пухов возвращается в повести неоднократно, так как ею обозначена ментальная *бесприютность* и одиночество героя в мире. А. Ю. Грязнова о такой ситуации, нередкой в прозе Андрея Платонова, пишет как о сиротстве. Сиротство, указывает она, «является онтологической потерей, которая приводит к разрушению единства между человеком и миром» [12, 15].

О глубине переживания Пуховым смерти жены свидетельствуют многочисленные возвращения к началу сюжета. О своих переживаниях герой «никому не сообщал, поэтому все действительно думали, что Пухов корявый человек и вареную колбасу на гробе резал. Так оно и было, но Пухов делал это не из похабства, а от голода» [10, 200].

Замеченные словно бы «со стороны» «корявость» и «похабство» Пухова являются неожиданными, т.к. не было внешних наблюдателей этой сцены. В таком случае упреки в «корявости» и «похабстве» должны принадлежать герою, укоряющему и оправдывающему себя одновременно. Однако в логике платоновского мира цитируемый текст в равной мере может принадлежать и Пухову, и автору. Нескрываемая близость писателя к героям стирает границу между авторской речью и оценками героя, сюжетное повествование легко превращается в философские заключения. Оттого и герои А. Платонова «один умней другого», оттого Фома Пухов — один из «страны философов».

Исходя из близости автора и героя, мы не согласимся с точкой зрения В. А. Чалмаева, утверждающего, что Фома Пухов «не характер, а плавающая авторская точка зрения» [13, 72]. Использованный им термин отсылает к давней работе Е. Толстой-Сегал «“Стихийные силы”: Платонов и Пильняк (1928–1929)» (1994). Описывая позицию А. Платонова в контексте прозы 1920-х годов, Е. Толстая-Сегал констатирует отказ А. Платонова от «литературных» норм на фоне «традиционных антиномий Пильняка». В платоновских текстах, по ее мнению, «вместо выделения “точек зрения” появляется “плавающая”, перекрывающая *различные воспринимающие сознания*. Авторская оценочная точка зрения убирается, идеология “разливается” по тексту» [14, 100].

На наш взгляд, в произведениях А. Платонова трудно различать «воспринимающие сознания», учитывая «родовую» способность его героев «думать две мысли сразу». По принципам дополнительности и противоречий они создают динамичный, живой платоновский мир, вовлекающий и автора, и героя своей психологической и философской наполненностью. Потаенность же внутреннего мира героя в этом случае является намеренной, откры-

вающейся внезапно как *сокровенность*, которую автор-повествователь бережет так же, как и его герой. Отметим и содержательное противоречие в рассуждениях Е. Толстой-Сегал, объединившей отсутствие «авторской оценочной точки зрения» с «разлитой» «по тексту» идеологией.

Мысль А. Платонова-философа, по закону его художественного мира, направлена на «кровную» справедливость, на защиту человека в том числе и от неправды и противозаконности бытия. «Он [Пухов] тогда же почувал — куда и на какой конец света идут все революции и всякое людское беспокойство» [10, 201]. Смерть жены подводит его к философскому вопросу о жизни и смерти, гражданская война и революция вписываются в тот же масштаб размышлений.

«Все совершается по законам природы!» [10, 161] — не может не признать Фома Пухов. Это признание неотвратимого жизненного закона, выразившегося в горьких размышлениях героя: дать бы «моей старухе капитальный ремонт — жива бы была» [10, 162].

Неотвратимость законов природы герои А. Платонова понимают разумом, но «...сердце его [Пухова] иногда тревожилось и трепетало от гибели родственного человека и хотело жаловаться всей круговой поруке людей на общую беззащитность. В эти минуты Пухов чувствовал свое отличие от природы и горевал, уткнувшись лицом в нагретую своим дыханьем землю, смачивая ее редкими неохотными каплями слез» [10, 200].

В редких слезах героя — его равенство со всеми живущими, равенство перед силой «мировых законов вещества». Как к неотвратимости он относится к революции и гражданской войне. Понимая ее неизбежность, Пухов не сомневается в революции. В конце повести, пройдя многими дорогами, он придет к мысли, не противоречащей и авторской позиции: «Революция — как раз лучшая судьба для людей, верней ничего не придумаешь» [10, 235].

Современное платоноведение накопило богатый материал, который можно обозначить как описание литературно-эстетических и философских контекстов платоновского творчества. Литература его времени, реалии бытовые, социальные, культурные помогают понять, откуда шел А. Платонов, с кем и с чем он не соглашался. Однако глубина и сложность платоновского мира таковы, что всегда остается сомнение в исчерпывающем, завершающем истолковании сказанного им. Новизна таких писателей, как Андрей Платонов, определяется не их пролетарским происхождением или революционным временем. Факт своей биографии такие художники превращают в факт литературы. Именно эта слиянность, предельная искренность слова А. Платонова отразились в полемичном по форме, но верном по сути замечании В. Г. Распутина: «Платонов совсем другой человек и другой писатель» [4, 7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Келлер В. Андрей Платонов / В. Келлер // Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. Сборник. — М.: Современный писатель, 1994. — С. 157–162.
2. Шубин Л. А. Поиски смысла отдельного и общего существования: Об Андрее Платонове. Работы разных лет // Л. А. Шубин. — М.: Советский писатель, 1987. — 368 с.
3. Платонов А. Сочинения. Том 1: 1918–1927 Книга 2: Статьи / А. Платонов. — М.: ИМЛИ РАН, 2004. — 501 с.
4. Распутин В. Г. Свет печальный и добрый / В. Г. Распутин // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. — С. 7–9.
5. Платонов А. П. «...я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. / А. Платонов; сост., вступ. статья, коммент. Н. Корниенко и др. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Редакция Елены Шубиной, 2019. — 717 с.
6. Варламов А. Н. Андрей Платонов / А. Н. Варламов. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 544 с.
7. Платонов А. П. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения / А. П. Платонов / Вступ. статья А. Битова. — Под ред. Н. М. Малыгиной. — М.: Время, 2009. — 656 с.
8. Платонов А. П. Записные книжки: материалы к биографии / Публ. М. А. Платоновой, сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Н. В. Корниенко. — М.: Наследие, 2000. — 424 с.
9. Платонов А. П. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / А. П. Платонов. Сост., комментарии Н. В. Корниенко. — М.: Время, 2011. — 720 с.
10. Платонов А. П. Эфирный тракт: Повести 1920-х — начала 1930-х годов / А. П. Платонов / Под ред. Н. М. Малыгиной. — М.: Время, 2011. — 560 с.
11. Платонов А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть / А. П. Платонов. — М.: Время, 2011. — 608 с.
12. Грязнова А. Ю. «Искать дороги друг к другу»: сиротство и родство в прозе Андрея Платонова. Монография / А. Ю. Грязнова. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. — 193 с.
13. Чалмаев В. А. Андрей Платонов. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. 2-е изд. / В. А. Чалмаев. — М.: Изд-во МГУ, 2002–144 с.
14. Толстая-Сегал Е. «Стихийные силы»: Платонов и Пильняк (1928–1929) / Е. Толстая-Сегал // Андрей Платонов: Мир творчества. — М.: Современный писатель, 1994. — 432 с.

Воронежский государственный университет

Никонова Т. А., доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук

E-mail: tam-nikonova@yandex.ru

Воронежский государственный университет

Азизова С. В., аспирант кафедры русской литературы XX–XXI вв., теории литературы и гуманитарных наук

E-mail: sophiaazizova@gmail.com

Voronezh State University

Nikonova T. A., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of XX–XXI Centuries, Theory of Literature and Humanities.

E-mail: tam-nikonova@yandex.ru

Voronezh State University

Azizova S. V., Postgraduate student of the Department of Russian Literature XX–XXI centuries, Theory of Literature and Humanities

E-mail: sophiaazizova@gmail.com

«ПЕСНЬ КОЛЕС» А. ПЛАТОНОВА: СЦЕНАРИЙ О ДРУЖБЕ НАРОДОВ В СССР

М. В. Осипенко

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Поступила в редакцию 1 июля 2024 г.

Аннотация: статья посвящена одному из наименее изученных киносценариев А. Платонова «Песнь колес» (1936–1937). В статье предпринята первая попытка реконструировать творческую историю киносценария, осветить обстоятельства и некоторые контексты его создания. Впервые раскрывается роль режиссера А. К. Ледащева и Д. А. Фельдмана в судьбе киносценария. К анализу привлечены не опубликованные ранее архивные документы, периодика 1930-х гг.

Ключевые слова: Андрей Платонов, кинодраматургия, киносценарии, «Песнь колес», «Туркменфильм», туркменская киностудия, советский кинематограф.

Abstract: the article is devoted to one of the least studied film scripts by Platonov, “The Song of Wheels” (1936–1937). It is the first attempt to reconstruct the creative history of the script, to highlight the circumstances and some of the contexts of its creation. For the first time, the participation of film director A. K. Ledashev and D. A. Feldman is revealed. The analysis involved previously unpublished archival documents and periodicals of the 1930s.

Keywords: Andrey Platonov, film dramaturgy, script, “The Song of Wheels”, Turkmen film studio, soviet cinematograph.

Кинодраматургическая часть наследия Андрея Платонова осваивается научным сообществом с большой задержкой; литературоведами киносценарии привлекаются, в силу своего «технического» характера, как правило, в последнюю очередь. Вместе с тем в отношении художника такого масштаба, как Платонов, чье творчество отличается чрезвычайной внутренней связанностью и динамизмом, невнимание к любым текстам чревато искажениями и лакунами в понимании его замыслов, движений художественной мысли и эволюции творчества в целом.

Сценарий «Песнь колес» увидел свет лишь в 2017 г. [7], его научное освоение только началось. Еще не было исследований, восстанавливающих историю этого киносценария, весьма скупы и обрывочны представления об обстоятельствах и контекстах его создания¹. Цель настоящей статьи — продвинуться в этом направлении и ввести в научный оборот

¹ Единственная работа, в которой сценарий «Песнь колес» ставится в центр внимания, статья С. Огудова, посвященная некоторым тематическим аспектам сценария, которые рассматриваются в кинематографическом контексте [3]. Отдельные аспекты затрагиваются в работах Е. Роженцевой [12, с. 406], Н. Корниенко [1, с. 442–444], Н. Скакова [15, с. 234] и др. В некоторых из этих статей ошибочно упоминается название «Карагез» (источник этой путаницы — поздняя надпись Марии Александровны на листе с действующими лицами (титульный лист сценария с заглавием «Песнь колес» утрачен): ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 1).

новые факты и выявленные архивные документы.

Работа над сценарием «Песнь колес» велась предположительно в конце 1936 — начале 1937 г. и была связана с объединением фабул двух написанных ранее сценариев — «Воодушевление» и «Священная жизнь» (и переносом места действия в Туркмению). Оба упомянутых сценария были написаны Платоновым в 1936 г. в рамках крупного кинематографического проекта, посвященного победам СССР в железнодорожной отрасли². Сценарий «Песнь колес», таким образом, отчасти примкнул к этой кампании, но основная задача у Платонова была иная.

Договорные отношения с «Туркменфильмом», в рамках которых предположительно создавался сценарий «Песнь колес», сложились, по-видимому, к середине 1936 г. Об этом свидетельствуют, в частности, упоминания в центральной печати о планах туркменской киностудии выпустить фильм по сценарию А. Платонова на тему «Дружба народов» — см.: [5, с. 14; 8, с. 4].

В 1936 г. тема «Дружба народов» входила в юбилейную повестку дня главных кинофабрик страны. Так, в апреле на совещании в Союзе писателей заместитель директора «Мосфильма» Е. Соколовская напоминала об актуальности этой темы: «У нас есть ряд тем в плане 1937 г., о которых мы хотим поговорить, и хотим, чтобы вы помогли нам организовать это дело в смысле подыскания авторов. Одна из этих тем, прекрасно сформулированная Сталиным, “О дружбе народов”. Тема эта совершенно не затронута. В пла-

² Подробнее см.: [4].

не 1937 г. мы хотели сделать фильм, который бы являлся утверждением сталинского тезиса»³. К концу года особую значимость этой темы определили обсуждения проекта новой Конституции СССР, в ходе официальных выступлений констатировались «достижения Советской власти в решении национального вопроса»: создание государства, «не знающего национальной розни», «единой монолитной семьи советских народов, именуемой Советским Союзом», и т. д.⁴. В этом же контексте подчеркивался особый статус тем Красной армии (в выступлениях большое внимание уделялось роли красноармейцев в укреплении «единства народов»⁵) и колхозного строительства в национальных республиках (благополучие, хозяйственный и культурный подъем народов СССР связывались исключительно с созданием «подлинно единой трудовой семьи, строящей социализм» [13]). Литература и кинематограф, обращавшиеся к национальным темам в 1936–1937 гг., выстраивали свои планы с учетом этих политико-идеологических установок (эти темы были введены и в платоновский сценарий «Песнь колес»).

Договор Платонова с «Туркменфильмом» не выявлен. О том, что писатель осенью 1936 г. уже приступал к работе над «туркменским» сценарием, свидетельствует письмо от 22 сентября Давида (Владимира) Абрамовича Фельдмана, заведующего хозяйственно-производственным отделом «Туркменфильма» (позже, видимо, заместитель директора кинофабрики): «Чего бы я хотел найти в твоём сценарии... Хочу рядом с тобой, после ВЕЛИКИХ ПРАЗДНИКОВ, в снежную непогоду, забраться в зал Иллюзиона, скажем города Землянка, бывшей Воронежской губернии и смотреть о рае на туркменской земле. <...> Ты знаешь, я мечтаю о фильме торжества правды интернационального патриотизма, торжества дружбы русского и туркменского народов, торжества и победы людей, отдающих свою жизнь каплю за каплей за «КРАСНЫЙ ИДЕАЛ» (Бодлер) революции. Только ты этот сценарий написать можешь, потому что ты работник, выдумщик, мастер» [2, 510].

Судя по этому письму, Фельдман и Платонов были хорошо знакомы. В 1935 г. Фельдман, будучи заведующим хозяйственно-производственным отделом «Межрабпомфильма», давал Платонову возможность подработки [Там же; 495, 508–510]. Об их знакомстве говорят также записные книжки писателя [6, 160⁶].

При посредничестве Д. Фельдмана (который после ликвидации в 1936 г. «Межрабпомфильма»

перешел на работу в «Туркменфильм») состоялось знакомство Платонова с режиссером Алексеем Кирилловичем Ледащевым, сотрудничавшим в то время с туркменской кинофабрикой (фильмы «Я вернусь» (1935), «Два брата» (1937)). Ледащев согласился делать фильм совместно с Платоновым. Характер сотрудничества писателя с кинофабрикой после этого резко поменялся; именно на этом этапе началась работа над сценарием, получившим название «Песнь колес».

Режиссер, как видно из его письма ниже, прочитал киносценарии Платонова «Воодушевление» и «Священная жизнь» и предложил писателю на их основе создать третий. Платонов приступил к работе.

Судя по сохранившимся источникам сценария «Песнь колес»⁷, он использовал машинописи уже написанных сценариев «Воодушевление» и «Священная жизнь» (их поздние редакции⁸), из которых была составлена общая рукопись (правка вносилась поверх машинописного текста). Помимо отбора, стыковки и согласования уже готовых эпизодов, Платоновым были написаны пять новых крупных фрагментов: «– Ну чего вы злитесь, давайте лучше водиться, как в этом... туркменчилик. Я ведь тоже паровозница, как и вы. ~ — А вы, чужие, не будете здесь!.. Вас — под откос!..» [7, 462–464]; «Из затемнения. Обычная туркменская ночь. Пустынная и прекрасная. ~ Буфетчик аккуратно пересчитывает полученные деньги, уходит» [7, 472–475]; «У станции Фараб выросли целые улицы юрт. ~ С Карагез остаются ее гостя Мариша, дед Ата-Берды-Оглы, Евстафьев, Чары, буфетчик, Тимур. Карагез переставляет вещи, прибирает комнату» [7, 481–483]; «Депо в Байрам-Али. Сцена у паровозного тендера. ~ Ачилов к Евстафьеву: — Можно я скажу, что это правильно и верно? Евстафьев, почти обрывая себе усы: — Ты? — Никогда!» [7, 488–489]; «Карагез и гостя Мариша смеются. Затемнение. Из затемнения. Кабинет нач. дороги. ~ Нефес жалобно: — А куда мне идти? Стрелок: — К нам. Разрешите, гражданин!» [7, 492–493].

В ходе этой работы самые существенные изменения претерпела система образов персонажей: введены новые персонажи-туркмены; место Клименты («Священная жизнь») и частично Арфы («Воодушевление») заняла новая главная героиня Карагез; вместо дочери у Евстафьева («Воодушевление») появилась жена Марфа Васильевна; исчезли такие персонажи, как Человек с бородой, Корчебоков; Фому Человекова заменил Нефес; и пр.). Заметна также правка по тексту, связанная с внесением националь-

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 2. Ед. хр. 169. Л. 162.

⁴ См. [9; 10; и др.].

⁵ См., напр., [11].

⁶ В записных книжках Платонова, очевидно, есть упоминания о разных людях с фамилией Фельдман, при составлении Указателя ошибочно объединенных под одной фамилией.

⁷ Сохранились две машинописи (обе принадлежат одной закладке: второй и третий экземпляры): одна в архиве писателя (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 302), другая в Госфильмофонде (ГФФ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 738).

⁸ Госфильмофонд. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 738 («Воодушевление»), ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 299 («Священная жизнь»).

ного колорита, деталей быта туркменов (описания тенистых садов, узких «улочек» аулов; вместо городского «дансинга», с швейцаром и джаз-оркестром («Воодушевление») — открытый сад, деревья, танц-площадка, духовой оркестр; и т.д.).

С составной рукописи была предположительно сделана промежуточная машинопись, которая, видимо, вычитывалась не только Платоновым: окончательный машинописный текст сохранил следы скрупулезной редакторской, а также корректорской правки (выправлен стилистически, орфографически; сокращены все натуралистические описания и детали, эксцентрические сцены и пр. (например, исключены, сцены кормления ребенка грудью («Священная жизнь»), вырывания Арфой волос из ноздрей и ушей отца («Воодушевление»), «выдаивания» нечистот из бороды («Священная жизнь»), описание «надувающегося в энтузиазме» Евстафьева («Воодушевление»); и т.п.).

Выправленный текст снова был перепечатан и отправлен в Главное управление кинематографии (ГУК) ВКПДИ при СНК СССР (об этом см. ниже). О судьбе уже готового сценария Фельдман сообщал Платонову в дружеском письме предположительно в начале 1937 г., уезжая из Москвы в Ашхабад: «...доля сценария в верных руках. Не огорчайся, все развивается правильно, пути прохождения и утверждения относительно короче будут, чем длительная неизвестность прошлого. Я уезжаю в полной уверенности, что сценарий будет утвержден. Ал. Кириллович ведет это дело твердо — полагаю, что через декаду благополучный исход определится. ...незначительные для тебя доделки много времени не отнимут, и, очевидно, этим летом начнем крутить» [2, 511].

Режиссер, судя по его письму в «Туркменфильм», действительно принимал активнейшее участие в судьбе платоновского киносценария. 10 июня 1937 г. он сообщал директору киностудии о непростой ситуации вокруг сценария: «Зав. ХПО [хозяйственно-производственным отделом] Фельдман предложил мне два сценария писателя Андрея Платонова на транспортном материале, ознакомившись с которыми, мною было предложено тов. Платонову соединить оба сценария в один с коренной переработкой как образов, так и ситуаций, и введение органически туркменской действительности, что тов. Платоновым и было сделано. Сценарий «Песнь колес» был сдан автором в ГУК уже после отъезда Фельдмана из Москвы. Во избежание недоразумения, считаю своей обязанностью сообщить Вам, что представленный в ГУК сценарий Платонова «Песнь колес» ничего общего не имеет со сценарием того же автора, находящимся у Вас. ГУК, в лице начальника нац. сектора тов. Витензона, отнесся к сценарию положительно, дал свои замечания, над которыми Платонов сейчас и работает. <...> ...Мне нужно от Вас, как от директора фабрики, получить

разъяснения по следующим вопросам: 1. Проводя работу над сценарием Платонова, по предложению Фельдмана, я, естественно, готовил данный сценарий для себя, теперь же и я и Платонов находимся в ложном положении из-за непонятного отношения к нам Туркменской студии. 2. Сегодня писатель Платонов предупредил меня о прекращении им работы над сценарием из-за невыполнения Студией договорных обязательств и отсутствия конкретной связи с ним руководства фабрики, что воспринято им как незаинтересованность его сценарием»⁹.

В этом же письме Ледашев выражал недоумение по поводу своего положения на кинофабрике и ситуации вокруг «Туркменфильма» в целом: «На совещании директоров фабрик, которое идет сейчас в Москве, нет представителя Туркменской студии, отсюда, естественно, вывод — в Туркменфильме нет готовой сценарной продукции, с которой Студия могла бы вступить в производство 1937 года, т.е. для нас, режиссеров Туркменфильма, стоит вопрос о простом в этом году»¹⁰. На упомянутом Ледашевым Всесоюзном совещании руководителей советской кинематографии, проходившем в начале июня в Москве, действительно не было представителей «Туркменфильма» (в протоколе — знак вопроса и «нет»¹¹), как и представителей «Азербайджанфильма», «Таджикфильма». Ни Ледашев, ни Платонов, скорее всего, не знали, что накануне совещания, в мае 1937 г., Д. А. Фельдман и директор «Туркменфильма» Х. И. Мелькумов были арестованы. 31 августа оба были приговорены к расстрелу по «сталинским спискам»¹².

По итогам июньского совещания вышло постановление «О ходе выполнения плана 1937 г.», в котором перечислялись факты «троцкистского вредительства» в кинематографе; в длинном ряду «врагов народа» были упомянуты «разоблаченные» авторы сценариев, руководители кинофабрик, в том числе директор «Туркменфильма» Х. Мелькумов и «его заместитель» Д. Фельдман¹³.

В Туркмении борьба с «контрреволюционными» элементами только начиналась. 9 июля 1937 г. был арестован председатель СНК Туркменской ССР К. С. Атабаев (в 1938 г. приговорен к расстрелу по обвинению в участии в контрреволюционной националистической террористической организации); с ним Платонова также связывало памятное знакомство [12, 405; 15, 232–234].

Лето 1937 г. — последний документированный период в истории киносценария «Песнь колес». В июне из Ашхабада писателю сообщали: «Сценарий просма-

⁹ ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 7. Л. 3–4 (машинописная копия, без подписи).

¹⁰ Там же.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 2.

¹² РГАСПИ. Ф.17. Оп. 171. Д. 410. Л. 332 (опубл.: [16]).

¹³ РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 71.

тривается Управлением искусств.> Деньги после просмотра» (подпись: Кутнович)¹⁴. В августе Платонов встречается в Москве с новым директором «Туркменфильма» И. Т. Пиперковым по вопросам договорных обязательств¹⁵. Сохранившаяся в киноархиве подшивка с машинописью киносценария¹⁶, сформированная предположительно в ГУКе, также сохранила на обложке пометы, оставленные разными лицами, о последних передвижениях дела «Песнь колес» в июле 1937 г.: «Получено 10/VII-37 г.», «(Получен Инф. Бюро от т. Витензона 10/VII-37 г.»).

Это последние следы в истории платоновского киносценария на тему дружбы народов в СССР. Даже выдержанная идеологически, эта тема, привлекавшая писателя задолго до этого и вошедшая в такие произведения, как «Песчаная учительница», «Ювенильное море», «Такыр», «Джан», столкнувшись с реальной национальной политикой, оказалась не к месту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корниенко Н. В. Драматургическое и киносценарное наследие А. Платонова: проблемы эдиции, текстологии и комментирования / Н. В. Корниенко // Страна философов» Андрея Платонова. Вып. 8. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 437–466.
2. Незаконченный сценарий из туркменской жизни / публ. Роженцевой Е. А. // «Страна философов» Андрея Платонова. Вып. 7. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 495–511.
3. Огулов С. «Песнь колес» С. Огулов // Страна фи-

¹⁴ ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 14. На радиограмме сохранилась поздняя карандашная помета Платонова: «Эта телеграмма получена, по-моему, в июне 37 г.»

¹⁵ 27 августа телеграммой из Ашхабада Платонову сообщили о приезде И. Т. Пиперкова в Москву, предложив все претензии разрешить с ним лично. Другой телеграммой, от 30 августа 1937 г., Пиперков приглашал писателя в гостиницу «Москва» для встречи (РГАЛИ. Ф. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 40, 42; впервые: [12, с. 406–407]).

¹⁶ ГФФ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 738.

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Осипенко М. В., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья
E-mail: msn08383@gmail.com*

лософов» Андрея Платонова. Вып. 8. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 455–458.

4. Осипенко М. В. Киносценарий А. Платонова «Водушевление (или — Пусть нам завидуют боги!)» в контексте кинематографического «железнодорожного» проекта 1936–1938 гг. / М. В. Осипенко // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 2024. — Т. 82. № 7 (в печати).

5. План юбилейного года / беседа с зам. начальника ГУКФ тов. В. Усиевичем // Искусство кино.— 1936.— № 7.— С. 11–15.

6. Платонов А. Записные книжки / А. Платонов.— М.: ИМЛИ РАН, 2006.— 424 с.

7. Платонов А. Песнь колес А. Платонов / публ. С. Огулова // «Страна философов» Андрея Платонова. Вып. 7.— М.: ИМЛИ РАН, 2011.— С. 458–501.

8. Подготовка к юбилейному году // Искусство кино.— 1936.— № 9.— С. 4–6.

9. Прения по докладу Сталина И. В. о проекте конституции Союза ССР // Правда. 1936.— 28 ноября.— С. 2.

10. Прения по докладу Сталина И. В. о проекте конституции Союза ССР // Правда.— 1936.— 29 ноября.— С. 4.

11. Речь тов. К. С. Атабаева (председатель Совнаркома Туркменской ССР) // Правда.— 1936.— 29 ноября.— С. 5.

12. Роженцева Е. Опыт документирования туркменских поездок А. П. Платонова / Е. Роженцева // Архив А. П. Платонова. Книга 1. М.: ИМЛИ РАН, 2009.— С. 398–407.

13. Роль и значение РСФСР в братском содружестве народов // Правда.— 1936.— 28 ноября.— С. 2.

14. «Сие от них не зависит» // Правда.— 1936.— 28 ноября.— С. 1.

15. Скаков Н. Платонов и Атабаев: культурные, политические и экономические контексты туркменских поездок Н. Скаков // «Страна философов» Андрея Платонова. Вып. 8. М.: 2017.— С. 233–248.

16. Сталинские расстрельные списки.— Режим доступа: <https://stalin.memo.ru/lists/list72/#person-332-3> (дата обращения: 06.06.2024).

*Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Osipenko M. V., Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Department of Modern Russian Literature and Literature of the Russian Diaspora
E-mail: msn08383@gmail.com*

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ И «МОСКОВСКИЙ АЛЬМАНАХ»: НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СОТРУДНИЧЕСТВО

Н. В. Умрюхина

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук

Поступила в редакцию 10 сентября 2024 г.

Аннотация: в статье по документам, хранящимся в фонде издательства «Советский писатель» (РГАЛИ), реконструируется история создания «Московского альманаха», в котором в 1939 г. планировалось участие А. П. Платонова; высказывается предположение о том, почему сотрудничество не состоялось.

Ключевые слова: А. П. Платонов, А. А. Фадеев, «Московский альманах», издательство «Советский писатель», архив, протоколы.

Abstract: the article, based on documents stored in the fund of the publishing house "Soviet Writer" (Russian Archive of Literature and Art), reconstructs the history of the "Moscow Almanac" creation, in which A. P. Platonov planned to participate in 1939; suggested why the cooperation did not take place.

Keywords: A. P. Platonov, A. A. Fadeev, "Moscow Almanac"; Publishing House "Soviet writer", archive, protocols.

20 января 1939 г. на собрании при издательстве «Советский писатель» обсуждался вопрос создания нового альманаха. Название ему нашли не сразу. Из предлагавшихся вариантов: «Современник», «Советское время», «Наше время», «Времена года», «Товарищи» и просто — «Московский альманах» — в результате было выбрано последнее. Объем предполагался 15–20 листов, периодичность — два-три выпуска в год. Идея альманаха, появление которого, по словам директора «Советского писателя» Г. Ярцева, имеет большое значение для издательства, предварительно обсуждалась с писателями, и они поддержали этот проект. Организаторы надеялись, что «новый альманах привлечет к себе писателей и оживит их настроение», станет «живым, интересным местом»¹. К участию в издании планировалось привлекать не только столичных, но и областных литераторов, а в отборе авторов и произведений руководствоваться не «возрастным» критерием (ставкой на молодежь), как это часто принято в альманахах, а исключительно качеством творческой продукции. «Тов. Атаров — говорит, что его очень радует то обстоятельство, что в предварительных разговорах об альманахе совершенно не чувствуется спекулятивного характера на так называемых “молодых” писателях» (л. 1 об.). «По содержанию альманах, в основном, должен состоять из произведений высокого качества в политическом и художественном отноше-

нии» (л. 1); «основным моментом в работе редколлегии должна быть абсолютная строгость в отборе произведений для альманаха» (л. 2). Редколлегию решено было образовать преимущественно из самих писателей, а все предложенные к публикации произведения «в творческом порядке» обсуждать на активе писателей.

О подготовке издания 26 января сообщила «Литературная газета»: «Состоялось собрание инициативной группы писателей по организации при издательстве “Советский писатель” нового литературно-художественного альманаха. В живом дружеском обсуждении задач альманаха были намечены... пути и характер издания. Избрана организационная пятерка в составе Н. Атарова, М. Лоскутова, А. Письменного, К. Симонова и Л. Соловьева» [1].

На первых заседаниях редколлегии обсуждались задачи, тематика, художественное «лицо» альманаха, а также круг привлекаемых авторов. Выступавшие так определяли творческие установки издания: «...одними из признаков этого альманаха должны быть: творческий риск, смелость замысла и его выполнение» (С. Бондарин); «Нужно придерживаться правдивого изображения действительности. Героями должны быть люди сегодняшнего дня» (А. Письменный); «...в нашей литературе много парадности и слишком мало произведений о рядовых людях. Нужно посмотреть вокруг себя, отвлечься от громких подвигов и писать о рядовых советских людях» (К. Симонов). Помимо прозы и поэзии в альманахе должна быть представлена и критика: «К альманаху нужно привлечь сильную критическую группу» (А. Макаренко); «со второго номера нужно давать обзоры литературы» (л. 1 об., 2, 5).

¹ РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 4. Ед. хр. 3. Л. 1 об., 2 об. Далее цитируются протоколы из этой единицы хранения с указанием номера листа в тексте статьи.

Итог обсуждению подвел А. Фадеев, сформулировав своеобразную программу нового издания, призванную объединить его авторов: «1. Современная тема — послеоктябрьские дни, упор на социалистические отношения. 2. Добропорядочные, благополучные темы не печатать. Сделать основной упор на произведения и авторов, где есть ярко выраженная индивидуальность, острота, смелость, свой подход к теме. 3. Произведения, принятые и напечатанные в альманахе, всячески отстаивать и коллективно защищать. Если удастся отстаивать первые 2–3 номера — это будет успех» (л. 2 об.).

На втором заседании, 21 января, коллектив альманаха принял решение: поговорить о сотрудничестве с писателями, в том числе с К. Паустовским, М. Пришвиным, Е. Петровым, В. Некрасовым, В. Козиным, А. Раскиным, М. Слободским и др., а также написать письмо «с предложением принять участие в альманахе Ю. Герману, М. Зощенко и договориться с Бабелем». За каждым членом редколлегии закрепили своих авторов. М. Лоскутову поручалось вести переговоры с Б. Ивантером, В. Аристовым и А. Платоновым. Кроме того, Платонов был назван в числе потенциальных авторов для критического отдела альманаха: «...привлечь следующих товарищей: Роскина, Дермана, Гурвича, Малахова, Мунблита, А. Платонова, Антокольского, Левидова» (л. 5). К этому времени публикации Платонова в журналах «Литературный критик» и «Литературное обозрение» стали заметным и важным явлением в советской литературной критике: за период 1937–1938 гг. было напечатано 25 его статей и рецензий.

На следующем заседании, 2 февраля, члены редколлегии докладывали о проведенных переговорах с писателями. С Платоновым, очевидно, говорил не Лоскутов, а Письменный. Он сообщил: «Обещали дать свои произведения: тт. Лордкипанидзе, А. Платонов, Василевский, Дальцева, В. Гроссман... В критическом отделе хотят принять участие Бек и Пакентрейгер» (л. 7 об.). С отдельными авторами решено было заключить договоры. В протоколе заседания рядом с фамилией Платонова указано в скобках: «договор».

Скорее всего, Платонов был заинтересован в сотрудничестве с «Московским альманахом». Немаловажным было и то обстоятельство, что гонорар за произведения, напечатанные в нем, предполагался значительно выше среднего: «...критика — 1000 руб. за лист... проза до $\frac{3}{4}$ л. — 1600–1750 р. за лист; до 2 л. 1200–1300 р.; свыше 4 л. 1100–1200 р.» (л. 6). Для сравнения: «...средняя ставка авторского гонорара по художественным издательствам в Москве и Ленинграде составляла 800 рублей за печатный лист...» [2, 93].

Пока шли переговоры с приглашенными авторами, в редакцию стали поступать первые произведения. Многие из них оказались низкого художественного качества, и редколлегия была вынуждена

их отклонить: «...Атаров говорит, что ему пришлось столкнуться с тем, что некоторые авторы стараются дать свои залежавшиеся произведения, которые были отвергнуты в других местах» (л. 7).

Тем не менее к концу мая 1939 г. работа над первым выпуском альманаха подходила к концу — «Литературная газета» сообщила: книга «собрана и сдается в печать». Из этой заметки можно судить о первоначальном составе первого номера «Московского альманаха» — о тематическом и жанровом разнообразии вошедших в него произведений: «Наряду с признанными мастерами советской литературы на страницах “Московского альманаха” печатают свои произведения молодые писатели. <...> В отделе поэзии печатается новая глава из поэмы Н. Асеева “Маяковский начинается”. Одна из наиболее интересных глав поэмы пытается объяснить читателю причины трагической гибели поэта... Здесь же печатаются новые стихи Анны Ахматовой, цикл новых стихов М. Матусовского, стихи А. Коваленкова, Б. Лебедева, С. Маркова, Ю. Нейман, Я. Смелякова. Большая повесть Т. Булавина “Китайская стена”, талантливые рассказы В. Василевского, М. Дальцовой, А. Письменного, В. Ковалевского, пьеса М. Зощенко “Опасные связи”, повесть М. Платошкина “Месторождение” и ряд других произведений составляют отдел прозы альманаха. Наибольший интерес вызывает пока еще никак не названный отдел, где писатели говорят о своей работе, о своей жизни. Коллектив переводчиков под руководством И. Кашкина дал альманаху интересную работу: Э. Хемингуэй — Писатель о своем деле. Это собранные воедино высказывания Э. Хемингуэя о литературе, о творчестве². Здесь же печатаются “Записные книжки” И. Ильфа и “Воспоминания об И. Ильфе” Е. Петрова. Своеобразный дневник писателя, в котором афоризмы часто расширяются до новеллы и новелла часто сжимается до афоризма, печатает М. Шнейдер. В критическом разделе альманаха помещается статья В. Бобрышева о повести Ю. Крымова “Танкер Дербент”» [4].

Однако спустя месяц после этого анонса «Московский альманах» все еще не был напечатан. На заседании редколлегии 25 июня шло обсуждение работы уже над второй книгой альманаха. Сбор материала планировалось завершить к 15 сентября и «привлечь к участию во втором номере следующих авторов»: «1. Ю. Германа, 2. А. Платонова, 3. В. Ковалевского, 4. И. Рахтанова, 5. А. Митрофанова, 6. Тихона Булавина,

² По всей видимости, об этой работе Кашкин рассказывал на апрельском заседании президиума Союза писателей (председательствовал А. Фадеев): «И. Кашкин посвятил свое выступление Хемингуэю-критику, ознакомив собравшихся с интереснейшими малоизвестными высказываниями этого замечательного писателя об искусстве» [3].

7. И. Кашкина... 11. Р. Фраермана, 12. В. Шкловского, 13. Б. Пастернака...» «Со всеми перечисленными авторами, в случае их согласия принять участие в альманахе, заключить предварительные соглашения» (л. 13). Судя по записи в протоколе, переговоры с Платоновым на этот раз должен был вести Атаров.

Интересно, что в этот же день Атаров написал письмо директору «Советского писателя» Г. Ярцеву с предложением включить в издательский план 1940 г. сборник «Советский рассказ за пять лет» с такой его характеристикой: «Антология советского короткого рассказа... объемом — 30–35 листов... представит в избранных произведениях 35–40 советских писателей»³. Атаров предлагал избрать писательскую редколлегия, «которая составит книгу посредством опроса писателей, работавших в эти пять лет над рассказом». Список предполагаемых участников сборника открывали М. Пришвин и А. Платонов (в него входили также Л. Соболев, К. Паустовский, Ю. Герман, И. Ильф и Е. Петров, В. Козин, Р. Фраерман, М. Лоскутов, С. Гехт, В. Кожевников, С. Бондарин и др.). На письме сделана запись, вероятно, рукой Ярцева: «Будет издаваться в Гослите»⁴.

На заседании редколлегии «Московского альманаха» 25 июня выступил Фадеев — с замечаниями по уже подготовленному первому номеру альманаха. Полгода назад он призывал приглашать к участию в издании писателей с ярко выраженной индивидуальностью, обладающих художественной смелостью, а «добропорядочные, благополучные темы не печатать». Эти месяцы прошли под знаком XVIII съезда партии (10–21 марта), который «поставил перед всей литературой задачу коммунистического воспитания трудящихся» [7]. Литературе предстояло сделать выводы из решений съезда — их формулировкой занялся руководитель Союза советских писателей Фадеев, весной 1939 г. избранный в состав ЦК ВКП(б).

В этом идеологическом и политическом контексте Фадеев по-новому сформулировал цели и задачи «Московского альманаха». Его ценность теперь он определил исключительно участием в нем молодежи, поэтому решительно предложил «изъять из альманаха вещи “стариков” — Асеева, Зощенко, Ахматовой». Свою очевидную для редколлегии непоследовательность Фадеев объяснил так: «Рань-

ше я придерживался другого мнения, недооценив одного очень существенного обстоятельства: в советской общественности создается впечатление, — учитывая особенно *характер* вещей Асеева, Зощенко, Ахматовой, — что этот альманах создан *в обход* существующей системы журналов, для того, чтобы “дать выход” вещам, не могущим быть напечатанными в другом месте» (л. 14). И недвусмысленно намекнул о возможных последствиях публикации: «...первая же книга альманаха получит плохой политический резонанс...» (л. 14); «...Надо подойти очень строго не только с точки зрения художественного качества, но и особенно с точки зрения *идеологического* качества, — подойти, если хотите, с “придирами” — не мелочными, “перестраховочными”, а с высоты *большого и принципиального общественного сознания*» (л. 15). С этой точки зрения, помимо произведений Асеева, Зощенко и Ахматовой, по мнению Фадеева, из альманаха следовало исключить стихотворения С. Маркова («В степи»), Я. Смелякова («Катюша»), четверостишие Матусовского.

В заключение Фадеев предложил «размножить» его замечания для членов редакции и собрать в Союзе писателей редколлегия для их обсуждения — не позднее 1 июля.

Контекст этого выступления Фадеева включает и принятое вскоре (20 августа 1939 г.) постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О редакциях литературно-художественных журналов», в котором отмечались «идейные провалы журналов, протаскивание идеологически сомнительных и вредных тенденций», отставание «от советской действительности и запросов советского читателя» и которое обязывало президиум ССП «решительно улучшить руководство литературно-художественными журналами» [8, 433–434].

Замечания Фадеева, конечно, были учтены коллективом «Московского альманаха». Согласно выходным данным книги, первый номер альманаха сдан в производство на следующий день после выступления Фадеева на заседании редколлегии — 26 июня 1939 г. Подписан же к печати гораздо позже — 25 декабря 1939 г. За эти полгода с составом сборника произошли серьезные изменения. В него не вошли ни произведения «стариков» — Асеева, Зощенко, Ахматовой⁵, ни названные Фадеевым стихотворения Маркова, Смелякова, Матусовского. Кроме того, из альманаха были исключены высказывания

³ РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 5. Ед. хр. 27.

⁴ После войны Атаров вернется к идее сборника рассказов советских писателей, только теперь с охватом произведений, созданных не за последние пять лет, а «на протяжении более чем трех десятилетий, с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции» [5, 3]; к участию пригласит Платонова. Подготовленная трехтомная антология рассказов советских писателей (сост.: Н. С. Атаров и В. А. Ковалевский) выйдет в начале 1952 г., Платонов представлен в издании рассказом «Июльская гроза» [6, 138–152].

⁵ В начале 1940 г. Ахматову примут в Союз писателей, а в издательстве «Советский писатель» выйдет сборник ее избранных стихотворений «Из шести книг», о котором Платонов напишет статью. Но статья не будет опубликована, а сам сборник, как и выпустившее его издательство, вскоре подвергнутся критике: в октябре 1940 г. выйдет специальное постановление секретариата ЦК ВКП(б), которое назовет эту книгу сборником «идеологически вредных, религиозно-мистических стихов» [8, 462].

Э. Хемингуэя о литературе⁶, «афоризмы» М. Шнейдера, статья В. Бобрышева о повести Ю. Крымова «Танкер Дербент» и некоторые другие произведения.

«Литературная газета» приветствовала выход первого номера «Московского альманаха», вновь подчеркнув: «В нем опубликованы повести, рассказы и стихи преимущественно молодых писателей» [10].

По всей видимости, осенью 1939 г. от сотрудничества с Платоновым редколлегией «Московского альманаха» отказалась. С весны этого года он оказался втянут в ожесточенную литературную борьбу: имя Платонова-художника и Платонова-критика упоминается в выступлениях против журнала «Литературный критик», в дискуссиях о советской критике, о герое современности, советском гуманизме. Осенью ситуация обостряется: публикуются статьи В. Ермилова с критикой «враждебных взглядов» Платонова как выразителя «вредных тенденций» в советской литературе. В это же время решается судьба сборника статей «Размышления читателя», подготовленного в издательстве «Советский писатель» и вскоре при участии Фадеева изъятый как «антисоветская книга» [11, 821; 9, 581–601]. Платоновские оценки происходящего фиксируют донесения этого времени: «По мнению Платонова, общие условия литературного творчества сейчас очень тяжелы, так как писатели находятся во власти бездарностей, которым партия доверяет. К числу таких бездарностей относятся Фадеев и Ермилов»; «Платонов указывает, что его писания поставлены под особый контроль...» [12, 866–867].

Когда-то Фадеев предлагал «коллективно отстаивать и защищать» те произведения, которые будут напечатаны в новом альманахе. В этом случае, считал он, издание будет успешным. Публиковать, отстаивать и защищать Платонова было делом рискованным. Пытавшийся избежать «плохого политического резонанса» «Московский альманах» успешным так и не стал. Вышло лишь две его книги — вторая появилась в 1941 г. (подписана к печати 8 апреля); в ней

⁶ Влияние Хемингуэя «на нашу молодежь часто бывает вредным», — отмечал Фадеев на совещании критиков 10 января 1940 г. [цит. по: 9, 587].

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
Умрюхина Н. В., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
E-mail: umnat@yandex.ru*

напечатаны прозаические произведения В. Кожевникова, Е. Горбова, В. Ковалевского, С. Бабаевского, Б. Ивантера, М. Лузгина и Ю. Нагибина. Ни стихотворений, ни литературно-критических работ, ни высказываний об искусстве и рассказов писателей о своем творчестве в этом выпуске альманаха уже не было.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новый альманах // Литературная газета.—1939.— 26 января.— С. 6.
2. Антипина В. А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930-е – 1950-е годы / В. А. Антипина. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 408 с.
3. На заседании президиума ССП с активом // Литературная газета. 1939.— 26 апреля.— С. 1.
4. Книга, которую ждут // Литературная газета.— 1939.— 26 мая.— С. 6.
5. Рассказы советских писателей. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952.— 708 с.
6. Рассказы советских писателей. Т. 3. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952.— 712 с.
7. Писатель и критик // Литературная газета.— 1939.— 10 апреля.— С. 1.
8. Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 / сост. А. Артизов, О. Наумов. — М.: Демократия, 1999. — 868 с.
9. Корниенко Н. В. [Вступ. статья к комм. книги] Н. В. Корниенко // Платонов А. П. Сочинения. Т. 6. 1936–1941. Кн. 3. Литературная критика. Публицистика. — М.: ИМЛИ РАН, 2023. — С. 541–607.
10. Рыкачев Як. «Московский альманах» / Як. Рыкачев // Литературная газета.— 1940.— 10 февраля.— С. 6.
11. Галушкин А. Андрей Платонов — И. В. Сталин — «Литературный критик» / А. Галушкин // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2000. С. 815–826.
12. Андрей Платонов в документах ОГПУ–НКВД–НКГБ. 1930–1945 / публ. В. Гончарова, В. Нехотина // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2000.— С. 848–884.

*A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Umryukhina N. V., Candidate of Philology, Senior Researcher
E-mail: umnat@yandex.ru*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА XVI–XVII ВВ.: ОТ КОНЦЕПЦИИ К РЕАЛИЗАЦИИ¹

Е. В. Генералова

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 1 июля 2024 г.

Аннотация: в настоящей статье представлена концепция словаря новаторского лексикографического типа — исторического фразеологического дифференцированного словаря языка Московской Руси. Описываются принципы, положенные в основу диахронического описания фразеолофонда, и методика составления такого словаря, приводятся пробные словарные, разработанные для устойчивых сочетаний разного типа.

Ключевые слова: историческая фразеология, фразеография, русский язык XVI–XVII вв., устойчивое сочетание, деловой язык, обиходный язык.

Abstract: this article presents the concept of a dictionary of an innovative lexicographic type — a historical phraseological differentiated dictionary of the language of Moscow Rus. The paper deals with the principles underlying the diachronic description of the phraseofund and the methodology for compiling such a dictionary, also trial dictionary entries for stable phrases of various types are given.

Keywords: historical phraseology, phraseography, Russian language of the 16–17th centuries, stable combination, business language, everyday language.

Эпоха Московской Руси — важный период в истории русского языка: начальный этап формирования национального языка, характеризующийся активно происходящими динамическими процессами на всех языковых уровнях. Особенно показательны в этом отношении лексическая и фразеологическая подсистемы, быстро реагирующие на экстралингвистические факторы и отражающие актуальные исторические, социальные и бытовые реалии, систему ценностей и отдельные черты менталитета носителей языка. Именно в период XVI–XVII вв. происходят принципиальные изменения в лексике и фразеологии русского языка: «в это время закладываются основы национального словаря, происходит отбор в общерусскую лексическую сокровищницу семантически выразительных средств из огромного числа книжных слов, локальных лексем и элементов повседневной речи» [1, 77].

Лексическое и фразеологическое богатство старорусского языка — предмет значительного количества научных работ, среди которых немало монографий и диссертационных исследований. Это также объект лексикографического описания общих толковых

([2], [3]), региональных ([4], [5], [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12]), специальных ([13], [14]) исторических словарей; последнее время активно разрабатывается старорусская часть НКРЯ. К сожалению, лексикографическое представление языка XVI–XVII вв. нельзя назвать полным, существенной лакуной является абсолютное отсутствие фразеологических словарей этого периода.

Историки языка единодушны, констатируя как насущное требование современного момента актуальность системных исследований по исторической фразеологии и необходимость создания исторических фразеологических словарей: см. «проблема древнерусской основы и новообразований в старорусской и старобелорусской фразеологии — одна из актуальных проблем современного исторического языкознания» [15, 148], «отточенной методики лингвистического анализа славянских пословиц в диахроническом аспекте, однако, нам очень не хватает и, судя по всему, она еще не скоро появится» [16: 17], во фразеологии «перспективная линия изучения (от древнейшего состояния к современному) фактически не представлена, историки языка прослеживают развитие лишь отдельных устойчивых сочетаний древнего текста (и в лучшем случае до XVII в.)» [17, 429]. Собственно исторических фразеологических словарей, представляющих по письменным свидетельствам фразеологический фонд разных исторических эпох, на настоящий момент в русистике и славистике считанные единицы: [18], [19], [20]. Исторического фра-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 23-28-00038 «Истоки русской фразеологии: проект дифференцированного исторического словаря фразеологических единиц русского языка XVI–XVII веков»).

зоологического словаря русского языка XVI–XVII вв. пока не существует.

Изучение фразеологического фонда начального периода формирования русского языка и разработка принципов его лексикографического описания будет, во-первых, способствовать развитию теории и практики исторической фразеологии и фразеографии, а во-вторых, позволит решить прикладную задачу создания исторического словаря старорусского языка, демонстрирующего специфику фразеологического фонда и общественного сознания эпохи позднего русского средневековья.

В настоящей статье представлена концепция исторического фразеологического дифференцированного словаря языка Московской Руси и описаны шаги по осуществлению этого проекта. В центре создаваемого словаря находятся фразеологизмы старорусского языка XVI–XVII вв., зафиксированные в письменных памятниках делового и обиходного характера, поскольку «именно деловой речи принадлежала первенствующая роль в формировании повседневного русского словаря» [1, 86]. Непосредственной базой исследования послужили данные исторических словарей и картотек, содержащие материал описываемого периода, данные личных картотек авторов, материалы работ по исторической лексикологии и фразеологии русского языка. Особенно важен как база изучения фразеологии начального периода формирования русского языка «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» [3], который, по замыслу Б. А. Ларина, должен был стать «источником для множества исследований, наблюдений и размышлений, а вместе и богатым собранием фразеологии, этих сгустков и самородков народной мысли, опыта мудрейших, самоцветов слова безвестных и тем не менее чудо-умельцев, гениев русского языка!» [21, 657]. Нельзя не согласиться с Е. С. Макаревич, подчеркивающей, что «в изучении фразеологии актуальным остается регионально-историческое направление, призванное исследовать фразеологический состав письменных памятников определенной территории» [22, 34], поэтому ценными источниками являются издания, представляющие региональную языковую стихию старорусского языка ([4], [5], [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13], [14]). Изучение региональной фразеологии позволяет описать как пласт общерусской фразеологии XVI–XVII вв., так и фразеологические единицы, характерные только для определенного региона (например, смоленское *мливные денги* 'деньги, полученные за помол' [22: 38], псковское *литки пить* 'угощением, выпивкой отмечать удачную сделку' [4: XVII, 95], воронежское *живая вода* 'русло, коренное течение реки' [8: I, 213] и др.). На этапе формирования исследовательского корпуса фразеологических единиц был реализован принцип полноты словарного описания и использован прием сплошной выборки устойчивых сочетаний, функци-

онировавших в памятниках народно-литературного, делового и обиходного русского языка XVI–XVII вв. (за исключением составных союзов (*а либо, аже бо*) и составных имен собственных (*Архангельский город, Варзужская волость*)). Новаторство предлагаемого словаря заключается в его типе (исторический фразеологический словарь), практически отсутствующем в русистике, материале (фразеологический фонд периода начального формирования национального русского языка) и дифференцированном подходе, необходимость которого определена многообразием и разнородностью фразеологических единиц старорусского языка.

В современной научной парадигме существуют разные мнения о совокупности единиц, относимых к фразеологизмам: две основные концепции понимания объема фразеологии обозначают как «узкую» (фразеологизмами признают только обладающие образностью устойчивые сочетания, эквивалентные слову), так и «широкую» (предметом изучения являются не только фразеологические сращения, единства, сочетания, но и пословицы, поговорки, крылатые слова, т.е. фразеологические выражения, а также сложные термины и перифразы). В настоящей работе придерживаемся «широкого» понимания объема фразеологии, что обусловлено целью всеобъемлюще изучить различные разряды устойчивых сочетаний, представленные в истории языка. Исследователи подчеркивают правомерность именно «широкого» подхода в изучении фразеологических единиц в диахронии: «при историческом описании такой подход более чем уместен, поскольку исследователь как бы забрасывает «частую сеть», выявляя единицы, в которых фразеологические признаки могут находиться, так сказать, в зачаточном состоянии» [23, 44]. Т.е. основным объектом изучения является представленный в деловых и обиходных памятниках старорусского языка протофразеологический фонд — значительная по объему группа устойчивых неоднословных комплексов, источник будущего фразеологического фонда национального русского языка.

Среди этих лексем обнаруживаются фразеологические единицы разной тематики, стилистической окраски, структуры, лингвистического статуса: фразеологические сращения (*снять сметану* 'взять самое лучшее, выгодное, обычно опережая других'), фразеологические единства (*Бог не выдаст* 'о надежде, уповании на Всевышнего'), формулы (*покаместа (куда) ходила коса и соха и топор исстари* 'формула определения границ земельного участка'), тавтологические сочетания (*грабежем грабить*), составные наименования (*мягкая рухлядь* 'ценный мех пушных зверей') и терминосочетания (*крыть в зубец* 'сооружать тесовое покрытие крыши с заостренными концами досок в виде острых выступов на краю кровли), плеонастические (*мужняя жена*) и расчлененно-описательные.

сательные (*вчерашний день*) сочетания, перифразы (*смертные врата* ‘конец земной жизни’), устойчивые предложно-падежные сочетания (*за (на) бесценок* ‘очень дешево’), паремии. Важно, что «жесткая» классификация фразеологического материала по аналогии с синхроническим описанием не совсем применима к историческому материалу [24]. Памятники делового и обиходного языка XVI–XVII вв. обнаруживают диффузную картину типов фразеологических единиц, их взаимопроникающие отношения и пересечение различных рубрик.

С учетом многообразия фразеологического материала старорусского языка в соответствии с принципом дифференцированности, положенным в основу проектируемого словаря, разные устойчивые сочетания получают лексикографическое описание, обусловленное спецификой лингвистической единицы. Дифференцированный индивидуализированный подход позволяет при общей единой основе словарной статьи выявить особенности каждого из функционально-семантических типов устойчивых словесных комплексов.

Готовящийся к публикации в настоящее время проект дифференцированного исторического фразеологического словаря будет включать обширное теоретическое введение и четыре раздела, представляющие следующие типы устойчивых сочетаний в старорусском языке: а) идиомы, б) стереотипные формулы, в) составные наименования, г) устойчивые предложно-падежные сочетания. Словарные статьи разработаны соответственно этим типам. Общая микроструктура словаря предполагает следующие обязательные зоны словарной статьи: заголовочный блок, семантическая, иллюстративная, справочная зоны. Справочная зона содержит ссылки на исторические словари или НКРЯ (старорусский подкорпус), если они использовались как источники сбора материала по использованию данной фразеологической единицы. Факультативными являются зона комментария и зона вариантности. На этой основе разрабатываются типы статей, описывающих разные разряды устойчивых словесных комплексов для показа языковых особенностей этих единиц.

В разделе «идиомы» описываются устойчивые словесные комплексы метафорического характера (образные фразеологизмы в современном «узком» понимании, ядро фразеологического фонда любого языка). Очевидны неоднозначность критериев выделения фразеологических единиц в диахронии и несовпадение этих критериев в современных и исторических текстах: так, в диахронии образность, как и экспрессивная функция оборота, является возможным, но не обязательным фактором. Однако для идиом критерий семантического сдвига является обязательным. Формирование целостного значения оборота — всегда длительный, исторический процесс; идиомы же представляются продуктом этого

длительного развития, т.е. единицами с уже закрепившимся метафорическим значением. Среди идиом, выделяемых в старорусском языке, есть обороты со значением, невыводимым из семантики его компонентов (*деревенное слово* ‘брань’, *убить бобра* ‘сделать что-л., преследуя личную выгоду’), и такие, в которых еще прослеживается образ, на основе которого формируется переносное значение (*денно и ночью* ‘постоянно’, *в рот глядеть* ‘подобострастно слушать кого-л., заискивать перед кем-л.’).

Идиомы — очень интересный пласт, во многом отражающий менталитет носителей русского языка XVI–XVII вв.: см. связь понятий об ошибке с понятием о черте (*бесу (дьяволу) душу продать* ‘согрешить’, *дьявол прикоснулся* ‘о совершении какого-л. противоправного поступка’), значительное количество выражений, содержащих лексику *Бог*, интерпретирующих это понятие в обиходном смысле (*Бог умеет и дать и взять* ‘о всевластии Бога, его распоряжении судьбами людей’, *Бог не выдаст* ‘о надежде, уповании на покровительство, защиту Бога’, *чем (что) Бог послал (зашил)* ‘об имеющемся угощении, которым довольствуются.’), некоторые другие устойчивые сочетания, отражающие характерные представления средневековья (*бояться что огня* ‘испытывать сильный страх’, *есть (чей-л.) хлеб (соль)* ‘находиться на содержании у кого-л.’, *иметь (какое-л.) сердце* ‘испытывать какие-л. чувства’).

Словарная статья, описывающая идиомы, помимо общей микроструктуры, включает стилистическую и синонимическую зоны. Стилистическая зона уточняет жанрово-функциональную окраску описываемых единиц, т.к. в текстах делового и обиходного содержания встречаются идиомы разговорной (*голова жива* ‘о ком-л., находящемся в живых; о пребывании в живых’), книжно-церковной (*сосуд (Божий) избранный* ‘достойный, праведный человек’), фольклорной (*столичный град* ‘административный центр, столица государства’) окраски, демонстрируя сложное качество сложения русского фразеологического фонда. Синонимическая зона показывает системные парадигматические связи внутри фразеологической системы (см. синонимию: *денно и ночью, (в) день и (в) ночь, днем и ночью*, антонимию: *в очи* ‘открыто, в лицо собеседнику, прямо (обращаться к тому, о ком идет речь)’ и *за очи* ‘в отсутствие кого-л.’). Каждая идиома подтверждается как минимум двумя цитатами, доказывающими факт устойчивости (воспроизводимости) выражения в старорусском языке и наличия у него семантического сдвига в языке этого периода. См., напр., *за кем-л., за чем-л. ДЕЛО НЕ СТАНЕТ*. Из-за кого-л., чего-л. задержки не произойдет

Не тот Аввакум, ино другой. А за ним дело не станет спасения человеческого. Колесница та таки катится, как ей надобе. *Авв. Письма, 259, 1672 г.* Изволил ты отказные книги прислат, и я от переплету четыре алтына две днги свои заплатил; извол, государь, днг

прислат, а за грамотами дело не станет. *Арх. Безоб-
разова, 1687 г.* <СОРЯ; НКРЯ>

Особый раздел словаря посвящен формулам, под которыми понимаются типовые словосочетания-клише, которые используются в конкретных ситуациях и характеризуются традиционностью и ситуативностью употребления. Такие сочетания типичны для средневековых текстов, в которых выражение многих эмоций стандартизовано и типизировано. Это обширная и разнородная группа устойчивых словесных комплексов, не имеющая прямого соответствия в современном русском языке. Могут быть предложены классификации формул на различных основаниях: по жанровому принципу, отношению к формуляру документа, функции, тематике, структуре и др. В исследуемом материале обнаруживаются дипломатические (*братство и дружба* 'мирные, дружественные отношения между главами государств'), судебные (*искать бою и грабежу* 'добиваться в суде возмещения ущерба, причиненного побоями и кражей имущества'), различные официально-деловые (*и как к тебе (вам) ся наша грамота придет, и ты (вы) б...* 'формула царских указов: требование выполнения распоряжения, решения сразу по получении указа'), частно-деловые (*волочиться (бродить, скитаться) меж (межу) двор(-ы)* 'формула, определяющая социальный статус человека: нищенствовать, просить милостыню'), этикетные письменные (*высокопоспанные памяти* 'при почтительном упоминании об умершем государе') и характерные для устного общения (*здоров парился* 'пожелание легкого пара в бане') формулы. Предлагаемое лексикографическое описание стремится показать языковую специфику этих лингвистических единиц.

В заголовочной зоне указывается сама формула, при наличии — слова-сопроводители и варианты компонентов. Особенностью словарной статьи, описывающей формулы, является функциональная зона. В этой зоне помещается обязательное указание на формульность устойчивого сочетания, тип формулы (дипломатическая, официально-деловая, частно-деловая, судебная, разговорная, фольклорная), ее разновидность (например, «формула, определяющая социальный статус человека», «самохарактеристика просителя», «формула определения границ земельного участка»), сферу использования формулы («формула расспросных речей», «формула духовных грамот»), при наличии — указание на прикрепленность к клаузуле документа («формула зачина челобитных», «этикетная формула конца частного письма»). Внутри словарных статей, описывающих формулы, демонстрируется также типичное управление: напр., грамматические валентности *про кого, про что, о ком* для этикетной формулы зачина письма *а изволишь вопросить (спросить) (напомнить (напомянуть, воспомянуть, напаятовать), ведать)* 'привлечения внимание к адресанту', валентности

кому, на чем, за что при значении 'благодарить' многозначной и многофункциональной формулы *челомбить*. См., напр., словарная статья раздела «формулы»:

ДАТЬ И ВЗЯТЬ (ВЗЯТЬ И ДАТЬ) И ПО ДУШЕ МОЕЙ ИСПРАВИТЬ. *Частно-дел. Формула духовных грамот.* Исполнить волю завещателя, передав имущество в управление или собственность.

Оставляю я Григорей и благословляю двор свои и скот и земли все свои статки отписываю сыну своему Левонтию да внуку Фотью что им Левонтию да Фотью по сей деловой дати и взяти и по душе моей исправити. *Сл. Перм. I, 237, 1644 г.* — *кому.* А тотъ весь животь свой по сей духовной приказываю взяти и дати и по души моей [Неонила Елисеевой] исправити зятю моему Ивану Омосову сыну Борисову. *АХУ II, 193, 1606 г.* <Сл. Перм.; СЛРЯ, СОРЯ>

Раздел «составные наименования» включает именные (*мед боярский, жемчуг скатный (скачный), александрийская бумага* и др.) и глагольные (*идти бечевой*), терминосочетания. Н. В. Соловьева, рассмотревшая устойчивые сочетания — наименования продуктов питания и напитков в старорусском и старобелорусском языках, подчеркивает, что структурная однотипность и воспроизводимость данных сочетаний позволяет предполагать их терминологический характер и, при широком понимании объема фразеологии, включить их в число фразеологических единиц [25, 32].

Составные наименования могут быть как одиночными (интерпретируются в отдельной словарной статье), так и «серийными» (собираются внутри статьи в группы с общим подзаголовком «с определением, указывающим на...» или без него), т. е. особенностью этой рубрики является ее организация: напр., внутри статьи *мед* есть рубрики «с определением, указывающим на сорт такого напитка в зависимости от цвета», «с определением, указывающим на сорт такого напитка в зависимости от технологии приготовления», «с определением, указывающим на сорт такого напитка в зависимости от ягодных добавок, с которыми проваривали мед при брожении» и др. После заголовочного блока идет специальная помета, указывающая на тематику и сферу употребления сочетания, которое нередко представляет собой фрагмент формирующейся именно в период XVI–XVII вв. терминологии определенной области. Авторским коллективом был разработан список этих помет, среди которых *администр., ботан., кулинар., прав., строит., ювелир.* и др. Толкование составных наименований содержит указание на родовой и дифференциальные признаки обозначаемой реалии. При многозначных существительных составные наименования размещаются на каждое из значений существительного. Частым в словарных статьях этого типа является историко-культурологический или энциклопедический комментарий, описывающий специфику утраченной реалии, обозначенной соответствующим составным наименованием. См., напр.,

СТОЛОВАЯ (БРУСЯНАЯ) ИЗБА. *Дворц.* Часть Кремлевского Дворца, предназначенная для встречи гостей. [«Название «Столовая изба» встречается уже в Дополнительной статье 1526 г., но в Посольских книгах о ней долгое время умалчивается, что, возможно, указывает на приобретение ей с 1540-х годов какой-то новой функции. Впервые название «Столовая брусяная изба» встречается при описании состоявшегося 22 января 1543 г. приема литовского посланника Станислава Петряшевича. С этого момента прежний термин «Брусяная изба» без добавления слова «Столовая» уже больше не встречается в записях Посольских книг. Есть, правда, один случай обозначения ее не как избы, а как «Столовой полаты брусяной». *Подъяпольский С. С.* Московский Кремлевский дворец в XVI веке по данным письменных источников. В кн.: Древнерусское искусство, СПб, 2003. <http://www.rusarch.ru/podyapolsky9.htm>]

А царь и великий князь сидѣль въ Столовой брусяной избѣ. *Дворц. зап., 195, 1570 г.* Быль государь въ Столовой избѣ, а у него государя былъ черкасско-го гетмана Хмелинского гонецъ. *Выходы ц. в. к., 236, 1651 г.* <СОРЯ>

Четвертый раздел предлагаемого проекта посвящен рассмотрению устойчивых предложно-падежных сочетаний — состоящих из предлога и падежной формы имени конструкций, характеризующихся определенной устойчивостью (воспроизводимостью), единством грамматической структуры, лексического состава и семантики (*в девках, за посмех, по знакомству, на ангел* и др.).

Выделение данного раздела отвечает актуальной проблематике современной русистики, в которой не решен вопрос о лексико-грамматическом статусе таких сочетаний. Важной для характеристики единиц этого типа является грамматическая помета, указывающая на их категориальную семантику и синтаксическую роль (*адверб., модал., служ.* и др.). См., напр.,

ЗА ОБЫЧАЙ. *Предикат. Привычно, хорошо известно (об умении делать что-либо).* Велено послать въ село Дединово карабелного капитана Давыда Бутлера... которой на Хвалимскомъ море бываль и морской ходъ ему за обычей. *ДАИ V, 263. 1670 г.* Мне... толмачество не за обычей. *Мат. мед., 899, 1677 г.* И тех Алтыновых послов... отпустить к Москве, дав им приставов дву человек детей боярских добрых, которым бы посольское дело было за обычай. *Сл. Том., 155, 1632 г.* А без них кречатов велено промышлять братье и детем их или товарищем, которые за тем у них остануца, и кому такое дело за обычай. *Сл. Сиб., 91, 1674 г.* <СлРЯ, Сл. Сибир., Сл. Том.>

В конце дифференцированного словаря будет приведен общий индекс всех описанных устойчивых сочетаний, организованный по алфавиту первого существительного (при его отсутствии — глагола, прилагательного, наречия), являющегося компонен-

том устойчивого сочетания; при каждой фразеологической единице будет дано сокращенное указание на раздел, в котором она рассматривается. См. фрагмент индекса:

ГОЛОВА * ГОЛОВА ЖИВА. *И*

* В ГОЛОВЕ (ГОЛОВАХ). *Л*

* ВЫДАТЬ / ВЫДАВАТЬ ГОЛОВОЙ (ГОЛОВАМИ). *С*

* ВЫЦЕЛОВАТЬ ГОЛОВОЙ. *С*

* ВО ВСЮ ГОЛОВУ. *И*

* НА ГОЛОВУ ПОБИТЬ. *И*

* НАШИ ПОРУЧИКОВЫ ГОЛОВЫ В ЕГО (ИХ) ГОЛОВУ(–Ы) (чье-л.) МЕСТО. *Ф*

На настоящий момент в соответствии с разработанной концепцией словаря новаторского лексикографического типа — исторического дифференцированного фразеологического словаря — активно ведется формирование картотеки устойчивых словесных комплексов памятников делового и повседневного общения русского языка XVI–XVII вв., готовится к публикации проект словаря, включающий теоретическое обоснование и пробные словарные статьи, организованные по четырем разделам. Представляется, что такая теоретическая и практическая работа в области исторической фразеологии будет способствовать уточнению понятия фразеологической единицы в истории языка, детальному изучению формирования фразеологического фонда русского языка в начальный период создания национального языка, формулировке принципов лексикографического представления фразеологизмов в истории языка и в целом — масштабному описанию фразеологического фонда русского языка разных эпох, в том числе в виде исторических фразеологических словарей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Судаков Г. В. Лексика русского языка преднационального периода в структурно-семантическом и функциональном аспектах / Г. В. Судаков // Слово и текст в культурном сознании эпохи. 2010. Выпуск 4, часть 1. — Вологда: изд-во Вологод. гос. пед. ин-та, 2010. — С. 77–86.
2. СлРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв.: вып. 1–31. М., 1975–2019. Изд. продолжается.
3. СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.: вып. 1–9. СПб: Наука, 2004–2020. Изд. продолжается.
4. Псковский областной словарь с историческими данными: вып. 1–28. Л., СПб: изд-во ЛГУ, изд-во СПбГУ, 1967–2020. Изд. продолжается.
5. Словарь языка мангазейских памятников XVII — первой половины XVIII в. / сост. Н. А. Цомакион. Красноярск, 1971. — 581 с.
6. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / сост. Л. Г. Панин. Новосибирск: Наука, Сибир. отд., 1991. — 179 с.
7. Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века: в 2 т. Пермь: ред.-изд. отд. Пермского гос. ун-та, 2010.

8. Хитрова В. И. Словарь воронежской деловой письменности XVII–XVIII вв.: в 5 т. М.: Прометей, 2022–2023.
9. Исторический словарь Восточного Забайкалья: по материалам нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв. Вып. 1. / сост. Г. А. Христиненко, Л. М. Любимова. — Чита, 2003. — 90 с.
10. Региональный исторический словарь 2-й половины XVI–XVIII вв.: по памятникам письменности Смоленского края / отв. ред. Е. Н. Борисова. Смоленск: Смол. гос. пед. ун-т, 2000. — 367 с.
11. Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII — начала XVIII в. / ред. В. В. Палагина, Л. А. Захарова. Томск: изд-во Том. ун-та, 2002. — 334 с.
12. Борисова Е. Н. Исторический словарь народно-разговорной речи XVI–XVIII вв. Рязанского края / Е. Н. Борисова. — М.: Флинта, 2023. — 464 с.
13. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.: в 3 т. / ред. Ю. И. Чайкина. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003–2015.
14. Щеглова Н. А. Технический словарь тульских оружейников XVII–XVIII веков. — М.: Аякс-Пресс, 2004. — 302 с.
15. Трофимович Т. Г. К проблеме древнерусской основы и новообразований в старорусской и старобелорусской правовой фразеологии / Т. Г. Трофимович, Н. В. Полещук // Взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур: состояние и перспективы. Мат-лы междунаучно-практ. конференции. — Минск, 2008. — С. 148–150.
16. Мокиенко В. М. Современная паремология (лингвистический аспект) / В. М. Мокиенко // Мир русского слова. — 2010. — № 3. — С. 6–20.
17. Пименова М. В. Устойчивые единицы в диахронии и концептуальные формы ментальности / М. В. Пименова // Лексикология и лексикография у светлых савремених приступа: сб. научных статей. Белград, 2016. — С. 425–438.
18. Палевская М. Ф. Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века М. Ф. Палевская. — Кишинев: Штиинца, 1980. — 365 с.
19. Васильев А. И. Словарь фразеологических единиц древнерусского языка / А. И. Васильев. — Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2011. — 382 с.
20. Большой фразеологический словарь старославянского языка: т. 1–3 / гл. ред. С. Г. Шулержкова. — М.: Флинта, 2020–2022. Изд. продолжается.
21. Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Б. А. Ларин. Филологическое наследие: Сб. статей. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. — С. 656–659.
22. Макаревич Е. С. Фразеология Смоленских памятников деловой письменности / Е. С. Макаревич // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. — 2015. — № 2 (195). — С. 34–39.
23. Трофимович Т. Г. Фразеологизированные средства номинации языка старорусской деловой письменности в связи с проблемой объекта фразеологии / Т. Г. Трофимович // Актуальные проблемы славянской фразеологии: мат-лы Междунаучной конф. — Минск, 1999. — С. 43–44.
24. Юдина Л. Г. Состав и функционирование фразеологизмов в текстах русских повестей второй половины XVII века: дис. ... канд. филол. наук. / Л. Г. Юдина. — Иваново, 2001. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <https://cheloveknauka.com/sostav-i-funkcionirovanie-frazeologizmov-v-tekstah-russkih-povestey-vtoroy-poloviny-xvii-veka> (дата обращения 20.02.2024).
25. Соловьева Н. В. Неоднословные наименования продуктов питания и напитков в старорусском и старобелорусском языках: проблема лексикографической интерпретации / Н. В. Соловьева // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. — 2013. — № 1 (75). — С. 32–36.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ИСТОЧНИКОВ

- Авт. Письма* — Аввакум. Письма // Под ред. Н. К. Гудзия. М., 1960. С. 185–294.
- Арх. Безобразова* — Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. I–II. Изд. А. А. Новосельского, С. И. Коткова / Сост. Л. Ф. Кузьмина, И. С. Филиппова. — М., 2012–2013.
- АХУ II* — Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 2. РИБ. Т. 12, 14, 25. 1894.
- Выходы ц. в. к.* — Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича всея Руси самодержцев (1632–1682 гг.) / Сообщ. П. М. Строев. — М., 1844.
- ДАИ V* — Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. — Т. 5. — СПб., 1853.
- Дворц. зап.* — Дворцовая записка о бытности у царя Иоанна Васильевича на аудиенции польских послов, 1570 г. // Труды и летописи ОИДР. Ч. 6. — М., 1833. — С. 195–200.
- Мат. мед.* — Материалы для истории медицины в России. Дела Аптекарского приказа с 1645 по 1674 г. Вып. I–IV. — СПб., 1881–1885.

Санкт-Петербургский государственный университет
Генералова Е. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета
E-mail: elena-generalova@yandex.ru

Saint Petersburg State University
Generalova E. V., Candidate of Philology, associated professor of the Departments of the Russian Language of the Philological Faculty
E-mail: elena-generalova@yandex.ru

КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ЛИРИКА. ПЕСНИ ЮНОШЕСКОЙ БЕЗОТВЕТНОЙ ЛЮБВИ

О. Н. Гуменюк

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

Поступила в редакцию 2 сентября 2024 г.

Аннотация: в статье отмечается значительная распространенность в фольклоре крымских татар песен печальной, часто безответной любви. Страдания безнадежно влюбленного лирического героя поэтизируются в песне «Посмотрите, друзья». Лирический герой обращается к друзьям и стремится вызвать их сочувствие, живописуя в эмоционально насыщенном песенном монологе свою душевную горечь. Сочетание пылко призыва и проникновенной грусти определяет интонационный строй этой песни. Страстное обращение к любимой, с которой не удалось найти взаимопонимания, представляет собой песня «Я не знаю, в чем причина». Субъект лирического повествования со все нарастающей эмоциональностью выражает свое горестное сожаление, удивление по поводу холодности, отчужденности от него близкой сердцу девушки. Лирические герои рассматриваемых песен страдают от того, что без взаимной любви проходит их молодость. Рассматриваемые песни характеризуются поэтической изысканностью, в частности красочной метафоричностью, впечатляющей звуковой организацией как словесных, так и музыкальных текстов. Яркая эмоциональная насыщенность и разнообразие психологических оттенков обуславливают своеобразие мелодий, гибкость интонаций, эффектное сочетание ритмов.

Ключевые слова: фольклор крымских татар, лирика, песни безответной любви, поэтика, ритмо-мелодика.

Abstract: the author of the article notes the significant prevalence of the songs of sad, often unrequited love in the folklore by Crimean Tatar. The sufferings of the hopeless in love lyrical hero are poeticized in the song "Look, friends". The lyrical hero turns to his friends and strives to evoke their sympathy, portraying his inner bitterness in an emotionally rich song monologue. The combination of an ardent appeal and soulful sadness determines the intonation structure of this song. The song "I don't know, what's the reason" represents a passionate appeal to a beloved with whom it was not possible to find mutual understanding. The subject of the lyrical narration expresses his sad regret and surprise at the coldness and alienation of the girl close to his heart with ever-increasing emotionality. The lyrical heroes of the investigated songs suffer from the fact that their youth passes without mutual love. These songs are characterized by poetic sophistication, in particular, colorful metaphors, effective sound organization of both verbal and musical texts. Bright emotional saturation and a variety of psychological shades determine the originality of melodies, flexibility of intonations and the effectual combination of rhythms.

Keywords: folklore by Crimean Tatars, lyrics, the songs of unrequited love, poetics, rhythm and melody.

Крымскотатарский песенный фольклор создавался на протяжении многих веков. Об этом, в частности, свидетельствует турецкий путешественник Эвлия Челеби, который, описывая свои наблюдения и впечатления о пребывании на полуострове в середине XVII века, для подтверждения изысканности языка жителей центрального Крыма приводит распространенные среди них похожие на частушки лаконичные песнопения, связанные с любовной тематикой, отмеченные живописной образностью, игривой ритмикой [10, 123]. Среди разновидностей, течений письменной поэзии эпохи Крымского Ханства (XV–XVIII вв.) выделяется так называемая поэзия саза, принадлежащая перу ашыков (играющих на сазе, струнно-щипковом

инструменте, певцов-сказителей), ориентированных в своих художественных исканиях, прежде всего, на традиции устно-поэтического народного творчества. Но, как не раз отмечалась, в том числе и в моей предыдущей статье, опубликованной на страницах воронежского филологического журнала [6], фиксация, систематизация этого творчества, его надлежащее научное изучение связаны с инициированным Исмаилом Гаспринским в 80-х годах XIX века национально-культурным возрождением крымских татар. Первым основательным фольклористическим трудом, посвященным крымскотатарской народной песне, является сборник Алексея Олесницкого «Песни крымских турок», увидевший свет в 1910 году в Москве под маркой Лазаревского института восточных языков [7]. Составитель по итогам полевых записей,

осуществленных летом 1909 года на крымском южном побережье, опубликовал 62 фольклорных произведения — шестьдесят лирических песен и два эпических сказания. Больше половины этих песен посвящены любовной тематике. Песни любви, как в своем предисловии отмечает фольклорист, наиболее распространены среди крымских татар, а большая часть из них — это песни печального характера, они «воспевают тоску влюбленного по своему предмету» [8, 9]. О значительном распространении песен любви в крымскотатарской фольклорной лирике и в свою очередь о превалировании среди них песен печальных пишет исследователь Муртаза Велиджанов [4, 21]. Существенно приумножили достижения А. Олесницкого исследователи последующих эпох, в частности фольклористы, опубликовавшие весомые сборники на рубеже XX–XXI веков, когда набрало силы второе возрождение духовной культуры крымских татар. Следует, в частности, отметить издания таких авторов, как Ильяс Бахшыш и Эдем Налбандов [2; 3], Аблязиз Велиев и Сервер Какура [5], Февзи Алиев [1]. Все же изучение как словесной, так и музыкальной поэтики крымскотатарской фольклорной лирики, детальный анализ отдельных, прежде всего, наиболее характерных песен, — это работа, которая еще требует пристального внимания, дальнейших усилий фольклористов. В некоторой степени восполнить существующий пробел призвана предлагаемая публикация.

Страдания безнадежно влюбленного лирического героя своеобразно поэтизируются в песне «Бакъын достлар» («Посмотрите, друзья»). Лирический герой обращается к друзьям и стремится вызвать их сочувствие, живописуя в эмоционально насыщенном песенном монологе свою душевную горечь. Сочетание страстного призыва и проникновенной печали определяет интонационный строй этой песни. Уже в первых строках, в первом из четырех двухстрочных куплетов отчетливо обозначается неизбывная тоска лирического героя и всплывает ключевое здесь слово «меджнун» («безумно влюбленный», «ошалевший от любви»):

Бакъын достлар, фелек манъа нейледин,
Акълым алып, мены меджнун эйледы
(Посмотрите, друзья, каков мой удел,
Разум отобрал, в меджнуна меня обратил)

[3, 63; здесь и далее подстрочный перевод цитируемых песен принадлежит автору статьи].

В следующем куплете отчетливо развивается присутствующая уже в первых строках, неотделимая от эмоциональной насыщенности философичная медитативность. Здесь фигурирует несколько неожиданный образ падишаха на троне. Очевидно, что появление рядом с таким несколько напыщенным образом упоминания о соловьином пении на рассвете не случайно. Оно призвано убедить в том, что есть на свете вещи, над которыми не властны ни простой

смертный, ни даже могучий властитель. Пение соловья здесь явно выступает традиционным для восточной и не только восточной поэзии эквивалентом любовных чувств:

Сен бир падышахсынъ, отур тахтында,
Бульбуллер отъсин бу Саар вакътында
(Ты падишах, сиди на троне,
А соловьи на рассвете пусть поют).

Образ падишаха контрастирует с образом раба, с которым далее сравнивает себя лирический герой. Эта контрастность эмоционально усиливается другими образными противопоставлениями, а также своеобразной переключкой местоимений, которыми начинаются соседние (второй и третий) куплеты, где развивается лирический сюжет: сен (ты) — мен (я). На долю лирического героя выпало не воссесть на троне, а скитаться и страдать в плену душевных мук. Здесь снова всплывает слово «меджнун»:

Мен къул олдым къалдым аяк астында,
Меджнун олып кездим дагълар башында
(Я стал рабом, оказался под ногами,
Меджнуном брожу у верховьев гор).

В контексте развития лирического сюжета образ высоких гор, недоступных вершин зримо подчеркивает бремя положения презираемого, прибитого к земле раба, с которым ассоциирует себя неприкаянный пылко влюбленный.

Завершает песню куплет-итог. Здесь горькая констатация удручающего положения лирического героя таит в себе и новый всплеск пронзительного отчаяния, и одновременно некую стоическую сдержанность, может, даже вызов житейским невзгодам. В любом случае эмоциональная насыщенность в сочетании с психологической проницательностью и философичной медитативностью предопределяет особую художественную изысканность песни и открывает возможности различных интерпретационных нюансов. В последнем куплете, как и в куплетах предыдущих, существенную роль играет характерная для образного строя произведения сложная система контрастов:

Ашыкъ олып бир мурада ирмедим,
Яшлыгъымнынъ бир сефасын сюрмедим
(Влюбленный, я стремлений своих не осуществил,
Радостями юности моей не наслаждался).

Версификационная организация текста песни характеризуется особой четкостью, выразительным лаконизмом двухстрочных строф, неизменными двойными цезурами — паузами после первых и вторых четырех слогов в каждой строке (только в строфе, где лирический герой обращается к призрачному падишаху, цезуры не совсем соблюдены). Обарают на себя внимание также точные и богатые рифмами.

Ритмическая четкость вместе с тем сочетается с продиктованной не в последнюю очередь отмеченной образной контрастностью интонационной многогранностью, эмоциональной проникновен-

ностью, которая особенно ощутима в музыкальном тексте, испещренном широкими распевами, в основном приходящимися на слоги, предшествующие упомянутым цезурам. Свободное тоскливое течение мелодии, то и дело прерывающееся паузами, удлинняющееся широкими распевами, напоминает душевный стон. Это течение насыщено также пунктирами, синкопами, ферматами, которые, словно всхлипывания и стенания, передают внутреннее смятение, тревогу лирического героя. Этому смятению и тревожности соответствует также прихотливый рисунок музыкального ритма, отмеченного не только упомянутой орнаментальностью, в частности синкопами, но и значительной изменчивостью. В варианте, помещенном в ташкентском сборнике Ягъя Шерфединова [6, 70] музыкальный размер изменяется практически в каждом такте. В варианте И. Бахшиша вообще отсутствует разделение на такты, что вместе с пометкой «Ad libitum» («По желанию») свидетельствует о присущей музыкальному тексту темпоритмической вариативности, конкретный характер которой должен зависеть от чуткости исполнителя и особенностей его интерпретации.

Страстным обращением к любимой, с которой не удалось достичь взаимопонимания, является песня «Мен де бильмем, себеп кимдир» («Я не знаю, в чем причина»), наиболее полный вариант которой помещен в сборнике И. Бахшиша [3, 70]. Три из пяти куплетов (первый, второй и четвертый) начинаются строкой, давшей название песне. В этих куплетах лирический герой всякий раз со все нарастающим эмоциональным подъемом выражает свое глубоко сожаление, удивление по поводу холодности, отчужденности близкой его сердцу девушки:

Мен де бильмем, себеп кимдир,
Залым, менден къачарсынъ.
Олур-олмаз ёсмалара
Гизлы сырынъ ачарсынъ.
Мен де бильмем, себеп кимдир,
Санъа менден къачмая.
Бир мунасиб ярем ёкътыр
Гизлы сырым ачма.
.....
Мен де бильмем, себеп кимдир,
Айры тюштик, бильмедим.
Он секизде бир яр севдим,
Ич те ондан кульмедим
(Не пойму я, в чем причина,
Безжалостная, от меня убегаешь ты,
Готовая неким обольстителем
Сокровенную тайну раскрыть.
Не пойму я, в чем причина,
Ты меня чураешься.
Другой такой любимой нет у меня,
Дабы раскрыть ей мою сокровенную тайну.
.....
Не пойму я, в чем причина,

Что нас разлучило, не пойму.
В восемнадцать лет влюбился я
И с тех пор не улыбаюсь) [3, 70].

Нарастание тревоги лирического героя ознаменовано не только настоятельностью обращения к любимой, выраженной идентичностью первых строк этих куплетов. Существенную роль здесь играют также иные словесные и интонационные повторы: *Олур-олмаз; Гизлы сырынъ ачарсынъ... — Гизлы сырым ачма; Мен де бильмем... — бильмедим*. По-своему содействует усилению эмоциональной взволнованности и наличие в четвертом куплете более интенсивной рифмы (вместо основной в песне черезстрочной рифмы — *abcd* здесь фигурирует схема — *abbb*).

Третий и пятый куплеты, которые также начинаются общей для них строкой («Бир атеш дюш олмышым») и к тому же идентичны между собой в других структурных компонентах, по своему характеру близки к рефрену, подчеркивающему и своеобразно оттеняющему ведущую тональность песни. Тревожная риторика сменяется здесь яркой образной констатацией душевного смятения брошенного на произвол судьбы, страстно влюбленного лирического героя. Его душевные терзания сравниваются с традиционным в крымскотатарском песенном фольклоре образом испепеляющего огня:

Бир атеш дюш олмышым,
Якъты мени алеви.
Сенинъ иле ашна олсам,
Яндырырдым алеми.
.....
Бир атеш дюш олмышым,
Якъар бутюн алеми.
Сенинъ иле ашна олсам,
Сёнер онынъ алеви
(В огонь попал я,
Сжигает пламя меня.
Если бы я твоим любимым стал,
Покорил бы весь мир.
.....
В огонь попал я,
Пылает весь мир.
Если бы я твоим любимым стал,
Погасло б это пламя).

Особая живописность этих строф, близких по своему характеру к рефренным, сочетается с передачей не только особой эмоциональной насыщенности, бурности, но и необычайной силы чувств лирического героя. Его переживания достигают здесь едва ли не космических масштабов. Любовное пламя этих строк такое впечатляющее, что охватывает не только самого влюбленного, но и весь окружающий его мир. Нельзя не заметить также своеобразной звукописи, весьма выразительной в строках именно этих куплетов. Обратим, например, внимание на доминирование звука «ш» в строке, которой начинается первый из них. Мы как будто слышим шипение огня.

Весьма благозвучна, можно сказать, изысканно инструментована также присутствующая в обоих этих куплетах строка «Сенинъ иле ашна олсам» — здесь превалирует мягкий «л», а также утешительный «а», которые будто окутывают, успокаивают оттеняемый более спокойным «с» одинокий, но такой ощутимый среди строки шипящий «ш». Последний словно предстает выразительным отголоском еще далеко не утихомиренной бурности испепеляющего пламени. Успокаивающая звукопись как знак надежды сквозит и в последних двух строках. Присутствующая в них анафора, ее своеобразное удлинение в последней строке, повторяющееся, как эхо, «он... он» («Сенинъ... / Сёнер онынъ...») — такие созвучия в этом смысле весьма показательны.

Особая эмоциональная насыщенность, проникновенная экспрессивность песни «Мен де бильмем, себеп кимдир» («Я не знаю, в чем причина») особенно явственна в музыке. Здесь только одна-две начальные ноты каждой строки не распеваются (это каждый раз словно пауза перед эмоциональным взрывом), а далее трепетно-протяжные распевы приходятся почти на каждый слог и еще каждая строка непременно завершается дополнительным удлинением — ферматой. Это существенно усиливает напряженную взволнованность мелодии.

В музыкально-поэтическом фольклоре крымских татар особое место принадлежит песням печальной, часто безнадежной любви. В то же время не в одном таком фольклорном произведении, в том числе и в вышерассмотренных песнях, ощущается, что часто и такая любовь по-своему оживляет душу, наполняет ее чувством полноты жизни, чувством не только горечи и отчаяния, но и тревожно-сладостной взволнованности. Эти песни отличаются поэтической изысканностью, в частности красочной метафоричностью. Яркая эмоциональная насыщенность и разнообразие психологических оттенков обуславливают своеобразие мелодий, гибкость интонаций, эффектное сочетание ритмов.

Предельная эмоциональная насыщенность песен «Бакъын достлар» («Посмотрите, друзья») и «Мен ди бильмем, себеп кимдир» («Я не знаю, в чем причина») может быть объяснена, в частности, тем, что субъектами лирического повествования здесь являются еще совсем юные парни, остро переживающие первые любовные размолвки и недоразумения.

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова (Симферополь)

Гуменюк О. Н., доктор филологических наук, профессор кафедры русской и украинской филологии

E-mail: olvimy21@gmail.com

В первой из рассмотренных песен лирический герой сетует на то, что без взаимной любви проходит его молодость: «Яшлыгымнынъ бир сефасын сюръмедим» — «Радостями юности своей не наслаждаюсь». Подобные тревоги высказываются и во второй песне: «Он секизде бир яр севда, / Ич те ондан кульмедим» — «В восемнадцать влюбился я и с тех пор не улыбаюсь».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев Ф. Антология крымской народной музыки — Къырым халкъ музыкасынынъ антологиясы / Февзи Алиев. — Симферополь: Крымучпедгиз, 2001. — 600 с.
2. Бахшыш И. Къырымтатар халкъ йырлары / Ильяс Бахшыш, Эдем Налбандов. — Акъмесджит: Таврия, 1996. — 448 с.
3. Бахшыш И. Къырымтатар халкъ йырлары / Ильяс Бахшыш. — Симферополь: Къырым девлет окъув нешرياتы, 2004. — 384 с.
4. Велиджанов М. Къырымтатар халкъ йырларынынъ сёзлери акъкъында / Муртаза Велиджанов // Бахшыш И. Къырымтатар халкъ йырлары / Ильяс Бахшыш, Эдем Налбандов. — Акъмесджит: Таврия, 1996. — С. 5–57.
5. Велиев А. Къырымтатар муаджир тюркюлер / Муэлиф ве тертип этиджилер Аблязиз Велиев, Сервер Какура. — Симферополь: Къырым девлет окъув нешرياتы, 2007. — 204 с.
6. Гуменюк О. Н. Образный лаконизм и эмоциональная насыщенность крымскотатарской фольклорной лирики / О. Н. Гуменюк // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — 2022. — № 4. — С. 17–21.
7. Олесницкий А. Песни крымских турок: текст, перевод и музыка / Алексей Олесницкий; под ред. Вл. Гордлевского. — Москва: Лазаревский институт восточных языков, 1910. — 85 с.
8. Олесницкий А. Предисловие / Алексей Олесницкий // Олесницкий А. Песни крымских турок: текст, перевод и музыка / Алексей Олесницкий; под ред. Вл. Гордлевского. — Москва: Лазаревский институт восточных языков, 1910. — С. 7–12.
9. Шерфединов Я. Звучит кайтарма — Янърай къайтарма / Я. Шерфединов. — Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Г. Гуляма, 1979. — 232 с.
10. Челеби Э. Книга путешествий: походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667) / Эвлия Челеби. — Симферополь: Таврия, 1996. — 240 с.

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol)

Humeniuk O. M. Doctor of Philology, Professor in the Department of Russian and Ukrainian Philology

E-mail: olvimy21@gmail.com

УСАДЕБНЫЙ ТОПОС В РОМАНЕ И. А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА» И КОНЦЕПЦИЯ ГЕТЕРОТОПИИ М. ФУКО.

Гун Цзэхуэй

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Поступила в редакцию 12 сентября 2024 г.

Аннотация: в статье представлен системный анализ усадебного топоса в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева», основанный на теории гетеротопии, которая была предложена М. Фуко и получила новое осмысление в русской философии конца XX века. В статье показывается, что мир усадьбы в главной бунинской книге может быть осмыслен в соотношении с шестью характеристиками гетеротопии, выделенными М. Фуко. Такое соотношение позволяет констатировать, что усадебный топос в «Жизни Арсеньева» обретает форму гетеротопии, характеризуется кризисностью, изменчивостью «при изменении общей синхронии культуры», сложным соединением несоединимых пространств, «гетерохронией», «проницаемой непроницаемостью», иллюзорностью, которая проясняет реальность.

Ключевые слова: Бунин, гетеротопия, гетеротопия усадьбы, усадебный топос, образ усадьбы, динамика.

Abstract: the article presents a systematic analysis of the estate topos in the novel by I. A. Bunin's "The Life of Arseniev", based on the theory of heterotopia, which was proposed by M. Foucault and received a new understanding in Russian philosophy of the late 20th century. The article shows that the world of the estate in Bunin's main book can be understood in relation to the six characteristics of heterotopia identified by M. Foucault. This correlation allows us to state that the estate topos in "The Life of Arseniev" takes the form of a heterotopia, characterized by crisis, variability "with changes in the general synchrony of culture," a complex combination of incompatible spaces, "heterochrony," "permeable impenetrability," and illusory that clarifies reality.

Keywords: Bunin, heterotopia, heterotopia of the estate, estate topos, image of the estate, dynamics.

Впервые понятие «гетеротопия» было введено в «Предисловии» к шедевру Фуко «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук», опубликованному в апреле 1966 г. 14 марта 1967 года Фуко выступил с речью на тему «Другие пространства».

В своей работе «Слова и вещи» Фуко указывает на основные характеристики гетеротопии: «Это беспорядок, высвечивающий фрагменты многочисленных возможных порядков в лишенной закона и геометрии области гетероклитного; и надо истолковать это слово, исходя непосредственно из его этимологии, чтобы уловить, что явления здесь «положены», «расположены», «размещены» в настолько различных плоскостях, что невозможно найти для них пространство встречи, определить общее место для тех и других» [17, 30]. Согласно собственной теоретической системе, он делит социальное пространство на три части: реальное пространство, утопию и гетеротопию. Может показаться, что эти три пространства параллельны и разобщены друг с другом, но на самом деле это такое понимание социального пространства, в котором все три неизбежно пересекаются и сосуществуют [9, 186].

Топос усадьбы у Бунина может быть прочитан

в соотношении с концепцией Фуко. Это открывает перед учеными новые перспективы для исследований. В настоящее время усадебная тема привлекает многих среди российских ученых. Можно назвать целый ряд работ Т. М. Жапловой [4; 5], Л. В. Ершовой [3], Т. А. Лебедевой [8], О. А. Поповой [11], С. В. Зеленцовой [6], Лю Шумей [19], О. А. Осадчей [10] и др., в которых предпринимались попытки как очертить целостный образ усадьбы, созданный Буниным в прозе и поэзии [3; 4; 8], так и обозначить эволюцию этого образа [15], обосновать «место» бунинской усадьбы в корпусе произведений русской литературы [2; 11], посвященных этой теме, выявить типологические черты образа. Накоплен большой материал.

Китайские учёные Юй Цзиньцзян и Ма Ханьгун в своей статье «Гетеротопия, тело и трансгрессивная литература — о Topologie d'une cité fantôme» также предоставили новый поворот в исследовании этой темы.

Во-первых, это топологическая структура текста и метод повествования, а также текстовая форма, составленная из таких художественных приемов, как пародия, интертекстуальность и сопоставление.

Во-вторых — репрезентация разнородного материала в содержании произведения, например, сновидческие монологи [18, 67].

В начале романа Бунин акцентирует многомерное, топологическое пространство: «У нас нет чувства своего начала и конца» [1, 7]. Это пространственно-временное измерение связывает человека с вечностью, с Богом. В первой главе первой книги повествователь продолжает описывать свои переживания через призму пространства: мы видим «освященную предосенним солнцем комнату»; вспоминаем младенчество героя: «Младенчество свое я вспоминаю с печалью. Каждое младенчество печально»; «Пустынные поля, одинокая усадьба среди них» [1, 9]. Эти эмоции, как нам кажется, не соответствуют психологическому состоянию младенца. Однако, если вспомнить рассуждения К. Юнга об архетипе младенца, можно сделать вывод, что Бунин дает оценку младенчества в контексте общекультурной традиции. Главный герой Алексей верит, что у него есть глубокая связь с Богом и что он принадлежит «двум домам» — небесному и земному [13, 74]. При этом Алексей во многом опирается на *воспоминания о воспоминаниях*, нарушая ограничения пространства и времени: «Ах, какая томящая красота! Сесть бы на это облако и плыть, плыть на нем в этой жуткой высоте, в поднебесном просторе, в близости с Богом и белокрылыми ангелами, обитающими где-то там, в этом горнем мире!» [1, 10].

Все эти чувства объединяет стремление души ребенка к Богу, восприятие Его как родного отца — Отца небесного. Бунин создает удивительно прекрасные образы, передающие это единство души человека с Богом [7, 279].

Вернемся к «сновидческому монологу». В «Жизни Арсеньева» представлены два репрезентативных сна. Первый — когда Алексей был болен и думал, что болезнь «есть на самом деле как бы странствие в некие потусторонние пределы» [1, 42]. Он испытал изменения в пяти чувствах: зрении, обонянии, вкусе, слухе и осязании. Во время болезни его как будто не было в этом мире, он словно вошел в другой мир: «целые дни и ночи как бы несуществования, иногда только прерываемого снами, виденьями, чаще всего безобразными, нелепо-сложными, как бы сосредоточившими в себе всю телесную грубость мира, которая, в распадае, в яростном борении с самой собой, гибнет среди чего-то горячечного, пламенного (несомненно, послужившего для человеческих представлений об адских муках)» [1, 42].

Второй сон — конец романа: «Я видел ее смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда» [1, 288].

С точки зрения даосской философии сны рассматриваются как иллюзорное явление, проявление человеческого сознания и души, отражение глубочайших эмоций и мыслей человека. Даосская мысль считает, что во сне люди могут вступить в контакт с существованием и силой более высокого уровня

за пределами материального мира. Эта сила может возникать из внутренней духовной деятельности людей и их собственной природы и является отражением психологического состояния человека. Оба сна Алексея привели его в топологический мир, превосходящий природу.

Остановимся более подробно на основных положениях Фуко, которые имеют прямое отношение к нашей работе. Согласно французскому ученому, гетеротопии обладают следующими шестью характеристиками:

Во-первых, «в мире нет ни одной культуры, которая не создавала бы гетеротопий. Это константа для всего человечества» [16, 197]. Другими словами, культуры мира встречаются и взаимодействуют друг с другом, что само по себе является гетеротопией.

Фуко полагает, что существует два типа гетеротопий: кризисные гетеротопии и гетеротопии девиации.

Кризисные гетеротопии — это те, в которых индивид находится в состоянии кризиса. Кризис означает, что индивид переживает изменение идентичности и проходит через такие важные жизненные события, как рождение, совершеннолетие, брак и смерть.

В творчестве Бунина любовь и смерть являются главными темами его произведений, которые проходят через всю его писательскую карьеру. Его произведения, написанные во время эмиграции, полны ощущения предназначения и трагизма, что также прекрасно отражено в «Жизни Арсеньева».

На протяжении всей жизни с самого раннего детства герой сталкивается со смертью: смерть пастуха Сеньки и его любимой лошади, смерть младшей сестры Нади, смерть бабушки, смерть Писарева от апоплексического удара, смерть его возлюбленной Лики.

В десятой главе первой книги Алексей рассказывает о своем понимании смерти, которое он знал и раньше, но смерть Сеньки привела его к реальному контакту с ней. В Страстную пятницу он обнаруживает, что «умирал даже Сам Спаситель» [1, 27]. В то же время он обретает веру в Бога и связь с Богом.

Детство Арсеньева в усадьбе было счастливым, но он рано пережил опыт смерти, что, похоже, посеяло семена печали на всю его оставшуюся жизнь.

Во-вторых, «каждая конкретная гетеротопия может начать функционировать по-иному при изменении общей синхронии культуры, в которой она находится» [16, 198]. Очевидно, что форма существования усадьбы в разное время характеризовалась по-разному.

С изменением жизненного этапа главного героя меняется и его отношение к усадьбе. Мы можем выделить следующие этапы таких изменений: 1) первое знакомство с миром, любовь к усадьбе; 2) невозможность осуществить свою мечту, уход из дома; 3) возвращение в усадьбу, исцеление сердца.

Главный герой Алексей — чувствительный подросток, который любит наблюдать, думать, он глубоко

чувствует реальность; он любит погружаться в свой собственный мир, он эгоцентричен и его можно назвать стойким субъективным идеалистом. Арсеньев противоречив, он то радуется счастью, то боится его потерять: «я впервые испытал сладость осуществляющейся мечты, а вместе с тем и страх, что она почему-нибудь не осуществится» [1, 11]. Даже наблюдения за жуками в усадьбе навевали на него тоску, оставляли «грусть разлуки» [1, 10]. В первой книге обстоятельно описывается, как расширяется усадебный мир и как он познается героем — во всех предметных и вещественных подробностях, в сопряжении этого мира с историей страны, с русской литературой.

Арсеньев печатает свои первые стихи, стремится к большему. Усадьба в этот период представляется главному герою клеткой, и было бы лучше, если бы он как можно скорее выбрался из нее!

После скитаний, пережив разрыв с Ликой, Алексей возвращается в усадьбу, которая оказалась еще более ветхой, чем он думал: «...все в Батурине оказалось еще хуже, чем я представлял себе в дороге: убогие избы деревни, дикарские лохматые собаки и дикарские обледенелые водовозки возле порогов, вросших в железную грязь, клочки этой грязи по проезду к усадьбе, пустой двор перед угрюмым домом с печальными окнами» [1, 285]. И отец, который всегда был величественным, тоже сильно постарел за это время. Но именно встреча с отцом в родной усадьбе, разговор с ним, участие и поддержка с его стороны врачуют душу героя. Воспоминание о возвращении в усадьбу окрашено теплым чувством обретенного дома.

В конце концов, Алексею так и не удалось увидеть Ликю. Она умерла от воспаления легких. В последний раз они встретились во сне...

В-третьих, гетеротопия может помещать в одном реальном месте несколько пространств, которые сами по себе несовместимы [16, 198]. Например, на прямоугольной сцене театр соединяет ряд не связанных между собой мест. Согласно Фуко, сад — это вселенная всей коллекции растений, одновременно реальное место и гетеротопическое пространство, символизируемое различными видами растений. Эта характеристика означает, что гетеротопии могут нарушать общепринятую логику и правила и интегрировать элементы разной природы, разных функций и даже взаимно противоположные элементы, образуя уникальный культурный феномен.

В описаниях Алексея переплетаются реальный и духовный мир, представляя читателю иной мир, состоящий из двух измерений. В первой книге в главе 14 описывается чтение Алексеем «Дон Кихота», где он очень сильно резонирует с миром книги и не раз говорит о том, что сам принадлежал к этому миру. [1, 35]. Картинки в книге такие красивые, что Бунин, вспоминая детское чтение в чужой стране, не может не скучать по родной земле: «Какие сладкие и яркие виденья и какую настоящую тоску по родине пере-

жил я над этими картинками!» [1, 36].

Когда он видит красивые вещи, он не может не думать о своей родине: «А что же подобное могло быть в Каменке?» [1, 36]. «Я видел, чем жил когда-то, в своих прежних, незапамятных существованиях, что впоследствии, в Египте, в Нубии, в тропиках, мне оставалось только говорить себе: да, да, все это именно так, как я впервые «вспомнил» тридцать лет тому назад!» [1, 37]. В главе 15, главным образом, представлено творчество русского поэта Пушкина. Произведения Пушкина тронули героя до глубины души: «они на весь век вошли во все мое существо, стали одной из высших радостей, пережитых мной на земле» [1, 37]. Язык в произведениях казался полным волшебства, что его поражало. Книги, которые он читал в детстве, вызывали в нем самые благородные чувства, призыв Бога, веру в Бога.

В-четвертых, «гетеротопии чаще всего связаны с “раскрытием” времени, то есть они открыты в сторону того, что можно было бы назвать гетерохронией; гетеротопия начинает функционировать в полной мере, когда люди оказываются в своего рода абсолютном разрыве с их традиционным временем» [16, 200]. Фуко считает, что кладбище — это типичное сочетание гетеротопии и гетерохронии, когда мы на кладбище вспоминаем умерших и думаем о своем будущем, Фуко относит к гетерохронии [20, 11]. Кроме того, он также разделит комбинацию гетеротопии и гетерохронии на две категории: одна — это гетеротопия бесконечного накопления времени, такая как музеи и библиотеки; другая — гетеротопия, связанная со временем, такая как рынки, фестивали и курорты.

Повествование этого произведения в основном построено по двум основным линиям: движение во времени и движение в пространстве. Эти две основные линии проходят через весь роман.

В сюжете «Жизни Арсеньева» временной отрезок романа охватывает детство и юность Алексея, и все важные события происходят в усадьбе: первая смерть близкого человека, первый раз на охоте с отцом, новые печальные впечатления, связанные с арестом брата. После того, как он расстался с Ликой, Арсеньев вернулся в Батурино, чтобы пережить разрыв. Образ усадьбы становится в книге ключевым, органично объединяя все важные сюжеты.

В-пятых, гетеротопии всегда предполагают некую систему открытости и замкнутости, которая одновременно и изолирует их, и делает их пронцаемыми. Как правило, в гетеротопическое местоположение проникнуть нельзя [16, 202]. Это означает, что гетеротопический мир — это система, которая одновременно открыта и закрыта, и люди не могут свободно в нее войти.

Воспоминания юного героя Алексея — ключ к гетеротопическому миру усадьбы. «Память также является разновидностью творчества. Ее характеристикой

является подобие снежного кома, накапливающего прошлые события и организующего что-то новое как реальное творение из прошлых событий в каждый непрерывный момент» [21, 229].

Например, детская жизнь Алексея в усадьбе его бабушки в Батурино становилась все более красочной, объемной, разнообразной. Дети вставали «с радостью от солнечного утра» [1, 22]; «На скотном дворе, по-утреннему, ново, скрипят в это время ворота, оттуда с ревом, визгом, хлопанием кнутов выгоняют на сочный утренний корм коров, свиней, серокудрявую, плотную, волнующуюся отару овец, гонят поить на полевой пруд лошадей, и от топота их сильного, дружного табуна гудит земля» [1, 22]; «После чая отец иногда едет со мной на беговых дрожках в поле, где, смотря по времени, или пашут, то есть идут и идут, качаясь, отступаясь в мягкой борозде, принаравливая к натуживающейся лошади и себя, и тяжело скрипящую соху, на подвои которой лезут серые пласты земли, разутые, без шапок мужики, или выпалывают то просо, то картошки несметные девки, радующие своей пестротой, бойкостью, смехом, песнями, или на зное косят, со свистом, размашисто, приседая и раскорячиваясь, валят густую стену жаркой желтой ржи косцы с почерневшими от пота спинами, с растянутыми воротами, с ремешками вокруг головы, а следом за ними работают граблями и, сгибаясь, наклоняясь, борются с колкими головастыми снопами, пахнущими разогретой на солнце золотой ржаной соломой, мнут их коленом и туго вяжут подоткнутые бабы...» [1, 22]. Усадьба в воспоминаниях вызывает ощущение счастья и тепла.

Что контрастировало со счастьем, так это то, что его брат со смущением сообщил ему, что их отец продал усадьбу Батурино: «значит, совсем конец всей нашей прежней жизни! — и горькой жалостью к отцу, к матери, к Оле: мы тут веселы, беспечны, у нас весна, люди, город, а они там в глуши, в одиночестве, в думах только о нас, а вот теперь и о своей близкой бесприютности...» [1, 178]. Благодаря воспоминаниям Алексея мы можем без каких-либо преград понять усадебную жизнь России.

В-шестых, «роль гетеротопии состоит в том, чтобы создать иллюзорное пространство, которое избобличает все реальное пространство, все местоположения, по которым разгорается человеческая жизнь, как еще более иллюзорные» [16, 202]. Другими словами, можно создать иллюзорное пространство, которое открывает реальное пространство, с той же детализацией, что и в реальном пространстве: «...корабль — это в конечном счете плавучий кусок пространства, место без места, которое живет само собой, будучи замкнутым на себе, и в то же время предоставленным бесконечности моря, и которое плывет из порта в порт, от посадки к посадке» [16, 204].

Усадьба существовала в жизни героя, но сейчас она живет только в памяти, поэтому все картины

все-таки субъективно окрашены. Характер у главного героя очень чувствительный. Когда он отдыхает в усадьбе, его часто посещают фантастические мысли, в которые он погружается: «Но все же мы были тут сами по себе, а усадьба сама по себе, и я представлял ее себе, ее мирно текущую жизнь, как посторонний» [1, 34]. И вместе с тем именно воспоминания открывают подлинный, настоящий мир русской усадьбы.

Рассмотрев усадебный топос в романе «Жизнь Арсеньева» в соотношении с концепцией М. Фуко, можно утверждать, что Бунин выстраивает усадебный мир, во многом сходный с теми характеристиками, которые формулирует французский философ, описывая гетеротопию. Действительно, усадебный топос в романе обретает форму гетеротопии, обладая теми качествами-составляющими, которые определены в сочинении Фуко. Это свидетельствует о чуткости Бунина-художника к идеям и «веяниям» современной ему эпохи, о его прозрениях, философских интуициях, что особенно ярко проявилось в его главной книге «Жизнь Арсеньева» [12; 14, 9–22; 99–123].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Собр. соч. в 9 т. / И. А. Буни — М.: Худож. литература, 1966. — Т. 6. — 340 с.
2. Глазкова М. В. «Усадебный текст» в русской литературе второй половины XIX века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. А. Фет: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Глазкова. М., 2008. — 17 с.
3. Ершова Л. В. Усадебная проза И. А. Бунина / Л. В. Ершова // Филологические науки. — 2001. — № 4. — С. 13–22.
4. Жаплова Т. М. Образ русской усадьбы в поэзии XIX — начала XX века / Т. М. Жаплова. — Оренбург, 2006. — 427 с.
5. Жаплова Т. М. Усадебное пространство и время в эпическом и лирическом контексте творчества И. А. Бунина Т. М. Жаплова // Вестн. Оренбургского государственного пед. ун-та. — 2012. — № 4 (4). — С. 43–56.
6. Зеленцова С. В. Старинная усадьба как особый хронотоп в прозе И. А. Бунина 1920-х гг. / С. В. Зеленцова // Ученые записки Орловск. гос. ун-та. — 2020. — № 3 (88). — С. 99–103.
7. Ковалева Т. Н. Мотивы исканий смысла бытия в сюжете романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» / Т. Н. Ковалева // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — № 1. — С. 276–293.
8. Лебедева Т. А. Мир русской дворянской усадьбы в творчестве И. А. Бунина 1920–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Череповецк. гос. ун-т, 2002. — 18 с.
9. На Хан. 论福柯“另类空间”演讲中的空间交叉与平行. Дискуссия о пересечении и параллелизме пространства в речи Фуко «Другие пространства». // Молодые писатели, — 2016 (30). — С. 186.
10. Осадчая О. А. Языковые средства репрезентации концепта «Дворянская усадьба» в русском языке: на материале произведений И. А. Бунина: автореф. дис. ж. канд. филол. наук / О. А. Осадчая. — 2014. — 21 с.
11. Попова О. А. Родовая память в судьбе дворян-

ской усадьбы в русской прозе конца XIX — начала XX веков / О. А. Попова // Вестн. Перм. ун-та. — 2009. — № 2. — С. 112–118.

12. Пращерук Н. В. Гетеротопия усадьбы в прозе И. А. Бунина / Н. В. Пращерук // Филологический класс. — 2023. — Т. 28. — № 3. — С. 92–102.

13. Пращерук Н. В. Духовное измерение жизни человека: репутация Бунина-художника и реальность текста / Н. В. Пращерук // Филологический класс. — 2019. — № 2 (56). — С. 73–77.

14. Пращерук Н. В. Проза И. А. Бунина: философия, поэтика, диалоги / Н. В. Пращерук. — СПб.: Алетейя; Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2022. — 432 с.

15. Пращерук Н. В. Усадебный мир в прозе И. А. Бунина: от «Суходола» к «Странствиям» и «Жизни Арсеньева» / Н. В. Пращерук // Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: коллективная монография. — М.: ИМЛИ РАН, 2020. — С. 187–197.

16. Фуко Мишель. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Мишель Фуко / Пер. с франц. Б. М. Скуратова под общей ред. В. П. Большакова. — М.: Праксис, 2006. — Ч. 3. — 320 с.

17. Фуко Мишель. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Мишель Фуко / Пер. с фр. В. П. Визгина,

Н. С. Автономовой; Вступительная статья Н. С. Автономовой. — СПб.: А-сад, 1994.

18. Цзиньцзян Юй. Хангуан Ма. 异托邦、身体与僭越的文学——论《一座幽灵城市的拓扑学结构》. Гетеротопия, тело и трансгрессивная литература — О «Topologie d'une cité fantôme» / Юй Цзиньцзян. Ма Хангуан // Журнал Цзянсуского океанического университета (издание для гуманитарных и социальных наук). — 2022, 20(04): С. 66–74.

19. Шумей Лю. Поэтика повседневности в воспоминаниях об усадебной жизни / Лю Шумей // Литература и культура Дальнего Востока, Сибири и Восточного зарубежья. Проблемы межкультурной коммуникации: материалы участников VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 4 февраля 2016 года. — Владивосток: ДВФУ, 2016. — С. 78–82.

20. ШэнПин Ян. 异托邦与空间、秩序——福柯异托邦思想与启示. Гетеротопия, пространство и порядок — Мысли и прозрения Фуко о гетеротопии // Журнал Хуачжунского университета науки и технологий (издание по социальным наукам). — 2023, 37(04): — С. 10–18.

21. Яньбин Цзэн. 西方现代主义文学概论. Введение в западную модернистскую литературу / Цзэн Яньбин. — Издательство Пекинского университета, 2006. — 348 с.

*Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
Гун Цзэхуэй, аспирант
E-mail: zehuigong@gmail.com*

*Ural Federal University named after the First President of
Russia B. N. Yeltsin
Gong Zehui, Postgraduate Student
E-mail: zehuigong@gmail.com*

СМЫСЛОВАЯ МНОГОПЛАНОВОСТЬ ОБРАЗА МОСКВЫ В ЦИКЛЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ «СТИХИ О МОСКВЕ»

Т. В. Желтикова, Э. А. Радь

Уфимский университет науки и технологий (Стерлитамакский филиал)

Поступила в редакцию 15 февраля 2024 г.

Аннотация: в настоящей статье впервые рассматриваются художественно-игровой и библейский смысловые уровни образа Москвы в цикле «Стихи о Москве» М. И. Цветаевой. Сложность пространственно-смысловой организации города в нескольких стихотворениях цикла выступает способом художественного воплощения и осмысления многоголосия мира.

Ключевые слова: Цветаева, Москва, многоголосие мира, звучащая жизнь, художественная игра, небесное и земное, сюжет о блудном сыне.

Abstract: this article for the first time examines the artistic, playful and biblical semantic levels of the image of Moscow in the cycle «Poems about Moscow» by M. I. Tsvetaeva. The complexity of the spatial and semantic organization of the city in several poems of the cycle acts as a way of artistic embodiment and comprehension of the polyphony of the world.

Keywords: Tsvetaeva, Moscow, polyphony of the world, sounding life, artistic play, heavenly and earthly, the story of the prodigal son.

Москва в художественном мире М. И. Цветаевой — ключевой образ города, составляющий основу автобиографического мифа. Об этом не раз писали литературоведы и современники поэта, такие как Д. П. Святополк-Мирский [1, 78–79], Н. А. Струве [2, 150–153], О. В. Анисимов [3, 5–16], М. Павлова [4, 6–12]. Неразрывная связь поэта с Москвой, удивительный характер взаимоотношений охарактеризованы и А. А. Саакянц: «Цветаева оставила нам не просто свою Москву, а саму себя в Москве, неотторжимую от нее, олицетворив себя — в городе, а город — в себе» [5]. Истоки такого сближения и даже метафорического объединения поэта и горячо любимой Москвы в художественном мире лирических произведений М. И. Цветаевой обнаруживаются в истории жизни и глубинном личном само- и мироощущении. Автор цикла «Стихи о Москве» (1916), рожденная в столице и большую часть детства прожившая там, восприняла данную пространственную реальность как прочно связанную с историей и духовными христианскими основами родной страны, как Дом, гармония которого вдохновляет на создание поэтических произведений. Столь желанное предсмертное возвращение М. И. Цветаевой из эмиграции в Москву (1939) также показывает неразрывную связь поэта со своим городом, жизненно важную моральную потребность в обретении Дома после долгой разлуки с ним.

Гармоническая двойственность, характерная для натуры М. И. Цветаевой, находит выражение в соединении личного и творческого начал в судьбе поэта и показывает сложность авторского мировосприя-

тия. В цветаевских лирических произведениях, в том числе посвященных родной Москве, неслучайно возникает образная смысловая многоплановость. Она становится для поэта наиболее точным, глубинным способом художественного воплощения и осмысления «многоголосия мира, его стихийности и неоднозначности» [6, 46], тогда как художественный текст вообще, как пишет Ю. М. Лотман, «можно рассматривать как текст многократно закодированный» [7, 69].

Нам представляется очевидной смысловая многоплановость образа Москвы в цикле «Стихи о Москве». Существующий в современном литературоведении вопрос о неоднозначности интерпретации мифопоэтических контекстов названного цикла ([8–9]) требует обратить исследовательский интерес в область анализа смысловой структуры образа города. Новизна нашего исследования как раз и состоит в выявлении в смысловой структуре образа города в «Стихах о Москве» М. И. Цветаевой роли игрового компонента, в представлении анализа зашифрованного сюжета блудного сына в третьем и восьмом стихотворениях цикла. Подчеркнем, что указанные аспекты смысловой многоплановости являются частью единой оппозиции «земное — небесное» («мирское — божественное»), реализуемой во всех девяти текстах «Стихов о Москве».

Обозначенное выше антитетическое смысловое отношение в процессе развития лирического сюжета всего цикла, как может показаться, утрачивает свое противопоставляющее значение посредством претворения игровой ситуации, участия в ней и мирских, и божественных субъектов и объектов. Художественное сознание М. И. Цветаевой тяготеет к гармонии,

поэтому ее лирические тексты полны животворящей искренности (например, смеховой), способной разрушить традиционные границы между сакральными явлениями и вещами земного порядка, при этом поэт сохраняет действительно значимое ценностное различие подобных предметов изображения.

Так, в «Стихах о Москве» столица предстает абсолютно гармоничным нерасторжимым целым не лишенной человеческих страстей мирской власти и благой православной весты: «Пока они [колокола] гремят из синевы — / Неоспоримо первенство Москвы. / — И целых сорок сороков церквей / Смеются над гордынею царей!» [10, 271]. Эти два явления, казалось бы, разного порядка настолько сближаются М. И. Цветаевой, что приобретают способность взаимодействовать на смеховом уровне, сокращающем противопоставляющую дистанцию между ними (см. последние две процитированные строки стихотворения). При этом, безусловно, адресантом иронической оценки выступают именно образы колоколов, «сорок сороков церквей», пространственно-физически и духовно довлеющие над царями («Но выше вас, цари: колокола» [10, 271]), отвергнувшими Богом хранимый город. В художественной игровой форме происходит действительно звучащее божественное наставление им, властям предрежающим, даже напоминающее порицающее внушение в начале и середине лирического произведения: «колокольный гром», «гремящий опрокинулся прибой», «они [колокола] гремят» [10, 271]. Созданные М. И. Цветаевой слуховые динамические образы повышенной звучности невидимо заполняют собой все московское пространство. Так, небесное присутствие действительно абсолютизируется: колокола, будучи одновременно зрительным и звуковым образом, устремляются вверх, тогда как их музыка распространяется во всех направлениях. Отметим, что стремление передать звучащую жизнь характерно как для всего творчества М. И. Цветаевой, ее художественного сознания вообще ([11–12]), так и в особенности для тех стихотворений поэта, в которых центральным образом является Москва (см.: [13]).

На мотивах игры строится и третий текст рассматриваемого цикла («Мимо ночных башен...»). Звучащее в нем «озорство» [10, 270] в некоторой степени объясняется атмосферой греховной ночи, где все действия многократно ускоряются или интенсифицируются: «Площади нас мчат», «Греми, громкое сердце!» [10, 269–270]. В последней строфе происходит покаяние, оно символизируется зажженной свечой. Так, пространство Москвы вмещает в себя и побеждающий божественный свет («Иверская горит» [10, 270]), и темноту, в которой проявляет себя греховное озорство. Здесь игра, хотя и противопоставляется святым ценностям, существует с ними в едином семиотическом поле. Свет Иверской ярче виден в темноте, указывая праведный путь заблудшим «странникам», блудным детям, совершившим

грех. В этом стихотворении реализован первый ряд коннотативных смыслов определения «блудный» в творчестве М. И. Цветаевой (см.: [14]). Он репрезентирован «темой запретной любви, греха и бунта» [14, 39]: «Жарко целуй, любовь!» [10, 270].

Изображение восстановления парадоксальной гармонии греховного и божественного, мирского и небесного начал в московском пространстве находим в восьмом стихотворении цикла «Москва! Какой огромный...». Взаимообусловленные феномены Храма и Дома одновременно способствуют расширению пространства города до пределов вселенной и сужению его до границ человеческого пристанища, приюта. В данном цветаевском тексте выражена сложная природа отношений человека и Бога.

Уже в названии и первой строфе стихотворения воссоздается полная противоречий модель мира и человеческого бытия. Христианский мотив странничества, не предполагающий развития в сюжете обретения Дома на земле, осмысливается через конкретизацию образа мирского жизненного пути, сквозь призму явных смысловых интонаций поиска истины, обретения святой правды в поле национальной религиозной жизни (неслучайно в данном контексте использование автором окрашенного историко-культурными ассоциациями слова «Русь»): «Москва! Какой огромный / Странноприимный дом! / Всяк на Руси — бездомный. / Мы все к тебе придем» [10, 273]. Наделение в московском (= русском) пространстве всякого человека чертами вечного правдоискателя сближает его со странником, но не прямо православно-каноническим, а лишь метафорически библейским (речь идет именно о человеке, изгнанном Богом из рая в далекие ветхозаветные времена за грехопадение и теперь самостоятельно идущем по пути жизни, полной искушений).

Отсюда проистекает то, что человек жаждет вновь найти гармонию в мире с Богом, войти в его Дом-Храм, который в земной реальности является лишь вполне конкретным и понятным (для того, кто включен в контекст русской православной культуры) местом принесения покаяния в грехах, совершенных на тернистом жизненном пути: «Клеймо позорит плечи, / За голенищем — нож. / Издалека-далече — / Ты всё же позовешь» [10, 273]. Характерно, что в цветаевском тексте акт прикосновения к святому в мире людей совершается в подчеркнуто ограниченном пространстве церкви-храма-дома («Куда народ валит, — / Там Иверское сердце, / Червонное, горит» [10, 273]). Впечатливший же лирическую героиню «странноприимный дом» Москва огромен и олицетворяет райский приют, куда прощенные блудные сыновья возвращаются после странствий земной жизни («Мы все к тебе придем» [10, 273]).

Отметим, что М. И. Цветаева на подтекстовом уровне не только объединяет сюжеты ветхозаветный (изгнание первых людей из рая) и новозавет-

ный (о блудном сыне), но и одухотворяет любимую Москву, на метаязыковом уровне сравнивая город с самим Богом-отцом, с его небесным домом. Дейктическая отсылка «к тебе» [10, 273], наблюдаемая в четвертой строке первой строфы рассматриваемого стихотворения, возвращает нас к предыдущему контексту, в котором мы не находим одушевленных имен существительных, тогда как только они могли бы с грамматической точки зрения быть словами-субъектами, заменяемыми на данное личное местоимение. Синтаксическая конструкция с субстантивом «Русь» («Всяк на Руси [сейчас или же всегда] — бездомный» [10, 33]) не соотносится по категории времени с «Мы все к тебе придем [в будущем]» [10, 273], поэтому отсылка указывает именно на «странноприимный дом» Москву [10, 273]. Самим же местоимением «ты» очень часто в евангелических текстах именуется Бог-отец, например: «Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе».

Как мы видим, Москва в творчестве М. И. Цветаевой может осмысляться через взаимопроницающие категории «дом» и «храм». Они пространственно организуют образ города, расширяя его до пределов непознаваемой божественной широты на контрасте с вполне реальными границами земной церкви. Москва становится святым местом, где Бог-отец дарует прощение своим греховным блудным детям. Так происходит временное/вечное (церковь/рай) восстановление изначальной гармонии бытия.

Таким образом, поэтическая концепция образа Москвы в цикле М. И. Цветаевой «Стихи о Москве» репрезентирована смысловой многоплановостью, позволяющей увидеть истоки общечеловеческой и русской национальной духовной жизни, понять гармоническую сущность художественного мышления поэта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Святополк-Мирский Д. П. Современное состояние русской поэзии. Марина Цветаева / Д. П. Святополк-Мирский // Марина Цветаева в критике современников: в 2 ч. Ч. 1. 1910–1941 гг. Родство и чуждость. — М., 2003. — С. 78–79.
2. Струве Г. Рец.: Марина Цветаева. Ремесло: Книга стихов / Г. Струве // Марина Цветаева в критике современников: в 2 ч. Ч. 1. 1910–1941 гг. Родство и чуждость. — М., 2003. — С. 150–153.

Уфимский университет науки и технологий (Стерлитамакский филиал)
Желтикова Т. В., магистрант
E-mail: zheltikovatat@yandex.ru

Радь Э. А., доктор филологических наук, профессор
E-mail: elza_rad@mail.ru

3. Анисимов О. Марина Цветаева / О. Анисимов // Марина Цветаева в критике современников: в 2 ч. Ч. 2. 1942–1987 гг. Обреченность на время. — М., 2003. — С. 5–16.
4. Павлова М. Ахматова и Цветаева: Петербург и Москва / М. Павлова // Литература. — 2001. — № 9. — С. 6–12.
5. Саакянц А. А. Три Москвы Марины Цветаевой: вступ. ст. / А. А. Саакянц // Цветаева М. И. «Поклонись Москве...»: Поэзия; Проза; Дневники; Письма. — М., 1989. — Режим доступа: <https://lul.su/SRN> (дата обращения: 28.01.2024).
6. Радь Э. А. Авторская стратегия смыслового углубления в поэме М. И. Цветаевой «Крысолов» / Э. А. Радь, Д. С. Яковлева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — № 2. — С. 46–51. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskaya-strategiya-smyslovogo-uglubleniya-v-poeme-m-i-tsvetaevoy-krysolov> (дата обращения: 28.01.2024).
7. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — М., 1970. — 384 с.
8. Ибатуллина Г. М. Аполлоническое и дионисийское в стихотворении М. Цветаевой «Семь холмов — как семь колоколов» / Г. М. Ибатуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Т. 13. — 2020. — Выпуск 1. — С. 23–27.
9. Нуриева В. М. Аполлоническое и дионисийское в цикле М. Цветаевой «Стихи о Москве» / В. М. Нуриева // Вестник Удмуртского университета. История и филология. — 2021. — № 6. — С. 1281–1288. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/apollonicheskoe-i-dionisiyskoe-v-tsikle-m-tsvetaevoy-stihi-o-moskve> (дата обращения: 28.01.2024).
10. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Кн. 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина / М. И. Цветаева — М., 1997.
11. Айзенштейн Е. О. Построен на созвучьях мир...: Звуковая стихия М. Цветаевой / Е. О. Айзенштейн // СПб., 2000.
12. Акбашева А. С. «Миро-слушанье» Марины Цветаевой / А. С. Акбашева, Э. А. Радь. — Стерлитамак, 2017.
13. Ничипоров И. Б. «Московский текст» в русской поэзии XX в.: М. Цветаева и Б. Окуджава / И. Б. Ничипоров // Вестник Московского университета. Филология. — 2003. — № 3. — С. 58–71. — Режим доступа: https://portal-slovo.ru/philology/37223.php?ELEMENT_ID=37223&PAGEN_1=3 (дата обращения: 28.01.2024).
14. Радь Э. А. Коннотации определения «блудный» в жизни и творчестве М. Цветаевой / Э. А. Радь // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. — 2017. — № 1. — С. 38–43.

Ufa University of Science and Technology (Sterlitamak Branch)
Zheltikova T. V., Graduate Student
E-mail: zheltikovatat@yandex.ru

Rad E. A., Doctor of Philology, Professor
E-mail: elza_rad@mail.ru

ТИПОЛОГИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В СБОРНИКЕ Н. КОНОНОВА «САРАТОВ» (2012)

А. А. Житенев, А. В. Скрыбина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 июля 2024 г.

Аннотация: в статье исследуется типология персонажей в рассказах Н. Кононова. Установлено, что во всех текстах реализуется «трафаретная» система персонажей, которая делает персонажей со- и противопоставленными, а главное, соотношенными с рассказчиком, который является носителем авторской точки зрения. Проведенный анализ заставляет выделить несколько наиболее частотных типов персонажей, которые различаются по своим сюжетным функциям, устойчивым признакам, оценочной модальности. Это душеводители, соблазнитель, жертвы и хищники. Помимо этих основных типов, в малой прозе Кононова достаточно часто используется еще один принцип моделирования персонажа — фарсовая маска. Она предполагает максимальную схематизацию персонажа, его редукцию к какой-то одной знаковой детали, как правило, связанной с образом гротескного тела.

Ключевые слова: персонаж, система персонажей, современная проза, неомодернизм, Н. Кононов.

Abstract: the article examines the typology of characters in the stories of N. Kononov. It has been established that all texts implement a 'stencil' set of characters, which makes the characters compared and contrasted, and, most importantly, correlated with the narrator, who is the bearer of the author's point of view. The analysis performed makes it possible to identify several of the most frequent types of characters that differ in their plot functions, stable features and evaluative modality. These are conductors of the soul, seducers, victims and predators. In addition to these main types, another principle of character modelling is often used in Kononov's short fiction, a farcical mask. It involves the maximum schematisation of a character, their reduction to one iconic detail usually associated with the image of a grotesque body.

Keywords: character, character system, contemporary prose, neomodernism, N. Kononov.

В истории литературы начало каждой новой эпохи связано с созданием новой картины мира и человека. Рубеж XX–XXI веков не стал исключением: дискуссии о том, что нового в литературе, начались с вопроса о сдвигах в понимании человека. В литературе проблема человека — это прежде всего проблема героя, который является «эстетическим инициатором сюжета» [1, 116].

В научной литературе, посвященной проблеме героя в современной прозе, отмечается множество системных сдвигов в понимании человека и способах его изображения. Речь идет о «трансформации типов», о новых «векторах психологизма», о многовариантности отношений «автор — герой». В числе факторов, существенных для построения образа героя современности, исследователи называют «разочарованность в собственном личностном, социальном, цивилизационном статусе»; влияние «явлений трансгуманизма»; потребность «заново открыть границы собственного тела» и т.д. [2, 11–15].

Как указывал Б. Дубин, проблематика литературы «неклассического» XX века неразрывно связана с категорией «другого»: «Главной проблемой модерна, <...> по-моему, была проблема Другого. Другого

человека <...>; другой, невещественной реальности <...>; другого, сдвинутого и перекрученного языка» [3, 65]. В прозе Н. Кононова логика осмысления персонажа тоже связана с его интерпретацией «другого».

Предполагаемый эстетикой Кононова «экстаз» / «экссесс» как ключевое событие, связанное с обретением себя через травму или переживание катастрофы, в его прозе, как правило, соотносено с персонажем-рассказчиком, который обычно помещен в фокус повествования. Все остальные персонажи выступают условиями его самореализации или примерами того, как ее можно упустить. Универсальной схемой организации персонажей, как мы уже имели возможность отмечать ранее [4], обычно является «трафаретная» [5, 216], в которой все субъекты так или иначе со- и противопоставлены и соотносены с рассказчиком.

Обращение к анализу субъектного уровня текста требует уточнения теоретических параметров исследования и его концептуального языка. Сравнение разных контекстов использования терминов «герой» и «персонаж» в современных теоретических работах позволяет остановиться на термине «персонаж» как предполагающем большую степень смысловой подвижности, отсутствие оттенка исключительности, внимание к условному характеру литературного образа.

Если герой — это всегда «ценностный центр» и «конкретный предмет» авторского эстетического видения, носитель «основного события» и важной для автора «точки зрения» [6, 43–45], то понятие «персонаж» — «более широкое, охватывающее собой действующих лиц первого и второго планов, активных и пассивных, постоянных и эпизодических»; важно и то, что персонаж, «в отличие от героя, может только указываться без вовлечения в действие» [6, 164].

Абсолютно соответствующими логике модернистского текста видятся нам замечания о литературном персонаже, сделанные Е. Фарино: «Говоря “персонаж”, мы и будем иметь в виду <...>: 1) человека или антропоморфное существо в мире произведения; 2) <...> отсутствие или безразличие его референтности, <...>; 3) его смоделированность и его моделирующую функцию» [7, 106].

Нам кажутся продуктивными также замечания Л. Гинзбург о том, что персонаж — «не сумма, а система, со своими организующими ее доминантами» [8, 90], что «типология литературных персонажей имеет дело с их структурой и тем самым с формами их поведения» [8, 149]; что изображение поведения предполагает изображение «управляющих этим поведением ценностей» [8, 217].

Сборник малой прозы «Саратов» (2012) Николая Кононова — репрезентативное избранное, включающее почти все опубликованные рассказы писателя. Это делает ее художественную структуру репрезентативной для прозы Н. Кононова в целом. В рамках данной статьи мы рассмотрим типологию героев в этом сборнике.

Типологию персонажей в короткой прозе Н. Кононова кажется правильным строить, отталкиваясь прежде всего от их сюжетных функций, как правило, очень ясно определенных. Наиболее показательными являются прежде всего два контрастно соотносящихся типа — это душеводители и соблазнитель.

Душеводители — это персонажи, которые так или иначе помогают рассказчику осознать или принять себя, встреча с которыми имеет поворотное значение для обретения идентичности и для всей последующей жизни. Соблазнитель — персонаж, который, напротив, сбивает рассказчика с пути, предлагая ему иллюзорные блага, которые удерживают его, покусаясь на его время и его «я». Два типа героев объединяет сила воздействия на судьбу рассказчика, а разделяет ценностный знак.

Душеводители — это герои, в которых, как правило, подчеркнута глубокое внутренне совпадение с мировосприятием рассказчика, которые знают о нем больше, чем он сам, общение с которыми предполагает высокую степень эмпатии. В «Саратове» это, в частности, Гага из «Гагамахии» и Селик из «Амнезии Анастасии». Характерно в этом отношении изображение роли слов в диалоге героев. В «Гагамахии» подчеркнута избыточность или второстепенность

слов: Ваня и Гага могут прекрасно обходиться и без них, поскольку отлично угадывают друг друга: «Мы с Гагой почти не разговаривали, мы вообще говорили друг с другом мало. Редкий крохотный диалог. <...> Это были славные отношения равновесия» [9, 370]. В «Амнезии Анастасии» общность подчеркнута присутствием слов-паролей: стихотворную фразу, начатую одним, немедленно подхватывает другой: «Моя рифма окликала его речь» [9, 405].

Еще одна знаковая черта душеводителей — превосходство, которое может проявляться как редкостная способность или дар, как предвидение или всеведение, опережение действий или мыслей героя. Селик в «Амнезии Анастасии» появляется как спаситель ровно в тот момент, когда запутавшийся рассказчик задумывается о самоубийстве. В нем подчеркнута способность на самые сложные вопросы смотреть с высоты: «Самое важное, что он сказал, <...> — что все решения, нет не профессиональные, а обычные, людские, приходят внезапно. И он их видит с высоты. “Как рисунки в пустыне Наска. С вертолета”» [9, 406].

Еще одна черта душеводителей — призрачность, непроявленность образа, эфемерность или мнимость связанных с ними событий, способность бесследно исчезать, быть воплощением тайны. В «Гагамахии» исчезновение Гаги — это не просто расставание, а исчезновение в самом буквальном смысле — без всяких попыток выйти на связь, дать о себе знать: «Мы с <...> твоим отцом <...> никогда не обсуждаем варианты твоего ухода, так как вариантам несть числа. Это уже астрономия. Их надо не обсуждать, а суммировать...» [9, 379].

«Воплощение» душеводителя и его исчезновение предполагают друг друга, это две стороны одного и того же события: «Образ Лени стал возможен, когда наступило его небытие, и он сам на сложившуюся сумму никак не повлияет. Это образ — его небытие. И был ли он вообще — вот проблема» [9, 348]. Исчезновение запускает в ход рефлексию, которая — как правило, спустя много лет — помогает рассказчику расставить точки над *i* в своей молодости.

Образы душеводителей рисуются, как правило, в лирически-ностальгической тональности. Ностальгической — поскольку с ними связывается представление об абсолютной ценности и абсолютной же утрате, лирической — поскольку с ними соотносится представление об исключительной близости, восхищение их внутренней целостностью, гармонией, витальной силой. Рассказчик снова и снова старается нюансировать впечатление, подобрать верный тон, найти характерную деталь. Подробности следуют одна за другой и обычно объединяются общим признаком. Возможно, самый характерный пример — образ Леонида из «Воплощения Леонида».

В Леониде подчеркнуты неотмирность, обреченность, несоответствие всем «ключам», которые

подбирают к нему окружающие. В нем акцентирована обращенность внутрь себя, размытые признаки возраста, исключенность из повседневности: «Он и на нас смотрел словно через жалюзи: что там у него, по ту сторону, бог его знает. Но теперь-то я знаю, на что это походило — на один портрет, канвой которого оборачивают лик усопшего» [9, 344]. В персонаже подчеркивается выделяющая его из любого ряда особая пластика, вызывающая «иконописные» ассоциации: «Тело — никаких шрамов, как деревянная скульптура первомученика, но не аскета» [9, 346].

Сложность героя исключает простую эмоцию, непростыми оказываются и попытки «расшифровки» Леонида, которые рассказчик предпринимает. Их отличительная черта — «суммарность»: истина мыслится где-то в перечислительном ряду, и не так важно, какая именно из предлагаемых версий соответствует действительности: «Был ли это азарт? Тогда симптомом чего было это твое ночное занятие? Невоплотимой жизни? Алогичной невротической реальности? Невменяемого чувства? Вычеркни ненужное» [9, 352].

Персонажи-соблазнительницы, как правило, наделены исключительной красотой и особой чувственной «манкостью», которые тем острее чувствуются другими персонажами, что обладать соблазнительницами или быть их партнерами невозможно. Провоцируя страсть, эти персонажи сами обычно любых страстей чужды. Их привлекательность фрустрирует, вызывая ревность, досаду, горечь ненасытного, все более и более распаляемого желания. Более других персонажей в этот ряд вписываются Анастасия из «Амнезии Анастасии», Принцесса из рассказа «Принцесса и НЧ», Евгения из «Гения Евгении».

В Евгении и Принцессе красота подчеркнута, хотя в рассказах идет речь о совершенно разных типажах. Образ Принцессы декоративен и пародиен: знаки привлекательности в нем утрированы, «кукольные»: «У малышки наличествовали все атрибуты красоты и будущей неумной прелести. И правильный англосаксонский барби-носик, <...> выпуклый чистый высокий лобик, и завязанный в прелестную кондитерскую фитюльку ротик» [9, 167]. Образ Евгении тоже несет в себе приметы искусственности, но другого рода — в рассказе ее «непопираемая чистота» ассоциируется с моделью скульптора: «Она — как безмолвная модель, покинувшая мастерскую скульптора, где ее только что вылепили» [9, 341].

В обеих женских образах, при всем их очевидном несходстве, подчеркнут, наряду с привлекательностью, момент «безгрешности», «недоступности» — скорее кажущейся, чем соответствующей реалиям их жизни. «Безгрешность» соотнесена с Евгенией: «Как станет ясно, грех к ней совсем не прилипал» [9, 327]. В образе Принцессы отмечена «недоступность»: «Я тоже буду такой же — гордой, недоступной и одинокой» [9, 171]. И «недоступность», и «безгрешность» плохо вяжутся с большим количеством партнеров,

нередко случайных и недостойных, но в то же время соответствуют внутренней сути этого типа: соблазнительницы ни в ком по-настоящему не нуждаются, все появляющиеся в поле их зрения герои взаимозаменяемы. Об этом, в частности, заходит речь в рассуждениях рассказчика о фото Евгении: «Я ведь только теперь понял ее особенный брачный статус. Я только сейчас догадался, в каком она пребывала супружестве. Она была замужем за пустотой. Так как ей вообще-то никто не был нужен. Никогда» [9, 344].

Персонажи-соблазнительницы создают свои правила игры, регулирующие степени близости и шансы на пребывание рядом. Они играют другими персонажами, видя в них прежде всего средства достижения своих целей. Фрустрация — распаление желания без его удовлетворения — оказывается одним из самых эффективных инструментов сохранения другого в роли объекта манипулирования.

«Любушка» рассказчика в «Амнезии Анастасии» реализует этот подход разными способами. Она категорически запрещает любовнику использовать любые формы своего имени, кроме «паспортной», никогда, представляя его подругам, не раскрывает действительного характера их отношений, постоянно третирует его. Все эти действия, однако, не только не расхолаживают рассказчика, но, напротив, приводят к тому, что его влюбленность превращается в одержимость.

Привычка манипулировать другими оказывается неотделима от лживости. Этот компонент в образах соблазнительниц в наибольшей степени подчеркнут в Принцессе. В одном из эпизодов она, впад в показную религиозность, задумала торговать старообрядческими иконами, которые обычно получала в дар от пожилых богомолков. Этот сценарий, однако, дал сбой, когда с этой целью она явилась к собственной бабушке, мгновенно просчитавшей ее настоящую цель. С лживостью соседствует мстительность: утрачивая власть над своими жертвами, соблазнительницы не смущаются никакими средствами для восстановления статус кво.

Поверхностность и сиюминутность эмоциональных реакций таких персонажей заставляет и в них самих акцентировать прежде всего «поверхность», видимость, внешние эффекты. Характерен один из портретов Евгении: «Словно она не имела ничего тайного и вся существовала лишь на поверхности самой себя — в колыхании своей плоти» [9, 327]. Поверхностность, лживость, манипулятивность определяют саркастическую доминанту в изображении соблазнительниц. Злая ирония служит задачам развенчания или даже уничтожения объекта желания.

Наряду с условной оппозицией душеводителя — соблазнительницы в малой прозе Н. Кононова можно выделить еще одну: это оппозиция персонажей-хищников и персонажей-жертв. В совокупности они обозначают некие крайние полюса в самореализации субъекта. Жертвы — воплощение житейской неудачи, нереализованности, непроявленности. Они нелепы, смешны,

склонны к обвинению всего и вся. Хищники — воплощение подавляющей злой воли и непреодолимого нарциссизма, заставляющего все в мире измерять своей мерой. Оба примера объединяет человеческая несостоятельность, но разного рода: несостоятельность жертв — в том, что они всегда видят себя в роли проигравших; несостоятельность хищников — в разрушительном одиночестве, в неспособности увидеть и оценить в мире что-то, кроме самих себя.

Главная отличительная черта всех хищников — раздвоенность, несоответствие внешнего и внутреннего, которое обнаруживается в каком-то событии-эксцессе, нарушающем привычный ход вещей. В этом смысле очень характерны два женских образа — это А. Б. из рассказа «Аметисты» и хозяйка из рассказа «Микеша». Оба образа построены по одной модели: за многочисленными ложными знаками интеллигентности скрываются хамство, злоба, невежество.

В «Аметистах» в ночном поезде из Петербурга в Москву случайная попутчица, завязывая долгий ночной разговор, занимает в нем позицию превосходства и поучает своего молодого собеседника — «провинциала и культурного неопита» [9, 12]. Тем не менее в содержании разговора постоянно проскальзывает фальшь: героиня наизусть цитирует стихи серебряного века, но читает их, скандируя и отстукивая ритм пальцем; рассказывает о том, что является постоянной слушательницей филармонии, но при этом обнаруживает нетерпимость к эксперименту; старается создать сдержанный образ, но при этом выбирает нелепую прическу и и т.д.

Противоречивая картина «замыкает тревожный контур» в рассказчике, и у нехороших предчувствий есть основания: когда уставшая соседка по купе пытается усюветить А. Б. и попросить ее прервать разговор в поздний час, в свой адрес она слышит грубую брань. Шоковый эффект усилен эпизодом, когда А. Б. самочинно организует обыск всех пассажиров в поисках пропавшего драгоценного кольца, и все ей с легкостью подчиняются: «Как ни странно, все как-то были готовы показать ей все — она распространяла вокруг себя флюиды подчинения, как вожак стада человекообразных» [9, 16]. Образ коренной петербурженки оказывается разрушен: за ним скрывается деятельная советская мегера.

Негативный потенциал этого образа многократно усилен введением в рассказ образа жертвы. Ею оказывается «непутевый, некоммуникабельный» сын Ярополк, обманувший все высокие ожидания матери, с детства направлявшей каждый его шаг. При встрече в филармонии сын-«перестарок» производит на рассказчика угнетающее впечатление своей инфантильностью и сломанностью: «Он сидел как вкопанный, положив на соседнее кресло руку с программкой <...>. Его прямая посадка была безукоризненна — вертикаль. Так высаживают мальчиков за пианино, как тепличную рассаду, нет, понял,

как точнее — так прорастает белой прямой немочью зимний картофель в подполье» [9, 18].

Но персонажи-хищники — не обязательно демоничны, производящие на рассказчика «люциферическое» впечатление. В сборнике «Саратов» можно найти и мужской вариант этого типа. Самый рельефный пример такого рода — Гений из рассказа «Гений Евгении». В нем тоже подчеркнута несоответствие внешнего и внутреннего: редкий красавец одновременно является беспринципным и ожесточенным негодяем: «Красавец походил челом и гибкой изысканной статью на молодого киноартиста Коренева. <...> Влажные зализанные патлы, подобранные в косой угол баки, развратные мутные глаза блаженного, без зрачков, ленивая, но целеустремленная походка на розовом легчайшем кошачьем ходу, ну и т.д.» [9, 338]. «Ихтиандр» внушает страх всем жителям дома, и для них очевидно, что он, «невзирая на прекрасный облик, совершенно изношен изнутри» [9, 338].

Другие черты персонажей-хищников также можно реконструировать, опираясь на логику этого образа. Так, в нем подчеркнута невероятная энергия, предприимчивость, разрушительная активность: «Он вернулся <...> белокурым, но потемневшим с исподу неистовым гением. Полным неумных сил, как заведенная на сто оборотов пружина в жестяной детской тарактелке» [9, 320]. Подавляющий других, оскверняющий все вокруг, беспринципный хищник в то же время оказывается, в силу того, что он противопоставляет другим свою исключительность, очень близок к смерти. В Гении этот признак обреченности несколько раз подчеркнут; чем меньше у него остается времени, тем рафинированней становится его красота: «Он — просто чистейшая плоть, формула вещества тела, неизъяснимо содержащая в себе что угодно: страсть, муку, происшествие, угрозу, но очень мало субстрата жизни, будто что-то из него изъято» [9, 341]. Мотив смерти появляется и в сюжете «Аметистов», где А. Б. подробно рассказывает о плане своей будущей кремации, спящие в вагоне напоминают закутанные саванами тела и т.д.

Персонажи-жертвы ассоциируются со страхом перед жизнью, с неготовностью нести ответственность, с привычкой пасовать перед малейшими трудностями. Типологически самый показательный пример — «первый он» из рассказа «Трехчастный сиблинг». Его главное свойство, подчиняющее все другие и делающее его жалким в глазах окружающих, — постоянная жалоба: «Он в такие дни становился чистым сгущением, стукотом вековечной печали. <...> Но все дело заключалось в том, что он был жутким занудой. <...> Он канючил. Он сам в себя не верил, и когда появлялся где-либо — от библиотеки до жэка, то первое естественное желание было сказать ему: нет, уходи, воздух при тебе скисает» [9, 91]. При этом пребывание в роли вечного неудачника для героя настолько комфортно, что он бессознательно сопротивляется

любой профессиональной удаче.

Но жертвы — не только «нытики» и «зануды». Их характеризует отсутствие собственного целеполагания, зависимость от чужого мнения, привычка исполнять чужие решения. Это свойство лучше всего раскрыто в образе Ярополка из рассказа «Аметисты». В сцене в Филармонии, одной из последних в рассказе, он характеризуется как герой с полностью подавленной волей: мать приказывает ему занять в антракте пустующие дорожные места — и он идет по ногам, исполняя ее распоряжение; его гротескный «антрацитовый» наряд явно выбран матерью; когда он пытается высказать свое впечатление о спектакле, его грубо прерывают, и он соглашается с оскорбительными замечаниями.

Четыре типа — душеводитель, соблазнитель, жертва и хищник, — описывая основные типы детально прописанных персонажей, в то же время не исчерпывают всех сюжетных возможностей, поскольку в текстах есть еще и персонажи второго ряда. Они, как правило, очерчены одной-двумя чертами, и черты эти так различны, что их трудно свести к общему знаменателю. В то же время у большинства героев такого рода есть общие принципы конструирования: это почти всегда фарсовые маски.

Комическое в разных его формах — важная координата в прозе Кононова, а в рассказах — особенно. Мир, изображаемый писателем, это по преимуществу гротескный мир, и для его отражения нужны соответствующие средства. Фарсовая маска предполагает максимальную схематизацию персонажа, его редукцию к какой-то одной знаковой детали, как правило, связанной с образом гротескного тела. Здесь все определяет логика смехового снижения, создающая комические следствия из нелепой предпосылки. Примеры такой редукции образа к детали многочисленны, и именно поэтому их разбор останется за рамками этой статьи.

Проделанный анализ заставляет выделить несколько наиболее частотных типов персонажей, которые различаются по своим сюжетным функциям, устойчивым признакам, оценочной модальности. Это душеводители, соблазнители, жертвы и хищники. Каждый из типов раскрывает какую-то одну коллизию, связанную с самореализацией рассказчика. Душеводители — это персонажи, которые так или иначе помогают рассказчику осознать или принять

себя, встреча с которыми имеет поворотное значение для обретения идентичности и для всей последующей жизни. Соблазнители — персонажи, которые, напротив, сбивают рассказчика с пути, предлагая ему иллюзорные блага. Жертвы — воплощение житейской неудачи, нереализованности, непроявленности. Они нелепы, смешны, склонны к обвинению всего и вся в своих злоключениях. Хищники — воплощение злой воли и непреодолимого нарциссизма, заставляющего все в мире измерять своей, часто очень узкой, мерой. Помимо этих основных типов, в малой прозе Кононова достаточно часто используется еще один принцип моделирования персонажа — фарсовая маска. Фарсовая маска предполагает максимальную схематизацию персонажа, его редукцию к какой-то одной знаковой детали.

ЛИТЕРАТУРА

1. Турышева О. Герой как «эстенический инициатор сюжета» (на материале новейшей литературы / О. Турышева // Образ героя современности в прозе рубежа XX–XXI веков: монография. — М.: Флинта; Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2022. — С. 116–126.
2. Ковтун Н. Современная литература в поисках героя времени / Н. Ковтун // Образ героя современности в прозе рубежа XX–XXI веков: монография. — М.: Флинта; Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2022. — С. 8–31.
3. Дубин Б. На полях письма. Заметки о стратегиях мысли и слова в XX веке / Б. Дубин. — М.: Emergency Exit, 2005. — 528 с.
4. Скрябина А. В. Особенности семантической структуры имени собственного в рассказе «Микеша» Н. Кононова / А. В. Скрябина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2011. Вып. 8: Филологические науки. — С. 100–105.
5. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. — М.: Лабиринт, 1997. — 448 с.
6. Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. — М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. — 358 с.
7. Фарино Е. Введение в литературоведение: Учебное пособие / Е. Фарино. — СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. — 639 с.
8. Гинзбург Л. Я. О литературном герое / Л. Я. Гинзбург. — Л.: Сов. писатель, 1979. — 224 с.
9. Кононов Н. Саратов. Рассказы / Н. Кононов. — М.: Галеев-Галерея, 2012. — 568 с.

Воронежский государственный университет
Житенев А. А., доктор филологических наук, профессор
кафедры издательского дела
E-mail: zhitenev@phil.vsu.ru

Voronezh State University
Zhitenev A. A., Doctor of Philology (PhD), professor of the
Department of Publishing
E-mail: zhitenev@phil.vsu.ru

Скрябина А. В., соискатель кафедры русской литературы
XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: alice-lem@yandex.ru

Skryabina A. V., Applicant of the Department of Russian
Literature of XX–XXI Centuries, Theory of Literature and Humanities
E-mail: alice-lem@yandex.ru

МОТИВ ЗАЧАТИЯ И РОЖДЕНИЯ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ «ОТ СЪЕДЕННОГО» В БАШКИРСКИХ БОГАТЫРСКИХ СКАЗКАХ

Р. Р. Зинурова

*Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук*

Поступила в редакцию 12 сентября 2024 г.

Аннотация: статья посвящена изучению мотива чудесного зачатия и рождения героя «от съеденной рыбы» в башкирских богатырских сказках. Этот мотив имеет широкое распространение в мифах, эпосах и сказках народов мира. Исторические корни мотива восходят к первобытным тотемистическим воззрениям человека.

Ключевые слова: фольклор, богатырские сказки, мотив, чудесное рождение, рыба.

Abstract: the article is devoted to the study of the motive of the miraculous conception and birth of a hero "from eaten fish" in Bashkir heroic tales. This motif is widespread in myths, epics and fairy tales of the peoples of the world. The historical roots of the motif go back to the primitive totemistic views of man.

Keywords: Folklore, heroic tales, motive, miraculous birth, fish.

Богатырским сказкам башкирского народа присущи очень древние и богатые традиции. В них отражается национальный героизм, вера и образ мышления народа как в начальный период зарождения истории, так и в последующий. Древний человек вел борьбу с природой не на жизнь, а на смерть. Победа герою в сказках давалась нелегко, и стремясь к счастью, он пытался подчинить себе мир, защитить свой народ, род от иноземцев, найти своих мать, невесту, счастье, работу, богатырей себе подобных, лекарство от болезней и т.д. Все эти испытания герой преодолевает благодаря своим умственным и физическим способностям, силе...

В сюжетном составе башкирских сказок особый интерес представляет мотив чудесного зачатия и рождения главного героя. К этой теме обращались такие ученые, как М. К. Азадовский [1], В. М. Жирмунский [2], В. Я. Пропп [3], Э. В. Померанцева [4], Е. М. Мелетинский [5], М. Х. Мингажетдинов [6; 7], Н. Т. Зарипов [8; 9], А. М. Гутов [10], В. Т. Сарангов [11; 12], И. В. Тресков [13], В. Е. Добровольская [14], Т. В. Краюшкина [15], Г. Р. Хусаинова [16], М. Ф. Бухуров [17], Р. Р. Зинурова [18] и др.

Мотив чудесного зачатия и чудесного рождения детей имеет широкое распространение в мифах, эпосах и сказках народов мира. В. М. Жирмунский отметил, что возникновение этого мотива было связано с первобытными представлениями людей о "партогенезе" (т.е. "девственном зачатии") [2, 163]. А. М. Гутов писал, что "ученые относят мотив партогенеза к эпохе матриархата, когда человеческое сознание еще не было способно углядеть причин-

но-следственную связь между рождением ребенка и предшествовавшими ему действиями, и поэтому объясняло зачатие ребенка самыми разными причинами: съеденной пищей, выпитой водой, волшебным словом и т.д." [10, с. 144]. И. В. Тресков в своей статье «Мотив чудесного рождения как отражение древнейших семейных отношений» писал, что: «Исторические корни мотива чудесного рождения, свойственного устному творчеству народов всех частей света, восходят к эпохе матриархата. В эту эпоху, которая характеризуется главенствующим положением женщины в семейной и общественной жизни, происхождение детей долгое время учитывалось только по женской линии...» [13, 3].

Под термином "чудесное рождение", по мнению В. Е. Добровольской, традиционно понимаются два различных процесса. С одной стороны, это собственное зачатие, то есть рождение ребенка после совершения родителями определенных действий, с другой, под термином "чудесное зачатие" понимается и возникновение ребенка из различных реалий, создание его вылепливанием или вырубанием" [14].

Изучив множество фольклорных и этнографических материалов, В. Я. Пропп [3] выделил следующие мотивы чудесного рождения: 1) представления, связанные с живительной силой растительной природы (иногда с элементами тотемизма); 2) представления, связанные с тотемизмом; 3) мотивы, входящие к мифам о создании первых людей. Данная классификация приемлема и для башкирской богатырской сказки.

Наиболее распространенными мотивами рождения в башкирских богатырских сказках являются следующие: а) зачатие от растений, съеденного плода

[19, 75]; б) зачатие от тотема [19, 171]; в) созданные или сотворенные дети, т.е. из глины, теста [19; 44, 335]; г) рождение от части тела человека/животного (см. “Козий хвост”). Мотивы и способы чудесного рождения сказочного батыра самые различные. Во всех мотивах обнаруживаются сохранившиеся следы глубокой древности — эпохи материнского рода, когда первобытный человек не знал причинной связи между половым общением и зачатием.

В данном исследовании будет рассмотрен мотив чудесного рождения — **зачатия от съеденной рыбы**, репрезентируемый в башкирских богатырских сказках (относящихся к сюжетному типу АТ 303). Этот мотив получил широкое распространение в сказочной традиции многих народов. Башкирский фольклорист Н. Т. Зарипов тоже отмечает, что характерным “для башкирских сказок”, как и для сказок других народов является зачатие от съеденной рыбы” [9, 66–69].

Во вводную часть башкирских богатырских сказок включается элемент родительского ожидания ребенка 80–90, иногда и 100-летнего старика и старухи. Они горюют, что некому оставить нажитое добро и стадо: *“Оҙаҡ йәшәгәндәр, ти, улар, көнкурештәре лә хәллә генә булған, ти. Тик бына бер бөртөк тә балалары булмауы ғына эстәрен кырып торған, ти, уларзың”* [20, 141] (*Говорят, они прожили долгую жизнь, и что у них все было хорошо. Но, у них не было детей и поэтому сильно горевали*) (Перевод автора); *“Улар бик бай булғандар, тик балалары ғына юк икән. Булған байлығыбызды кемгә калдырырбыз икән, тиеп кайғырғандар”* [21, 43] (*Они жили богато, но у них не было детей. Поэтому они сильно переживали, что даже свое богатство некому оставить*) (Перевод автора). Затем этот элемент как “сокровенное пожелание” вплетается в событийную линию сюжета. Эти страдающие от безнадёжности старцы, посредством дервиша, особых сил, сноведений или других способов одариваются долгожданным ребенком.

Об этом феномене В. М. Жирмунский пишет так: “В богатырской сказке и в более позднем героическом эпосе народов Средней Азии почти универсальное распространение имеет зачин, рассказывающий о бездетных, уже состарившихся родителях, которые вымаливают у бога или какого-нибудь чудесного покровителя долгожданного наследника — будущего героя эпического повествования. В богатырских сказках тюркоязычных народов Сибири (алтайцев, шорцев, хакасов и др.) богатырь обычно сын бездетных старика и старухи, достигших семидесяти, восьмидесяти, иногда ста лет” [2, 164]. Не удивительно, что указанное обстоятельство не давало покоя родителям будущего героя, и они различными способами хотели поспособствовать рождению ребенка.

В башкирских богатырских сказках “*Алтын сабак*” (“Золотая рыбка”) “*Тан-батыр*” и “*Камыр-батыр*”, “*Балык батыр*” (Богатырь рыба”) отражен исследуемый нами мотив: “...*Карт алтын балыкты алып*

кайта ла башын алты йәшәр бейәһенә, кәүзәһен етмеш йәштәрзәге карсығына ашата, койроғон этенә ташлай. Әбей шунда ук гоманлы була, бейә колонға, эт көсөккә кала. Күп тә үтмәй, әбей ике ир бала, бейә ике колон, эт ике көсөк килтерә” [21, 63] (“... Старик принес домой золотую рыбку, голову ее отдал шестилетней кобыле, туловище — своей семидесятилетней старухе, хвост бросил собаке. Старуха сразу же забеременела, кобыла стала жеребой. Собака тоже понесла. Прошло некоторое время, и старуха родила двух сыновей, кобыла ожеребилась двумя жеребятами, собака оценилась двумя щенками” [19, 106]; “*Был катын өс балыкты ла алып кайтып китә, бешереп ашай, ә баштарың аш бешерепсе бирә. Шунан инде күптә үтмәй хандың катыны өс кыз бала тапкан, ә аш бешерепсе йөклө булуыңга ғәрләһен сығып китә”* [20, 57] (“Вернулась ханша домой поступила так, как советовала ей чудесная рыба — и тут же обе женщины забеременели. Ханша родила трех девочек, а стряпуха, стыдясь своей беременности, ушла куда глаза глядят”) [19, 79].

Как видно из первого примера, дети зачаты от съеденной рыбы: женщина, кобыла и собака одновременно рожают близнецов, а во втором примере две разные женщины (ханша, стряпуха) рожают тройняшек. Башкирские богатырские сказки отличаются от других сказок не только по характеру мотивировки зачатия, но и количеством детей — будущих богатырей. В русских и других восточнославянских сказках их трое и непременно от разных матерей. Например, в русских “... *царица поела и понесла, ее служанка тоже поела, остатки бросила собаке, а уху вылила кобыле. Через девять месяцев у царицы родился сын Иван-царевич, а у служанки родился Иван Девичий, у собаки — Иван Сучич, а кобыла принесла трех жеребят”* [22, 128].

Также интересен тот момент, что попавшие в сеть рыбки сами просят, к немалому удивлению старика-рыбака, не отпускать ее, а нести домой и вскормить головой рыбы кобылу, туловищем — старуху, хвостом — собачку: “*Һин мине үзең ашама, башымды бейәңә ашат, кәүзәмде карсығыңа ашат, койроғомдо этеңә бир”* [20, 97] (“Ты меня не ешь, голову отдай кобыле, туловище — старухе, хвост скорми собаке”) [19, 106]; “...*Бабай! Минә алып кайт. Итемде улдарыңа ашат, канымды аттарыңа эсер, һөйәктәрәмде эттәрәңә бир”* [20, 108] (“Ты сам меня не ешь, накорми моим мясом своих сыновей, напои моей кровью своих коней, а косточки мои отдай собакам”) [19, 116]; “*Старик выудил блестящую рыбу. Он пожалел ее и хотел отпустить обратно в реку. Вдруг рыба заговорила: “Эй, старик! Не отпускай меня в воду. Неси меня к себе домой и свари меня; мясо мое дай съесть своей старухе и она принесет двух сыновей”. Старик унес необыкновенную рыбу к себе домой, сварил ее и накормил мясом жену. Через некоторое время она родила двух сыновей”* [Башкирские народные сказки 1941, Богатырь рыба, 71].

Аналогичный мотив встречается, например, и у восточных славян, бездетная старуха или царица по совету знахаря, колдуньи или святого старика съедает золотую рыбку. Из любопытства пробует на язык или съедает ломтик рыбы также кухарка. Она обычно незамужняя. Ополощины пьет корова (кобыла, собака). Таким образом, они все трое получают зачатие и одновременно рожают трех сыновей. Примечательно и то, что мотив чуда проявляется и в особых свойствах близнецов: *“Малайзарзың баштары алтын, арт һандары көмөш, ти. Колондарзың ялдары алтын, койроктары көмөш, ти. Көсөктәрҙең дә баштары алтындан, койроктары көмөштән, ти”* [20, 98] (*.. женщина рождает двух золотоголовых сыновей (зады — серебрянные), кобыла — двух златоголовых щенят* [19, 106]; *“Мөгжизәле балыктың итен ашағас, малайзарзың баштары, алтын балык тәңкәләре кеүек, асыл таштар менән капланған”* [20, 108] (*“Как поели мясо чудесной рыбки, головы мальчиков покрылись теми же разноцветными камнями, какими была покрыта сама рыбка”* [19, 117]

Зачатие главного героя причем происходит как бы случайно: тексты сказок говорят о бездетности старика и старухи, при этом повествуют о том, что вместе со старухой съедают рыбу кобыла и собака. Если в вышеприведенном примере инициатором поиска средства для рождения ребенка выступает старик, то в сказке “Тан-батыр” [19, 78], наоборот — ханша. Она в отсутствии мужа жалуется реке на то, что не имеет детей; подплывает рыба и дарит ей трех рыб, чтобы съела их туловище, а головы отдала стряпухе; забеременев, ханша рождает трех дочерей, а девушка-стряпуха — трех сыновей (причем, как и в сказках других народов — вдали от глаз, в лесу, из-за того, что она замужем не была) [19, 78]. Что касается животных “детей”, то они — не что иное, как будущие помощники героя.

В башкирских богатырских сказках от рыбы не только рождаются чудеснорожденные дети, но есть такие мотивы, где она выступает в роли помощника. Например, в сказке «Золотое перо» благодарная мать-рыба за спасение ее малька от смерти помогает джигиту достать со дна моря золотое кольцо красавицы, русалки и тем самым жениться на дочери морского царя [19, 334]; в сказке «Сафар» необыкновенная щука помогла батыру найти «то, не знаю что», за которым послал его царь с целью погубить героя и жениться на его красивой жене: *“... Батша Сәфәрҙең был кыйын әмерһе үтәүенә хайран калып, аптырап тора. Шул ерҙә Сәфәр: — Йә, батша, мин бушаныммы?, ти. Батша:*

— Юк, егет, һинең алдында үтәй торған тағы зур бер эш бар. Һиңә өс йыл ваҡыт. “Белмәйем — низе, алып кил шуны”, — ти [23, 286] “... Удивился царь, что справился егет с таким трудным делом. — Могут ли я быть теперь свободным? — спрашивает Сафар.

— Нет! — говорит царь. — Должен ты мне еще службу сослужить. Доставь мне то, не знаю — чего. Три года срока даю” [24, 148]; в сказке “Алтындугабатыр” говорящая рыба показывает искателям, где лежит под водой меч с душой героя: *“... яр буйында ғына бер балык күрзе, ти. Балыктың күзенә кан һауған, ти. — Ни эшләп күзең капланды?, — тип һорағайнылар, балык:*

— Ошо арала ғына күзәмә бер кылыс казалды, — тип әйтте, ти. Күл уртлаусы, кылыстың бында икәннен белеп, һыу уртлай башлай. Уртлай торғас, диңгезең ситендә генә кылысты күрөп кала” [23, 206] *“... у берега рыбинә увидел. У той кровь из глаза каплет. — Отчего у тебя из глаза кровь каплет? — спрашивает. — А та отвечает: Это меч мне глаз поранил. Догадался он, что меч Алтындуги здесь искать надо, и начал воду в рот набирать. Набирал, набирал и на дне увидел меч”* [24, 232–233], а в сказке “Булансы-мэргэн” рыба помогает найти и достать со дна озера выпавшее из рук егета яйцо с душой иргаиля (демонического карлика): *“... балыктың өс бөртөк тәңкәһен көйзәрә, шунда ук балык йөзөп килеп етә. Егеттең һүзен тыңлап, һыуға төшкән йомортканы килтереп бирә”* [23, 115] *“... сжег три рыбки чешуйки, и тут же приплыла к нему благодарная рыба. По просьбе егета она достала утонувшее яйцо”* [24, 202]. В эпосе “Урал, батыр” первая пара людей Янбирде и Янбика среди прочих животных “Держали как равных при себе... / Щуку, чтобы рыбу ловить” [25, 266].

Историческую основу представлений о чудесном зачатии женщины (кобылы, собаки) от съеденной рыбы М. Х. Мингажетдинов связывал с древним культом рыбы, т.е. с отношением к ней как тотему [6, 66]. При этом исследователь имел в виду и сведения, приведенные в записках посла багдадского халифа Ибн-Фадлана, посетившего Башкирию в 922 году: “одна группа поклоняется змеям, (другая) группа поклоняется рыбе, (третья) группа поклоняется журавлям...” [26, 66–67]. В пользу высказанной М. Х. Мингажетдиновым гипотезы говорят и историко-этнографические данные, приведенные в трудах Р. Г. Кузеева, в частности в комментарии к шәжәрә башкир племени Айле упоминается башкирский род Балыксы (рожденных от рыб), который в XVI–XVII вв. входил в Таныпское объединение родов [27, 219]. Башкирский род *Балыксы* указан и в таблице родоплеменного состава западных башкир в составе племени Танып. Этимологию названия “*Балыксы*” следует понимать не в современном значении “Рыболов”, а как рожденный от рыбы”. Из той же таблицы видно, что родовые подразделения, связанные с тотемами различных рыб, были в составе и других башкирских племен. Так, в роде Мунаш (Монаш), входящем в Бурзянское племя, было родовое подразделение Ташбаш (Ерш), а в Инзер-Катайском роде Катайского племени — Табан (Карась) [28; 49, 53, 56].

Древний культ рыбы получил своеобразное отражение не только в сказках, но и в других жанрах фольклора. Например, в пословице, популярной у башкир. Пословица приписывает рыбе покровительство высшей справедливости и истине: (*“Изгелек эшлэ лэ һыуға ташла, балык белер; балык белмәһә, Халик белер”* “*Делай добро и бросай его в воду — рыба узнает, [если] рыба не узнает, Халик (бог) узнает*”) [18]; в приметах, в поверьях, в суевериях, например: *если во время чистки рыбы много крови — к дождю* [29]; в прошлом среди башкирских рыбаков бытовало, что нельзя перешагивать через удилице, — рыба не будет ловиться: она, мол, почуяв человеческий запах, разбредется в разные стороны. Аналогичная мысль содержится и в другом рыбацком суеверии: нельзя считать количество пойманной рыбы. Она, будто бы, услышав счет, будет плохо клевать [30, 111; 32, 57]. Как отмечает, А. Ф. Илимбетова, в таких суевериях башкир рыба в первую очередь покровительница плодородия природы и женской плодovitости [31, 57]. В традиционном двенадцатилетнем животном календаре башкир год рыбы («балык йылы») считается благоприятным годом для судеб людей. Если женщине приснится сон о рыбе — к беременности, к рождению ребенка [32, 56–60]. Башкиры верили, что если стельную корову напоить водой, в которой прополощен ус сома — она легко отелится [33, 37], если человеку во время моления («намаз») попадет рыба кровь, то молитва признается богоугодной [33, 139].

По-видимому, к этой примете близка по семантике примета, бытующая среди русского народа “Так, по икре щуки русские определяли, каким будет урожай”. Аналогичные представления, связанные с идеей плодородия, широко известны и по материалам обрядового фольклора разных народов. Например, у испанских евреев в Константинополе есть обычай: новобрачные после церемонии бракосочетания трижды прыгали через большое блюдо, наполненное свежей рыбой; у Трансильванских саксонцев бездетные женщины на праздник рождества ели рыбу, а кости бросали в проточную воду, надеясь таким образом произвести на свет ребенка; в древнеиндейских свадьбах жених и невеста до колен входили в воду и подолом одежды, обращенным на восток, ловили рыбу и при этом задавали вопрос брамину: “Что ты видишь?”, а тот отвечал: “Сыновей и скот”. Обычно такие рассказы завершаются сообщением об успешности подобных мероприятий. Обращает на себя внимание то, что обрядовые действия проявляют сходство со сказками, основанные на тех же представлениях. Так, в Исландии “во второй половине XVIII в. рассказывали, что некая знатная женщина, желая иметь ребенка, по совету трех женщин, явившихся ей во сне, легла у ручья и попила из него. Она устроила дело так, что в рот ей попала форель, проглотила ее, и желание ее исполнилось” [34, 56–61; 3, 88].

В общественном сознании первобытных людей тотемические представления привели к распространению на тотемных животных (в том числе и рыб) всех правил, регулирующих отношения внутри человеческого коллектива, прежде всего норм, предписывающих воздержание от каннибализма и заботу о каждом члене сообщества. Так сложилась практика тотемической табуации [31, 57]. Ее следы ясно видны в башкирском обычае не принимать в пищу определенных видов рыб. По данным Ф. Г. Хисамитдиновой, в Учалинском районе РБ (кара, табынцы) не едят угря, связывая его с духами воды [35, 124]. По материалам Р. Н. Хадыевой, прежде всего нельзя есть бесчешуйчатых рыб [36, 154]. У части башкирского населения не разрешалось употребление в пищу щуки [30, 433]. В Альшеевском районе РБ запрещали кушать рыбу беременным женщинам: в противном случае будущий ребенок начнет говорить поздно [37, 61–62].

Как видно из материала, отражение мотива рождения от съеденной рыбы во многих жанрах фольклора, в сказках, пословицах, поговорках, свадебных обрядах... свидетельствует о его древнейших корнях, связанных тотемистическими воззрениями людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский М. К. История русской фольклористики / М. К. Азадовский. — М.: Учпедгиз, 1958. — 482 с.
2. Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка / В. М. Жирмунский. — М., 1960. — 335 с.
3. Пропп В. Я. Мотив чудесного рождения // Сказка. Эпос. Песня. Изд. подг. В. Ф. Шевченко / В. Я. Пропп. — М.: Лабиринт, 2007. — С. 59–98.
4. Померанцева Э. В. Русская народная сказка / Э. В. Померанцева. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 128 с.
5. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. 2-е изд. / Е. М. Мелетинский. — М.: Восточная литература, 2004. — 462 с.
6. Мингажетдинов М. Х. Мотив чудесного рождения в богатырских сказках // Эпические жанры устного народного творчества / М. Х. Мингажетдинов. — Уфа: БашГУ, 1969. — С. 55–75.
7. Мингажетдинов М. Х. Этногенетические мотивы в башкирских сказках / М. Х. Мингажетдинов // Археология и этнография Башкирии. — Уфа, 1971. Вып. 4. — С. 301–308.
8. Зарипов Н. Т. Башкирские богатырские сказки: Эстетика жанра / Н. Т. Зарипов. — Уфа: Гилем, 2008. — 240 с.
9. Зарипов Н. Т. Герой башкирских богатырских сказок, его враги и помощники // Вопросы башкирской фольклористики / Н. Т. Зарипов. — Уфа, 1978. — С. 3–19.
10. Гутов А. М. Поэтика и типология адыгского нартского эпоса / А. М. Гутов. — М.: Наука, 1993. — 208 с.
11. Сарангов В. Т. Калмыцкие волшебные-героические сказки: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Москва, 1990. — 26 с.
12. Сарангов В. Т. Поэтика и стиль калмыцкой бога-

тырской сказки / В. Т. Сарангов. — Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2015. — 102 с.

13. Тресков И. В. Мотив чудесного рождения как отражение древнейших семейных отношений / И. В. Тресков // Фольклор народов РСФСР: межвузовский научный сборник. — Уфа, 1981. — Вып. 8. — С. 3–8.

14. Добровольская В. Е. Предметные реалии русской волшебной сказки / В. Е. Добровольская. — М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2009. — 224 с.

15. Краюшкина Т. В. Мир семейных отношений в русских народных сказках / Т. В. Краюшкина. — Владивосток: Дальнаука, 2005. — 200 с.

16. Хусаинова Г. Р. К сравнительному изучению сказок башкир и сибирских тюрков / Г. Р. Хусаинова // Мир науки, культуры, образования. — 2010. — № 3 (22). — С. 28–31.

17. Бухуров М. Ф. Адыгская богатырская сказка / М. Ф. Бухуров. — Нальчик, 2015. — 160 с.

18. Зинурова Р. Р. Башкирские богатырские сказки на мотив чудесного рождения (“зачатие” от съеденной рыбы”) // Урал-Алтай: через века в будущее: материалы Всерос. науч. симпозиума / БНУ РА “Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова” / Р. Р. Зинурова. — Горно-Алтайск: ОАО “Горно-Алтайская типография”, 2012. — 172 с. — С. 137–139.

19. Башкирское народное творчество. Т. 3: Богатырские сказки / Сост. Н. Т. Зарипов, вступ. ст., коммент. Л. Г. Барага и Н. Т. Зарипова. — Уфа: Башк. кн. изд-во, 1988. — 446 с.

20. Йәшәгән, ти, батырҙар. Башкорт халыҡ әкиәттәре. — Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1990. — 536 б.

21. Башкорт халыҡ ижады: Әкиәттәр. 3-сө китап / Төз. Н. Т. Зарипов, М. Х. Минһажетдинов, инеш мәк. М. Х. Минһажетдинов, аңл. авт. Лев Бараг менән М. Х. Минһажетдинов; яуаплы ред. Ә. И. Харисов менән Ғ. Б. Хөсәйенов. — Өфө: Башкортостан китап нәшр., 1978. — 351 б.

22. Русские народные сказки Сибири о богатырях / Сост. Р. П. Матвеева. — Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1979. — 303 с.

23. Башкорт халыҡ ижады. Әкиәттәр. Беренсе китап / Төз. М. Х. Минһажетдинов, Ә. И. Харисов; яуаплы ред. Н. Т. Зарипов. — Өфө: Башк. китап нәшр., 1976. — 375 б.

24. Башкирское народное творчество. Т. 4. Волшебные сказки. Сказки о животных / Сост. Н. Т. Зарипов; вступ. ст., коммент. Л. Г. Барага и Н. Т. Зарипова. Отв. редактор тома Л. Г. Бараг. — Уфа: Башк. книжное изд-во, 1989. — 512 с.

Орден Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

Зинурова Р. Р., младший научный сотрудник отдела фольклористики

E-mail: rafilya79@mail.ru

25. Башкирский народный эпос [Текст] / [авт. исслед. А. С. Мирбадалева; авт. коммент. А. С. Мирбадалева и М. М. Сагитов; башкирские тексты подгот. М. М. Сагитов, А. И. Харисов; пер. Н. В. Кидайш-Покровской [и др.]; отв. ред. Н. В. Кидайш-Покровская]; АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, АН СССР. Башкирский филиал. Ин-т истории, языка и литературы. — М.: Наука, 1977. — 518 с.

26. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Под ред. И. Ю. Крачковского. — М.-Л., 1939. — 194 с.

27. Башкирские шәжәрә. Сост., перевод текстов, введение и коммент. Р. Г. Кузеева. — Уфа, 1960. — 304 с.

28. Кузеев Р. Г. Очерки по исторической этнографии башкир. Ч. 1. / Р. Г. Кузеев. — Уфа, 1957. — 184 с.

29. Записано в д. Асылгужино Кигинского р-на Хакимьяновой А. М. от Хакимьянова Хайдарьяна Ахтарьяновича (1940 г.р.).

30. Нафиков Ш. В. О некоторых аналогиях к сюжетам башкирских мифов / Ш. В. Нафиков // Духовная культура народов России. Материалы заочной Всероссийской научной конференции, приуроченной 75-летию д.ф.н. Ф. А. Надришиной / Ш. В. Нафиков. — Уфа: Гилем, 2011. — С. 431–435.

31. Илимбетова А. Ф. Рыба в фольклоре, поверьях и обычаях башкир / А. Ф. Илимбетова // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XIII международной конференции / А. Ф. Илимбетова. — Уфа, 2013. — С. 56–60.

32. Кирэй Мәргән. Башкорт халкының эпик комарткылары / Кирэй Мәргән. — Өфө, 1961. — 388 б.

33. Экспедиционные материалы, 2003: Зилаирский район / сост. Г. Р. Хусаинова, Р. А. Султангареева, Л. К. Сальманова, Г. М. Ахметшина, Г. В. Юлдыбаева, Ф. Ф. Гайсина. — Уфа: РУНМЦ МО РБ, 2006. — 260 с.

34. Грысык Н. Е. Щука в верованиях, обрядах и фольклоре русских / Н. Е. Грысык // Из культурного наследия народов Восточной Европы: Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XIV / Отв. ред. Т. В. Станюкович / Н. Е. Грысык. — СПб: Наука, 1992. — С. 56–61.

35. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка / Ф. Г. Хисамитдинова. — М.: Наука, 2010. — 452 с.

36. Хадыева Р. Н. Башкирская этнокультура и язык. Опыт воссоздания языковой картины мира / Р. Н. Хадыева. — М.: Наука, 2005. — 244 с.

37. Султангареева Р. А. Жизнь человека в обряде: фольклорно-этнографическое исследование башкирских семейных обрядов / Р. А. Султангареева. — Уфа: Гилем, 2005. — 344 с.

Order of the Badge of Honor of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Zinurova R. R., Junior Researcher, Department of Folklore Studies

E-mail: rafilya79@mail.ru

КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ-БИБЛЕИЗМЫ В ТЕКСТЕ И В ЗЕРКАЛЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ (МЕРЗОСТЬ ЗАПУСТЕНИЯ)¹

В. М. Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 1 июля 2024 г.

Аннотация: в статье предлагается характеристика крылатых слов и выражений, источником которых является Библия. При всей универсальности их сакрального источника они обнаруживают довольно большие различия в разных языках, что обусловлено как разными переводами Священного Писания, так и особенностями соответствующих языков. Такие различия, представляющие трудности при переводе, проявляются в функционировании крылатых выражений-библейзмов в тексте. Данная ситуация демонстрируется на примере детализированного анализа выражения **мерзость запустения**.

Ключевые слова: крылатые слова и выражения, библейзмы, фразеологизмы, фразеография, сопоставительная фразеология.

Abstract: the article offers a description of popular words and expressions, the source of which is the Bible. Despite the universality of their sacred source, they reveal quite large differences in different languages, which is due both to different translations of the Holy Scriptures and to the characteristics of the corresponding languages. Such differences, which present difficulties in translation, are manifested in the functioning of popular biblical expressions in the text. This situation is demonstrated by the example of a detailed analysis of the expression **abomination of desolation**.

Keywords: winged words and expressions, biblical units, phraseological units, phraseography, comparative phraseology.

Роль Библии в создании и развитии литературных языков многих народов хорошо известна и изучена теологами, культурологами и лингвистами. При всей универсальности текста Священного Писания и его структурно-семантическом единстве в каждом из языков, на которые оно переведено, обнаруживаются не только сходства, но и существенные различия, обусловленные как теологическими, так и социолингвистическими факторами. Вот почему наследие Библии требует специализированного лингвокультурологического анализа при сопоставлении даже близкородственных языков [1]. Особое внимание при этом исследователи уделяют крылатым словам и афоризмам библейского происхождения, поскольку именно они запечатлели образную и идеологическую «боговдохновенность» Книги книг. Традиционно в собраниях крылатых слов и выражений, начиная со справочника осно-

воположника этого жанра К. Бюхмана [2], такого рода устойчивые

словосочетания подвергались точному лексикографическому описанию и сопровождалась источниковедческими комментариями. В русской лексикографической традиции это было сделано в монументальном двухтомном сборнике М. И. Михельсона [3], а после понятного «затишья» официального интереса к этой проблематике в атеистическое советское время, — в ряде специальных словарей постперестроечного извода [4; 5; 6; 7 и др.].

При общности источника библейзмов в языках, находящихся под влиянием христианской культуры, обнаруживаются большие различия в составе этих единиц, как в количественном, так и в качественном плане. Показательно, что даже в таких близкородственных славянских языках, как польский и кашубский, подверженных общему католическому влиянию, такие различия весьма ощутимы [8]. Русский язык, в котором православная вера с ориентацией на церковнославянские сакральные тексты гармонически сближалась с общеевропейской культурой и влиянием польского, французского, немецкого и других языков, обнаруживает здесь специфические особенности. По мнению В. Г. Гака, эта специфичность проявляется именно в сочетании книжно-церковного и разговорного (навеянного во многом кальками

¹ Исследование выполняется за счет гранта РФ, проект 2023–2025 «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библейзмов)», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

с европейских языков) начал, значительно обогатившем фонд русских библеизмов [9]. Количественно он превосходит поэтому корпус библеизмов французского языка. И действительно, судя по материалам нашего «Толкового словаря библейских выражений и слов» [6], русские библеизмы представлены именно в этих двух ипостасях, связанных как с историей книжной культуры на Руси, так и историей русского языка послепетровского периода. При этом далеко не все устойчивые словосочетания и поговорки, имеющие библейский источник, воспринимаются носителями русского и других европейских языков как библеизмы. Таковы, например, судя по нашим опросам студенческой молодежи, выражения и пословицы *на злобу дня, голос крови, голубь мира; Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет; Кто ищет, тот всегда найдет; Кто не работает, тот не ест* и др.

При этом нередко уже сама форма и лексический состав подобных выражений должны бы, как кажется, стать «подсказкой» библейского первоисточника. Таков оборот *мерзость запустения*, последовательно фиксирующийся во многих лексикографических источниках [3,1: 547; 6: 308–309; 10: 427; 7, 1: 608; 8: 172–174 и др.]. Его фразеологический статус надежно запечатлен классическим словарем под ред. А. И. Молоткова [11: 242], в котором дана его лапидарная дефиниция: «состояние полного опустошения, разложения; в состоянии полного опустошения, разорения, разложения». Само слово *мерзость* ‘то, что вызывает омерзение, отвращение’, на первый взгляд, не дает прямого языкового сопряжения с текстом Священного Писания, поскольку оно у нас напрямую связано с однокоренным прил. *мерзкий* ‘вызывающий отвращение, гадкий’. Однако в церковнославянских словарях оно не только идентифицируется с библейским текстом, но и сопровождается греческим аналогом — *вдѣлхгмв* ‘что-либо отвратительное, гнусное’. При этом в разных фрагментах Библии оно приобретает и такие значения, как ‘отвращение, гнусность’; ‘языческое божество, идол’; ‘языческий обряд, идолослужение’ [12: 302]. Вот несколько таких контекстов:

«Вот скоро изолью на тебя ярость Мою и свершу над тобою гнев Мой, и буду судить тебя по путям твоим и возложу на тебя все *мерзости* твои. И не пощадит тебя око Мое, и не помилую. По путям твоим воздам тебе, и *мерзости* твои с тобою будут; и узнаете, что Я — Господь каратель. ...Беда пойдет за бедою и весть за вестью...» (Иез. 7:5–9, 26).

«Вот, вы надеетесь на обманчивые слова, которые не принесут вам пользы. Как! вы крадете, убиваете и прелюбодействуете, и клянетесь во лжи и кадите Ваалу, и ходите во след иных богов, которых вы не знаете, и потом приходите и становитесь пред лицом Моим в доме сем, над которым наречено имя Мое, и говорите: «мы спасены», чтобы впредь делать все эти *мерзости*. Не соделался ли вертепом разбой-

ников в глазах ваших дом сей, над которым наречено имя Мое?» (Иер. 7:8–11).

«Устроили капища Ваалу в долине сыновей Енномовых, чтобы проводить чрез огонь сыновей своих и дочерей своих в честь Молоху, чего Я не повелевал им, и Мне на ум не приходило, чтобы они делали эту *мерзость*...» (Иер. 32:35).

«И не войдет в него [Новый Иерусалим. — В. М.] ничто нечистое и никто, преданный *мерзости* и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни» (Откр. 21: 27).

«Если кто ляжет с женщиною, как с женщиною, то оба они сделали *мерзость*; да будут преданы смерти, кровь их на них... Кто смесится со скотиною, того предать смерти, и скотину убейте. Если женщина пойдет к какой-нибудь скотине, чтобы совокупиться с нею, то убей женщину и скотину; да будут они преданы смерти, кровь их на них» (Лев. 20: 13, 15–16).

Интересующий нас оборот *мерзость запустения* находим также как в Ветхом, так и в Новом Завете:

Дан. 9, 27: <...> И на крыле святилища будет *мерзость запустения*, и окончательная предопределенная гибель постигнет опустошителя.

Мф 24, 15–16: И так, когда увидите *мерзость запустения*, реченную чрез пророка Даниила, стоящую на святом месте, — читающий да разумеет, — Тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы.

Как видим, слово *мерзость* в Библии характеризует не только (и даже не столько) состояние полного опустошения, разложения, разорения, но и греховные помыслы, поступки. Это могли быть и человеческие жертвоприношения, идолослужение и сами идолы, и блудодейние, содомия, за что был сурово наказан Богом греховный город Вавилон. Такого рода комплексная негативная семантика дает основания теологам определить исходный смысл выражения *мерзость запустения* как «мерзость идола, поставленного в разоренном и запустевшем храме Иерусалимском, напр. идола государя Калигулы или конную статую императора Адриана, поставленную на месте «святое святых» (Дьяченко 1993, 302).

В книге пророка Даниила, где выражение *мерзость запустения* было употреблено впервые, возвещается установление Царства Мессии, которому будут предшествовать «семьдесят седьмин» (вероятно, 490 лет), т.е. время, необходимое для того, «чтобы покрыто было преступление, запечатаны были грехи и заглажены беззакония» (Дан. 9: 24) евреев. Это якобы будет время, когда еврейский народ ждут многие испытания: «...Город [Иерусалим] и святилище разрушены будут народом вождя, который придет, и конец его будет как от наводнения, и до конца войны будут опустошения... И на крыле святилища будет *мерзость запустения*...» (Дан. 9: 26–27). Отсюда — и понимание под нашим оборотом статуи языческого бога или изображение римского императора, поставленное в Иерусалимском храме незадолго

до его разрушения. К. Н. Дубровина, однако, считает, что такое объяснение оборота не подтверждается историей, поскольку в Иерусалимском храме никогда не было изображения римского императора. Вслед за некоторыми исследователями она признает иное толкование: Иерусалимский храм «сделается запустевшим», т. е. на границах оскверненного города и храма появятся всеопустошающее римское войско, а мерзкое осквернение этого святилища идолослужением связано с именем царя Антиоха IV Епифана, истребившего до 40 000 иудеев и ограбившего Иерусалимский храм (см. 1 Мак. 1: 20–24). Вероятно, под *мерзостью запустения* здесь подразумевается жертвенник и скульптура римского божества Юпитера, поскольку во 2-й книге Маккавейской сказано, что Антиох Епифан повелел «осквернить храм Иерусалимский и именовать его храмом Юпитера Олимпийского» (2 Мак. 6: 2). Это осквернение храма Антиохом и предсказал в своем пророчестве Даниил: «И поставлена будет им часть войска, которая осквернит святилище могущества и прекратит ежедневную жертву, и поставит *мерзость запустения*» (Дан. 11: 31; см. также 12: 11; ср. также Мат. 24: 15–16; Мар. 13: 14; Лук. 21: 20). «Таким образом, — заключает свой историко-культурологический экскурс К. Н. Дубровина [2008, 173–174], — смысл данного выражения в Библии связан с обозначением языческого жертвенника на месте храма, языческого божества, а также идолослужения. Но по пути от Библии до наших дней его семантика претерпела значительные изменения, и в современном русском языке оборот *мерзость запустения* обозначает прежде всего ‘разорение, опустошение, беспорядок, грязь’».

В русском языке этот смысловой путь запечатлен во многих контекстах, что нашло отражение в названных выше лексикографических источниках.

В древнерусском языке выражение *мерзость запустения* зафиксировано лишь как цитата из Остромирова Евангелия 1057 г. (Мтф. 24, 15–13, 2: 231). Словарь русского языка XI–XVII вв. приводит ее по тому же источнику, сопровождая контекстом из «Книги обличений и Евангелия вечного» Аввакума (1679 г.): «Да, затѣмъ... Телятника взашей: ну, къ чорту, первенець сатанин! Не подобаетъ ти, *мерзость запустѣнія*, сидети на мѣстѣ святѣ» [14, 9: 98]. Составители словаря предлагают к этому обороту толкование, вытекающее из этого контекста: «О небрежении святыней, нечестии; о чем-л., пришедшем в упадок».

Литература XVIII в. [15, 12: 136–137], с одной стороны, воспроизводит ассоциативную привязку слова *мерзость* и соответствующего словосочетания к осуждаемому Библией идолопоклонению, с другой, — уже развивает значение ‘состояние полного разорения, опустошения’, употребительное и сейчас:

[Евангелие] испразнило *мерзость идолослужения*. Аргенида повесть героическая соог. Иоанном

Барклаием <...>, перев. От Василья Тредиаковского (1751), II, 368.

Сей святыи муж начал представлять мне всю *мерзость прошедшей моей жизни*. Пельский П. А. Кум Матвей или превратности человеческого ума (1803), I, 30.

О Боже!.. Сотвори сие, да рукою крепкою и мышцею высокою Христа твоего очистится от *мерзости запустения*, Святыня твоя. Кременецкий И. Приветствие пресветлеишему и великодержавнейшему государю Петру первому (1717), II, I, 12.

Низвергни *запустенья мерзость*, Насильно вторгнись в Божий дом. Сочинения В. Петрова (1782), 187.

Об употребительности выражения уже в XIX веке свидетельствуют контексты из произведений популярных в то время писателей [3, 1: 547]:

Постыдно восхищаться только внешним блеском и роскошью столичной жизни и умышленно закрывать глаза на всю *мерзость запустения* политических и всяких других нравов. П. Д. Боборыкин. Обнищальный.

Это — круговая порука апатии и лености, в результате которой не может быть ничего иного, кроме *мерзости запустения*. М. Е. Салтыков-Щедрин. Г-да Молчалины.

Я не знаю ничего сиротливее, ничего печальнее наших запущенных барских домов!.. в пыли и в паутине, большие зеркала с тусклой неподвижностью отражают всю эту *мерзость запустения*... Н. С. Кохановская. Из провинциальной галереи портретов.

Действительно, в XIX веке популярность нашего выражения достигла кульминации. Вот лишь имена нескольких писателей, запечатлевших его в своих произведениях: А. В. Амфитеатров, П. В. Анненков, Н. Г. Гарин-Михайловский, И. А. Гончаров, А. Жемчужников, М. Н. Загоскин, В. В. Крестовский, И. И. Лажечников, Н. С. Лесков, А. П. Лопухин, С. В. Максимов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, И. В. Омулевский, Н. Г. Помяловский, М. Е. Салтыков-Щедрин, К. М. Станюкович, Г. И. Успенский, А. И. Эртель... За ними следуют имена писателей, публицистов и философов конца XIX — первой половины XX вв.: А. Т. Аверченко, Н. А. Бердяева, И. А. Бунина, О. Э. Мандельштама, Д. С. Мережковского, Н. А. Тэффи. В Национальном корпусе русского языка зафиксировано более 330 примеров употреблений этого оборота, — в том числе советского и постсоветского периода: А. Битов, Б. И. Вронский, Е. С. Гинзбург, Е. А. Гагарин, А. Мень, Н. П. Окунев, В. Ф. Панова, М. М. Пришвин, Н. Ю. Устралов, М. А. Шолохов, В. Я. Шишков...

Динамика контекстов оборота *мерзость запустения*, представленных в русском литературном наследии, в целом отражает семантический диапазон, очерченный его словарными дефинициями. И даже в самых оригинальных его переосмыслениях сохраняется некая библейская «апокалиптичность», возвращающая его к исходному источнику:

А. Бенуа, современник Малевича, сам великолепный художник и критик искусства, писал о картине:

«"Черный квадрат" в белом окладе — это не простая шутка, не простой вызов, не случайный маленький эпизодик, случившийся в доме на Марсовом поле, а это один из актов самоутверждения того начала, которое имеет своим именем *мерзость запустения* и которое кичится тем, что оно через гордыню, через заносчивость, через попрание всего любовного и нежного, приведет всех к гибели». Т. Толстая. Квадрат.

Некоторые же современные авторы прямо апеллируют к символике «идолослужения», заложенной в предсказании пророка Даниила:

Как всегда, языческие реликвии используются — и даже оскверняются — религией, которая вытесняет прежние верования. И всё выглядит, как *мерзость запустения*. Е. П. Блаватская. Новый Панарион.

Смысловая неотрывность оборота от породившего его сакрального текста сохраняет его почти неизменным даже при попытках индивидуально-авторского варьирования :

А те два инока... За эти десятилетия, изо дня в день, несли они великое послушание, творили высокий подвиг духовного просветительства <...> И в этих подвигах и страданиях сохранили святое, и это святое в них, видимое народу, среди *мерзости духовного опустошения*, какой же пример и сдержка для окружающих, ободрение и упование для алчущих и жаждущих Правды. И. С. Шмелев. Старый Валаам.

Более того — в поэтических текстах такая смысловая неотрывность может даже усиливаться за счет органического сопряжения с другими старославянскими, окрашенными яркой библейской символикой:

Над русской Вильной стародавней
Родные теплятся кресты —
И звоном меди православной
Все огласились высоты.

Забыты страшные дела —
И даже *мерзость запустенья*
Здесь *райским крином* расцвела.

Преданье ожило святое
Первоначальных лучших дней,
И только позднее былое
Здесь в царство отошло теней.

Ф. И. Тютчев. «Над русской Вильной стародавней...»

Вчитываясь в неисчислимо контекстуальное богатство употреблений древнего русского выражения, мы можем предположить, что такая же ситуация характерна и для других языков общего христианского пространства. Однако, — как это ни парадоксально, — оно практически отсутствует в большинстве из них. Даже в близкородственных славянских языках оно является фразеологической лакуной и потому передается двуязычными словарями либо описательно,

либо опускается. Так, хотя в двуязычном русско-украинском и украинско-русском фразеологическом словаре к нему дается украинский эквивалент *мерзота (гидота) запустіння* [16: 328], но этот оборот отсутствует в академическом словаре украинской фразеологии [17: 2003]. Не приводится он и в двухтомном словаре белорусской фразеологии И. Я. Лепешева [18]. В русско-чешском фразеологическом словаре [19: 392] к обороту *мерзость запустения* предлагается лишь эквивалент *být ve stavu rozkladu* (букв. быть в состоянии разложения), что также — свидетельство этой языковой лакуны. В нашем русско-польском словаре крылатых слов [20: 288–289] по той же причине мы предлагаем лишь буквальный перевод русского библеизма, а в качестве польского эквивалента даем описательное словосочетание: *obrzydłość spustoszenia ~ obraz nędzy i rozpaczy* (букв. образ нужды и отчаяния). При этом мы сознавали, что пол. *obraz nędzy i rozpaczy* не полностью эквивалентен русскому библеизму, а обозначает скорее некую страшную картину или чей-л. плачевный вид. Но приходилось довольствоваться таким эквивалентом именно потому, что пол. *obrzydłość spustoszenia* — лишь буквальное воспроизведение библейской фразы, не насыщенной, как в русском литературном языке, мощной коннотативной оценочностью.

В этом, собственно, и заключается парадокс исторических судеб нашего выражения. В библейском тексте всех европейских языков мы его, конечно же, находим: бел. *мярзота запустэньня*; укр. *мерзота запустіння*; пол. *obrzydliwość spustoszenia*; словацк. *ohavnosť spustošenia*; чеш. *ohavnost zpustošení*; словен. *gnusoba opustošenja*; серб. *gnusoba pustoši*; хорв. *gnusoba pustoši*; босн. *grozota pustoši*; болг. *мерзостта на запустението*; макед. *одепатността на пустошот*; англ. *the abomination of desolation*; нем. *der Gräuel der Verwüstung*; фр. *l'abomination de la désolation*. Однако все они так и остались лишь фрагментом библейского текста и не развили того коннотативного потенциала, который отражен в русском литературном языке. Не случайно, как и в приведенных славянских примерах, лексикографам неславянских языков приходится передавать русское выражение описательно. Так, хотя в немецком тексте Библии есть сочетание *der Gräuel der Verwüstung* (букв. ужас опустошения), русско-немецкий фразеологический словарь [21: 370] вынужден давать описательный эквивалент — *völlige Verwüstung [Zerstörung]; Verfall [Niedergang]* (букв. полное опустошение, разрушение; упадок, гибель).

Русскую историю библейского выражения *мерзость запустения*, как видим, можно считать уникальной. Рожденное из общего христианского источника, оно уже с XI в. стало известным книжникам Древней Руси благодаря Остромирову Евангелию. Воспроизводясь в литературных текстах последующих веков, оно обрело популярность и насыщалась новой фразеологической энергетикой. Насыщалось,

но не только не теряло смысловую и символическую связи с первоисточником, а даже, как мы видели, текстуральными аллюзиями усиливало эту связь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наследие Библии в языках и культурах народов России. / Иванов Е. Е., Маслова В. А., Мокиенко В. М. — М.: РУДН, 2022. — 496 с.
2. Buchmann Georg. Geflügelte Worte. Der Citatenschatz des deutschen Volks. Ges. und erl. von Georg Buchmann. Berlin: Haude und Spener, 1864. — 220 s.
3. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон. — СПб.: [печатан в типографии Академии наук] — Т. 1, 1902. — 779 с. Т. 2, 1903. — 580+250 с.
4. Серов В. В. Крылатые слова: Энциклопедия / В. В. Серов. — М.: Локид-Пресс, 2003. — 831 с.
5. Дубровина 2008: Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов русского языка. — М., 2008. — 553 с.
6. Лилич Г. А. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц / В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич, О. И. Трофимкина. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 639, [1] с.
7. Берков В. П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2-х т. (Т. I. А-М. — 658 с.; — Т. II. Н-Я. — 656 с.) В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова / под ред. С. Г. Шулежковой. — 2-е изд., испр. и доп. — Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009.
8. Treder Jerzy. Frazeologia kaszubska a wierzenia i zwyczaj (na tle porównawczym) / Jerzy Treder. — Wejherowo, 1989. — 312 s.
9. Гак В. Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) / В. Г. Гак // ВЯ 1997. — № 5. — С. 55–65.
10. Бирих А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — Под ред. проф. В. М. Мокиенко. — 4-е изд., стереотипн. — М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2007. — 926. [2] с.
11. Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1967. — 543 с.
12. Полный церковно-славянский словарь (со включением в него важнейших древне-русских слов и выражений). Сост. Г. Дьяченко. — М.: изд-во Московской Патриархии, 1993. — 1120 с.
13. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. — Т. 1–3. — СПб., 1893–1912.
14. СЛРЯ XI–XVII вв.: Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 1–31, — М.: Наука — Азбуковник. 1975–2019. (Издание продолжается)
15. СЛРЯ XVIII в.: Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–23. — Л.(СПб): Наука, 1984–2019. (издание продолжается). (Сл. XVIII в.).
16. ОС: Олійник І. С. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник / І. С. Олійник, М. М. Сидоренко. — Вид. 2-е. — Київ, 1978. — 447 с.
17. Фразеологічний словник української мови / Уклад.: В. М. Білоноженко та ін. Від. ред. В. О. Винник. — К.: Наукова думка, 2003. — 1104 с.
18. 18. Лепешаў І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы / І. Я. Лепешаў. — Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1993. Т. 1 (А-Л). 590 с.; Т. 2 (М-Я). — 607 с.
19. Stěpanova Ludmila. Rusko-český frazeologický slovník / Ludmila Stěpanova. — Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2007. — 878 s.
20. Chlebda W. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów / W. Chlebda, W. M. Mokienko, S. G. Szuleżkowa. — Jask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003. — 706 s.
21. Petermann J. Russisch-deutsches phraseologisches Wörterbuch / J. Petermann, B. Hansen-Kokorus, T. Bill / Hrsg. von J. Matešić. Wissenschaftliche Redaktion: A. Bierich, O. Dobrowol'skij. Redaktion: E. L. Rymaševskaja. Leipzig-Berlin-München-Wien-Zürich-New York: Langenscheidt-Enzyklopädie, 1995. — XXX+946 s.

Санкт-Петербургский государственный университет
Мокиенко В. М., профессор филологического факультета
E-mail: mokienko40@mail.ru

Saint-Petersburg State University
Mokienko V. M., Professor of the Philological faculty
E-mail: mokienko40@mail.ru

МИНИАТЮРЫ Е. А. ДОМБРОВСКОЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДУХОВНОЙ ПРОЗЫ

Н. В. Пращерук

Уральский федеральный университет

Поступила в редакцию 1 июля 2024 г.

Аннотация: в статье обосновывается понятие литературной духовной прозы, выделяются его содержательные параметры, выявляется метажанровая природа этой прозы. Три миниатюры Е. А. Домбровской, которые являются своеобразным мини-циклом в составе книги «Мимолетности», анализируются как явление этого метажанра современной литературы

Ключевые слова: литературная духовная проза, Домбровская, духовность, христианство, миниатюра.

Abstract: the article substantiates the concept of literary spiritual prose, highlights its content parameters, and reveals the meta-genre nature of this prose. Three miniatures by E. A. Dombrovskaya, which are a kind of mini-cycle in the book "Fleeting", are analyzed as a phenomenon of this meta-genre of modern literature

Keywords: literary spiritual prose, Dombrovskaya, spirituality, Christianity, miniature.

В достаточно обширном сегодня корпусе религиозно окрашенных произведений целесообразно выделить особое направление, сложившееся в последние два десятилетия. Это литературная духовная проза [10]. Ее следует отличать от собственно духовной прозы, которая создавалась, главным образом, святыми отцами, а также священнослужителями, монахами и т.п. Принципиальное значение в данном случае имеет дополнение литературная, что означает обязательную, а именно, образную составляющую, литературную, художественную обработку, что как раз не является обязательным условием для собственно духовной прозы. Хотя и прозу святых отцов нередко можно рассматривать как явление художественной словесности, например сочинения свт. Игнатия (Брянчанинова) [6], обладающего несомненным литературным даром, или труды пр. Иустина (Поповича), среди которых есть, к примеру, сочинение, исполненное высокой поэзии, написанное изысканным художественным языком и сложно повествовательно организованное — «Душе цветов вослед» [9]. Этот ряд можно продолжить. И тогда подобная проза тоже может быть исследована, в том числе в филологическом, литературоведческом ключе. Это отчасти уже было сделано нами на материале сочинений свт. Игнатия (Брянчанинова) [12, 259–264]. Его наследие уникально и чрезвычайно интересно для филолога по многим параметрам — проблемно-тематическому, жанровому, стилевому и т.п. Думается, что сама идея метажанровости этой прозы начала формироваться как раз во время изучения сочинений святителя, потому что жанровый диапазон его произведений широк и разнообразен:

миниатюры, близкие стихотворениям в прозе, библейская повесть, паломничества, исповедь в стиле плача («Плач мой»), фрагменты, написанные в жанре слова («Фарисей») и др. Следовательно, прозу свт. Игнатия филологам, на мой взгляд, следует изучать и как яркий литературный феномен, и с точки зрения традиций, на которые опирается современная литературная духовная проза.

Эта проза обладает целым рядом типологических черт, что позволяет выделить ее в особое направление или метажанр. Для такой прозы характерен отказ от фикциональности, автобиографическая или документальная основа. В данном случае авторы, работающие в этом направлении, следуют традиции, которую сформулировал свт. Игнатий (Брянчанинов). В жизнеописании святителя приводится его признание о том, как создавались «Аскетические опыты»: «Ни о каком духовном делании не говорил, а тем более не писал, не проверив своим собственным опытом того учения или делания и его последствий, которые... передавал слушателю или читателю» [6, 71]. Принципиальное значение приобретает именно личный опыт духовного возрастания, представленный в форме автоповествования. Другими словами, перед нами своеобразные эго-тексты.

В произведениях этого направления разворачивается особая иконическая модель реальности, связанная с тем, что идеал обретен и не вызывает сомнений [1], и этот идеал — Христос. Т. е. мир видится автору как икона, как творение Бога. Отсюда характер образности: картина мира выстраивается с опорой именно на духовный символизм, который отличен от символизма естественного, ибо реализуется по принципу через невидимое к видимому, в противоположность символизму естественному [13]. Если говорить о ге-

рое — то он чаще всего автобиографичен и проверяется, если можно так сказать, на соответствие идеалу. Следовательно, главным предметом изображения становится духовный путь, точнее, духовный опыт персонажа, погружение в его сердечные глубины, выход в сферу богообщения. Духовное при этом трактуется не в общегуманитарном смысле, а в прямом — религиозном: «По учению Апостола Павла, духовный человек четко отличается от человека душевного. Духовным является тот человек, который имеет в себе действие Святого Духа, тогда как душевным человеком является тот, у кого есть душа и тело, но кто не стяжал Святого Духа, дающего жизнь душе. Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может (1 Кор. 2, 4–15)» [7, 6–14].

Многие из этих произведений направлены на активный диалог с читателем, который ведется автором изнутри церковного опыта и мотивируется сердечным стремлением открыть ему мир православия.

Следует отметить и характерный для подобных произведений статус повествователя, который, по существу, является «alter ego» автора. Это субъекты (автор и герой-повествователь) особого рода. Они не преобразователи мира, а скорее смиренные созерцатели, их главная задача — вслушиваться, внимать, вглядываться. Подобное восприятие окружающей реальности и отношение к ней сродни феноменологической процедуре «вслушивания», «внятия», «усмотрения сущностей», с одной стороны, а с другой, — такой способ общения с миром (в том числе и с миром литературы) опирается на святоотеческую традицию познания как приобщения к Божественным логосам вещей. Такое приобщение возможно только в состоянии «сокрушенного сердца» или в стремлении к нему. Именно в таком состоянии и создается настоящая духовная проза. Авторское «сокрушенное сердце», изначальная установка на смиренное, но активное созерцание претворяется в особый образ повествователя, стремящегося приблизиться, прикоснуться к духовной реальности, дать ей «голос» и приобщить, насколько это возможно, к этому «голосу» читателя.

Подобная внутренняя доминанта повествовательных стратегий напрямую связана с опорой на особое толкование творчества, которое мы находим в святоотеческой традиции. Творчество понимается не в привычном для нас смысле как игра воображения и реализация собственного «я». В отличие от трактовок творческого процесса, которое мы находим у античных философов, у Ф. Ницше, Вяч. Иванова, Н. Бердяева и др., творчество тяготеет к духовной трезвости, к практике трезвения. Святые отцы называли творчество «духовным художеством», «твердым водружением помысла ума и стоянием его у двери

сердца» [8]. Трезвение есть аскетическая практика «очищения сердца», путь смирения [7, 132]. Только в таком состоянии смиренного сердца можно услышать Божественные логосы вещей и обрести себя настоящего [8].

Все ранее обозначенные черты, которые носят системный характер, позволяют, на мой взгляд, отнести литературную духовную прозу к метажанру, метажанровому явлению, включающему произведения различных жанров: миниатюры, фрагменты (П. Мамонов, о. Николай Германский, Ст. Минаков, Е. Домбровская), паломнические очерки / духовные странствия (Ст. Минаков, Вл. Крупин и др.), автобиографические рассказы и повести (о. Артемий (Владимиров), Е. Домбровская, С. Минаков, А. и К. Смородины), библейский роман (Ю. Вяземский), христианский метароман (Е. Домбровская), семейная хроника (Е. Домбровская), теологический роман (М. Павлов), схолия (о. А. Дьяченко), мемуары, очерки (мпт. Тихон (Шевкунов)) и др.

Авторы, пишущие в рамках названного направления, обладают, как правило, яркой индивидуальностью, собственным стилем, собственным характером образности и письма.

Среди них — Е. Р. Домбровская, один из самых, на мой взгляд, оригинальных и глубоких авторов. Она работает в разных жанрах. Ею написана грандиозная семейная хроника «Воздыхания окованных. Русская сага» [3], в которой воссоздается история семьи в соотношении с современностью и осмысленная с опорой на малоизвестные работы о. Павла Флоренского о духовно-нравственных закономерностях истории родов. Это известная московская семья, к которой принадлежал Н. Е. Жуковский, ученый с мировым именем, «отец русской авиации». Его родственники — представители древних дворянских родов, оставивших след в русской истории (Стечкины, связанные своим рождением с родом митрополита Филиппа Московского (Колычева), рюриковичи Микулины); его потомки — племянник Жуковского академик А. А. Микулин — знаменитый конструктор авиадвигателей; племянница — Вера Жуковская, писательница Серебряного века; замечательный русский реставратор Екатерина Александровна Домбровская (так же племянница Жуковского), которую не без оснований в истории древнерусского искусства именуют «бабушкой русской реставрации»; ее супруг — Иван Домбровский, Георгиевский кавалер, участник Первой мировой войны, в вынужденной эмиграции с 1918 г., ставший известным американским художником Джоном Грэхамом [3].

Е. Р. Домбровская — автор уникального произведения «Весна души. Страницы жизни р. Б. Анны». Это автобиографическая повесть, в которой представлен аскетический опыт обычного православного человека. Традиция таких сочинений фактически пресеклась в русской литературе [4].

Кроме того, Е. Р. Домбровская на протяжении многих лет занимается изучением Чехова. Опыт постижения чеховского мира отражен в книге «Чехов. Путь открылся... Духовные странствия Тимофея диакона» [5], жанр которой совместными усилиями — автора, известного востоковеда В. Н. Захарова и моими — мы определили как христианский метароман [11, 222–227].

Писательница работает и в жанре малой эпической формы — миниатюры, фрагмента, которые включены автором в цикл под названием «Мимолетности». Речь пойдет о последних миниатюрах, которые написаны в самом конце 2023 г. и начале 2024 г., объединены общей темой и пафосом и могут рассматриваться как своеобразный мини-цикл.

Первая миниатюра «Огненный критерий» открывается зарисовкой из прошлого: «Помню, в давние незабвенные, золотые и небезболезненные времена удалось однажды попасть к Владыке с одним из внуков и его мамой. Крестник мой, внук лет одиннадцати никак не мог расположиться в кожаных владыкиных креслах: некуда было девать худобу длиннющих, нескладных ног, приструнить ломающийся каркас позвоночника, суету болтающихся неприкаянно рук... «Нет точки опоры», — смущенно пришла ему на помощь мать, на что Владыка со свойственной ему стремительностью отрезал: «Точка опоры — Бог!»

Тогда я мигом подумала: «Поймут ли? Услышат ли?».

Прошли долгие и многотрудные годы. И — о чудо! — и услышали, и поняли, и стали применять и все ближе стремиться к Центру» [2].

Сформулированный фактически на все случаи жизни критерий переводится автором в литературный контекст — становится фокусом восприятия и оценки произведений искусства, критерием настоящего в творчестве, которое контрастирует с искусно сделанным. Речь идет о ситуации читательской восприимчивости / невосприимчивости:

«Ты готов верить: и впрямь, какие мастеровитые, какие умелые, какие приметливые, какие щедро изысканные и эрудированные, какие тонкие и чувствительные, какие острые в памяти и верные в ассоциациях... Диву даешься, уже располагая ум и сердце ко вниманию и одобрению. И ум, — он такой! — готов уже запеть втору похвалам <...>, но сердце, вредное, противное сердце... саботирует и молчит. «Ну, отзовись же, окаянное, пособи, не вредничай!», — но оно, упрямое, знай твердит: не на что, мол, брат, реагировать... Пустое все, деланное, хоть и искусно, — прямо «отвал башки», как нынче весело говорят, но сердцу то поживиться нечем; хотя бы чуток пульс другой души услышать... А что пульсирует... самость человеческая — вещь в себе заточенная, сама собой питающаяся и себя сбедающая...

Ищешь, ищешь причину, почему твой-то пульс не оживает... пока вдруг не вспыхнет в сердце то ста-

родавнее, простое, лаконичное, отеческое: «Нет точки опоры!» И: «Точка опоры Бог!» [2].

И далее: «Бог, Кто заполнил все твое сердце человеческое, залил его — и глаза и уши твои Своим раскаленным золотом, Тот, Кто зажег пламенем Любви и ум, и все, все, что ни есть в тебе, в мире, во вселенной?»

И может ли человек в том огне не сгорающий, прельститься чем-то иным, где нет этого огня... и вкушать холодной мертвой пищи?!» [2].

Как тут не вспомнить гумилевское «Слово» с дурно пахнущими мертвыми словами!

Высокая экспрессия образов и лексики соединяется здесь с особым повествованием, которое организуется преимущественной глагольной формой 2 лица, создающей интонацию доверительного разговора с читателем, прямо предполагающей включение читателя в размышления героя-повествователя. Этому способствуют просторечные выражения и формы, которые не снижают планки поставленных вопросов, а лишают их формальности, абстрактности, прибавляют теплоты и сердечности.

Миниатюра насквозь диалогична. Начинается с внешнего диалога — обмена репликами Владыки и пришедшей к нему с сыном женщины. Затем диалог переводится во внутренний план — идут вопрошания, обращенные к собственному сердцу, а далее в диалог вовлекается читатель — вопросы обращены уже не только к сердцу повествователя, но и к нам. Миниатюра и завершается вопросом. Такая структура позволяет автору избежать почти невозможного в подобных текстах — дидактики и нарочитости, оставляя читателю свободу. Этому эффекту способствует и то, что для миниатюры характерен широкий лексический диапазон — от просторечных слов и оборотов («отвал башки», окаянное, сердцу поживиться нечем) до высокой библейской лексики. Тем самым достигается органика включенности ситуации чтения-создания литературы в высокий контекст Слова. Ключевыми становятся образ Божественного огня — раскаленного золота, пламени Любви — и образ сердца, которое трактуется по-христиански как центр духовной жизни человека, подлинный центр личности.

Именно сердце человеческое, чистое сердце, и есть главный «угадыватель» и проводник Божьей Правды. Об этом речь идет в двух других миниатюрах, посвященных православным праздникам.

«Тепло Рождества» открывается строками с изысканной образностью: «Тепло Сочельника... Разве может что-то сравниться с этим неземным теплом, спускающимся как манна небесная...?»

Тепло для сердца, тепло для глаз — от скромной лампадки перед иконой, от прибранного стола, ждущего тихой Рождественской трапезы... Тишина... Да, Великая Тишина Великой Субботы ни с чем не сравнима. Но тишина Рождественского Сочель-

ника, она иная... Меж этими двумя излияниями духа Небесного на земнородных целая земная жизнь Бого-человека...» [2]. Переживание наступающего Праздника наполняет сердце теплом и радостью.

Сердечная тема обогащается образом тишины как знака обретенной (хотя бы на время) гармонии, тишины, в которой открываются сокровенные смыслы Рождества. Тишина — огромного, объемного значения образ для православной традиции. Это и обретенный «мир и благоволение», и символ состояния, близкого к бесстрастию, и владение Истиной, и переживание Божественного присутствия.

А, кроме того, в миниатюре в художественной форме, по существу, явлена христианская идея кенозиса, напрямую связанная с обстоятельствами «прихода в мир Богомладенца-Спасителя». Повествователь замечает: «Купаясь в этом сне... Блаженной Тишины и Тепла, душа ищет какого-нибудь привычного, бывшего, знакомого... И вспоминается почему-то только самая простая и бедная, но Богом богатая жизнь... Деревня русская, тихая и смиренная природа, дальний огонек, где тоже, наверное, милует людей это тепло, и, если ты забредешь туда со своей слезой, ТЕПЛО согреет и иссушит ее мгновенно» [2]. Не подобное ли переживание стало основой лирического сюжета в знаменитом тютчевском «Эти бедные селенья...»?

Завершается миниатюра традиционно для автора — вопросом, обращенным к читателю: «Мир и благоволение... Какое неопишное богатство... С кем бы поделиться, чтобы не разорвалось твое переполненное теплом сердце?!» [2].

Третья миниатюра со знаковым, объемным по смыслу заголовком «Время сердца», посвящена Старому Новому году. Пейзажная зарисовка с яркой и одновременно утонченной образностью как необходимый и органичный переход к постижению тайны обаяния праздника: «Дело к ночи. За окном хрустальные, белонастные русские морозы. Ночь в бархате бездонная, провальная, великая. Звезды, знай, потрескивают. Никого в мире нету. Все прихли. И все вокруг — как встарь, как и положено на Руси. ...Что-то есть в этом тихом старинном «новом годе» неуловимое, теплое, почему-то приятное сердцу» [2].

Переживание праздника становится «вхождением» во «время сердца», над которым время реальное не властно. И опять вспоминается Тютчев с его сердцем, которое бьется на пороге, и в этом «бьется» — и реальное наше сердцебиение, и символический смысл, связанный с переживанием глобального масштаба. Здесь тоже есть образ звучащего молоточками человеческого сердца: «Время сердца — оно еще и время сердцебиения, пока не умолкнет этот дивный, нежный, пульсирующий звук — позывные Бога — неподобное (орфография автора. — Н. П.) чудо вселенной, — звук человеческого сердца. Молоточек не вечен, но не сам орган» [2].

Пребывающему во «времени сердца» открывает-ся ответ Истины, «всеобъемлющий, сияющий, светозарный», ответ о том, что «главная и единственная надежда человека — Любовь Личности. Святая Троица, Христос, <...> великое Божие Вместительство Любви, которая никогда не умирает, не тает, не исчезает и не разрушает и того малого, что есть бессмертная личность — душа человека, даже когда умолкают его земные позывные» [2].

На такой высокой ноте завершается миниатюра: «...А пока предощущение исполнения Истины расширяет наши сердца до вселенских пространств. Что там — миры! Оно даже Божественного Гостя может принять!» [2].

Следует отметить, что автор, облакая в художественную форму богословские догматы, опирается, что естественно, на высокую лексику, но никогда при этом не впадает ни в розовую сентиментальность и слащавость, ни в навязчивую и прямолинейную дидактику. Домбровская знает цену слову, поэтому для ее стиля характерна органика соединенности высокой образности и сдержанности, виртуозного умения избегать всякого рода эмоциональной избыточности.

Подводя итоги, замечу, что проведенный анализ трех миниатюр (а их более тридцати) из книги «Мимолетности» показывает необходимость более обстоятельного изучения всей книги и доведения ее до широкого читателя, ибо именно такая литература нужна нам сегодня в нашем противостоянии разного рода тенденциям и практикам, разрушающим человека и человеческое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгова Е. Духовная проза 1830–1870-х годов / Е. Долгова // Христианство и русская литература. СПб.: Изд-во Пушкинский Дом, 2006. — Сб. 5. — С. 129–202.
2. Домбровская Е. Р. Мимолетности / Е. Р. Домбровская // (Дата обращения: 14.05.2024). Текст цитируется по этой публикации.
3. Домбровская Е. Р. Воздыхания окованных. Русская сага / Е. Р. Домбровская. — СПб.: ИД «Первоград», 2017. — 752 с.
4. Домбровская Е. Р. Весна души. Страницы жизни р. Б. Анны / Е. Р. Домбровская. — М.: У Никитских ворот, 2016. — 512 с.
5. Домбровская Е. Р. Чехов... Путь открылся. Духовные странствия Тимофея диакона. Кн. I. / Е. Р. Домбровская. — Торонто: ALTASPERA, 2020. — 482 с.
6. Игнатий (Брянчанинов), свт. Собр. соч. в 7 т. Т. 1: Аскетические опыты / свт. Игнатий (Брянчанинов). Репр. воспр. изд. 1886 г. М.: Правило веры; Изд-во Донского монастыря, 1993. — 569 с.
7. Иерофей (Влахос), митрополит. Православная духовность / пер. с новогреческого. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2009. — 136 с.
8. Пр. Исихий, пресвитер Иерусалимский. Преподобного Исихия, пресвитера Иерусалимского, к Феодулу

душеполезное и спасительное слово о трезвении и молитве // Добротолюбие. Т. 2. Гл. 15 / Эл. ресурс: Азбука веры. Православная библиотека. Сборники, Добротолюбие. — Режим доступа: azbuka.ru. (Дата обращения: 11.08.2022).

9. Пр. Иустин (Попович), Челийский. Душе цветов вослед. — Режим доступа: https://azbuka.ru/otchnik/Iustin_Popovich/dushe-tsvetov-vo sled/ (Дата обращения: 12.08.2023).

10. Пращерук Н. В. Современная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика. Учеб. пособие / Н. В. Пращерук. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 110 с.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б. Н. Ельцина

Пращерук Н. В., доктор филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

E-mail: pnv1108@gmail.com

11. Пращерук Н. В. Христианский метароман Е. Р. Домбровской «Чехов... Путь открылся. Духовные странствия Тимофея диакона» / Н. В. Пращерук // Проблемы исторической поэтики. 2018. — Т. 16. — № 3. — С. 222–237.

12. Пращерук Н. В. «Песнь под сенью Креста»: о духовной прозе свт. Игнатия (Брянчанинова) / Н. В. Пращерук // Церковь. Богословие. История. — 2023. — № 4. — С. 259–264.

13. Шараков С. Л. Символическое миросозерцание Ф. М. Достоевского: истоки и развитие / С. Л. Шараков. — Вел. Новгород: НовГУ, 2020. — 427 с.

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

Prashcheruk N. V., Professor, Doctor of Philology, Department of Russian and foreign literature.

E-mail: pnv1108@gmail.com

МОТИВ «ОБМАННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ» В ВОРОНЕЖСКИХ И КУРСКИХ НАРОДНЫХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Т. Ф. Пухова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 сентября 2024 г.

Аннотация: целью данного исследования является анализ воронежских и курских волшебных сказок с мотивом «обманного договора». Такой разбор дает нам возможность проследить генезис сказки, увидеть историческое развитие системы образов, сюжета от древних мифологических форм почитания духов воды до более поздних сказочных форм, характерных для феодальной эпохи. Источниками для исследования послужили тексты сказок из общероссийского сборника народных сказок А. Н. Афанасьева, сборника сказок А. Н. Корольковой, сборника курских сказок, а также сказок из архива лаборатории народной культуры филфака ВГУ.

Ключевые слова: фольклор, волшебная сказка, культ воды, сюжет, мотив, обманный договор, мифологический персонаж.

Abstract: the purpose of this study is to analyze Voronezh and Kursk fairy tales with the motive of a “fraudulent contract”. Such an analysis gives us the opportunity to trace the genesis of the fairy tale, to see the historical development of the image system, the plot from the ancient mythological forms of reverence for the spirits of water to later fairy-tale forms characteristic of the feudal era. The sources for the study were the texts of fairy tales from the all-Russian collection of folk tales by A. N. Afanasyev, the collection of fairy tales by A. N. Korolkova, the collection of Kursk fairy tales, as well as fairy tales from the archive of the Laboratory of Folk Culture of the VSU Philology Faculty.

Keywords: folklore, fairy tale, cult of water, plot, motive, deceptive contract, mythological character.

В этой статье мы рассмотрим часто встречающийся мотив народной волшебной сказки — мотив «обманного договора» («отдай то, чего в доме не знаешь»). Такой непредсказуемый поворот событий придает сюжету сказки необычайно острый характер, сразу же приковывает внимание слушателей, обеспечивает полную заинтересованность слушателей в экспозиции или в завязке сказки.

В ходе нашего исследования мы будем обращаться к собранию русских сказок из сборника А. Н. Афанасьева, сборников воронежских и курских сказок, а также сказок из архива лаборатории народной культуры Воронежского государственного университета, записанных в 1976–1979 годах.

В. Я. Пропп в книге «Морфология сказки» так говорит об этом мотиве в VII функции «VII. Жертва поддается обману и тем невольно помогает врагу». (Опр. *пособничество*, обозн. g).

1) Герой соглашается на все уговоры вредителя, т.е. берет колечко, идет париться, купаться и т.д. Можно заметить, что *запреты* всегда нарушаются, *обманные предложения*, наоборот, всегда *принимаются* и выполняются. Об. g.

В. Я. Пропп продолжает: «Особую форму обманного предложения и соответствующего согласия пред-

ставляет собой обманный договор. [„Отдай то, чего в доме не знаешь“]. Согласие в этих случаях вынуждается, причем вредитель пользуется каким-либо затруднительным положением своей жертвы. (Разбежалось стадо; крайняя бедность и пр.). Иногда это затруднительное положение нарочно вызывается вредителем. (Медведь берет царя за бороду 117). Этот элемент может быть определен как *предварительная беда*. (Обозн. х. Этим знаком создается отличие от других форм обмана).» [4, 40]

Е. М. Мелетинский в книге «Герой волшебной сказки», обращаясь к древнейшему периоду нашей культуры, связанному с языческим мировосприятием, отмечает, что образ природного божества обладал безусловным авторитетом, любое приказание воспринималось как обязательное к выполнению. В данном случае речь идет о морском божестве, духе воды, «Чудо-Юде Беззаконном» и других.

Именно такие образы водного духа мы встречаем в воронежских сказках.

В сказке «Волшебник» из сборника А. Н. Корольковой (1969) это безымянный дух воды, волшебник:

«Отслужил он там и едет домой. Шел он походом, осталось уж немного и до двора. Может два дня пройти — родное село.

Подошел он к реке, нагнул и начал пить. А его кто-то цап за бороду и тянет вниз, в воду. Солдат так-

сяк, этак-никак. **И какой-то невидимый голос** спрашивает: — Отдай, что дома не знаешь, а то утоплю. Он подумал: — Да чего же дома я не знаю? Отдам!

Он его вдруг отпустил.

... Подошли они с сыном к реке. Вдруг **засияло, загремел гром, кто-то песком обрушился**. Он пролетел — сына нет. Все тихо. Постоял-постоял отец, приходит домой. — Ну, что бог даст. А сын его Иванушка оказался в пучине, в подземелье, где сам волшебник живет» [5, 193–194].

В архиве лаборатории народной культуры мы обнаружили несколько сказок с мотивом «обманного договора», записанных в разных селах Воронежской области (*Хитрая наука* № 325; *Чудесное бегство* № 313 А, Б, С) [6].

В сказке «Охик», записанной в селе Старая Тойда в 1967 г. от Швыревой Аграфены Павловны, 1903 года рождения, появляется мифологический персонаж Охик, существо «в рыбьей чешуе».

«Ну вот отслужил он, идет, вернулся домой. И так захотелось ему пить, нагнулся в крыницу, ну, а его за бороду кто-то схватил.

— Пусти

— Нет. Обещаешь отдать, что дома не знаешь?

— Обещаю.

Он же не знал, что дома. Он пошел домой. Там у него сын — такой красавец, ему двадцать пять лет. Ну он и заплакал, и говорит жене: «Вот, такой вот случай со мной произошел».

Привел сына к крынице, и говорит:

«Охик, выйди к нам». Он вышел — сам человек, а чешуя на нем рыбья.

— А когда я смогу его забрать?

— Три года мастерства, если выучится — тогда отдам».

Охик не только представлен в виде человека в рыбьей чешуе, но еще находится в крынице, т.е. это вообще дух воды, а не дух моря и реки. (АЛНК).

В сказке «Иван, Чудо морское и Клара», записанной в с. Старая Чигла Аннинского района в 1979 году от Буравлевой Марии Ивановны, 1906 года рождения, показан такой дух моря, как «Чудо морское семиголовое, семибородое».

Вот он ехал, ехал и вдруг очутился в море остров вот как котёл круглый, ему негде проехать. Ему и говорят:

— Стой! Здесь проезда нету.

Шут ему говорит:

— Отдай, что ты дома не знаешь.

...Приехал домой. Ничего никому не слова. А ехал он много, много земель проехал. Когда приехал домой, сынишке уже 5 лет, шестой.

Печалится он, но виду не подает, а хочется рассказать про свою беду. А сын растет не по дням, а по часам — красавец.

Прошло еще три года, как девять лет ему сравнялось, на 10-й год.

А он и говорит (звать его **Чудо морское семиголовое, семибородое**).

— А как же он найдёт вас?

— Куда клубочек покотится, туда он пойдёт». (АЛНК)

Характерно, что водный дух представлен в этой сказке как в классическом мифе, обладающим фантастической внешностью — многоголовостью, многобородостью. Вспомним сторуких пятидесятиголовых великанов в греческой мифологии, трех-, шести-, девяти-, двенадцатиголовых змеев в славянской мифологии. Здесь водный дух обладает также сакральным числом (семь) голов и бород.

В сказке, записанной в с. Старая Тойда Аннинского района в 1967 году от Попова Михаила Афанасьевича, 1895 года рождения, показан невидимый дух, который имеет имя Демон.

«Сыну исполнилось восемнадцать лет (а старик сказал ему: «Как позову, так сына и посылай»). Однажды **как загремело**: «Посылай сына на работу! Не пошлешь — все богатство развалю!». Он один слышал. Загрустнел, но ничего не сказал. На другую ночь **опять загремело**, даже посуда разбитая: «Посылай сына на работу, а то все в порошок сотру!». Это уже и жена, и сын слышали. Рассвело. За чай сели. Сын спрашивает: «Это, папа, что такое? Какого сына он у тебя спрашивает?». Отец все рассказал. «Ну что ж — я пойду». (АЛНК)

В сказке «Протупей прапорщик», записанной в с. Монастырщина Богучарского района в 1976 году от Плаховой Матрены Ивановны, 1907 года рождения, появляется «чудище морское», которое также ожидает обещанного солдатского сына.

Стоял, стоял корабль, и никак с места не может стронуться. И тогда капитан спрашивает: «Волей или неволей остановился наш корабль?» **А из моря голос звонкий**: «Неволей корабль твой стоит!». «Кто же его задержал?» — спрашивает капитан. «Я», — отвечает **чудище морское**. «Проси у меня выкуп какой хочешь», — сказал капитан, — только отпусти мой корабль». А **чудо морское** ему отвечает: «Выкуп большой брать с тебя не буду. Отдай мне то, чего дома не знаешь».

...Много ли, мало ли время прошло, вырос сын и нашел в сундуке эту грамоту. И говорит отцу: «Что же ты молчишь? Ведь мне к чуду морскому отправляться надо». Загоревал отец, но ничего не подделает. Пришлось сыну к чуду морскому идти.

...И вот оказался он на дне морском, а перед ним чудо страшное. Сам глаза открыть не может — слуги ему палками глаза открывают». (АЛНК)

Последний эпизод напоминает нам образ гоголевского Вия, с той разницей, что Вий — подземное существо. А «чудище страшное» — подводное.

В «Трудах Курского губернского статистического комитета (Вып. первый

Курск, 1863), в «Сказках, записанных в Тимском уезде», были обнаружены две волшебные сказки, в которых есть мотив «обманного договора». Это сказка «Купеческий сын Иванъ»:

Жил купецъ у города и пошелъ на корабли. Онъ жилъ там три года. Вышла съ кораблей вода... Онъ наклонился напитокца. **Акиянь Моря** схватил яво за бороду и говоритъ: отдай мнѣ, што дома не знаешь. Купецъ подумал и сказал: возми. Воротился купецъ домой. Жана яво встрѣваетъ съ сыномъ. Онъ заплакалъ и сказалъ ну сынъ а табѣ отказалъ Акиянь Морю. Сынъ выросъ и пошел къ Акиянь Морю. [7, 518].

И сказка «Иванъ-Царевич и Марья-Царевна»:

Жилъ царь. Вотъ онъ отъѣзжая въ нѣкоторыя страны. Пробылъ тамъ два года и едятъ онъ домой. **Съ нимъ встрѣчаитца змѣй** и говоритъ; вотъ я тебѣ съемъ. — Царь говорит: погоди, ня ѣшь. — Змей говоритъ: Откажи, что дома не знаишь. — Царь подумалъ и говорит: возми. — Приходя царь домой. Жана яво устрѣвая съ сыномъ и с дочерью. Он заплакалъ и сказалъ: ах, дѣточки мои! **Я васъ отказалъ змѣю**. Иванъ-Царевич и Марья-Царевна выросли и пошли къ змѣю. [7, 520].

В курских сказках, записанных в XIX веке, мы встречаем наиболее архаичные образы водного духа. В сказке «Купеческий сын Иванъ» перед нами дух «Акиян моря» — самый обширный, всеохватный водный дух. Возможно, это образ тех мировых вод, на которых покоилась земля. Во второй сказке «Иванъ-Царевич и Марья-Царевна» водный дух представлен Змеем. И это неслучайно. Ведь змей в мировой мифологии является универсальным мифологическим персонажем, он принадлежит и воздушной стихии (летает), и земле (ходит, бегает), и огненной стихии (выпускает струи огня), и выплывает из моря (плавает). Змей — настоящее хтоническое существо, изначально олицетворявшее собой дикую природную мощь земли, подземное и подводное царства.

Вероятно, в более поздний период в сказках появился образ не природного духа, а духа в виде человека, имеющего разную социальную принадлежность: «царь земли неверной», колдун, и даже черт («нечистый», «окаянный»). Примером тому могут служить 5 вариантов сказки «Морской царь и Василиса Премудрая» из сборника «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3-х томах».

(№ 219):

«Как увидел это царь, взгоревался, зачал плакать и приговаривать: «Что же мне теперь делать? Как опять соберу все стадо в такой маленький сундучок?» И видит он — **вышел из воды человек**, подходит к нему и спрашивает: «Чего ты, царь-государь, так горько плачешь?» — «Как же мне не плакать! — отвечает царь. — Как мне будет собрать все это стадо великое в такой маленький сундучок?» — «Пожалуй, я помогу твоему горю, соберу тебе все стадо, только с уговором: отдай мне — чего дома не знаешь». За-

думался царь: «Чего бы это я дома не знал? Кажись, все знаю». Подумал и согласился. «Собери, — говорит, — отдам тебе — чего дома не знаю». Вот тот человек собрал ему в сундучок всю скотину; царь сел на корабль и поплыл восвояси» [3, 139].

«Погоревали, поплакали все вместе и решили, что делать-то нечего, надо отдавать царевича; отвезли его на взморье и оставили одного» [3, 141].

№ 220

Меж тем царь той земли, на которой раскинул золотой город, прислал сказать мужику, чтобы он или отдал ему город, или то, что есть у него дома и чего он не ведает. Не захотелось мужику отдавать города; он подумал: «То, чего я не знаю, не жалко и отдать будет!» — и согласился на последнее. Только вымолвил ответ свой, глядь — города нет: стоит он в чистом поле один-одинехонек, а возле него золотой ларчик с золотыми ключиками. Взял мужик ларчик и поплелся домой.

Приходит в свою избу, а жена несет ему младенца, что без него родила. Тут только спохватился мужик и спознал, чего просил у него царь земли неверной. Делать было нечего; раскинул он золотой город и стал до времени растить сына. Стало сыну осьмнадцать лет; **царь земли неверной** прислал сказать, что пора-де рассчитаться. Поплакал мужик, благословил сына, да и послал к царю». [3, 144].

№ 222

«Как же теперь быть, — думает охотник, — как убрать в сундучок всю эту силу военную? Да этого и черт не сделает!» Глядь — стоит перед ним **окаянный**. «Хочешь, — говорит, — я помогу твоей беде; только не поспеши, отдай мне — чего дома не знаешь». — «Изволь, — отвечает охотник, — готов тебе отдать чего дома не знаю, только с уговором: коли в три дня не сумеешь найти, так оно навсегда при мне останется». — «Ладно», — сказал **окаянный**. [3, 149].

№ 224

Послы воротились и донесли про все **царю Некрещеному Лбу**. «Пусть отдаст мне то, чего дома не ведает; соберу ему дворец в золотой ларчик». Делать нечего, пообещал купец с клятвой отдать то, чего дома не ведает; а царь Некрещеный Лоб тотчас собрал дворец в золотой ларчик. Взял купец золотой ларчик и пустился в дорогу.

Прошло лет с десяток и побольше того; вырос купеческий сын, поумнел, похорошел и стал молодец молодцом. Раз поутру встал он весело и говорит отцу: «Батюшка! Снился мне нынешней ночью **царь Некрещеный Лоб**, приказывал к себе приходить: давно-де жду, пора и честь знать!» Прослезилась отец с матерью, дали ему свое родительское благословение и отпустили на чужую сторону [3, 161].

№ 225

Жил-был богатый купец. Пошел он ходить по чужим сторонам, дошел до реки и захотел пить; стал

он в той реке пить, и схватил его **Чудо-Юдо Беззаконный** и просит: «Отдай ты мне, чего дома не знаешь». Купец думал-думал: «Кажется, я все дома знаю!» И сказал: «Ну, возьми!» Чудо-Юдо отпустил его. Отправился купец на родину; немалое время был он в пути, пришел домой, а без него жена сына родила. И растет этот сын не по годам, не по дням, а по часам, по минутам. Требуется Чудо-Юдо уплаты. «Поддай, — говорит, — мне, что сам обещал». Отец не дает, жалко ему своего сына, а сын говорит: «Что же делать, батюшка! Благослови меня, я пойду» [3, 165].

№ 226

«Жил-был охотник, ходил-бродил в лесах целые дни. Раз как-то и заплутался, и пристигла его темная-темная ночь, да такая холодная, что зубом на зуб не попадешь! Утомился, прозяб бедняга и не придумает, где и как ему ночь провести. Вдруг усмотрел — недалеко в стороне огонек светится; пошел на огонь и видит — у **зажженного костра чернец сидит. А то не чернец был, а был сам нечистый.** «Позволь, отче, погреться!» — просит охотник. «Если хочешь погреться, — отвечает черт, — то отдай мне то, чего дома не знаешь». Охотник согласился, а того не ведает, что ему бог сына даровал. Заснул у костра, а наутро воротился домой.

Вот как подрост у него сын — этак лет десять сравнялось — и стал собою писанный красавец, то отец, глядя на него, не мог удержаться, чтоб не заплакать. «Батюшка! О чем плачешь?» — спрашивает сын. «Смотрю на тебя, что ты на беду зародился, и плачу». И рассказал ему, как у него с чертом было условлено. «Ну что ж? Ведь этого назад не воротить! — сказал сын. — Пойду-ка я к нечистому» [3, 168].

Характерно, что во всех сказках с мотивом «обманного договора» сын не спорит с отцом. Узнав о своей судьбе, соглашается и уходит к вызывающему его духу. Воспринимается все это в семье как должное, как обязательное подчинение водному духу:

«Отец все рассказал. «Ну что ж — я пойду».

«Загоревал отец, но ничего не поделаешь. Пришлось сыну к чуду морскому идти».

«Сынъ выросъ и пошел къ Акиянь Морю».

«Ивань-Царевич и Марья-Царевна выросли и пошли къ змѣю».

«Погоревали, поплакали все вместе и решили, что делать-то нечего, надо отдавать царевича».

«Царь земли неверной прислал сказать, что пораде рассчитывать. Поплакал мужик, благословил сына, да и послал к царю».

«Снился мне нынешней ночью царь Некрещеный Лоб, приказывал к себе приходить: давно-де жду, пора и честь знать!» Прослезилась отец с матерью».

«А сын говорит: «Что же делать, батюшка! Благослови меня, я пойду».

«Ну что ж? Ведь этого назад не воротить! — сказал сын. — Пойду-ка я к нечистому».

Об этом признаке древнего мифологического сознания образно говорил Е. М. Мелетинский: «Поступками его **фатально** определяются различные обычаи, порядки, нормы поведения для грядущих поколений» [2, 8]. А обычаи и нормы того времени требовали беспрекословного подчинения божеству, исполнения требования традиции.

Итак, рассмотрев сказки из общероссийского сборника А. Н. Афанасьева, сборников сказок А. Н. Корольковой и курских сказок, сказок из архива лаборатории народной культуры филфака ВГУ, имеющих в составе сюжета мотив «обманного предложения», мы пришли к следующему выводу.

Разбор сказок с мотивом «обманного договора» дал нам возможность проследить генезис сказки, увидеть историческое развитие системы образов, сюжета от древних мифологических форм почитания духов воды («Чудо-Юдо морское», «Чудо морское семиголовое, семибородое», «Акиян-Море», Змей, «человек в рыбьей чешуе») до более поздних сказочных форм, характерных для феодальной эпохи («царь некрещеный лоб», «царь земли неверной», чернец, «окаянный»). Обязательное исполнение приказания водного духа говорит о живучести представлений о божестве/духе воды, о большой степени почитаемости водного духа в самых различных его ипостасях в текстах русских волшебных сказок XIX — середины XX веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. АЛНК — Архив лаборатории народной культуры им. С. Г. Лазутина.
2. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки Е. М. Мелетинский. — М.-СПб.: Академия Исследований Культуры. Традиция, 2005. — 240 с.
3. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3-х томах. — Т. 2. — М., 1957.
4. Пропп В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. — Л.: Academia, 1927. — 80 с.
5. Русские народные сказки. Сказки рассказаны воронежской сказочницей А. Н. Корольковой / Сост. Померанцева Э. В. — М., 1969. — 406 с.
6. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. / Сост. Барак Л. Г., Березовский И. П., Кабашников К. П., Новиков Н. В. — Л.: Наука, 1979. — 437 с.
7. Сказки, записанные в Тимском уезде. Собрал Ф. Белкин. — Труды Курского губернского статистического комитета. — Выпуск первый — Курск, 1863. — С. 518–543.

ОСМЫСЛЕНИЕ МАРГИНАЛЬНОСТИ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Т. А. Тернова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 сентября 2024 г.

Аннотация: специфика современного гуманитарного знания заключается в его междисциплинарности. Ряд терминов, используемых гуманитарными науками, в том числе 'маргинальность', имеют нюансы истолкования в конкретных областях знания. Понимание маргинальности в филологии базируется на смыслах, закрепленных за термином в социологии, психологии, культурологии, при этом он получает и дополнительное истолкование. Помимо внимания к маргинальной личности, в филологии развивается интерес к маргинальной литературе и маргинальным жанрам. Маргинальность в разных ее аспектах спровоцирована переходными процессами социального и культурного характера.

Ключевые слова: маргинальность, термин, социология, психология, культурология, филология, маргинальная литература, маргинальные жанры.

Abstract: the specificity of modern humanitarian knowledge lies in its interdisciplinarity. A number of terms used by the humanities, including 'marginality', have nuances of interpretation in specific areas of knowledge. The understanding of marginality in philology is based on the meanings assigned to the term in sociology, psychology, and cultural studies, while it also receives additional interpretation. In addition to attention to the marginal personality, philology is developing an interest in marginal literature and marginal genres. Marginality in its various aspects is provoked by transitional processes of a social and cultural nature.

Keywords: marginality, term, sociology, psychology, cultural studies, philology, marginal literature, marginal genres.

Специфика современного гуманитарного знания заключается в его междисциплинарности. Ряд терминов, используемых гуманитарными науками, имеют нюансы истолкования в областях филологии, социологии, культурологии и т.п. Одной из актуальных задач современной гуманитарной науки является осмысление такого рода метаязыковых единиц, обозначение четких границ их научного использования. В числе таких нуждающихся в уточнении смыслового наполнения терминов — маргинальность. Обозначим аспекты истолкования понятия в ряде смежных гуманитарных наук, обратившись к истории возникновения термина.

Понятие появилось в американской социологии в 1920-е годы для обозначения ситуации отрицательной адаптации иммигрантов к новым социальным условиям.

Маргинальность (позднелат. *marginalis* — находящийся на краю) в социологии — это «пограничность состояния индивида или группы по отношению к социальной общности, страте или социально значимым структурам» [18, 195]. Понятие 'маргинальность' отражает возможность возникновения особого положения индивида или группы в социальном пространстве, когда они оказываются на стыке культур, не принадлежа ни одной из них, или просто вытесняются на периферию социальной жизни. Мар-

гинальность является неизбежностью социальной мобильности, причем как вертикальной, так и горизонтальной, в ходе которой происходит смена статусов, утрачивается принадлежность к страте. Утрата статуса и обретение нового различены во времени, в связи с этим возникают адаптационные проблемы, сложность которых обусловлена индивидуальными особенностями индивида, его готовностью к вхождению в новую для него социокультурную среду (см. [14, 564]).

Впервые феномен маргинала-«чужака» как социального типа (без использования термина) был осмыслен Г. Зиммелем (см. [1]), отметившим в нем такие черты, как беспристрастность, стремление к новизне, лидерский потенциал, конфликтогенность.

Основа социологической концепции маргинальности была создана в 1928 г. Р. Парком [15], исследовавшим межрасовое взаимодействие и иммигрантские группы в городской среде. Показательными чертами «маргинального человека» он назвал его проживание в двух мирах, в каждом из которых он чувствовал себя чужим. Р. Парк воспринимал маргинальность как результат социальной мобильности, в ходе которой индивид оказывается в состоянии кризиса.

В дальнейшем маргинальность стала пониматься шире — «как состояние в процессе перемещения индивида или группы при смене статусов, а также как характеристика социальных групп, находящихся

ся в промежуточном или изолированном положении в социальной структуре» ([18, 195]).

В социологии выделяют два основных вида маргинальности: естественную («связанную с самопроизвольной мобильностью и потому существующая в любом обществе») и предписанную (носящую «внешний принудительный характер» и связанную, «как правило, понижением социального статуса целых социальных групп и слоев» ([18, 195])).

Таким образом, социологическое представление о маргинальности выстраивается на стыке понятий 'человек' — 'общество' — 'культура'.

Е. Хьюгз переносит представление о маргинальности с субъекта на ситуацию [22], в которой он, находясь на границе двух социальных групп, трагически переживает необходимость идентификации (см. [11]). Кризис адаптации субъекта имеет следствием девиантный характер его поведения (см. [13], [16]).

Маргинальность в психологии — промежуточное состояние личности, «пограничность культурной ориентации и положения индивида по отношению к каким-либо группам в обществе» [2, 32], которое обуславливает острые «формы поведенческих проявлений». Маргинализация личности в психологии характеризуется, прежде всего, «невозможностью или сознательным нежеланием индивида адаптироваться в новых социальных условиях, что приводит к отрицанию тех или иных культурных, нравственных ценностей и норм» [2, 32].

Психологическими особенностями личности маргинального человека являются серьезные сомнения в своей ценности, неопределенность связей с друзьями, боязнь быть отвергнутым, склонность избегать неопределенных ситуаций, болезненная застенчивость, одиночество, чрезмерная мечтательность, излишнее беспокойство о будущем, боязнь риска, неспособность наслаждаться, уверенность в том, что окружающие несправедливо с ним обращаются (См. [12]).

По мнению одного из родоначальников концепции маргинальности, Э. Стоунквиста [19], личность маргинального человека отличают дезорганизованность, ошеломленность, неспособность определить источник конфликта, ощущения «непреступной стены», неприспособленности, неудачливости; беспокойство, тревожность, внутреннее напряжение, изолированность, стесненность, разочарование, отчаяние, разрушение «жизненной организации», психическая дезорганизация, бессмысленность существования, эгоцентричность, честолюбие, агрессивность.

Маргинальный статус личности потенциально является источником невротических симптомов, тяжелых депрессий, в наиболее тяжелых случаях чреват саморазрушением.

В современных исследованиях психологии маргинальности на первый план выходит проблема ее диагностики. Она «решается учеными на основе ис-

следования ее различных психологических показателей — эмоциональных состояний, самооценки и самоощущения, фрустрированности, тревожности, активности и др.» (см. [10]).

Маргинальность в культурологии — положение и особенности жизнедеятельности групп и отдельных личностей, чьи «установки, ценностные ориентации, модели поведения одновременно соотносены (реально или в интенции) с различными культурными системами и проистекающими из них требованиями, но ни в одну из которых они не интегрированы полностью» (См. [3, 11]).

Маргинальность культурная возникает в ситуации (вынужденной или сознательно выбранной личностью) одновременного и однопространственного существования группы или индивида в контексте противоречащих друг другу социокультурных требований (См. [20]).

Во всех случаях культурная маргинальность связана с социальной стратификацией и обусловлена социальными процессами. Объективными условиями для формирования культурной маргинальности являются процессы трансформации общественной системы (модернизация, перестройка и т.п.), интенсификации социальных перемещений, развитие межкультурных взаимодействий. Одним из важнейших факторов возникновения культурной маргинальности являются процессы миграции.

Субъектами «культурной маргинальности» становятся «случайные» индивиды, чьи культурные корни оказались оборваны в результате определенных социальных процессов». Они находятся «в состоянии насильственного отчуждения от традиционных для их предков этнических, национальных, религиозно-нравственных ценностей. Драматизм их положения в том, что они» по той или иной причине не могут «ассимилировать ценности и дух окружающей их культуры, которая продолжает оставаться для них «чужой»» [24].

Смысловые компоненты, присущие толкованию маргинальности в областях социологии, психологии, культурологии позволили термину 'маргинальность' найти применение в филологических науках, в первую очередь, в литературоведении.

Маргинальность, реализованная в пределах художественного текста, может быть рассмотрена на разных уровнях: антропологическом, общекультурном, жанровом. Значимыми в описании антропологической маргинальности являются национальный компонент; поэтологический ракурс, реализуемый через систему автометаописаний; пафос текста.

Маргинал как личность, находящаяся «на границе или вне социальной структуры», оказался в поле зрения русской литературы в середине XVIII века. Более ранние персонажи (как, например, житийные, юродивые) не могут быть причислены к этому типу, поскольку не отвечают его принципиальным

характеристикам: они, в отличие от маргиналов, исповедуют общепринятые нормы, хотя их поведение и эпатажно с современной точки зрения.

В русской литературе XIX — XX веков маргинальный герой актуализируется в переходные исторические эпохи: «натуральная школа» XIX века, начало XX века (М. Горький). Маргинальный тип личности показателен для литературы рубежа XX — XXI веков, времени социальных и исторических трансформаций.

Интерес к маргинальной личности обострился еще в 1970-х годах, в эпоху оформления русского литературного андеграунда со свойственным ему духом отвержения идеологических и иных запретов, присущим именно маргинальным героям. В числе литературных героев-маргиналов — Егор Прокудин В. Шукшина, Зилев А. Вампилова, чуть позже Венечка В. Ерофеева, Петрович В. Маканина, герой рассказа О. Павлова «Конец века» и мн. др.

Проблема маргинального героя может рассматриваться и в аспекте вопроса национальной идентичности (например, в «Хуррабаде» А. Волоса, «Возвращении в Кандагар» О. Ермакова).

Помимо представления о маргинальной личности, филологию интересует так называемая «маргинальная литература», которая «обозначает одно из важнейших художественно-стилевых течений в мировой литературе, существующее вместе с возникновением литературы как искусства и являющееся одной из главных тенденций в современной литературе, в которой можно различить типологические группы адаптации, конвергенции, интеграции, ассимиляции» [23, 291].

Применение термина 'маргинальный' в этом контексте исходит из значения французского слова 'marginal' (написанный на полях, побочный, второстепенный, неосновной). Следовательно, маргинальная литература — литература, балансирующая между соответствием / несоответствием высокой, официальной культуре; литература, нарушающая по своему содержанию принятые в обществе нормы. Таким признаками нередко обладает массовая литература (См. [8], [9]), развитие которой идет параллельно литературе высокой. «Вольнолюбивая, фамильярная, атеистическая, эротическая — каждый из этих видов поэзии имел свои стилистические и жанровые закономерности и воспринимался как такое дополнение к миру печатных текстов, которое имеет право на существование, — пишет Л. М. Лотман. — В каждом из этих видов были свои классики, образцы для подражания. Не входя в официальную литературную иерархию, тексты эти тем не менее ценились <...> Находясь вне солнечной системы «большой литературы», они возмущали движение ее планет по рассчитанным орбитам» [8, 384]. Так, «в пушкинскую эпоху читатель имел дело сразу с двумя параллельными иерархиями поэтических ценностей: одна — официальная, которая распро-

странялась на печатную литературу, другая — «отверженная», маргинальная, существовавшая в виде рукописных тетрадей» [9, 210].

Маргинальность является одним из наиболее адекватных терминов, используемых современным литературоведением для описания признаков и функционирования искусства неклассического типа (см. в работе [21]).

Термин 'маргинальность' оказывается на стыке эстетики и прагматики, что обуславливает его востребованность при исследовании феномена жанрообразования рубежных эпох. Суть так понятой маргинальности состоит в смене аксиологических и художественных приоритетов. Маргинальность может обеспечить методологический механизм описания трансформаций в рамках литературного и, шире, культурного процесса.

Подобный подход (в ряде случаев без использования термина маргинальность) использовался представителями структурно-семиотической школы ([7], [17]), описывавшими динамику литературного процесса как «рокировку» «центра (носителя господствующей системы норм, задающих правил) и периферии (в ней эти правила ослабевают, благодаря чему создаются предпосылки для зарождения новых регуляторов эстетических отношений и жизни художественных систем, произведений)» [4, 28]. В свою очередь, основания для такого подхода можно найти в базовых работах формалистов: «В работах Ю. Н. Тынянова показан механизм взаимоперемещения структурного ядра и периферии. Более гибкий механизм последней оказывается удобным для накопления структурных форм, которые на следующем историческом этапе окажутся доминирующими и переместятся в центр системы. Постоянная мена ядра и периферии образует один из механизмов структурной динамики» [7, 30]. Мена центрального и периферийного (без использования термина маргинальность) указывается И. Е. Васильевым как характеристика авангарда, «который как раз и делает периферийное (внесистемное) системным, переворачивает связи и зависимости, устанавливает новые пропорции» [4, 28].

Чертой современной художественной литературы является тяготение к разрушению жанровых канонов, созданию жанровых модификаций. «Способ общения писателя с читателем, приемы повествования и другие авторские стратегии ведут к тому, что и сам писатель оказывается «в поисках жанра» (В. Аксенов), и читатель перестает опираться на жанр как категорию литературной памяти» [5, 84].

На стыке жанровых систем образуются маргинальные, промежуточные жанры, имеющие сложную жанровую природу. Н. Лейдерман так пишет об этом: «В переходные эпохи, которые образуются в месте разрыва культурных эр (поздний эллинизм, поздняя готика, барокко), когда получает широкое

распространение идея Хаоса как онтологического устройства мира, происходит разрушение ранее авторитетных жанров, провозглашается отказ от жанровых канонов, сама категория жанра дискредитируется, объявляется теоретической фикцией» [6, 11].

Круг маргинальных жанров чрезвычайно широк. Н. Лейдерман выделяет в их числе антижанр (пародирует особенности исходной жанровой модели), фрагмент (сопровождает попытки описания дискретной модели мира в художественной форме), уникальные жанровые образования и реставрированные формы архаических жанров (см. [6], [21]).

Восприятие маргинальности в области филологии демонстрирует потенциал смыслов, заложенных в предложенном социологией и адаптированном психологией и культурологией термине. Во всей случаях употребления он имеет констатирующий безоценочный характер, демонстрируя характер и направленность переходных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баньковская С. Чужаки и границы: к понятию социальная маргинальность (фрагмент) / С. Баньковская // Отечественные записки. — 2002. — № 6. — С. 457–467.
2. Бережков Н. А. Маргинальность подростков и особенности ее проявления в условиях стрессогенной социальной среды / Н. А. Бережков, А. В. Меликян // Таврический научный обозреватель. — 2025. — № 5. — С. 32–35.
3. Быховская И. М. Горбачева И. В. Маргинальность культурная // Культурология XX век: Словарь / под ред. С. Я. Левит. — М.: Университетская книга, 1998. — Т. 2: М — Я. — 446 с.
4. Васильев И. Е. Русский поэтический авангард XX века / И. Е. Васильев. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. — 320 с.
5. Елина Е. Г. Маргинальные жанры в современной русской литературе / Е. Г. Елина // Известия Саратовского университета. — Серия Филология. Журналистика. — 2007. — Том 2. — Вып. 2. — С. 82–86.
6. Лейдерман Н. Л. Проблема жанра в модернизме и авангарде (Испытание жанра или испытание жанром?) / Н. Л. Лейдерман // Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. Вып. 9. — Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2006. — С. 3–33.
7. Лотман Ю. М. Динамическая модель семиотической системы / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. — Т. 10. — Тарту, 1978. — Вып. 464. — С. 18–33.
8. Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. О русской культуре. — СПб.: Искусство, 1997. — С. 817–826.
9. Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. — Таллинн, 1992. — С. 203–216.
10. Макаренко О. Н. К вопросу о психологии маргинальной личности / О. Н. Макаренко // Вестник Волгоградского ун-та. — Серия 7. — 2009. — № 1 (9). — С. 173–176.
11. Манчини (Mancini B. J.) No owner soil: The concept of marginality revisited on its sixtieth birthday / B. J. Mancini // International Review of Modern Sociology. — New Delhi, 1988. — Vol. 18. — № 2. — P. 183–190.
12. Маргинальность в современной России / Коллективная монография / Балабанова Е. С., Буруцкая М. Г., Демин А. Н., Климов И. А., Петрова Л. Е., Попова И. П. — М.: МОНФ, 2000. — 207 с.
13. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон // Социс. — 1995. — № 2. — С. 128–124.
14. Общая социология: Учеб. пособие / Под общ. ред. проф. А. Г. Эфендиева. — М.: ИНФРФ-М, 2009. — 654 с.
15. Парк Р. Человеческая миграция и маргинальный человек / Р. Парк // Социальные и гуманитарные науки. Социология: Реферативный журнал. Серия 11. — М.: РАН, 1998. — С. 167–176.
16. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. — М.: Аспект Пресс, 1998. — 270 с.
17. Смирнов И. П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем / И. П. Смирнов. — М.: Наука, 1977. — 203 с.
18. Социология: учебник для вузов / Хренов А. Е., Тургаев А. С., Белоусов К. Ю., Казаринова Н. В., Яшина М. Н., Завершинская Н. А.; под общей редакцией А. С. Тургаева. — 3-е изд., пер. и доп. — М.: Юрайт, 2023. — 424 с.
19. Стоунквист Э. Маргинальный человек. Исследование личности и культурного конфликта / Э. Стоунквист // Современная зарубежная этнопсихология. Реферативный сборник. — М.: ИНИОН АН СССР, 1979. — С. 159–174.
20. Теория культуры / под ред. С. Н. Иконниковой, В. Б. Большакова. — СПб: Питер, 2008. — 592 с.
21. Тернова Т. А. Феномен маргинальности в литературе авангарда: имажинизм / Т. А. Тернова. — Воронеж: Наука-Юнипресс, 2011. — 212 с.
22. Хьюз (Hughes E. C.) Social change and status protest: An essay on the marginal man / E. C. Hughes // Phylon-Atlanta, 1945. — Vol. 10. — № 1. — С. 59–65.
23. Чупринин С. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям / С. Чупринин. — М.: Время, 2007. — 766 с.
24. Энциклопедический словарь «Слово о человеке». — Электронный ресурс. — Режим доступа: [http://www.slovochel.ru/m-kulturnaja.htm?ysclid=lzddb102r761035107]. — Дата обращения: 19.08.2024.

Воронежский государственный университет

Тернова Т. А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук.

E-mail: ternova@phil.vsu.ru

Voronezh State University

Ternova T. A., Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Literature of the XX and XXI Centuries, Theory of Literature and the Humanities.

E-mail: ternova@phil.vsu.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ И СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ОБОРОТЫ: АКТУАЛИЗАЦИЯ НЕЯВНЫХ ПРИЗНАКОВ

Г. С. Толмачева

Китайский нефтяной университет (Пекин) Кампус Карамай

Поступила в редакцию 2 декабря 2023 г.

Аннотация: рассмотрено функционирование сравнительно-уподобительных наречий военной тематики и соотносимых с ними простых и распространенных сравнительных оборотов, установлено их сходство и различие, определены семантические признаки, лежащие в основании сравнения. Выявлена зависимость количества сравнительных единиц от принадлежности к тематической группе. Представлены способы выявления устойчивых явных признаков, а также неявных, их связь с закрепленностью образа сравнения в языковом сознании социума.

Ключевые слова: функционирование сравнительно-уподобительных наречий; простые и распространенные сравнительные обороты, военная тематика, функциональная грамматика.

Abstract: the paper considers the function of comparative adverbs of military subjects as well as simple and common comparative clauses correlated with them, establishing their similarity, distinction and determining of the semantic features in terms of the comparison. What's more, the dependence of the number of comparative units on their belonging to the thematic group is revealed. Furthermore, the ways of revealing stable explicit features as well as implicit ones, their connection with the fixation of the image of comparison in the linguistic consciousness of society are presented.

Key words: functioning of comparative adverbs; simple and extended comparative phrases; military themes; functional grammar.

Сравнительно-уподобительные наречия (далее — СУН) в лингвистике изучены недостаточно, хотя отдельные из них рассматриваются в работах Н. М. Девятовой, А. В. Дегальцевой, Е. В. Огольцевой [1–3] и др. Во всех работах отмечается лексикографическая неполнота отражения этой группы наречий, словарные статьи либо отсутствуют, либо даются отсылочные толкования с использованием сравнительных оборотов. Например, *ПО-АРМЕЙСКИ, нареч. обстоят.-качеств.* Как свойственно военнослужащим, как характерно для них [4]; *ПО-СОЛДАТСКИ, нареч. обстоят.-качеств.* Так, как характерно для солдат — для рядовых военнослужащих сухопутных войск или для любых военнослужащих [4]. Часто указывается близость СУН и сравнительных оборотов [далее — СО]. Однако только у Н. М. Девятовой [1] есть несколько замечаний относительно их сходства и отличий, подробно этот вопрос до сих пор не рассматривался. Вместе с тем одним из путей характеристики СУН является сопоставление с соответствующим СО. Сравнительным конструкциям, в том числе СО, посвящено значительное количество трудов (В. В. Виноградов [5], М. И. Черемисина [6], Н. М. Девятова [7], В. М. Огольцев [8] и мн. др.). Однако в этих работах, к сожалению, не рассматриваются СУН.

В центре нашего внимания находится тематическая группа СУН военной тематики (далее СУН ВТ)

в сопоставлении с близкими по значению СО. Выбор данной тематической группы обусловлен нестандартностью их словообразовательной характеристики и ее недостаточной изученностью.

Цель исследования — выявить специфику СУН ВТ путем сопоставления их с аналогичными СО, что позволит определить явные и неявные семы, закрепленные в образе сравнения и не представленные в словарных толкованиях.

Исследование выполнялось в рамках функционального направления. В качестве методов исследования использовалась теория категориальных ситуаций А. В. Бондарко [9], элементы контекстуального и компонентного анализа.

Материалом послужили высказывания СУН ВТ и аналогичных им СО, извлеченных из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также привлекались высказывания, найденные путем свободного поиска в интернет-ресурсах (более 200 высказываний).

Выявленный нами состав СУН ВТ [10] был распределен по трем тематическим группам: 1) характеризующие поведение людей как свойственное представителям воинских званий и должностей: *по-генеральски, по-матросски, по-солдатски* и др.; 2) характеризующие действия на определенных военных территориях и в определенных условиях: *по-казарменному, по-фронтальному, по-окопному* и др.; 3) характеризующие действия как свойственные различным видам и родам войск и флота: *по-*

пехотному, по-артиллерийски, по-флотски и др. Для анализа были выбраны наречия каждой из групп и сопоставлены с СО, включающим мотивирующие слова. Привлекались СО двух типов: простые (как *генерал*) и распространенные (как *генерал на поле боя*, как *генерал в троллейбусе*, как *генерал с рядомым*). Все рассматриваемые СО сочетаются со сравнительным союзом **как**, другие сравнительные союзы по отношению к нашему материалу практически не употребляются.

Важно отметить, что в функционально-семантическом поле компаративности (далее — ФСПК), рассмотренном В. П. Берковым [11], СУН не включаются, но зафиксировано место СО в сфере микрополя равенства. Представляется, что оба языковых средства выражения сравнения занимают одинаковое место в этом микрополе.

Все исследователи отмечают, что в операции сравнения лежит структура: объект сравнения (что сравнивается), эталон / стандарт сравнения (с чем сравнивается), основание сравнения: см., например, работу Л. В. Разуваевой [12]. Но особенностью СУН (в отличие от прилагательного) является то, что основанием сравнения может быть не один признак, а несколько, поскольку в качестве эталона сравнения выступает имя существительное. В этом случае важным становится выявление основания сравнения, которое используется в СУН ВТ и соответствующих им СО, которое может иметь явный и неявный характер.

К **явным** признакам (лежащим в основании сравнения) можно отнести те, которые являются наиболее частотными, могут употребляться без дополнительных пояснений, служат основанием для метафоры. В подобных случаях указание признака сравнения является избыточным, основание сравнения очевидно благодаря образу, заложенному в объекте сравнения, находится в пресуппозиции. К **неявным**, соответственно, те, которые могут быть определены только при контекстной поддержке, прямо не вытекают из семантики мотивирующего слова.

Рассмотрим функционирование СУН ВТ, представляющих разные группы, в сопоставлении с соответствующими СО.

В *первой* группе наречий, характеризующих поведение представителей воинских званий, было проанализировано СУН ВТ *по-генеральски* и СО *как генерал*, выявлены общие основания сравнения, как явные, так и некоторые неявные признаки. В словарях у наречия фиксируются следующие значения: 1. Так, как характерно для генерала; 2. Величаво, важно [4]. Для этого слова к явным признакам, лежащим в основаниях сравнения, были отнесены: начальственное положение (место в иерархии), манера держаться, привилегии, важность. К неявным — внешность, написание мемуаров, нарушение норм поведения и некоторые другие. Они, как правило, уточняются в контексте.

Явные признаки в основании сравнения реализуются и в высказываниях с СУН, и в высказываниях с СО, они могут использоваться по отношению к действиям и характеристикам военных (не генералов), других лиц, иногда животных.

Так, типовые действия генерала как начальника (*руководить, командовать, приказывать*) при сравнении чаще приписываются другим лицам: (*Льявко, например, играл большого начальника, по-генеральски руководил своей командой и указывал, кому, что и как петь* Парад теноров // Музыкальная жизнь); *Чиждова с давних пор недолюбливала Антонину Павловну: чего она командует, как генерал?* (И. Г. Эренбург. Оттепель); — *Кинорежиссер — как генерал на поле боя.* (О. Сулькин. А. Кончаловский). В основании сравнения в этих случаях выступают иерархические отношения. Высказывания подобного типа представлены и в расширенных СО, где включается еще один субъект — подчиненный, нижестоящий: *Смотрела она на меня сверху вниз, разговаривала как генерал с солдатом* (Л. А. Левицкий. Дневник); *...сидит тут Берман ни жив, ни мертв, а Валерий Михайлович приказывает ему, как генерал рядовому...* (И. Солоневич. Две силы).

Важность, начальственное положение как основание сравнения может быть реализовано в том случае, если объектом сравнения являются манеры, проявляющиеся в тоне голоса, произношении, позе, способе передвижения и под.: *хмурил лицо, выступил, взглянул, пожал руку, разглядывал с начальствующим прищуром: Главврач пытался возражать, но Павел Алексеевич взглянул на него по-генеральски, и тот кинулся звонить секретарше* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого); — *Дурак, — по-генеральски пророкотал Николай Иванович, доставая бутылку и рюмки* (Б. Васильев. Дом, который построил Дед); Ср.: аналогичные высказывания с СО: *Один из присутствующих оказался директором мебельной фабрики и сидел, как генерал...* (Ю. Петкевич. Явление ангела); — *Лизавета иногда бывала резкой, как генерал во время инспекции* (М. Баконина. Школа двойников). В этих случаях чаще встречаются дополнительные пояснения, раскрывающие основания сравнения, СУН и СО могут распространять не только глагол, но и прилагательное, которое в таких случаях помогает прояснить, на чем базируется сравнение.

Важность как основание сравнения проявляется в высказываниях с СУН и с СО, причем в роли субъекта сравнения может выступать не только человек: *Когда вы с ними разговаривали, вы были важный, как генерал* (С. Голицын. Записки беспогонника), но и животные: *снегирь, корова: Снегирь, отбившийся от стаи, сидит на ольхе, красный, важный, как генерал, и сердито поскрипывает, качая черным носом.* (М. Горький. В людях); *Корова была важная, как генерал, потому что одна в городе* (Ю. Петкевич. Явление ангела).

К явным признакам, выступающим в качестве основания сравнения, нами были отнесены и генеральские привилегии (обустройство помещения, способ передвижения, нарушение правил поведения): *жить / ехать по-генеральски, как генерал: Тетя Дуня тянется жить на широкую ногу, как и при муже, по-генеральски* (Ю. Юркун. Рассказы); *Они вошли в новенькую, терпко пахнущую брезентом, по-генеральски просторную, обустроенную палатку* (В. Михальский. Прощеное воскресенье); *Мы ехали по-генеральски. Чуть ли не у каждого из нас было купе* (В. Шершеневич. Великолепный очевидец); *Едет Суворов просто, не по-генеральски, в немудрой кибитке* (В. Шишков. Емельян Пугачев); ср. аналогичные высказывания с СО: *И в Москве побывал, и в Ленинграде жил две недели, как генерал, в самой лучшей гостинице* (Ю. Трифонов. Утоление жажды); *Ты вольготно, как генерал в карете развалился* (Вл. Гиляровский. Мои скитания).

Однако в высказываниях с СУН могут проявляться не все признаки, по которым могут сопоставляться черты разных людей. В этом смысле СО обладают гораздо большим потенциалом, который позволяет осуществлять сравнение и по неявным признакам, к которым, вероятно, можно причислить определенный внешний вид, фигуру, а также действия, не входящие в их устойчивый образ: *Высокий, дородный, как генерал, старик Савелий — барыга в плаще защитного цвета, — степенно прохаживался взад-вперед* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы), *Сейчас ничего не делаю, думаю больше о прошлом и пищу, как генерал, мемуары* (Ю. Ракитин. Письма Николаю Евреину). Эти (и другие неявные признаки) чаще проявляются в СО, при значительной поддержке контекстных средств, без которых основания сравнения неясны коммуникантам, они единичны.

Сопоставление СУН ВТ и соответствующих им СО позволяет предположить, что в наречиях чаще отражаются признаки, присущие в языковом сознании образу генерала, они представляют собой свернутое сравнение. Основания сравнения могут быть актуализированы в контексте, но чем типичней признак, тем меньше поддержки для понимания он требует, тем чаще встречается.

Из второй группы СУН ВТ, обозначающих условия и место военных действий, для анализа были выбраны наречия *по-фронтовому* и *по-казарменному* и соотносимые с ними СО *как на фронте* и *как / словно в казарме, как казарма*. В результате анализа был выявлен спектр возможных характеристик, явных и неявных, лежащих в основе сравнения.

В СУН ВТ и в СО фиксируется разнообразие ассоциаций, связанных с фронтовой жизнью: тяжелый труд; особая дружба, братство, единение; скудность жизни; жесточенность столкновений; быт (еда, питье) и многое другое. Проиллюстрируем это на следующих примерах.

К явным можно отнести, во-первых, такую характеристику, как *тяжелый напряженный труд*, типичный для фронтовых условий: *Ради этого по-фронтовому трудились и вчерашние фронтовики, и бывшие мальчишки и девчонки военной поры* (Г. Кисунько. Противоракетный щит над Москвой); *Был один год, когда мы завалили план, хотя коллектив работал с предельным напряжением сил, как на фронте, — рассказывал Климов*. (Ю. Ценин. Минские универсалы). *В шахте — как на фронте* (О. Афанасьев. Шестидесятник). Актуализации указанных сем служат контекстуальные показатели *трудились по-фронтовому с предельным напряжением сил, как на фронте*. Но и без контекстуальных показателей этот признак понятен, ср. последний пример.

Во-вторых, еще одним явным признаком, по которому сравниваются действия и свойства объектов, можно считать скудный быт, обтрепанную одежду. Обычно в контексте встречается уточнение аспекта сравнения (*в грязной шинели, скромно одетые*): *И никто не обращал внимания на человека, шагавшего в немецкой, по-фронтовому грязной шинели, перехваченной солдатским ремнем, и на семенившего рядом с ним мальчишку* (Г. Гофман. Сотрудник гестапо). *На фоне скромно, по-фронтовому одетых наших командиров — Ратнера, Лукача, Львовича, Помощникова этот испанец гляделся странно — словно он только что прикатил с парада или высокого приема* (М. Болтунов. Гении диверсий); *Обносился, оборвался, все в дырках... Это как на фронте...* (Л. Вертинская. Синяя птица любви). В первых двух случаях СУН примыкают к признаковым словам, указывающим на основание сравнения, в последнем — местоимение *это* отсылает к предыдущему описанию ситуации *обносился, оборвался, все в дырках...* Как показал материал, этот признак одинаково проявляется и в СУН, и в СО.

В качестве основания сравнения анализируемых СУН и СО можно выделить и такой параметр, как регламентация, особенности быта: *прием пищи (ел дважды в сутки), курение (по кругу), лечение (без реанимации): В институтскую пору, в Переделкино, жили мы в общежитии в одной комнате, бывало не раз, едим из одной кастрюли, как на фронте из одного котелка...* (Г. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды); *Курили отрывисто и по кругу — как на фронте* (Д. Соколов-Митрич. Sieg Heil!); *[сын] подул в папиросу; спичку зажег по-особенному, по-фронтовому, в ладонях...* (Ю. Бондарев. Горячий снег). Во всех этих случаях присутствуют дополнительные показатели аспекта сравнения разной степени распространенности.

И, наконец, можно выделить еще один аспект сравнения — фронтовое братство, единение. Он реализуется в следующих высказываниях: — *Позвольте мне, Агластепна, ...по случаю знаменательного события расцеловать вас по-братски и, как грит-*

ся, **по-фронтовому** (В. Войнович. Монументальная пропаганда); *Делегацию бы послать на братанье, как на фронте...* (Артем Веселый. Россия, кровью умытая).

Существует еще множество аспектов сравнения, по которым сопоставляются действия, признаки мирной жизни и фронтовой. Они отличаются только частотностью, однако практически все требуют контекстной поддержки, что связано с отсутствием четко выделяемых признаков и их разнообразием.

Представляется важным рассмотреть еще одно СУН ВТ из этой группы, которые можно сопоставить с СО: *по-казарменному — как (бы) / словно в казарме / как казарма / как в казарме*. Только в этом случае наблюдается употребление нескольких сравнительных союзов, а также возможна вариативность форм существительных в обороте: — *Эк их, как накурили, словно в казарме!* (Ф. М. Решетников. Где лучше?); *И таков был весь Берлин, с его угрюмыми, однообразными, как казармы, дворцами* (Б. Ефимов. Десять десятилетий). Вероятно, это связано с тем, что эталоном / стандартом сравнения является конкретное существительное, называющее помещение (и солдат, в ней живущих).

У слова *казарма*, входящего в основание сравнения, в языке закрепились следующие признаки: серое, большое уютное помещение, однообразное, с рядами одинаково застеленных кроватей. Эти признаки проявляются и у СУН, и у СО, ср.: *По-казарменному освещенный холодным синим светом, с ободранными стенами и почерневшей, прогнившей от сырости дранкой вместо потолка коридор сейчас производил довольно гнетущее впечатление* (С. Шикера. Выбор природы); *...в огромной, как казарма, палате лежали вперемешку мужчины, женщины с грудными детьми, старики* (Алена Браво. Комендантский час для ласточек); *Вокруг пустые, идеально застеленные по-казарменному кровати* (В. Мятная. Кровавый блюз); *Он ввалился в номер и обнаружил, что кровать заправлена и застелена, как в казарме, с усердием отличника боевой и политической подготовки* (С. Самсонов. Аномалия Камлаева).

Эти признаки переносятся на поведение и образ жизни людей (*серая, простая, строгая, однообразная, безликая, холодная жизнь, беспрекословное выполнение приказа*): *При звуках побудки Николаева жена Инна, как ...в казарме, вскочила, накинула халат и побежала управлять домом...* (О. Покровская. Здравствуй, я); *Никакого житья не стало. Муштра, как в казарме* (А. Савельев. Аркан для букмекера). Однако в этом случае практически не встречаются СУН, ассоциации, по которым производится сравнение, рассеяны в окружающем контексте.

СУН ВТ, представляющие третью тематическую группу, характеризующую действия представительных тех или иных родов войск: *по-танковому (по-танкистски), по-пехотному*, встречаются довольно

редко, как, впрочем, и соотносительные с ними СО: *как в танковых войсках, как в пехоте*. Исключением является СО *как в танковых войсках / частях*, которое стало крылатым выражением после выхода фильма «Парень из нашего города» (1942), режиссера А. Столпера по сценарию К. Симонова. Реплика героя фильма Сергея Луконина прозвучала иносказательно: *Порядок в танковых частях!* Благодаря фильму в сознании поколений танковые войска ассоциируются с порядком, это подтверждают примеры из НКРЯ: — *На прощание он пожелал Крикушину творческих успехов. И попросил вести себя так, чтобы все было, как в танковых войсках...* (Д. Каралис. Феномен Крикушина); *Я тоже одобрил основные принципы взаимоотношений с инициативной группой и выразил надежду, что у нас будет порядок, как в танковых войсках* (Д. Каралис. Феномен Крикушина). В остальных случаях сема 'порядок' в основании сравнения отсутствует.

Что касается СУН *по-танковому, по-пехотному* и их параллелей — СО, то происходит сужение представления объектов сравнения: это как правило представители других родов войск, а стандарт сравнения теряет образность, в результате в высказываниях фиксируются характеристики действий, типичных для соответствующего рода войск и нетипичных для других: *Помню, отец рассказывал, как его друг, будучи в армии водителем танка, на всех занятиях учился передвигаться «пеший по-танковому», а наших ребят, значит, учили «пеший по-БТРовски»* (И. Анпилогов. Уроки армии и войны); *Он спешивает часть кавалеристов и учит их сражаться по-пехотному* (Группа авторов. Мы — русские!); *Его, того гляди, поломают, — обиженно буркнул Мишка, все никак не приспособившийся шагать по-пехотному — четко и в ногу* (М. Шолохов. Тихий Дон); *Мы старались держаться вместе, ведь мы пока оставались одним подразделением — вот только пушек для нас не было, пришлось по-пехотному* (В. Савин. Врата Победы. Ленинград-43). Основанием сравнения в этом случае является главным образом пеший характер передвижения, отсутствие орудий, простой способ военных действий.

В высказываниях с СО актуализируются аналогичные семы: *Доезжала с ребятами до исходных позиций, потом спрыгивала с брони и, сколько это было возможно, шла следом. Затем действовала, как в пехоте* (Ю. Друнина. С тех вершин. Страницы автобиографии). В данном случае *по-пехотному / как в пехоте* взаимозаменяемы, и при отсутствии контекстных конкретизаторов актуализируются семы 'пешее передвижение', 'отсутствие сложных боевых устройств'.

В редких случаях анализируемые СУН используются при характеристике принятого в данных войсках внешнего вида: *Стало быть, [стричь] под гребенку. — Это уж будет слишком по-танкистски. — Верно, братцы! Чересчур бронетанковый вид получится*

у нашего Вани (В. Катаев. Сын полка); Да и фуражку носил прямо, **по-пехотному**, а точнее — как показалось Скобелеву — **по-крестьянски**: надвинув на уши, а не лихо сбив на сторону (Б. Васильев. Были и небыли). В НКРЯ высказывания с СО подобного типа также встречаются в единичных случаях: *Считалось, что пешие артиллеристы должны носить фески, как в пехоте, а конные — бараньи шапки, как в кавалерии, но в ходе кампании... это различие на практике не соблюдалось* (П. Прищепа. Турецкая армия в войне 1877–1878 гг.). Контекстуальные показатели, раскрывающие аспект сравнения, при характеристике внешнего вида является обязательным.

Таким образом, сопоставив СУН ВТ и соответствующие им СО, мы пришли к следующим выводам.

Признаки, входящие в основание сравнения СУН ВТ и СО, в большинстве случаев очень похожи, что свидетельствует о возможности включения анализируемых наречий в ФСП компаративности, наряду со сравнительными оборотами.

В высказываниях с рассматриваемыми сравнительными единицами могут проявляться явные, устойчивые, и неявные, единичные признаки, которые требуют разной контекстной поддержки.

Анализ языкового материала показал, что самый широкий спектр признаков, лежащих в основании сравнения, представлен в распространенных СО, в простых СО чаще реализуются явные признаки, которые уже зафиксированы в подсознании носителей языка, как и в СУН ВТ, имплицитно использующих свернутый образный материал в удобной словообразовательной форме.

Спектр признаков, лежащих в основании сравнения, связан с отнесенностью к той или иной тематической группе СУН ВТ: наибольший представлен в образе генерала (1 группа), фронтовых и казарменных условий (2 группа), гораздо меньший в номинации родов войск (3 группа). Широта признаков не связана с вариативностью СО: в целом у них ограничена формальная вариативность, за исключением СО, соотносимых с СУН *по-казарменному*, у которых зафиксировано разнообразие союзов, предложных и числовых форм, ограниченное количество устойчивых семантических признаков.

Итак, сопоставление СУН и СО позволяет понять особенности семантики анализируемой группы наречий и наметить перспективу их лексикографического описания, требующего специального исследования.

Сравнительно-уподобительные наречия (далее — СУН) в лингвистике изучены недостаточно, хотя отдельные из них рассматриваются в работах Н. М. Девятовой, А. В. Дегальцевой, Е. В. Огольцевой [1–3] и др. Во всех работах отмечается лексикографическая неполнота отражения этой группы наречий, словарные статьи либо отсутствуют, либо даются отсылочные толкования с использованием сравнительных оборотов. Например, *ПО-АРМЕЙСКИ*, нареч.

обстоят.-качеств. Как свойственно военнослужащим, как характерно для них [4]; *ПО-СОЛДАТСКИ*, нареч. *обстоят.-качеств.* Так, как характерно для солдат — для рядовых военнослужащих сухопутных войск или для любых военнослужащих [4]. Часто указывается близость СУН и сравнительных оборотов [далее — СО]. Однако только у М. Н. Девятовой [1] есть несколько замечаний относительно их сходства и отличий, подробно этот вопрос до сих пор не рассматривался. Вместе с тем, одним из путей характеристики СУН является сопоставление с соответствующим СО. Сравнительным конструкциям, в том числе СО, посвящено значительное количество трудов (В. В. Виноградов [5], М. И. Черемисина [6], Н. М. Девятова [7], В. М. Огольцев [8] и мн. др.). Однако в этих работах, к сожалению, не рассматриваются СУН.

В центре нашего внимания находится тематическая группа СУН военной тематики (далее СУН ВТ) в сопоставлении с близкими по значению СО. Выбор данной тематической группы обусловлен нестандартностью их словообразовательной характеристики и ее недостаточной изученностью.

Цель исследования — выявить специфику СУН ВТ путем сопоставления их с аналогичными СО, что позволит определить явные и неявные семы, закреплённые в образе сравнения и не представленные в словарных толкованиях.

Исследование выполнялось в рамках функционального направления. В качестве методов исследования использовалась теория категориальных ситуаций А. В. Бондарко [9], элементы контекстуального и компонентного анализа.

Материалом послужили высказывания СУН ВТ и аналогичных им СО, извлеченных из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также привлекались высказывания, найденные путем свободного поиска в интернет-ресурсах (более 200 высказываний).

Выявленный нами состав СУН ВТ [10] был распределен по трем тематическим группам: 1) характеризующие поведение людей как свойственное представителям воинских званий и должностей: *по-генеральски*, *по-матросски*, *по-солдатски* и др.; 2) характеризующие действия на определенных военных территориях и в определенных условиях: *по-казарменному*, *по-фронтовому*, *по-окопному* и др.; 3) характеризующие действия как свойственные различным видам и родам войск и флота: *по-пехотному*, *по-артиллерийски*, *по-флотски* и др. Для анализа были выбраны наречия каждой из групп и сопоставлены с СО, включающим мотивирующие слова. Привлекались СО двух типов: простые (*как генерал*) и распространенные (*как генерал на поле боя*, *как генерал в троллейбусе*, *как генерал с рядовым*). Все рассматриваемые СО сочетаются со сравнительным союзом **как**, другие сравнительные союзы по отношению к нашему материалу практически не употребляются.

Важно отметить, что в функционально-семантическом поле компаративности (далее — ФСПК), рассмотренном В. П. Берковым [11], СУН не включаются, но зафиксировано место СО в сфере микрополя равенства. Представляется, что оба языковых средства выражения сравнения занимают одинаковое место в этом микрополе.

Все исследователи отмечают, что в операции сравнения лежит структура: объект сравнения (что сравнивается), эталон / стандарт сравнения (с чем сравнивается), основание сравнения см., например, работу Л. В. Разуваевой [12]. Но особенностью СУН (в отличие от прилагательного) является то, что основанием сравнения может быть не один признак, а несколько, поскольку в качестве эталона сравнения выступает имя существительное. В этом случае важным становится выявление оснований сравнения, которые используются в СУН ВТ и соответствующих им СО, которое может иметь явный и неявный характер.

К **явным** признакам (лежащим в основании сравнения) можно отнести те, которые являются наиболее частотными, могут употребляться без дополнительных пояснений, служат основанием для метафоры. В подобных случаях указание признака сравнения является избыточным, основание сравнения очевидно благодаря образу, заложенному в объекте сравнения, находятся в пресуппозиции. К **неявным**, соответственно, те, которые могут быть определены только при контекстной поддержке, прямо не вытекают из семантики мотивирующего слова.

Рассмотрим функционирование СУН ВТ, представляющим разные группы, в сопоставлении с соответствующими СО.

В *первой* группе наречий, характеризующих поведение представителей воинских званий, было проанализировано СУН ВТ *по-генеральски* и СО *как генерал*, выявлены общие основания сравнения, как явные, так и некоторые неявные признаки. В словарях у наречия фиксируются следующие значения: 1. Так, как характерно для генерала; 2. Величаво, важно [4]. Для этого слова к явным признакам, лежащим в основаниях сравнения, были отнесены: начальственное положение (место в иерархии), манера держаться, привилегии, важность. К неявным — внешность, написание мемуаров, нарушение норм поведения и некоторые другие. Они, как правило, уточняются в контексте.

Явные признаки в основании сравнения реализуются и в высказываниях с СУН, и в высказываниях с СО, они могут использоваться по отношению к действиям и характеристикам военных (не генералов), других лиц, иногда животных.

Так, типовые действия генерала как начальника (*руководить, командовать, приказывать*) при сравнении чаще приписываются другим лицам: *Пьявко, например, играл большого начальника, по-генеральски руководил своей командой и указывая кому, что и как*

петь (Парад теноров // Музыкальная жизнь); *Чиждова с давних пор недолюбливала Антонину Павловну: чего она командует, как генерал?* (И. Г. Эренбург. Оттепель); — *Кинорежиссер — как генерал на поле боя.* (О. Сулькин. А. Кончаловский). В основании сравнения в этих случаях выступают иерархические отношения. Высказывания подобного типа представлены и в расширенных СО, где включается еще один субъект — подчиненный, нижестоящий: *Смотрела она на меня сверху вниз, разговаривала как генерал с солдатом* (Л. А. Левицкий. Дневник); *...сидит тут Берман ни жив, ни мертв, а Валерий Михайлович приказывает ему, как генерал рядовому...* (И. Солоневич. Две силы).

Важность, начальственное положение как основание сравнения может быть реализовано в том случае, если объектом сравнения являются манеры, проявляющиеся в тоне голоса, произношении, позе, способе передвижения и под.: *змурил лицо, выступил, взглянул, пожал руку, разглядывал с начальствующим прищуром: Главврач пытался возражать, но Павел Алексеевич взглянул на него по-генеральски, и тот кинулся звонить секретарше* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого); — *Дурак, — по-генеральски пророкотал Николай Иванович, доставая бутылку и рюмки* (Б. Васильев. Дом, который построил Дед); Ср.: аналогичные высказывания с СО: *Один из присутствующих оказался директором мебельной фабрики и сидел, как генерал...* (Ю. Петкевич. Явление ангела); — *Лизавета иногда бывала резкой, как генерал во время инспекции* (М. Баконина. Школа двойников). В этих случаях чаще встречаются дополнительные пояснения, раскрывающие основания сравнения, СУН и СО могут распространять не только глагол, но и прилагательное, которое в таких случаях помогает прояснить, на чем базируется сравнение.

Важность как основание сравнения проявляется в высказываниях с СУН и с СО, причем в роли субъекта сравнения может выступать не только человек: *Когда вы с ними разговаривали, вы были важный, как генерал* (С. Голицын. Записки беспогонника), но и животные: *снегирь, корова: Снегирь, отбившийся от стаи, сидит на ольхе, красный, важный, как генерал, и сердито поскрипывает, качая чёрным носом.* (М. Горький. В людях); *Корова была важная, как генерал, потому что одна в городе* (Ю. Петкевич. Явление ангела).

К явным признакам, выступающим в качестве основания сравнения, нами были отнесены и генеральские привилегии (обустройство помещения, способ передвижения, нарушение правил поведения): *жить / ехать по-генеральски, как генерал: Тетя Дуня тянется жить на широкую ногу, как и при муже, по-генеральски* (Ю. Юркун. Рассказы); *Они вошли в новенькую, терпко пахнущую брезентом, по-генеральски просторную, обустроенную палатку* (В. Михальский. Прощеное воскресенье); *Мы ехали по-*

генеральски. Чуть ли не у каждого из нас было купе (В. Шершеневич. Великолепный очевидец); *Едет Суворов просто, не по-генеральски, в немудрой кибитке* (В. Шишков. Емельян Пугачев); ср. аналогичные высказывания с СО: *И в Москве побывал, и в Ленинграде жил две недели, как генерал, в самой лучшей гостинице* (Ю. Трифонов. Утоление жажды); *Ты вольготно, как генерал в карете развалился* (Вл. Гиляровский. Мои скитания).

Однако в высказываниях с СУН могут проявляться не все признаки, по которым могут сопоставляться черты разных людей. В этом смысле СО обладают гораздо большим потенциалом, который позволяет осуществлять сравнение и по неявным признакам, к которым, вероятно, можно причислить определенный внешний вид, фигуру, а также действия, не входящие в их устойчивый образ: **Высокий, дородный, как генерал, старик Савелий — барыга в плаще защитного цвета, — степенно прохаживался взад-вперед** (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы), *Сейчас ничего не делаю, думаю больше о прошлом и пишу, как генерал, мемуары* (Ю. Ракитин. Письма Николаю Евреину). Эти (и другие неявные признаки) чаще проявляются в СО, при значительной поддержке контекстных средств, без которых основания сравнения неясны коммуникантам, они единичны.

Сопоставление СУН ВТ и соответствующих им СО позволяет предположить, что в наречиях чаще отражаются признаки, присущие в языковом сознании образу генерала, они представляют собой свернутое сравнение. Основания сравнения могут быть актуализированы в контексте, но чем типичней признак, тем меньше поддержки для понимания он требует, тем чаще встречается.

Из второй группы СУН ВТ, обозначающих условия и место военных действий, для анализа были выбраны наречия *по-фронтовому* и *по-казарменному* и соотносимыми с ними СО *как на фронте* и *как / словно в казарме, как казарма*. В результате анализа был выявлен спектр возможных характеристик, явных и неявных, лежащих в основе сравнения.

В СУН ВТ и в СО фиксируется разнообразие ассоциаций, связанных с фронтовой жизнью: тяжелый труд; особая дружба, братство, единение; скудность жизни; жесточенность столкновений; быт (еда, питье) и многое другое. Проиллюстрируем это на следующих примерах.

К явным можно отнести, во-первых, такую характеристику, как *тяжелый напряженный труд*, типичный для фронтовых условий: *Ради этого по-фронтовому трудились и вчерашние фронтовики, и бывшие мальчишки и девчонки военной поры* (Г. Кисунько. Противоракетный щит над Москвой); *Был один год, когда мы завалили план, хотя коллектив работал с предельным напряжением сил, как на фронте, — рассказывал Климов*. (Ю. Ценин. Минские универсалы). *В шахте — как на фронте* (О. Афа-

насьев. Шестидесятник). Актуализации указанных сем служат контекстуальные показатели *трудились по-фронтовому с предельным напряжением сил, как на фронте*. Но и без контекстуальных показателей этот признак понятен, ср. последний пример.

Во-вторых, еще одним явным признаком, по которому сравниваются действия и свойства объектов, можно считать скудный быт, обтрепанную одежду. Обычно в контексте встречается уточнение аспекта сравнения (*в грязной шинели, скромно одетые*): *И никто не обращал внимания на человека, шагавшего в немецкой, по-фронтовому грязной шинели, перехваченной солдатским ремнем, и на семенившего рядом с ним мальчишку* (Г. Гофман. Сотрудник гестапо). *На фоне скромно, по-фронтовому одетых наших командиров — Ратнера, Лукача, Львовича, Помощникова этот испанец гляделся странно — словно он только что прикатил с парада или высокого приёма* (М. Болтунов. Гении диверсий); *Обносился, оборвался, все в дырках... Это как на фронте...* (Л. Вертинская. Синяя птица любви). В первых двух случаях СУН примыкают к признаковым словам, указывающим на основание сравнения, в последнем — местоимение *это* отсылает к предыдущему описанию ситуации *обносился, оборвался, все в дырках...* Как показал материал, этот признак одинаково проявляется и в СУН, и в СО.

В качестве основания сравнения анализируемых СУН и СО можно выделить и такой параметр, как регламентация, особенности быта: *прием пищи (ел дважды в сутки), курение (по кругу), лечение (без реанимации): В институтскую пору, в Переделкино, жили мы в общежитии в одной комнате, бывало не раз, едим из одной кастрюли, как на фронте из одного котелка...* (Г. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды); *Курили отрывисто и по кругу — как на фронте* (Д. Соколов-Митрич. Sieg Heil!); *[сын] подул в папиросу; спичку зажег по-особенному, по-фронтовому, в ладонях...* (Ю. Бондарев. Горячий снег). Во всех этих случаях присутствуют дополнительные показатели аспекта сравнения разной степени распространенности.

И, наконец, можно выделить еще один аспект сравнения — фронтовое братство, единение. Он реализуется в следующих высказываниях: — *Позвольте мне, Агластепна, ...по случаю знаменательного события расцеловать вас по-братски и, как грится, по-фронтовому* (В. Войнович. Монументальная пропаганда); *Делегацию бы послать на братанье, как на фронте...* (Артем Веселый. Россия, кровью умытая).

Существует еще множество аспектов сравнения, по которым сопоставляются действия, признаки мирной жизни и фронтовой. Они отличаются только частотностью, однако практически все требуют контекстной поддержки, что связано с отсутствием четко выделяемых признаков и их разнообразием.

Представляется важным рассмотреть еще одно СУН ВТ из этой группы, которые можно сопоставить с СО: *по-казарменному — как (бы) / словно в казарме / как казарма / как в казарме*. Только в этом случае наблюдается употребление нескольких сравнительных союзов, а также возможна вариативность форм существительных в обороте: — *Эк их, как накурили, словно в казарме!* (Ф. М. Решетников. Где лучше?); *И таков был весь Берлин, с его угрюмыми, однообразными, как казармы, дворцами* (Б. Ефимов. Десять десятилетий). Вероятно, это связано с тем, что эталоном / стандартом сравнения является конкретное существительное, называющее помещение (и солдат, в ней живущих).

У слова *казарма*, входящего в основание сравнения, в языке закрепились следующие признаки: серое, большое уютное помещение, однообразное, с рядами одинаково застеленных кроватей. Эти признаки проявляются и у СУН, и у СО, ср.: *По-казарменному освещенный холодным синим светом, с ободранными стенами и почерневшей, прогнившей от сырости дранкой вместо потолка коридор сейчас производил довольно гнетущее впечатление* (С. Шикера. Выбор природы); *...в огромной, как казарма, палате лежали вперемешку мужчины, женщины с грудными детьми, старики* (Алена Браво. Комендантский час для ласточек); *Вокруг пустые, идеально застеленные по-казарменному кровати* (В. Мятная. Кровавый блюз); *Он ввалился в номер и обнаружил, что кровать заправлена и застелена, как в казарме, с усердием отличника боевой и политической подготовки* (С. Самсонов. Аномалия Камлаева).

Эти признаки переносятся на поведение и образ жизни людей (*серая, простая, строгая, однообразная, безликая, холодная жизнь, беспрекословное выполнение приказа*): *При звуках побудки Николаева жена Инна, как ...в казарме, вскочила, накинула халат и побежала управлять домом...* (О. Покровская. Здравствуй, я); *Никакого житья не стало. Муштра, как в казарме* (А. Савельев. Аркан для букмекера). Однако в этом случае практически не встречаются СУН, ассоциации, по которым производится сравнение, рассеяны в окружающем контексте.

СУН ВТ, представляющие третью тематическую группу, характеризующую действия *представителей тех или иных родов войск: по-танковому (по-танкистски), по-пехотному*, встречаются довольно редко, как впрочем, и соотносительные с ними СО: *как в танковых войсках, как в пехоте*. Исключением является СО *как в танковых войсках / частях*, которое стало крылатым выражением после выхода фильма «Парень из нашего города» (1942), режиссера А. Столпера по сценарию К. Симонова. Реплика героя фильма Сергея Луконина прозвучала интонационно: *Порядок в танковых частях!* Благодаря фильму в сознании поколений танковые войска ассоциируются с порядком, это подтверждают приме-

ры из НКРЯ: — *На прощание он пожелал Крикушину творческих успехов. И попросил вести себя так, чтобы все было, как в танковых войсках...* (Д. Каралис. Феномен Крикушина); *Я тоже одобрил основные принципы взаимоотношений с инициативной группой и выразил надежду, что у нас будет порядок, как в танковых войсках* (Д. Каралис. Феномен Крикушина). В остальных случаях сема 'порядок' в основании сравнения отсутствует.

Что касается СУН *по-танковому, по-пехотному* и их параллелей — СО, то происходит сужение представления объектов сравнения: это как правило представители других родов войск, а стандарт сравнения теряет образность, в результате в высказываниях фиксируются характеристики действий, типичных для соответствующего рода войск и нетипичных для других: *Помню, отец рассказывал, как его друг, будучи в армии водителем танка, на всех занятиях учился передвигаться «пеший по-танковому», а наших ребят, значит, учили «пеший по-БТРовски»* (И. Анпилогов. Уроки армии и войны); *Он спешивает часть кавалеристов и учит их сражаться по-пехотному* (Группа авторов. Мы — русские!); *Его, того гляди, поломают, — обиженно буркнул Мишка, все никак не приспособившийся шагать по-пехотному — четко и в ногу* (М. Шолохов. Тихий Дон); *Мы старались держаться вместе, ведь мы пока оставались одним подразделением — вот только пушек для нас не было, пришлось по-пехотному* (В. Савин. Врата Победы. Ленинград-43). Основанием сравнения в этом случае является в главным образом пеший характер передвижения, отсутствие орудий, простой способ военных действий.

В высказываниях с СО актуализируются аналогичные семы: *Доезжала с ребятами до исходных позиций, потом спрыгивала с брони и, сколько это было возможно, шла следом. Затем действовала, как в пехоте* (Ю. Друнина. С тех вершин. Страницы автобиографии). В данном случае *по-пехотному / как в пехоте* взаимозаменяемы, и при отсутствии контекстных конкретизаторов актуализируются семы 'пешее передвижение', 'отсутствие сложных боевых устройств'.

В редких случаях анализируемые СУН используются при характеристике принятого в данных войсках внешнего вида: *Стало быть, [стричь] под гребёнку. — Это уж будет слишком по-танкистски. — Верно, братцы! Чересчур бронетанковый вид получится у нашего Вани* (В. Катаев. Сын полка); *Да и фуражку носил прямо, по-пехотному, а точнее — как показало Скобелеву — по-крестьянски: надвинул на уши, а не лихо сбив на сторону* (Б. Васильев. Были и небыли). В НКРЯ высказывания с СО подобного типа также встречаются в единичных случаях: *Считалось, что пешие артиллеристы должны носить фески, как в пехоте, а конные — бараньи шапки, как в кавалерии, но в ходе кампании ... это различие на практике не соблюдалось* (П. Прищепа. Турецкая армия в войне

1877–1878 гг.). Контекстуальные показатели, раскрывающие аспект сравнения, при характеристике внешнего вида является обязательным.

Таким образом, сопоставив СУН ВТ и соответствующие им СО, мы пришли к следующим выводам.

Признаки, входящие в основание сравнения СУН ВТ и СО, в большинстве случаев очень похожи, что свидетельствует о возможности включения анализируемых наречий в ФСП компаративности, наряду со сравнительными оборотами.

В высказываниях с рассматриваемыми сравнительными единицами могут проявляться явные, устойчивые, и неявные, единичные признаки, которые требуют разной контекстной поддержки.

Анализ языкового материала показал, что самый широкий спектр признаков, лежащих в основании сравнения, представлен в распространенных СО, в простых СО чаще реализуются явные признаки которые уже зафиксированы в подсознании носителей языка, как и в СУН ВТ, имплицитно использующих свернутый образный материал в удобной словообразовательной форме.

Спектр признаков, лежащих в основании сравнения, связаны с отнесенностью к той или иной тематической группе СУН ВТ: наибольший представлен в образе генерала (1 группа), фронтовых и казарменных условий (2 группа), гораздо меньшее в номинации родов войск (3 группа). Широта признаков не связана с вариативностью СО: в целом у них ограничена формальная вариативность, за исключением СО, соотносимых с СУН *по-казарменному*, у которых зафиксировано разнообразие союзов, предложных и числовых форм, ограниченное количество устойчивых семантических признаков.

Итак, сопоставление СУН и СО позволяет понять особенности семантики анализируемой группы наречий и наметить перспективу их лексикографического описания, требующего специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Девятова Н. М. Наречия с приставкой по- в системе русского сравнения: системные отношения наречий и сравнительных оборотов / Н. М. Девятова // Текст, контекст, интертекст: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции «XIV Виногра-

довские чтения», Москва, 16–17 октября 2015 г. Т. I. — М.: МГПУ, 2016. — С. 128–153.

2. Дегальцева А. В. Наречия образа действия в разных сферах современного русского общения: структурно-сематическая типология и роль в организации смысла в предложении: автореф. Дис. ...докт. филол. наук / А. В. Дегальцева. — Саратов, 2021. — 51 с.

3. Огольцева Е. В. Образный потенциал сравнительно-уподобительных наречий / Е. В. Огольцева // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Филологические науки. Симферополь: НИЦ КИПУ, 2008, — вып.13. — С. 4–8.

4. Современный толковый словарь русского языка под ред. Т. Ф. Ефремовой. — Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>

5. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. — М.: Гослитиздат, 1959–654 с.

6. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка / М. И. Черемисина; Отв. ред. д-р филол. наук, проф. К. А. Тимофеев; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. — 270 с.

7. Девятова Н. М. Диктумно-модусная организация сравнительных конструкций в русском языке: автореф. дисс. ...доктора филол. наук / Н. М. Девятова. — М., 2011. — 50 с.

8. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии / В. М. Огольцев. — Л., 1978.

9. Бондарко А. В. Категоризация в системе функциональной грамматики / А. В. Бондарко. — М.: Языки славянских культур, 2011–488 с.

10. Толмачева Г. С. Функционирование сравнительно-уподобительных наречий (на материале высказываний с адвербиалами военной тематики) / Г. С. Толмачева // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2023. — № 4(228). — С. 60–67.

11. Берков В. П. Компаративность: Семантика сравнения и способы ее выражения / В. П. Берков // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. / Отв. ред. А. В. Бондарко. — СПб.: Наука, 1996. — 264 с.

12. Разуваева Л. В. Типы компаративных конструкций в художественном тексте с позиции их восприятия реципиентом / Л. В. Разуваева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2008. — № 2. — С. 102–104.

Китайский нефтяной университет (Пекин) кампус Карамай

Толмачева Г. С., преподаватель кафедры русского языка и литературы

E-mail: 15899123417@163.com

*China Petroleum University (Beijing) Karamay Campus
Tolmacheva G. S., teacher of Russian Language and Literature
department*

E-mail: 15899123417@163.com

МЕТАПУТЕШЕСТВИЯ И ВРЕМЕННЫЕ ПРИСТАНИЩА В МАЛОЙ ПРОЗЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ «ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧОРБА», «НАТАША», «ТЯЖЕЛЫЙ ДЫМ»)

Чжу Цзывэй

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китайская Народная Республика

Поступила в редакцию 16 сентября 2024 г.

Аннотация: в статье анализируются рассказы В. В. Набокова, которые содержат жанровые компоненты травелога. Специфика образов и сюжетов набокловских путешествий заключается в трансформации передвижения героев в городском или комнатном пространстве в передвижении их во времени или в другом бытии, характеристики которого определяются тонкой материальностью и вечностью. Герои рассказов «Наташа», «Возвращение Чорба», «Тяжелый дым», отталкиваясь от замкнутых пространств зарубежных пансионов или гостиниц, от их бедной, грубой и неэстетичной обстановки, через воображение или наитие открывают для себя другую реальность — темную реальность мира мертвых, призрачную реальность счастливого прошлого или будущего, «дымковую» реальность художественного творчества. Герой «Возвращения Чорба» — рассказа, представляющего собой трагедию известного античного сюжета, не столько возвращает свою погибшую жену, сколько прощается с ней, «спускаясь» в ночной inferнальный мещанский мир германского города. Герои «Наташи» большую часть жизни проводят в снятых бедных комнатах, но обладают при этом талантом видения и слышания далекого и прекрасного. Герой рассказа «Тяжелый дым», мотивно схожего со стихотворением В. Я. Брюсова «Творчество», не выходя из комнаты, путешествует вслед за «тяжелым дымом» своего поэтического вдохновения. В целом набокловские герои оказываются способны преодолеть одиночество и негармоничность изгнаннической жизни: близость их призрачного временного жилья обнаруживает родство их душ, настроенных на метафизическое путешествие.

Ключевые слова: Владимир Набоков, рассказы, двоемирие, метапутешествия, травелоги.

Abstract: the article analyses the stories of V. V. Nabokov, which contain genre components of the travelogue. The specificity of the images and plots of Nabokov's travelogues lies in the transformation of the characters' movement in urban or room space into their movement in time or in another existence, the characteristics of which are measured by subtle materiality and eternity. The heroes of the stories «The Return of Chorb», «Natasha», «Torpid Smoke», repelled by the confined spaces of guesthouse or hotels, by their poor, coarse and unaesthetic environment, through imagination or inspiration discover another reality — the dark reality of the world of the dead, the ghostly reality of a happy past or future, the «smoky» reality of artistic creation. The hero of «The Return of Chorb», a story that is a travelling story of a well-known ancient plot, does not so much return his dead wife as say goodbye to her, «descending» into the nighttime infernal bourgeois world of the German city. The characters in «Natasha» spend most of their lives in rented, poor rooms, but have a talent for seeing and hearing the distant and beautiful. The hero of the story «Torpid Smoke», which is motifically similar to V. Y. Bryusov's poem «Creative Work», without leaving the room, travels following the «torpid smoke» of his poetic inspiration. In general, Nabokov's characters are able to overcome the loneliness and inharmony of exile life: the proximity of their ghostly temporary housing reveals the kinship of their souls, set on a metaphysical journey.

Keywords: Vladimir Nabokov, short stories, dual reality, meta-travels, travelogues.

Е. А. Худенко в статье «Парадигмы изгнанничества и путешествия в сборнике В. Набокова «Возвращение Чорба», отталкиваясь от исследования Санны Турома «Поэт как одинокий турист: Бродский, Венеция и путевые заметки» [1], отмечает, что в прозе писателя «Берлинская действительность несет

знаки застывшего, мертвенного, «чужого» для героя-эмигранта пространства... <...> По отношению к пространству России европейское пространство (особенно германское) — это анти-пространство, поданное как застывшие картинки, пачка открыток или туристический путеводитель». При этом «введение туристической точки зрения на берлинский мир» у Набокова не случайно. В отличие от изгнан-

нического путешествия, «туризм воспринимался в культуре и мышлении западноевропейского человека негативно: он приравнивался к псевдособытию, к «фальшивке», граничащей с безвкусицей» [2, 170].

Однако кроме туристического и изгнаннического путешествия у Набокова присутствует также «метапутешествие в другие миры» [2, 171]. «Набоковский герой-путешественник в иные миры озабочен не разностью и полярностью увиденного и познанного мира, а, скорее, возможностью вернуться к себе прежнему после этого» [2, 172], он ищет восстановления гармонии с самим собой после какой-либо утраты — Родины, близкого человека, смысла жизни и т.д.

Рассказ «Возвращение Чорба» (1925) из одноименного сборника представляет собой именно такое метапутешествие героя — в плане мифологии соотносящееся с историей Орфея и Эвридики. Однако Набоков создает не только парафраз античного сюжета, помещенного в современные, маркированные отрицательным отношением автора обстоятельства, но в значительной мере и его травестию.

Рассказ открывается образами супругов Келлеров. Эта фамилия означает «погреб» или «подвал». Здесь прямая отсылка к Аиду, Персефоне и их подземному царству. При этом в немецкой повседневности эта фамилия вызывает ассоциацию с зажиточным человеком. Ад Келлеров — это мещанский ад германского города, где религия существует в виде затушеванного рябью воды собора, а культура воспринимается через призму потребления: «Вагнера давали с прохладцей, со вкусом, музыкой накормили до отвала» [3, 168]. У Келлера «крахмальная грудь» [3, 169] и «рыхлая улыбка» [3, 171]. Оба эти эпитета вызывает ассоциацию с едой — с картофелем. Также Набоков прямо указывает на обезьяньи черты его лица. Варвара Климовна носит парик, она толстая и грузная. Портреты Келлеров — Аида и Персефоны этого рассказа, — что проезжают по «мертвым улицам» [3, 168] своего германского города, и общий контекст их мещанского существования (они готовят для молодоженов туфли с надписью «Мы вместе до гроба» [3, 171], что одновременно и пошло, и смешно, и страшно) говорят о сниженности их отчасти инфернальных образов.

Хотя в рассказе появляется отсылка к образу Орфея: за окном гостиничного номера проститутка увидела «черное плечо каменного Орфея» [3, 175] — и хотя неясно, где именно в том эпизоде находится сцена и совершается трагедия — в опере, на которую смотрит из окна гостиницы ее постоялица на одну ночь или в окне этого номера, в котором в постель с Чорбом ложится его подменная Эвридика, главный герой рассказа — неоднозначная копия античного Орфея. Дело не в том, что для родителей-мещан его невесты-жены он человек подозрительный, «не в своем уме» [3, 169], «нищий эмигрант и литера-

тор» [3, 171]: он, помимо этого, отталкивает своим эгоизмом. Эту сконцентрированность на своем внутреннем мире, с одной стороны, можно объяснить вначале его любовью, а затем его трагедией. Также ее объясняет и род его занятий — искусство. Но в отличие от античного Орфея, чей талант и творческое обаяние в мифах однозначны и проявлены, в «Возвращении Чорба» показана в основном негативная сторона главного героя.

С другой стороны, его фамилия отдельными звуками и начертанием букв отсылает к имени «Орфей» в его древне-греческом варианте (Ὀρφεύς): русские «о», «р» и «б» соответственно отражены в древне-греческих «ο», «ρ» и «φ». Фамилия «Чорб» в одном из значений — черный, темный. Равно как и одна из версий происхождения имени Орфея гласит, что оно произошло от слова «ορφυνη», что означает «темный». Чорб, как кажется, южанин, а потому концепт «черный» может указывать на оттенок его кожи и волос, но одновременно, как Орфей, он темен, то есть непонятен окружающим. Чорб возвращается по дороге, по которой они путешествовали вместе с женой, и как поэт отмечает множество тонких и красивых деталей.

Его невеста-жена погибает от удара током, тронув «живой провод бурей поваленного столба» [3, 169], что подобно укусу змеи в мифе об Эвридике. Набоков использует эпитет «живой», вероятно, имея в виду либо колыхание провода, либо электрическую энергию, через него протекающую, но он отсылает и к образу змеи — живой носительницы смерти. Такой ее смерти, по мнению Чорба, «ничего не может быть чище», так как «электрическая струя <...> дает чистый и яркий свет» [3, 169]. Интересно, что смерть «Эвридики» в «Возвращении Чорба» предсказана: в эпизоде, где она ловит лопаткой падающий с дерева лист, она сама напоминает каменщику «блестящий лист» [3, 172].

Образ «Эвридики» в «Возвращении Чорба» — едва ли не единственное по-настоящему светлое пятно. В отличие от пространства ее родного города, в который возвращается ее муж-вдовец, оставшийся один. Рассказ начинается и заканчивается вечером-ночью, и весь город состоит из теней: рядом с Келлерами «при сером свете фонаря шевелились петлистые тени листьев» [3, 169], от лампы в номере «тень шнура скользила поперек зеленой кушетки, ломаясь по сгибу» [3, 172], «тень калитки ломаным решетом хлынула к нему с панели, опутала ему ноги» [3, 173] (о Чорбе). Чорб, глазами поэта, замечает также «черные облака городского сада» [3, 172]. Кроме того, город имеет признаки запустения, запущенности и распада, равно как и его насельники: извозчики — «дряхлаые», у газетчика «глухой» голос, у пуделя «равнодушные» [3, 170] глаза и т.д. Этот город замкнут с точки зрения своего хронотопа, в отличие от открытого пространства и растянуто-

го во времени свадебного путешествия Чорба и его жены [4, 210] [5, 34].

Чорб по возвращении в город останавливается в той же гостинице, в которой они провели свою первую ночь с женой. Эта гостиница, в которую вновь заехал Чорб, была «дурного пошиба» [3, 171]. Она была старая, плохо пахнущая, изрядное время не ремонтированная, имевшая нехорошую славу, потому что номера в ней сдавались в том числе на час, то есть для секса. Любопытно, что несколько раз в рассказе внимание повествователя и персонажей концентрируется на картине, что висит в гостиничном номере: розовая купальница в позолоченной раме — знак не скверны, но пошлости адского мира.

Эта гостиница для Чорба оказывается не только точкой отсчета, с которой все начиналось и в которую он вернулся, чтобы обессмертить свою умершую жену, но и местом встречи с ее призраком или душой. (Неслучайно в первую ночь вместе Чорб лишь поцеловал ее в душку. Душка — это ямочка в нижней части шеи. Но, конечно, это слово напоминает о душе.) Вначале в номере «ночной мотылек звонко ударился о лампочку» [3, 172], затем в проститутке (или на ее месте) Чорб увидел свою жену. Фраза «Белая женская тень соскочила с постели» [3, 175] может относиться как к проститутке, так и к «Эвридике». «Ясновидение» Чорба пародийным образом соответствует тому же у Келлера: когда он пытается зайти в номер, то, возражая лакею, он говорит, что там находится его дочь. И можно предположить, что одноприродная дочь хозяина германского мещанского ада — женщина, что продает себя.

Соприкосновение с миром мертвых происходит также в рассказе «Наташа» (1924). Отец и дочь Хреновы, выкинутые из «родного гнезда» и оказавшиеся в «чужом городе» [6, 134] — вероятно, в пансионе, находятся в трудной ситуации. Отец тяжело болен и фактически при смерти, дочь Наташа ухаживает за стариком. В Наташу влюблен живущий с ними по соседству другой русский эмигрант барон Вольф.

Каждый из героев этого рассказа совершает свое путешествие, значительную часть жизни проводя в снятых бедных комнатах. Барон Вольф, как позже признается Наташе, выдумывает свои приключения в Африке и в Индии. Но свои фантазии считает настоящей жизнью, потому что его образы экзотических мест связаны с яркими событиями — в отличие от рассказов его приятеля, реально побывавшего, в частности, в Бомбее.

Наташа обладает талантом «метафизического ясновидения» [6, 721]: она видит Богородицу и левитирующий колокольчик. И хотя позже она говорит Вольфу, что это ее фантазии, в конце рассказа ее слова, мотивированные скромностью или сомнением, опровергаются. Наташа — героиня, подобно Гришеньке из рассказа «Тяжелый дым», ощущающая воздушно-водную природу окружающей реальности.

Она засыпает на старом пружинистом диване, и комната вместе с ее отражением в темном стекле окна при «вялом пламени свечки» «плывет, как палуба, в черную ночь» [6, 136].

Отец Наташи в своих снах-кошмарах, прямо напоминающих об образах стихотворения Набокова «Расстрел», совершает путешествия в Россию. При этом его настоящие маршруты — только в пределах комнаты: он прикован к кровати своей болезнью. Но в финале в виде призрака, увиденного дочерью, он растворяется в уличном тумане, будучи позван «изумительной газетной новостью» [6, 143].

Между героями этого рассказа есть общее: их воображаемые путешествия по-разному, но оказываются реальными. Они слышат схожие звуки: шум русской лесопилки; «музыку географического названия» — барабаны в «Бомбее»; «оранжевую музыку оркестра» [6, 142] — видят схожие образы: «желтые стволы» деревьев возле лесопилки; «солнечные бомбы» — в звукообразе Бомбея; вершины сосен «с золотой судорогой» [6, 139]. У них получается выйти за пределы грубого и бедного временного земного пристанища, им удается стать хотя бы на время счастливыми [7].

В рассказе «Тяжелый дым» (1935) метапутешествие героя представляет собой движение его сознания в сторону пробуждающегося вдохновения. Семья русских эмигрантов живет в Берлине, по всей видимости, снимая квартиру. Но для юноши-сына комната, в которой он лежит на кушетке, это «комнатный космос» [8, 552], внутри которого привычные предметы, их очертания рождают у него в воображении далекие таинственные и экзотические земли: «тень переключины обращалась в морской горизонт или в кайму далекого берега» [8, 552]. (Интересно, что в «Возвращении Чорба» «дурного пошиба» гостиница представляет собой «черный, в географических облупах дом» [3, 171]. Эти географические облупы — не только курьезное сравнение, но и указание на возможность уникального перемещения в иные, далекие страны из привычного мещанского мира сытого и мелкого порока. При этом слово «облупы» вызывает здесь ассоциацию с увеличительным стеклом, с которым склоняются над картой.) Воображение героя «Тяжелого дыма» работает, и ему помогают набоковские сбои оптики: в комнате — вечерний свет, у юноши на носу пенсне, он смотрит сквозь стеклянные двери. Стекло этой двери максимально искажает перспективу: оно «слепое» и «зыбкое» (причем Набоков повторяет этот корень, в одном предложении используя и прилагательное «зыбкое», и существительное «зыбь», соединяя в единый образ воду и свет).

«Комнатный космос» рассказа — это космос подводный. Вначале герою представляется «полоса воды <...> и черный мыс с маленьким силуэтом араукарии» [8, 552]. Затем стекло двери как будто погружает

ступ в глубокую воду. Наконец он сам ощущает себя подобным медузе, сквозь которую проходит свет. Тени всех предметов в комнате, сдвинутые уличным светом, имитируют движение воды, они текучи, как волны. Герой в этой текучести теней даже утрачивает чувство границ собственного тела: «его рукой мог быть, например, переулочек по ту сторону дома, а позвоночником — хребтообразная туча через все небо с холодком звезд на востоке» [8, 553].

Источник этих метаморфоз реальности — тяжелый дым, который он увидел по дороге накануне днем. Этот сырой дым на мокрой крыше — исходная точка и прообраз поэтического вдохновения юноши: «Единственное «сюжетное» событие рассказа (поиски папирос персонажем) наслаивается на — или, точнее говоря, подслаивается, под его сновидческие поиски образов: табачный дым и «дымка вдохновения» сигнализируют о приближении решающего творческого всполоха, когда «жарко зажжется рифма» и проявится «подвижная тень дальнейших строк» [9, 28–29]. Он перемещается по квартире как сомнамбула, догоняя себя, «бесшумно проплывшего в зеркале» [8, 556]. Перемолвливается с отцом, также подобным его зеркальному отражению: у обоих пенсне, они путаются со стороны передачи папирос. Юноша-сын путешествует по комнате, отправляясь в далекие страны, пробегая по мирам потрафивших ему книг, — так же как его отец, не зная Берлина, путешествует по карте города. Передвижения отца по неизвестному, «рвущемуся» на карте уличному пространству рифмуются с «ясновидческой» ездой сына в неизвестное. В финале рассказа герой в замкнутом и чужом комнатном пространстве обретает вдохновение и пишет стихи, а его «лицо мокро от слез» [8, 557]: вспоминаемая и воображаемая на протяжении повествования вода-влага изошла из него слезами творческого счастья.

Также нужно отметить своеобразную творческую связь брата и сестры в этом рассказе. Г. А. Жиличева в статье «Интрига слова в рассказах И. Бунина и В. Набокова («Легкое дыхание» / «Тяжелый дым»)» отмечает, что в «Тяжелом дыме» «гибридизация братско-сестринского, отсылающая и к культурному коду символизма, и к поэтике Пастернака, проявляется в сочетании эротических аллюзий, сопровождающих описание творческого акта, и метафоры беременности («тяжести») и родов, соотносимых с созданием стихотворения» [10, 131].

Можно отметить, что путешествие героя в поисках вдохновения, в котором перемещений тела меньше, чем перемещений его глаз и сознания, напоминает сонет В. Я. Брюсова «Творчество» (1895). Брюсовское стихотворение представляет собой описание того, как рождается вдохновение. В. Ф. Ходасевич в рецензии на этот сонет обратил внимание на реализацию в нем символистского принципа двоения [11, 66–67]. Брюсов разделяет мир на комнат-

ную реальность и мир творческой мечты. Кроме того, в сонете источником творчества оказывается ночь и сопутствующий ей сон-грёза. То же можно увидеть в рассказе «Тяжелый дым», где вечер рождает тени, что пребывают в движении в комнатном пространстве, таинственно изменяя обыденную реальность. Воображение набоковского героя творит силуэт экзотической араукарии на поверхности стены — так же, как лопасти не менее экзотических латаний превращаются в фиолетовые руки у Брюсова. Брюсовские «блестки» прозрачных киосков отражаются в золотом блеске мнимой воды от мнимой Луны у Набокова. Гришенька не спит, тем не менее в рассказе появляется намек на творческое сновидение: «...клеенчатая тетрадь лежала иначе, полураскрывшись (как человек меняет положение во сне)» [8, 555]. Зримой границей между двумя мирами — между «здесь» и «там» — в «Тяжелом дыме» оказываются двери, «сквозь слепое, зыбкое стекло которых горел рассыпанный по зыби желтый блеск тамошней лампы» [8, 552]. (По воспоминаниям И. М. Брюсовой, луна в сонете ее мужа — «большой фонарь у здания цирка, находящегося как раз напротив» [12, 568] их дома.) Брюсовские «Тени латаний» и «Тайны созданных созданий» [12, 35] становятся в финале рассказа Набокова «подвижной тенью дальнейших строк», напоминающих о тенях, появляющихся на стене, «когда поднимаешься по лестнице со свечой» [8, 552].

В стихотворении Брюсова и в рассказе Набокова метапутешествие героя оборачивается путешествием олицетворяемого литературного произведения. Графические и звуковые брюсовские «создания», рождаясь из сознания автора и таинственной теневой пустоты, движутся ему навстречу для окончательного воплощения. В «Тяжелом дыме» «громкая, живая, вытягивалась и загибалась стихотворная строка; на повороте сладко и жарко зажигалась рифма», и появлялись «пьяные от итальянской музыки аллитераций, от желания жить, от нового соблазна старых слов <...> ничтожные, бранные стихи» [8, 557]. Наконец, в обоих произведениях «создания» предчувствуют хрупкость своего бытия: у Брюсова «тень латаний трепещет» (то есть в двух значениях — колышется и боится), у Набокова стихи Гришеньки, по оценке героя, «зачахнут» [8, 557] к моменту появления следующих.

Путешественники Владимира Набокова — бесприютные герои, для которых гостиницы или съемные дома — места временного пристанища, причем это ощущение временности порождено не только природой, функцией таких мест, но и их характером. Гостиничный номер или комната пансиона бедны и неудобны, наполнены старыми, ветхими вещами, покрытыми пылью, они эстетически несообразны. Одновременно с этим набоковские герои, отталкиваясь от грубости обстановки, открывают для себя иную реальность, что позволяет им реализовывать

свои метапутешествия — в мир прошлого, в мир экзотических стран, в мир художественного творчества, в мир мертвых и т.д. Эмигранты из рассказов «Возвращение Чорба», «Наташа», «Тяжелый дым» видят реальность света и тени, воздуха и воды, «комнатный космос» в тесном пространстве изгнания, ту реальность, что отправляется в дорогу вместе с ними. Эти странствия вместе с временным пристанищем и всем его содержимым, а также с багажом памяти и картой мечты, оказываются способны преодолеть одиночество изгнанников: близость их призрачного жилья обнаруживает родство их душ, настроенных на метафизическое путешествие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Турома С. Поэт как одинокий турист: Бродский, Венеция и путевые заметки / С. Турома // Новое литературное обозрение. — 2004. — № 67. — С. 164–180.
2. Худенко Е. А. Парадигмы изгнанничества и путешествия в сборнике В. Набокова «Возвращение Чорба» // Культура и текст. — 2005. — № 8. — С. 169–174.; С. 170.
3. Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах Т. 1. / Сост. Н. Артеменко-Толстой. Предисл. А. Долинина. Прим. М. Маликовой, В. Полищук, О. Сконечной, Ю. Левинга, Р. Тименчика. СПб.: Симпозиум, 2004. — 832 с.
4. Михеичева Е. А., Лаврушина А. В. Хронотоп «Берлин — Россия» в цикле рассказов В. В. Набокова «Возвращение Чорба» / Е. А. Михеичева // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2013. — № 2. — С. 205–210.
5. Вертинская О. М. «Свой» и «чужой» дом в произведениях В. Набокова / О. М. Вертинская // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. — 2006. — № 8. С. 29–34.
6. Набоков В. В. Наташа // Полное собрание рассказов / В. В. Набоков. — СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. — 752 с.
7. Кузнецова Н. С. Счастье и смерть в эмиграции: рассказ В. Набокова «Наташа» (концепт «счастье» в системе ценностей В. Набокова) / Н. С. Кузнецова // Счастливые страницы в истории человечества и повседневной жизни людей: материалы Международной научной конференции, Тула, 28 апреля 2009 года / Тульский государственный университет. Тула: Тульский государственный университет, 2009. — С. 292–299.
8. Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах / В. В. Набоков. — Т. 4. / Сост. Н. Артеменко-Толстой. Предисл. А. Долинина. Прим. М. Маликовой, В. Полищук, О. Сконечной, Ю. Левинга, Р. Тименчика. СПб.: Симпозиум, 2002. — 784 с.
9. Леденев А. В. Вензельная образность в произведениях Владимира Набокова / А. В. Леденев // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 4. С. 27–31.
10. Жиличева Г. А. Интрига слова в рассказах И. Бунина и В. Набокова («Легкое дыхание» / «Тяжелый дым») / Г. А. Жиличева // Сибирский филологический журнал. — 2021. — № 2. С. 123–136.
11. Ходасевич В. Ф. «Juvenilia» Брюсова / В. Ф. Ходасевич // София. — 1914. — № 2 (февраль). — С. 64–67.
12. Брюсов В. Я. Собрание сочинений в семи томах / В. Я. Брюсов / Под общей редакцией П. Г. Антокольского и др. — Т. I. — М.: Художественная литература, 1973. — 672 с.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китайская Народная Республика

Чжу Цзывэй — аспирантка Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай; аспирантка филологического факультета

E-mail: zhuziweilove@163.com

Lomonosov Moscow State University

Shenzhen MSU-BIT University

Zhu Ziwei, Postgraduate of the Faculty of Philology of the Postgraduate of the Faculty of Philology of the

E-mail: zhuziweilove@163.com

ГРАФИКСАЦИЯ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Т. Ю. Щуклина, Л. А. Мардиева

Казанский федеральный университет

Поступила в редакцию 10 сентября 2024 г.

Аннотация: работа посвящена рассмотрению графикации в аспекте языковой личности. Основываясь на концепции трихотомичного деления языковых личностей на слабую, усредненную и сильную (элитарную) разновидности, автор выявляет новые тенденции речевого словопроизводства, представленные в текстах современных СМИ; определяет вектор словотворческих процессов, направленный на второй тип языковой личности.

Ключевые слова: неузальное словообразование, графикация, словообразовательные неологизмы, языковая личность, язык СМИ.

Abstract: the article focuses on the study of Russian word formation in the aspect of linguistic personality. The work examines graphicsation as a way of demonstrating of a linguistic personality. Based on the concept of a trichotomous division of linguistic personalities into weak, average and strong (elite) varieties, an author identifies new trends in speech word-production presented in the texts of modern Russian media and reveals the vector of word-creation processes aimed at the second type of linguistic personality.

Keywords: non-usual word formation, graphicsation, word-formation neologisms, linguistic personality, media language

Исследованию феномена языковой личности, столь актуального в рамках антропоцентрической парадигмы научного знания, посвящено множество работ [2; 4; 6; 10; 18; 19 и др.]. Как известно, понятие «языковая личность» было введено в широкий научный обиход Ю. Н. Карауловым, трактующим этот феномен как «личность, выраженную в языке/текстах и через язык, личность, реконструированную в основных своих чертах на базе языковых средств» [8]. При этом ученый обращал внимание на многоуровневость, разноплановость, многогранность феномена языковой личности. Н. Д. Голев выделяет типы языковой личности согласно силе и слабости проявления признаков в зависимости от ее способности к проведению и анализу речевого произведения: «креативный, копильный, содержательный, формальный, ономаσιологический, семасиологический, мнемический, выводящий, ассоциативный и логико-аналитический» [2]. В. И. Карасик рассматривает лингвистические классификации личностей именно в их отношении к языку, что подразумевает некую вертикальную градацию, где есть место людям с высоким, средним и низким уровнями коммуникации. При этом к ним он также добавляет носителей массовой речевой культуры, так или иначе способных к языковому творчеству [7]. В. П. Нерознак определяет два ведущих вида частночеловеческой языковой личности: стандартную, являющуюся усредненной литературно обработанной нормой языка, и нестандартную, соединяющую высокую и низкую культу-

ры языка. К высокой культуре он относит писателей, мастеров художественной речи. К низкой — носителей, производителей и пользователей маргинальной языковой культуры [11].

Г. Г. Инфантова считает, что можно выделить три типа речевых культур на основании уровня владения литературным языком. К ним она относит элитарную культуру, среднелитературную культуру, культуру литературно-сниженную. Среднелитературная категория является, скорее, «достаточно высокой», нежели просто «средней». Однако Г. Г. Инфантова утверждает, что термины весьма условны. Достаточно трудно говорить о чистой принадлежности людей к одной или другой группе, так как между ними можно различить подтипы, промежуточные разновидности. Также можно дифференцировать языковые личности с опорой на профессию. Так, для некоторых субъектов языковое и речевое изучение является элементом профессиональной деятельности. К таким индивидам можно отнести филологов, учителей, актеров, писателей, дикторов и многих других. В противовес им идут, разумеется, личности, не реализующие язык и речь как обязательный специальный компонент деятельности и профессиональной практики. И даже с такой логикой люди внутри одной профессии могут владеть языком или речью на совершенно разных уровнях, могут принадлежать как к среднелитературной, так и к элитарной категории [6]. При этом стоит сразу отметить, что усредненная языковая личность не предполагает наличие негативного коннотата, подразумевающего некую долю неграмотности. Напротив, под данным понятием

имеется в виду абстрактный носитель языка вместо совокупности индивидов в массовом лингвистическом исследовании. Представляется, что понятие «усредненной языковой личности» предполагает (или должно предполагать) не «полуграмотность», а грамотность все-таки полную, пусть и без особого мастерства, лишь для данного уровня [там же].

Исходя из понимания языковой личности прежде всего как «личности коммуникативной, определяемой как совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения» [16, 17], как личности, готовой «производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [9, 3], под «усредненной языковой личностью» понимаем «среднего» (не элитарного) современного носителя языка, являющегося типичным представителем (в отличие от «элитарной» языковой личности) большинства образованного населения, который: обладает хорошей языковой компетенцией, но не задумывается об ораторском мастерстве; характеризуется клиповым сознанием; не использует (или крайне редко) вербальные средства создания образности языка; в недостаточной степени владеет художественным словом, функциональными стилями речи; не использует (или крайне редко) в своей речи цитаты, прецедентные феномены, высказывания литературных персонажей; предпочитает получать информацию емкую, но лаконичную в упрощенном виде — на коротком отрезке текста, лишённого сложных конструкций, разнообразия языковых средств выразительности и образности, желательно с опорой на визуальные компоненты текста и т.д. В связи с этим тексты, которые направлены на целевую аудиторию, представляющую собой обобщенный тип усредненной языковой личности, должны отличаться доступностью, экспрессивностью, выполнять контактоустанавливающую функцию, что становится возможным благодаря: усилению разговорного начала в тексте; упрощению языка, а также нарушению языковых норм; применению разных способов визуализации (визуализированное выделение сегментов в слове, к примеру, дает прямое указание на то, на чем необходимо сосредоточить внимание); использованию семантически и структурно емких языковых единиц (совмещению или наложению семантик/слов двух или более слов), что облегчает восприятие информации; сочетанию знаков языковой и других систем и т.д.

Понятие усредненной языковой личности важно для характеристики тенденций современного русского словообразования. Тем не менее новые и ранее обозреваемые процессы возникновения словообразовательных неологизмов русского языка не подвергались исследованию в аспекте данного типа языковой личности, что обуславливает актуальность и новизну данного исследования.

Несмотря на то, что виды языковых личностей условны и каждый отдельный уникальный случай нового словообразования может исходить от одной из трех видов личностей (слабой, усредненной или элитарной), именно усредненный тип является тем, который или перенимает себе словотворческие новообразования, или сохраняет большую часть освоенных ввиду своего численного перевеса. Один из самых распространенных двигателей данных процессов — каналы СМИ, язык текстов которых послужил материалом данного исследования.

Цель исследования — показать направленность словотворчества в СМИ, в частности, графикации как одного из продуктивных способов современного русского словообразования, на взаимодействие со вторым видом личностей.

Можно предположить, что словотворческие процессы вне зависимости от первоначального истока являются двигателем и одновременно показателем развития усредненной языковой личности. Особую многочисленную группу среди новообразований, проявляющих данную связь, составляют лексемы, произведенные продуктивным на сегодняшний день способом графического словообразования. В нашей работе мы опираемся на авторитетное мнение ученых о том, что данный способ («графическое словообразование», «графикация» — термин В. П. Изотова [5], Н. А. Самыличевой [15], Н. Д. Цыгановой [17]; «графодеривация» — термин Т. В. Поповой [12], А. С. Пучининой [14]; «графическая окказиональность» — термин Е. С. Грищевой [3], Л. П. Амири [1] и др.) представляет собой самостоятельный продуктивный окказиональный способ русского словопроизводства. Графическое словообразование — это «такой способ образования слов, при котором в качестве словообразовательного оператора выступают графические и орфографические средства (графические выделения, знаки препинания и т.п.) [5, 76]. Поэтому вслед за большинством лингвистов склонны считать графодериваты креолизованными производными словами и рассматривать их как новообразования, лексические единицы системы неузального (окказионального) словообразования, функционирующие на уровне речи. По мнению Т. В. Поповой, «графодериваты воспринимаются и функционируют как слова, обладающие некоторыми особенностями: 1) существуют только в письменной речи, которая; 2) является неузальной; 3) значение графодеривата часто носит связанный характер и раскрывается при опоре на контекст...; 4) обладают полиформностью, т.е. двойной актуализацией формы... и, как следствие, имеют идиоматичное значение; 5) графодериваты не всегда фонетически цельнооформленны, но грамматически цельнооформленны» [13, 153]. Заметим, что лингвистами используется ряд синонимических терминов для наименования единиц, ставших ре-

зультатом графодеривации: «графодериваты», «графические дериваты», «графиксаты», «графические окказионализмы», «слова-гибриды», «визуальные неологизмы», «гибридные слова».

В языке текстов СМИ графиксация представлена такими разновидностями, как: монографиксация, полиграфиксация, кодографиксация, типографиксация.

Монографиксация заключается в использовании авторами единицы только одной языковой системы и нередко реализуется в таком приеме, как капитализация (чередование строчных и прописных букв в узальной лексеме):

Платите сМИРом (Наша версия, 28.02.2022);

Сами суУСами (УУС + усами) (Коммерсантъ, 26.08.2021);

«Швейцария». ПереПАРКуеться ли нижегородская власть? (Нижний сейчас, 17.03.2020);

тУЧИ (заголовок). *Знания — свет. Около учителя часто собираются ученики* (Стихи.ру, 26.05.2020);

ПродУМанные варианты (Зеркало, 01.04.2021);

НаЦАРапали (Наша версия, 11.03.2021).

При помощи данного способа выделяется морфологическая часть лексемы, которая представляет собой слово. Подобные новообразования концентрируют внимание читателей на важном (с точки зрения автора текста). Востребованность в медийной коммуникации словообразовательных инноваций с капитализацией можно объяснить тем, что прописные буквы не требуют зрительного напряжения от адресата и способствуют упрощению восприятия информации.

В медийных текстах продуктивна такая разновидность графиксации, как полиграфиксация — использование средств разных языков. Чаще всего полиграфиксация реализуется в латинографиксации — соединении латиницы и кириллицы в одном слове:

AFIгеть можно! (Наша версия, 30.03.2021) ← *AFI + офигеть*;

План переQUAD (Коммерсантъ, 15.09.2021) ← *QUAD + перехват*;

PRолет «Байкала» (Наша версия, 08.02.2022) ← *PR + пролет*.

Полиграфиксаты отличаются неординарным графическим видом, вовлекают читателя в некую игру. Распространение аналогичных номинаций в медийных текстах можно объяснить воздействием английского языка на жизнь коммуникантов.

Для создания поликодовых текстов авторы используют в медийной коммуникации кодографиксацию — игру средствами небуквенных (неязыковых) элементов. Такая разновидность графиксации реализуется в нумерографиксации:

100имось розыгрыша держу в тайне до результата (Lolz.guru, 25.08.2020);

В Большом Московском цирке на Вернадского братья Запашные дали старт «И100РИИ» (Яндекс. Дзен, 22.09.2020);

«100ловая» в Соль-Илецке. Все просто, как в СССР, хотя рядом озера и туристов много, но цены на еду невысокие (Яндекс.Дзен, 26.08.2021).

Достаточно часто в графических гибридах происходит замена вербальной части сегмента цифрами на основе фонетического сходства. Подобные номинации повышают экспрессивность медийного текста, привлекают внимание читателей.

Медийные новообразования создаются журналистами и с помощью типографиксации, суть которой заключается в том, что авторы воздействуют на сознание носителей языка путем цвета, размера шрифта, вид шрифта и т.д. Типографиксация реализуется в цветографиксации: *ПЕНЯйте на себя!* (Жизнь, 26.01.2022).

В новом слове ПЕНЯйте ПЕНЯ выделен другим цветом, по сравнению с остальными буквами. Также употребляется капитализация.

Изучение словообразовательных неологизмов в текстах современной медиакоммуникации свидетельствует о высокой частотности производных, созданных путем графиксации, которая реализуется в таких разновидностях, как монографиксация, полиграфиксация, кодографиксация, типографиксация. Монографиксация преобладает над другими разновидностями графиксации. Медийные графиксаты привлекают внимание носителей языка, придают тексту публикации выразительность. Они являются частью визуальной наглядности, влияют на понимание языковой личности. Отметим, что графиксация как способ неузального словообразования, имея непростую смысловую основу, все же рассчитана на некоего «среднего» читателя. Данный факт подтверждается тем, что в большинстве случаев достаточно просто разделить и распознать отдельные элементы словесного гибрида. В случаях же, когда это сделать без дополнительных знаний проблематично, в игру вступает помощь контекста — содержание статьи отдельно употребит элементы неологизма, что позволит читателю понять изначальный смысл слова и природу его образования. Логично, что для такой операции не потребуются навыки элитарной языковой личности, так же, как и не наблюдается расчет на слабую языковую личность (к примеру, нет просторечий). Это свидетельствует о том, что целевой языковой личностью именно усредненная.

Таким образом, анализ современного словообразования в аспекте языковой личности позволяет нам говорить о том, что один из самых значимых источников, отражающих развитие словообразовательных процессов в русском языке (СМИ), транслирует новообразования, опираясь именно на усредненную языковую личность, которая в полной мере еще недостаточно изучена и освещена научным сообществом. позволяет называть большую часть словообразовательных неологизмов неоминимациями усредненной языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амири Л. П. Графическая окказиональность как стилиобразующее средство в текстах рекламного дискурса (на материале XX–XXI вв.) / Л. П. Амири // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского (гуманитарные науки). — 2012. — № 27. — С. 176–182.
2. Голев Н. Д. Языковая личность и антропотекст в лингвистике и лингводидактике (типологический аспект) / Н. Д. Голев // Русский язык: исторические судьбы и современность. — М.: МГУ, 2004. — С. 15–16.
3. Грищева Е. С. Элокутивный аспект изучения графической окказиональности в современной лингвистике: к постановке проблемы / Е. С. Грищева // Вестник Военного университета. — 2011. — № 2 (26). — С. 82–87.
4. Дедюкова М. В. Языковая личность в публицистическом дискурсе: автореф. дис...канд. филол. наук: 10.02.04 / М. В. Дедюкова; МГУ.— Москва, 2010. — 26 с.
5. Изотов В. П. Параметры описания системы способов словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка): дисс. ...д-ра филол. наук / В. П. Изотов. — Орел, 1998. — 341 с.
6. Инфантова Г. Г. Сильная языковая личность: ее постоянные и переменные признаки / Г. Г. Инфантова // Речь. Речевая деятельность. Текст. — Таганрог: Изд-во Таганрогского гос. пед. ин-та, 2000. — С. 63–69.
7. Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. — Волгоград: Парадигма, 2007. — 520 с.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М.: Наука, 1987. — 262 с.
9. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю. Н. Караулов // Язык и личность. — М.: Наука, 1989. — С. 3–8.
10. Мардиева Л. А. Проявления личностных смыслов слова в медиатекстах второго десятилетия XXI века / Л. А. Мардиева // Теория речевой деятельности: вызовы современности. — М.: Канцлер, 2019. — С. 119–120.

Казанский федеральный университет

Щуклина Т. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Высшей школы русской филологии и культуры им. Льва Толстого

E-mail: tatiana21@myrambler.ru

Мардиева Л. А., доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Высшей школы русской филологии и культуры им. Льва Толстого

E-mail: layka66@mail.ru

11. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В. П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод. — М.: МГУ, 1996. — № 426. — С. 112–116.
12. Попова Т. В. Графодеривация в русском словообразовании конца XX–начала XXI в. / Т. В. Попова // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Междунар. конгр. исследователей русского языка: труды и материалы. — М.: МАКС Пресс, 2007. — С. 230–231.
13. Попова Т. В. Креолизованные дериваты в русском языке рубежа XX–XXI вв. / Т. В. Попова // Активные процессы в современной грамматике: матер. междунар. конф. (19–20 июня 2008 г.). — М.; Ярославль, 2008. — 296 с.
14. Пучинина А. С. Графодериваты как особые единицы речи / А. С. Пучинина // Вестник Челябинск. гос. ун-та. — 2013. — № 16 (307). Филология. Искусствоведение. Вып. 78. — С. 102–104.
15. Самыличева Н. А. Особенности графического словообразования в современных СМИ / Н. А. Самыличева // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. — 2010. — № 2 (12). — С. 191–194.
16. Сухих С. А. Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализаций / С. А. Сухих. — Краснодар: КубГУ, 1997. — 332 с.
17. Цыганова Н. Д. Графическое словообразование в рамках словотворческих интернет-сайтов / Н. Д. Цыганова // Экология языка и коммуникативная практика. — 2016. — № 1. — С. 321–327.
18. Шевченко О. Н. Языковая личность переводчика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О. Н. Шевченко; Волгоград, гос. пед. ун-т. — Волгоград, 2005. — 22 с.
19. Щуклина Т. Ю. Окказиональное словообразование в художественном тексте как феномен языковой личности / Т. Ю. Щуклина // Изучение региональной картины мира в поликультурном образовательном пространстве: теория и практика. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. — С. 199–203.

Kazan Federal University

Shchuklina T. Yu., Associate professor of the Department of Applied and Experimental Linguistics, Higher School of Russian Philology and Culture named after Lev Tolstoy

E-mail: tatiana21@myrambler.ru

Mardieva L. A., Professor of the Department of Applied and Experimental Linguistics, Higher School of Russian Philology and Culture named after Lev Tolstoy

E-mail: layka66@mail

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КУРДИСТНА И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЖУРНАЛИСТИКУ ИРАКСКИХ КУРДОВ

Омарбл Бестун, В. В. Хорольский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 февраля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается проблема функционирования СМИ Иракского Курдистана в условиях многопартийности и «контролируемой демократии». Проблемы свободы слова и независимости журналистов в Иракском Курдистане актуальны и злободневны. Журналисты часто оказывались в оппозиции к власти, которая прибегала и прибегает к репрессиям. Сделан вывод о противоречиях медийной культуры и демократии в контексте кризиса либерализма в Ираке.

Ключевые слова: политические партии, Иракский Курдистан, идентичность этноса, либерализация.

Abstract: the article examines the problem of the media functioning in Iraqi Kurdistan in conditions of multiparty system and “controlled democracy”. The problems of freedom of speech and independence of journalists in Iraqi Kurdistan are relevant and topical. Journalists have often found themselves in opposition to the government, which has resorted and is resorting to repression. The conclusion is made about the contradictions of media culture and democracy in the context of the crisis of liberalism in Iraq.

Keywords: political parties, Iraqi Kurdistan, ethnic identity, liberalization.

Система курдского партийно-общественного устройства представляет собой многообразное и не всегда дружественное соединение разнородных социальных ячеек, включая клановые структуры, профсоюзы, спортивные и женские организации и т.п. Сегодня большинство политиков и общественных деятелей Ирака находятся в оппозиции по отношению к партии Арабского социалистического возрождения (Баас), члены которой долгие годы правили в стране, укрепляя тоталитарный режим. После падения режима С. Хусейна так называемые «баасисты» фактически устранены из медийного пространства страны. Актуален сегодня разговор о функционировании национальных СМИ в условиях многопартийности и политических реформ, контролируемых «мягкой силой» политики, называемой «контролируемой демократией». Речь идёт о неполной демократии и её симулякрах [1, 72; 7].

В статьях иракских журналистов последнего десятилетия уже нет того оптимистического пафоса, который был характерен для арабских и курдских СМИ после Второй мировой войны, как нет в арабских СМИ серьёзного аналитического слова о будущем национального вопроса в Ираке. Нет научно-публицистического слова о политическом компромиссе в стране. Много слов в СМИ говорят о том, что есть тотальный кризис. Пишут и о том, что американская помощь не помогает наладить каждодневную жизнь простых граждан, о том, что надо бороться против

«общего врага», что в соответствии с интересами времени сообщения журналистов должны быть патриотичны. Но о свободе слова предпочитают не говорить: слишком большая тема [3, 219–220].

Исторически сложилось так, что политические вопросы всегда доминировали в повестке дня национальных СМИ Ирака и Иракского Курдистана (ИК). Борьба за культурную автономию не могла полностью удовлетворить национальные чувства населения Курдистана. Многие общественные и политические деятели в Ираке (Н. Мустафа, Микдад Бедир Хан, Абдулсамад Х. М. Хазнадар, Джигархун, Джамил Рашид и др.) говорили о соединении принципов федеративного государственного устройства с принципами конфедеративными, что предполагало независимость руководства ИК от Багдада, расширяло права местных администраций [4, 219–220]. Конфедеративные принципы предусматривали «мирный развод» двух народов, однако и саддамовская власть, и сегодняшние лидеры Ирака не дали согласия на предоставление ИК статуса отдельного государства.

Что представляет собой партийная печать ИК, определяющая и ход борьбы за власть, и эволюцию СМИ, и этническую самоидентификацию? Почему у курдов так велика роль партийного строительства в области массмедиа? Ответы историкам СМИ видеть легко. Во-первых, когда рождается новая партия, будь то в демократической системе, или в системе тоталитаризма, она нуждается в поддержке работников СМИ. Во-вторых, развитие медиасистемы нуждается в финансировании, которое могут дать либо государ-

ство, либо общественные движение. Государство пренебрегало интересами курдов, поэтому единственный выход политики ИК видели в создании своих СМИ, в оказании материальной помощи журналистам. Однако требования партийной дисциплины свели на нет усилия либералов в партийных комитетах. Либерализм в Ираке в целом потерпел крах, так как массы не были готовы к шоковой терапии либеральных демократов. Журналист и исследователь СМИ Симона Сикимич писала в 2015 г.: «Курдская организация по защите прав журналистов (Metro Center), которая подробно описывает злоупотребления, заявляет, что в прошлом году было совершено 193 нарушения в отношении курдских журналистов» [5]. Одним из её примеров было убийство журналиста популярного еженедельника *Awene* и редактора журнала *Royal* Кавы Гармьяни. С. Сикимич отметила, что одна из правящих партий ИК, а именно «Патриотический союз Курдистана (ПСК)», была заказчиком жестокого убийства [5]. Журналист из интернет-издания *Fair Observer* Камаль Хомиани (Чомиан) писал об убийствах таких известных в Ираке журналистов, как Сардашт Осман, Соран Мама Хама и др. [6]. В 2013 г. организация «Репортеры без границ» повысила рейтинг свободы прессы в Ираке до 150 места в мире из 179 стран. Хотя широко распространено мнение, что в Иракском Курдистане более благоприятный медиаклимат, чем в других странах, где живут курды. В Турции дела обстоят хуже, она занимает 154 место по версии организации «Репортеры без границ» [7].

На властной вершине политико-бюрократической пирамиды расположились «Демократическая партия Курдистана (ДПК)», созданная Мустафой Барзани, легендарным борцом за права курдов, при поддержке левых сил, в 1946 г., и «Патриотический союз Курдистана (ПСК)», основанный бывшим сторонником М. Барзани его оппонентом Джалялем Талабани в 1975 г. Время шахидов уходит в прошлое. Наступило время демократических выборов. Это обстоятельство, меняющее стратегию партий, было ярко отражено в газетах «Хабат» (Борьба) и «Курдистан Нуэ» (Новый Курдистан), которые являются печатными органами партий, имеющих больше всего мест в парламенте, а их политические лидеры Масуд Барзани и Джаляль Талабани в своё время занимали посты президентов, соответственно Иракского Курдистана и Ирака. Показательно, что оба ежедневные издания может бесплатно прочитать любой работник государственной организации, поскольку они подписываются руководством этого учреждения. Такой способ распространения повышает читабельность периодических органов, а следовательно, они формируют общественное мнение, национальное самосознание, воспитывают патриотизм. Стоит отметить, что обе газеты издаются в цвете, объемом 16–24 страницы отличного полиграфического качества.

СМИ этих партий, о которых обзorno писали многие авторы, не являются единственными средствами информации в ИК [8–9; 4]. Две ведущие партии ИК условно делят территорию Иракского Курдистана (ИК) на две части, где преобладает авторитет каждой из них. Можно считать, что в истории политической борьбы в ИК царил двухпартийная модель, в основе которой была борьба за власть между ДПК и ПСК, условно называемая борьбой между «барзанистами» и «талабанистами», но в последние десятилетия приобретает авторитет антикоррупционное «Движение за перемены (Горран)», которое возглавили бывшие лидеры левой радикальной группировки «Комала Ранджаран», прежде всего избирателям запомнился политик и публицист Навширван Мустафа, который в 2009 году обрушился с критикой на М. Барзани и М. Талабани. На выборах 2010 г. новая партия набрала немного голосов и получила в парламенте 9 мест из 328. Но на выборах 2013 года расклад был уже иной: движение «Горран» получило 24 места в парламенте (у ДПК было 38, у ПСК-18). Многие радикальные сторонники «Движения за перемены» требовали поддержать идеологию «арабской весны», настаивали на более решительных шагах по обретению курдами государственного статуса ИК. В 2015 году представители партии «Горран» начали усиливать контакты и проводить переговоры с партиями ДПК, ПСК, с представителями «Исламского союза Курдистана» (ИСК) и «Исламской группы Курдистана» (ИГК). Речь шла о стратегии борьбы в постсаддамовском Ираке. Но единого мнения не было, «Движение за перемены» не нашло поддержки ведущих политиков.

Информационный холдинг ПСК, который включает телеканал KurdSat, газету «Курдистан Нуэ» («Новый Курдистан»), газету на арабском языке «Аль-Иттихад» («Союз»), один из наиболее популярных курдских порталов www.pukmedia.com, стал сегодня самым влиятельным источником информации. Очень влиятельным является концерт и издание «Рожнама» (Газета). В редакцию «Газеты» перешли журналисты первой независимой газеты Иракского Курдистана «Хаулати» (Гражданин), которая наиболее критически относится к власти. Информационный холдинг ДПК включает, кроме газеты «Хабат» (Борьба), крупное информационное агентство «Пямнер» («Корреспондент»), распространяющее информацию на курдском (курманджи, сорани), арабском, персидском, турецком, английском языках, оно легко интегрируется в поликультурную национальную среду соседних стран. В этот же холдинг входят и наиболее популярные курдские телеканалы Kurdistan TV и Zagros TV. Современное состояние системы управления ИК требует объединения всех сил, чего пока нет. Характерная деталь: левые политики «Горрана» были противниками иракских коммунистов: в 1983 г. Н. Мустафа возглавил силы

ПСК, атакующие коммунистов. Тогда погибло 150 человек. В начале этого века были атакованы члены «Рабочей коммунистической партии», были убитые и раненые. После смерти Н. Мустафы новый лидер партии Омар Саид Али занял более умеренную позицию. Навширван Мустафа был известным публицистом и редактором, с 1968 г. он работал редактором журнала «Освобождение» (*Razgari*). Н. Мустафа основал корпорацию *Wusha Corporation*, которая состояла из структур *Kurdish News Network*, новостного телеканала, новостного сайта *Sbeyi.com*, радиостанции *Dangi Gorran*. Возможно, что в будущем произойдет слияние движения «Горран» с ПСК, хотя это будет зависеть от эволюции общекурдской проблематики в политике и в СМИ. В Курдистане в открытой форме функционируют два типа СМИ, они известны как «партийные» и «независимые», но на самом деле есть четыре медиа-модели:

Партийные СМИ (носители идеологических дискурсов).

Независимые СМИ (критический дискурс по отношению к правящему режиму).

3) Оппозиционные СМИ, критикующие государственные и партийные СМИ.

4) Подпольные («теневые») СМИ — худшая медиа-модель, выводящая

журналистику за пределы юридического поля [3].

Характерной моделью поведения новых партий стала в конце XX в. модель компромиссной адаптации к реалиям существующего законодательства. Партийная медиа-модель и структура СМИ в соответствии с идеологией конкретной партии имеет плакатно-пропагандистскую эстетику и популистскую ориентацию: партийная власть всегда направляла работу редакций по сбору фактов в нужном направлении. Газеты публиковали речи и новости политиков, которые старались не вести дело к закрытию издания или к большому штрафу. Это была новая и успешная модель, позволяющая поддерживать баланс интересов, не нарушая границ и масштабов свободы. Медийная идеология партий была до недавнего времени примерно одинакова: агитация в пользу сохранения идентичности этноса и пропаганда культурной автономии всех народностей, проживающих на территории ИК. Народность считается миссией СМИ, курдские СМИ были еще в начале нашего века более ответственными и более моральными, по сравнению с общеарабской тенденцией либерализации.

Конечно, сегодня курдские социальные сети являются счастьем для курдской общины в Ираке, однако идейная направленность их противоречива. При всех своих отрицательных моментах две тенденции эволюции СМИ (партийная и локально-частная) могут быть лучше других тенденций и моделей, означающих «оппозицию власти», если их влияние на общественное мнение возрастёт, если журналисты будут работать, опираясь на прямое слово, без

масок, лицемерных речей, доказательно ссылаясь на разные источники. В условиях жесткого контроля надо ждать формирования нового вида медиа-модели, которая неизбежно будет иметь другие формы и новое содержание, отличаясь от существующих нынешних моделей.

Активно выступал на политической арене «Исламский союз Курдистана» (*Yekgirtoy islâmî Kurdistan*), связанный организационно и идейно с международной организацией «Братьев-мусульман» (признана в РФ террористической — Б.О., В.Х.). В начале 1990-х гг. в Ираке возник центр «Братьев-мусульман», а в 1994 г. оформилась партия, которую возглавил публицист и религиозный деятель Салахеддин Мохаммед Бахауддин, который после 2016 г. представляет идеологию «Братьев-мусульман» в Ираке, заседа в правительстве ИК. «Исламский союз Курдистана» является единственным политическим течением, сторонники которого верят в гражданские мирные действия и дистанцируются от милитаризации политики и службы в рядах ополченцев. «Исламский союз» имеет 4 места в иракском парламенте, а партия имеет портфель государственного министра, а также 11 депутатов в парламенте Курдистана.

Всё большую активность в политике приобретает «ассоциация» и клубы женщин: напр., «Женщины Курдистана», Ассоциация «Матери Мира» и др. [10], создающие всё более качественные МТ. Издания для женщин и девушек занимают всё больше места на прилавках книжных магазинов и в киосках печати. Самые популярные газеты и журналы («Жянава», «Ханман», журналы «Тав», «Данги афрат» («Женский голос») и др. отражают злободневные темы: журналисты пишут о личном статусе женщин в семье, о праве мужчин иметь несколько женщин, о возрасте вступления в брак, о насилии в семье и т.д. Общество озабочено правами женщин, в курдском обществе женщина-мать всегда занимала почетное место.

Спутниковым вещателям, занимающимся распространением идей курдского национализма, сначала пришлось преодолеть отсутствие единого языка. На данный момент существует множество спутниковых телевизионных станций: *Kurdistan TV* в Салахуддине, к северу от Эрбиля, *Zagros TV*, *Kurdistan24* и *Rudaw* в Эрбиле контролируются правящей ДПК, в то время как ПСК управляет *KurdSat* и *Gali Kurdistan*, оба базируются в Сулеймании. Медиа-сеть *Rudaw*, запущенная в 2013 г. и активно поддерживаемая премьер-министром Нечирваном Барзани, является самым амбициозным из этих проектов, включая веб-сайт на четырех языках (арабском, курдском, турецком и английском), спутниковое телевидение, две газеты и радиостанцию, которая вещает на коротких волнах по всему Ближнему Востоку. Этническая самоидентификация курдов во многом зависела от национальных периодических изданий. СМИ Курдистана помогали партийным и тейповым лидерам

организовать массы в борьбе за создание независимого государства. Курды вряд ли пойдут по пути партии ХАМАС, которую во многих странах уже признали террористической организацией.

Выводы. Давление идеологии, доминирование партийного дискурса, отсутствие свободы в работе — таковы препятствия на пути движения национальной журналистики. Иракский Курдистан развивается в сложных геополитических условиях, требующих партийной дисциплины сторонников сохранения идентичности социума, борющегося за право на создание собственного государства. В то же время самоцензура приводит к уступкам власти, которая далеко не всегда права. Демократизация общества после падения тоталитаризма в 2003 г. сопровождалась пропагандистской кампанией проамериканских и компрадорских деятелей, поставивших интересы арабов выше интересов курдов. Нарушения прав журналистов стало привычным. С другой стороны, в журналистике ИК нет достаточного числа независимых профессионалов, этические нормы нарушаются часто. Межпартийная война сделала из журналистов участников недостойной полемики с элементами дезинформации и даже прямой лжи. Свобода слова под угрозой. Выбор методов борьбы за власть в политике имеет стратегическое значение, и для политизированных медиа сегодня трудность состоит в том, что есть два основных варианта развития республиканского строя в ИК: а) вариант религиозный и б) вариант светский. Как известно, исламисты утвердились в Ираке как доминирующее социальное движение, диктующее направление реформ. Конфликт суннитов и шиитов усиливает социальную напряжённость, а курдская ориентация на правовое светское государство делает позицию противников радикального ислама разумной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов А. А. Европейские стандарты правового

*Воронежский государственный университет
Омарбл Бестун, аспирант кафедры журналистики
и литературы
E-mail: bestoonomarbl@gmail.com*

*Хорольский В. В., доктор филологических наук, профессор
кафедры журналистики и литературы
E-mail: khorolbox@mail.ru*

регулирования освещения терроризма в СМИ / А. А. Смирнов // «Административное право и процесс». — 2014. — № 1. — С. 71–73.

2. Хартия Европейского Союза об основных правах // Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. — М., 2013.

3. Джамала Хазнадар. Энциклопедия курдской прессы / Джамала Хазнадар. — Эрбиль, 2011. — С. 219–220.

4. Шакле С. Иракские курды как политический субъект: история и современность // Конфликтология / nota bene. — 2021. — № 1. — Режим доступа: https://nbpublish.com/Hbrary_read_article.ptp?id=33651 (дата обращения: 01.09.2023).

5. Сикимич С. Журналисты Иракского Курдистана борются с атмосферой безнаказанности / С. Сикимич. — Режим доступа: <https://www.middleeasteye.net/news/iraqi-kurdistan-journalists-struggle-against-climate-impunity> (дата обращения: 22.06.2023).

6. Chomani K. Press Freedom at a Crossroads in Iraqi Kurdistan / K. Chomani. — Режим доступа: <https://www.faiobserver.com/politics/press-freedom-crossroads-iraqi-kurdistan>. .08.02.2014 (дата обращения: 21.08.2022).

7. Gallup Population Reference Bureau/ Media Use in Iraq and Iraqi Kurdistan. — Режим доступа: <https://www.usagm.gov/wp-content/media/2015/03/Iraq-brief-FINAL.pdf> =2015 (дата обращения: 01.09.2023).

8. Дюрье М. Э. Политические партии Иракского Курдистана: история создания и идейно-политической эволюции в Новейшее время / М. Э. Дюрье // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. — 2023. — Вып. 4 (853). — С. 9–16. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-partii-irakskogo-kurdistana> (дата обращения: 01.09.2023).

9. Ментешавили А. М. Курды: Очерки общественно-экономических отношений, культуры и быта / А. М. Ментешавили. — М., 1984. — 238 с.

10. Кулешова Н. С. Женское лицо национально-освободительного движения Курдистана / Н. С. Кулешова, Ш. Абы // Политика и Общество. — 2017. — № 4. — С. 11–20.

*Voronezh State University
Omarbl Bestoon, Postgraduate Student of the Department
of Journalism and Literature
E-mail: bestoonomarbl@gmail.com*

*Khorolsky V. V., Doctor of Philology, Professor of the
Department of Journalism and Literature
E-mail: khorolbox@mail.ru*

МЕДИЙНЫЙ ЛАНДШАФТ ЯКУТИИ: АНАЛИЗ СОБЫТИЙ И ИНТЕРЕСОВ В НОВОСТНЫХ ИЗДАНИЯХ ЗА 2022–2023 ГГ.

У. С. Борисова, Я. А. Николаева

Финансово-экономический институт,
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова

Поступила в редакцию 2 февраля 2024 г.

Аннотация: данная статья направлена на изучение информационных ресурсов, которые освещают события и тематику, связанную с эмиграцией из региона Республика Саха (Якутия). Это исследование будет анализировать содержание новостей и их качество в различных медиа-источниках, чтобы определить общий обзор по покрытию событий и тематике. Анализ ресурсов позволит выявить различия в покрытии новостей о Якутии в разных источниках и оценить их влияние на общественное мнение.

Ключевые слова: медианпространство, анализ тематики, новостные ресурсы, региональные медиа, российские интернет-издания, Республика Саха (Якутия), медийное покрытие.

Abstract: this article is aimed at studying information resources that cover events and topics related to emigration from the region of the Republic of Sakha (Yakutia). This study will analyze news content and quality across various media sources to determine an overall overview of event coverage and subject matter. Analysis of resources will reveal differences in news coverage about Yakutia in different sources and assess their impact on public opinion.

Keywords: media space, topic analysis, news resources, regional media, Russian online publications, Republic of Sakha (Yakutia), media coverage.

Введение. В ходе данного исследования были взяты во внимание только те новостные ресурсы, которые включены в Перечень наименований зарегистрированных средств массовой информации, предоставленный Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Это обеспечивает надежность и законность выбранных источников в контексте проведения анализа медийного покрытия [1]. Эти ресурсы включают в себя такие платформы, как «Газета.ру», «Россия сегодня», «РИА Новости», SAKHALIFE.RU, SakhaNews и «Якутия 24». Целью данного исследования является проведение глубокого анализа медийного покрытия Республики Саха (Якутия) по теме эмиграции из региона среди различных новостных изданий за период 2022–2023 гг.

Для исследования выделено несколько ключевых тегов: «Релокация из Якутии», «Экспат Якутия», «Эмиграция из Якутии», «Миграция из Якутии», «Переезд из Якутии», «Якутское общество», «Якутия».

География исследования в данной работе обусловлена стремлением охватить медийное покрытие Республики Саха (Якутия) в сравнении с общероссийскими новостными ресурсами. Охватывается широкий спектр российских интернет-изданий («Газета.ру», «Россия сегодня», «РИА Новости») с целью предоставить всесторонний обзор общероссийских

медийных платформ [2–4]. Сопоставительный анализ дополняется рассмотрением региональных сетевых изданий, таких как SAKHALIFE.RU, SakhaNews и «Якутия 24» [5–6; 7], которые представляют медийное пространство конкретного региона — Якутии.

Выборка производилась на основе следующих критериев:

1. *Популярность и влияние:* включение крупных и влиятельных медийных ресурсов, таких как «Газета.ру», «Россия сегодня», «РИА Новости», с широкой аудиторией и значительным воздействием в информационной среде.

2. *Региональная ориентация:* включение местных новостных ресурсов, таких как SakhaNews и «Якутия 24», для получения более точной и детальной информации о событиях в Республике Саха (Якутия).

3. *Историческая активность:* включение изданий, регулярно освещающих события в Республике Саха (Якутия), для охвата исторического контекста и динамики медийного внимания.

4. *Репутация и доверие:* выбор источников с высокой репутацией и доверием в обществе для обеспечения качественной информации.

5. *Разнообразие форматов:* учет различных форматов публикаций (статьи, новости, мнения, видео, фотоматериалы) для охвата широкого спектра подходов к теме.

Контент-анализ состоял из качественного и количественного анализа информационных сообще-

ний по нескольким параметрам: источник; дата; наименование; метод получения информации; анализ текстового и визуального содержания.

Основная часть. В ходе контент-анализа выяв-

лено общее количество упоминаний об эмиграции из Якутии составляет 9, а об упоминаниях о переезде из Якутии — 38. Общее количество упоминаний о Якутии из различных источников: 26930 (табл. 1).

Т а б л и ц а 1.

Упоминания СМИ

Источник	Упоминания об эмиграции из Якутии	Упоминания о переезде из Якутии	Общее количество упоминаний о Якутии
«Газета.ру»	4	3	1058
«Россия сегодня»	0	2	311
«РИА Новости»	1	7	2000
SAKHALIFE.RU	2	7	10000
SakhaNews	2	0	Более 10000
«Якутия 24»	0	19	3651
Общее количество	9	38	26 930

Далее в таблицах 2–7 будут представлены результаты анализа упоминаний различных тем в СМИ в контексте Якутии.

Переходя к конкретным данным, рассмотрим упоминания в «Газета.ру» (табл. 2), чтобы подробно изучить контекст и тематику новостей в связи с Якутией [2].

Т а б л и ц а 2.

Упоминания в «Газета.ру»

Тэги	Статьи
#РелокацияИзЯкутии	0
#ЭкспатЯкутия	0
#ЭмиграцияИзЯкутии	1 статья
#МиграцияИзЯкутии	2 новости
#переезд из Якутии	3 упоминания: статьи — 1, новости — 2.
#ЯкутскоеОбщество	11 упоминаний. Из них: статьи — 5, новости — 6
#Якутия	1058 упоминаний. Из них: статьи — 69, новости — 986, фото — 3.

Из предоставленной таблицы можно сделать следующие выводы:

Общее количество упоминаний о Якутии: «Газета.ру» содержит обширное количество упоминаний о Якутии — 1058, включая статьи, новости и фото.

Уровень активности по темам:

#ЭмиграцияИзЯкутии: есть одна статья, связанная с эмиграцией из Якутии.

#МиграцияИзЯкутии: есть две новости о миграции из Якутии.

#переезд из Якутии: три упоминания, включая одну статью.

#ЯкутскоеОбщество: одиннадцать упоминаний,

из которых 5 — статьи, 6 — новости.

Отсутствие материалов по некоторым тегам:

Отсутствие статей и упоминаний по тегам #РелокацияИзЯкутии и #ЭкспатЯкутия, что может указывать на ограниченный интерес к этим аспектам на рассматриваемом ресурсе.

Форматы материалов:

В контенте по Якутии преобладают новости (986) и статьи (69), что подчеркивает активность информационного покрытия.

Упоминания о Якутии в различных контекстах:

Упоминания в разделе #Якутия включают статьи, новости и фото, что указывает на разнообразие контента и интерес со стороны издания к различным аспектам региона.

Далее рассмотрим информационный обзор в «Россия сегодня» (табл. 3) и выявим доминирующие тэги [4].

Т а б л и ц а 3.

Упоминания в «Россия сегодня»

Тэги	Статьи
#РелокацияИзЯкутии	0
#ЭкспатЯкутия	0
#ЭмиграцияИзЯкутии	0
#МиграцияИзЯкутии	3 новости.
#переезд из Якутии	2 новости.
#ЯкутскоеОбщество	17 упоминаний. Из них: статьи — 3, новости — 12, мнения — 1, видео — 1.
#Якутия	311 упоминаний. Из них: новости — 285, мнения — 2, видео — 23, фото — 1.

Из предоставленной таблицы Россия сегодня можно сделать следующие выводы:

Общее количество упоминаний о Якутии:

На ресурсе Россия сегодня существует заметное количество упоминаний о Якутии — 311, включая новости, мнения, видео и фото.

Активность по темам:

#МиграцияИзЯкутии: три новости о миграции из Якутии.

#переезд из Якутии: две новости о переезде из Якутии.

#ЭмиграцияИзЯкутии и #РелокацияИзЯкутии: отсутствуют статьи по эмиграции и релокации из Якутии, что может свидетельствовать о низком интересе к этим аспектам на данном ресурсе.

Форматы материалов:

#ЯкутскоеОбщество: семнадцать упоминаний, включая статьи (3), новости (12), мнения (1) и видео (1), что указывает на разнообразие контента по теме «Якутское общество».

#Якутия: триста одиннадцать упоминаний, включая новости (285), мнения (2), видео (23) и фото (1), что также подчеркивает разнообразие форматов материалов.

Акцент на новостном покрытии:

Большая часть упоминаний по Якутии связана с новостными материалами (285 новостей из 311 упоминаний).

Отсутствие материалов по определенным тегам:

Отсутствие материалов по тегам #ЭмиграцияИзЯкутии и #РелокацияИзЯкутии может указывать на то, что эти аспекты могут быть менее актуальными или не представлены на данном ресурсе.

Неотъемлемой частью медийного ландшафта является активность РИА Новости (табл. 4) [3]. Проанализируем, какие события и аспекты Якутии преобладают в их новостных потоках [3].

Таблица 4.

Упоминания в «РИА Новости»

Тэги	Статьи
#РелокацияИзЯкутии	0
#ЭкспатЯкутия	0
#ЭмиграцияИзЯкутии	1 новость
#МиграцияИзЯкутии	6 упоминаний: новости — 5, аудиоматериалы — 1.
#переезд из Якутии	7 новостей
#ЯкутскоеОбщество	300 упоминаний. Из них: новости — 296, аудиоматериалы — 4.
#Якутия	2000 упоминаний. Из них: новости — 1818, аудиоматериалы — 157, видео — 21, фото — 2, тесты — 1, инфографика — 1.

Из предоставленной таблицы РИА Новости можно сделать следующие выводы:

Общее количество упоминаний о Якутии: РИА Новости содержит значительное количество упоминаний о Якутии — 2000, включая новости, аудиоматериалы, видео, фото и другие форматы.

Активность по темам:

#МиграцияИзЯкутии: шесть упоминаний, включая пять новостей и один аудиоматериал.

#ЭмиграцияИзЯкутии: одна новость о эмиграции из Якутии.

#переезд из Якутии: семь новостей о переезде из Якутии.

#ЯкутскоеОбщество: триста упоминаний, включая новости (296) и аудиоматериалы (4).

Форматы материалов: #Якутия: две тысячи упоминаний, включая новости (1818), аудиоматериалы (157), видео (21), фото (2), тесты (1) и инфографику (1). Это свидетельствует о разнообразии форматов и подходов к представлению информации о Якутии.

Акцент на новостном покрытии: большая часть упоминаний о Якутии связана с новостными материалами (1818 новостей из 2000 упоминаний).

Разнообразие медийных форматов: присутствие аудиоматериалов, видео, фото, тестов и инфографики указывает на стремление использовать различные медийные форматы для представления информации.

Отсутствие материалов по определенным тегам: отсутствие статей по тегам #РелокацияИзЯкутии и #ЭкспатЯкутия может свидетельствовать о низком интересе к этим аспектам на данном ресурсе.

Переходим к региональным площадкам с акцентом на SAKHALIFE.RU (табл. 5), чтобы выявить, какие темы областной характер поднимаются в зарубежных медиа [5].

Таблица 5.

Упоминания в SAKHALIFE.RU

Тэги	Статьи
#РелокацияИзЯкутии	1 статья
#ЭкспатЯкутия	1 новость
#ЭмиграцияИзЯкутии	2 новости
#МиграцияИзЯкутии	12 статей
#переезд из Якутии	7 новостей
#ЯкутскоеОбщество	31 статьи
#Якутия	10000 упоминаний.

Из предоставленной таблицы SAKHALIFE.RU можно сделать следующие выводы:

Общее количество упоминаний о Якутии: SAKHALIFE.RU содержит значительное количество упоминаний о Якутии — 10000, что указывает на высокий уровень интереса к региону.

Активность по темам:

#МиграцияИзЯкутии: двенадцать статей о миграции из Якутии, что свидетельствует о заметном интересе к данной теме.

#ЭмиграцияИзЯкутии: две новости о эмиграции из Якутии.

#переезд из Якутии: семь новостей о переезде из Якутии.

#РелокацияИзЯкутии и #ЭкспатЯкутия: одна статья и одна новость соответственно.

Форматы материалов: #Якутия: десять тысяч упоминаний, что указывает на широкий спектр материалов, касающихся Якутии.

Разнообразие медийных форматов: присутствие статей, новостей и, вероятно, других форматов (не указано) означает использование разнообразных медийных форматов для представления информации.

Отсутствие материалов по определенным тегам: количество статей и новостей по тегам #РелокацияИзЯкутии и #ЭкспатЯкутия невелико, что может указывать на отсутствие выраженного интереса к этим аспектам на данном ресурсе.

SakhaNews (табл. 6) предоставляет дополнительную перспективу на медийное освещение Якутии [6]. Рассмотрим, по каким ключевым тегам присутствует наибольшее информационное внимание [6].

Из предоставленной таблицы *SakhaNews* можно сделать следующие выводы:

Общее количество упоминаний о Якутии: *SakhaNews* обладает значительным количеством упоминаний о Якутии, более 10 000, что указывает на широкий охват данной темы на ресурсе.

Таблица 6.

Упоминания в *SakhaNews*

Тэги	Количество статей
#РелокацияИзЯкутии	0
#ЭкспатЯкутия	0
#ЭмиграцияИзЯкутии	2 новости
#МиграцияИзЯкутии	0
#переезд из Якутии	0
#ЯкутскоеОбщество	647 статей
#Якутия	Более 10000 упоминаний.

Активность по темам:

#ЭмиграцияИзЯкутии: две новости о эмиграции из Якутии, что свидетельствует о наличии интереса к данной теме.

Отсутствие статей и новостей по тегам #РелокацияИзЯкутии, #ЭкспатЯкутия и #МиграцияИзЯкутии может означать, что эти аспекты могут быть менее представлены на данном ресурсе.

Форматы материалов: #ЯкутскоеОбщество: 647 статей по теме «Якутское общество», что указывает на высокий уровень интереса к социальным аспектам региона.

Массивное количество упоминаний о Якутии: более 10 000 упоминаний по тегу #Якутия говорят о высокой активности по новостному покрытию и обсуждению событий в регионе.

Отсутствие информации о переезде и экспатриации: отсутствие статей и новостей по тегам #РелокацияИзЯкутии, #ЭкспатЯкутия и #МиграцияИзЯкутии может свидетельствовать о том, что информация о данных аспектах может быть менее актуальной или не представлена на данном ресурсе.

Наконец, обратим внимание на влияние сетевого издания «Якутия 24» (табл. 7) на формирование образа Якутии в медийном пространстве и выявим, какие темы они подчеркивают в своем информационном контенте [7].

Таблица 7.

Упоминания в «Якутия 24»

Тэги	Статьи
#РелокацияИзЯкутии	1
#ЭкспатЯкутия	0
#ЭмиграцияИзЯкутии	0
#МиграцияИзЯкутии	3
#переезд из Якутии	19
#ЯкутскоеОбщество	12 статей
#Якутия	3651 статей

Из предоставленной таблицы для Сетевого издания «Якутия 24» можно сделать следующие выводы:

Общее количество упоминаний о Якутии: «Якутия 24» обладает значительным количеством упоминаний о Якутии — 3651 статья, что указывает на высокий интерес к региону и широкое покрытие событий.

Активность по темам:

#МиграцияИзЯкутии: три статьи о миграции из Якутии, что свидетельствует о наличии интереса к данной теме.

#РелокацияИзЯкутии: одна статья о релокации из Якутии.

#ЭкспатЯкутия и #ЭмиграцияИзЯкутии: отсутствие статей по этим тегам, что может указывать на то, что эти аспекты могут быть менее представлены или не являются актуальными на данном ресурсе.

Форматы материалов: #ЯкутскоеОбщество: двенадцать статей, что указывает на интерес к социальным аспектам региона.

Акцент на информации о переезде: девятнадцать статей о переезде из Якутии, что может свидетельствовать о повышенном интересе к этому аспекту и важности данной темы для читателей.

Интенсивное новостное покрытие: более 3600 статей по теме #Якутия указывают на активное новостное покрытие региона.

Обобщенный анализ по представленным таблицам о различных новостных и информационных ресурсах, касающихся Якутии, позволяет сделать сле-

дующие наблюдения:

Общий интерес к Якутии: все рассмотренные издания («Газета.ру», «Россия сегодня», «РИА Новости», SAKHALIFE.RU, SakhaNews, «Якутия 24») проявляют высокий уровень интереса к Якутии, как видно из общего числа упоминаний (в том числе статей, новостей и других материалов).

Миграция и переезд: наибольший акцент на тему миграции и переезда из Якутии замечен на ресурсах SAKHALIFE.RU и «Якутия 24», где присутствуют статьи и новости на эти темы.

Эмиграция и релокация: темы эмиграции и релокации из Якутии менее представлены в общем объеме материалов. Из всех ресурсов лишь на «Газета.ру» и SAKHALIFE.RU есть упоминания по тегу #РелокацияИзЯкутии, в то время как темы #ЭкспатЯкутия и #ЭмиграцияИзЯкутии в большинстве случаев отсутствуют.

Социальные аспекты: все издания обращают внимание на социальные аспекты, что видно по наличию материалов с тегами #ЯкутскоеОбщество и #Якутия. Этот аспект может включать в себя новости, статьи и другие форматы.

Форматы материалов: разнообразие форматов материалов (статьи, новости, аудиоматериалы, видео, фото) на большинстве ресурсов говорит о стремлении представить информацию о Якутии в различных медийных форматах.

Интенсивность новостного покрытия: все издания активно освещают события в Якутии через новостные материалы, что видно по общему количеству упоминаний и статей.

Тематические особенности: на каждом ресурсе можно выделить свои тематические акценты, например, Россия сегодня активно освещает новости, SAKHALIFE.RU уделяет внимание миграции и переезду, а «Якутия 24» ставит акцент на новости и миграцию из Якутии.

Общий анализ позволяет лучше понять тематическое покрытие и интересы читателей в различных новостных ресурсах, а также выделить акценты, на которые стоит обратить внимание при более детальном исследовании.

Заключение. Тема миграции и переезда оказалась актуальной на нескольких ресурсах, особенно на SAKHALIFE.RU и «Якутия 24». Обе платформы активно освещают вопросы, связанные с перемещением людей внутри и из Якутии, предоставляя как новости, так и статьи на эту тему. Эмиграция и релокация из Якутии оказались менее представленными темами в сравнении с общим контентом. Социальные аспекты и темы, связанные с общественной жизнью Якутии, также имеют значительное присутствие на всех рассмотренных ресурсах. Форматы материалов разнообразны на большинстве ресурсов, что свидетельствует о стремлении представлять информацию в различных медийных форматах — от статей и новостей до аудио-, видео- и фотоматериалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. — Режим доступа: <https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/> (дата обращения: 30.01.2024).
2. Газета.ру. — Режим доступа: <https://www.gazeta.ru> (дата обращения 30.01.2024).
3. РИА Новости. — Режим доступа: <https://ria.ru/> (дата обращения: 30.01.2024).
4. Россия сегодня. — Режим доступа: <https://russian.rt.com/> (дата обращения: 30.01.2024).
5. SAKHALIFE.RU. — Режим доступа: <https://sakhalife.ru/> (дата обращения: 30.01.2024).
6. SakhaNews. — Режим доступа: <https://1sn.ru/> (дата обращения: 30.01.2024).
7. Якутия24. — Режим доступа: <https://yk24.ru/> (дата обращения: 30.01.2024).

Финансово-экономический институт,
Северо-Восточный федеральный университет имени
М. К. Аммосова
Борисова У.С., кандидат экономических наук, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления персоналом
E-mail: ulsem2012@mail.ru

Финансово-экономический институт,
Северо-Восточный федеральный университет имени
М. К. Аммосова
Николаева Я. А., магистрант
E-mail: yankumi82@gmail.com

Financial and Economic Institute,
North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov
Borisova U. S., Candidate of Economic Sciences, Doctor of
Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology
and Personnel Management
E-mail: ulsem2012@mail.ru

Financial and Economic Institute,
North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov
Nikolaeva Y. A., undergraduate student
E-mail: yankumi82@gmail.com

РОЛЬ РЕДАКТОРА В РАЗВИТИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ: ОПЫТ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

О. Е. Видная

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 13 мая 2024 г.

Аннотация: в статье систематизированы данные о руководящем составе известных тамбовских изданий дореволюционного периода. В поле зрения впервые попали как руководители официальных изданий («Тамбовских губернских ведомостей» и «Тамбовских епархиальных ведомостей»), так и частных газет и журналов, выпускающихся на территории губернии с 1901 по 1917 г. В публикации поднимается вопрос о влиянии редактора на информационную политику, о формировании профессиональных компетенций и изменении его функций в разных типах изданий, подчеркивается определяющее значение фигуры редактора в развитии публицистики.

Ключевые слова: периодические издания, региональная журналистика, редактор издания, история журналистики, краеведение, Тамбовская губерния.

Abstract: the article systematizes data on the leadership of well-known Tambov publications of the pre-revolutionary period. For the first time, the heads of official publications came into view: «Tambov Gybernskie Vedomosti» and «Tambov Eparhial'nye Vedomosti», as well as private newspapers and magazines published in the province from 1901 to 1917. The publication raises the issue of the influence of the editor on information policy, the formation of professional competencies and the change of his functions in different types of publications, emphasizes the decisive importance of the figure of the editor in the development of journalism.

Keywords: periodicals, regional journalism, editor of the publication, history of journalism, local history, Tambov province.

Большое значение для изучения российской провинциальной журналистики имеет исследование стиля руководства печатным изданием. И если изначально в губернских ведомостях редактор был назначенным человеком, часто помощником губернатора, то по мере развития периодической печати, особенно в рамках формирования рынка частной прессы, руководитель издания приобретает ключевое значение в формировании его программы, целевого назначения, предметно-тематической направленности.

Актуальность изучения редакторского корпуса дореволюционных изданий подтверждается исследовательской активностью в этом направлении в последние годы. Можно отметить работы И. В. Василенко (2022) [1], С. А. Козлова (2022) [2], А. О. Коптелова (2022) [3], Ю. В. Лучинского, А. В. Осташевского, О. А. Болтуц (2021) [4], И. Д. Филонова, В. П. Зиновьева (2023) [5], В. В. Шевцова (2020) [6] и др. В них прослеживается тенденция изучения редакторского пула Российской империи и восстановления биографических фактов из жизни редакторов крупных провинциальных изданий. Цель данной публикации — пополнить список представителей журналистской профессии, которые определяли облик провинциальной периодики Тамбовской губернии, а также выявить, как формировался редакторский функци-

онал в журналистике дореволюционного периода.

Необходимость такой профессии, как редактор, в провинции осознали не сразу. Когда в губерниях в 1838 г. начали выпуск губернских ведомостей, появилась необходимость создавать редакцию. Однако процесс этот был для чиновников новым и в то же время ответственным: поэтому в первые годы на Тамбовщине этим занимался сам вице-губернатор. А. М. Замятнин взял на себя полноту ответственности за издание официальной газеты.

Судьба «Тамбовских губернских ведомостей» на протяжении всех 80 лет всецело зависела от губернских чиновников, которые, если экстраполировать их функции на современную инфраструктуру, выполняли роль своеобразной пресс-службы. Вплоть до Февральской революции и смены власти в 1917 г. контроль за официальной информацией в газете лежал на вице-губернаторах. Со временем они часто делегировали эту функцию коллежским секретарям или ассессорам, тем более что «обязанности редакторов были канцелярскими: пересматривать объявления, присылаемые от правительственных органов и от частных лиц, следить за тем, чтобы они не противоречили закону, чтобы печатная форма была такой же, как в рукописи, следить за деньгами, приносимыми частными объявлениями» [3, 41].

Когда у газеты появилась полноценная вторая часть, называемая неофициальной (в «Тамбовских

губернских ведомостях» — в 1848 г.), от редактора потребовались более сложные компетенции: «составлять материалы для неофициальной части; контролировать процесс подготовки и печати «Губернских Ведомостей»; отвечать за правильностью стиля и корректорской правки» [7].

Также в это время был создан «особый газетный стол» [8, 113] в губернских учреждениях, который занимался газетами и типографией, а его начальник отвечал за предоставление официальной информации. Имена редакторов официальной части издания зафиксированы в адрес-календарях и памятных книжках Тамбовской губернии за разные годы. А вот «Отдел второй. Часть неофициальная», который должен был содержать исторический, просветительский и другой полезный или интересный контент, редактировали чаще всего другие люди, причем определить их имена более сложно.

Есть ряд свидетельств современников о том, что функцию редактора неофициальной части в первое время выполняли чиновники по особым поручениям при губернаторе. Например, в период с 1854 по 1858 гг. газету редактировал поэт, переводчик, публицист П. И. Вейнберг, известный как «Гейне из Тамбова». Он «жил в Тамбове, служил чиновником особых поручений при губернаторе, редактировал неофициальную часть «Тамбовских губернских ведомостей» [9, 138]. Часть номеров в 1870 г. редактировал писатель Е. Салиас-де-Турнемир, который служил в Тульском окружном суде чиновником по особым поручениям при тамбовском губернаторе. Через несколько лет он стал редактором «Санкт-Петербургских ведомостей».

В «Памятной книжке редакции неофициального отдела «Тамбовских губернских ведомостей», по поводу их пятидесятилетия (1838–1888 гг.)» первым полноценным редактором неофициальной части газеты с 1859 по 1870 г. назван коллежский ассессор В. О. Поспелов [7], учитель семинарии, член губернского статистического комитета.

Иногда обе части газеты редактировал один и тот же человек: с 1866 г. обязанности смотрителя губернской типографии и начальника газетного стола выполнял А. А. Иерусалимский [10], он же с 1871 по 1873 г. — редактор неофициальной части. Также Н. П. Шамшев, редактор неофициальной части с 1876 г., а в 1878 г. — подписывал и официальную, при этом функционал редактора официальной и неофициальной частей к этому времени был уже разделен.

С точки зрения сословной принадлежности редакторы ведомостей — это часто представители дворянства, служившие на мелких чиновничьих должностях. Найти благонадежного человека, обладающего необходимыми профессиональными навыками, в провинции было непросто. «Многие редакторы газет были чиновниками, выполнявшими свою работу поверхностно, не видевшие необходимости создавать

для себя дополнительную работу путем написания статей для неофициального раздела» [3, 41]. «А ведь можно было дело организовать и так, что в издание пришли бы люди с высшим образованием, а может, даже и крупные литературные силы», — сетует современный исследователь [11, 11].

Но через некоторое время ситуация изменилась: власть стала привлекать к заведыванию газетой не только чиновников. Во многих губерниях редакторами становились преподаватели гимназий. В 1880 г. бывший преподаватель Тамбовской гимназии М. П. Григоровский принял неофициальный отдел «Тамбовских губернских ведомостей» в бедственном состоянии. В сентябре 1885 г. его сменил учитель истории, бывший исполняющий обязанности инспектора гимназии Г. М. Холодный, который работал в газете около года. В 1886 г. на его место пришел педагог, публицист, член Тамбовской архивной ученой комиссии В. В. Соловский. Именно это поколение редакторов старалось «принести пользу обществу и краю разработкою и уяснением разных общественных и местных вопросов, а также разработкою и сообщением материалов по истории, археологии, этнографии и экономии края» [7].

В 1894 г. руководство снова изменилось: официальную часть ведомостей возглавил коллежский ассессор В. П. Трескин, а неофициальную — коллежский ассессор С. Г. Кишкин [12]. Поэтому, когда в начале XX в. произошла реформа ведомостей и функции неофициальной части решили отдать частным изданиям, именно патриот и государственник присяжный поверенный С. Г. Кишкин стал издателем такой газеты. С 1907 г. он выпускал провластный «Тамбовский край» и сделал газету привлекательной для тамбовской публики.

«Тамбовские губернские ведомости» продолжали выходить вплоть до декабря 1917 г., но уже не требовали столько внимания, так как превратились, по сути, в «доску объявлений», а полноправным редактором стал «неимеющий чина» В. К. Толмачев [13].

«Тамбовские епархиальные ведомости» начали выходить на территории Тамбовской губернии в 1861 г. и стали главным печатным органом епархии на много лет. Выпуску издания содействовал епископ Тамбовский и Шацкий Феофан. Издание, кроме формирования церковных служителей, выполняло просветительские, образовательные функции. Должность редактора была назначаемой, поэтому редакторский корпус в основном складывался из ректоров семинарии, в обязанности которых входила редакторская функция.

Среди них было много прогрессивных церковных деятелей, которые оказали заметное влияние на формирование идейно-политического содержания и формальных характеристик церковного издания. Например, ректор семинарии архимандрит Геннадий, став редактором в 1866 г., реформировал

издание, значительно расширив тематику, чтобы сделать его номера интересными для современников.

Протоиерей Д. Самбикин провел системную трансформацию издания в 1872 г., обосновав это административными потребностями. Он пересмотрел периодичность «Епархиальных ведомостей», журнал стал выходить дважды в месяц, что позволило более полноценно и оперативно освещать события. Вырос общий объем издания, декларировалось пропорциональное соотношение официальной и неофициальной частей. Он определил местный материал как основу содержания неофициальной части: сочинения тамбовских архипастырей; жизнеописания местных замечательных личностей; историко-статистические описания монастырей, церквей, старинных городищ, курганов, урочищ; поучения местных проповедников; статьи по расколу, особенно относящиеся к сектам, распространенным в Тамбовской епархии; корреспонденции, касающиеся практических вопросов, из жизни местного духовенства¹.

В тот период, когда менялись ректоры в семинарии, редакторами становились преподаватели, например, дважды как бы «подхватывал» издание И. М. Сладкопевцев, преподающий логику, психологию и философию.

Были в развитии клерикального журнала периоды, когда его редакторы поощряли даже ведение полемики по вопросам государственного устройства. Примером могут служить дискуссионные статьи в период первой русской революции и после нее, во время редакторства архимандрита Феодора (Поздеевского), Симеона (Холмогорова), протоиерея Иоанна Панормова. «Они занимали консервативную позицию, однако давали возможность высказаться своим оппонентам, вступая с ними в дискуссию и привлекая других представителей духовенства епархии» [14, 173].

Несмотря на то, что церковная пресса могла использоваться как «официальное средство формирования общественного мнения по важнейшим общественно-политическим проблемам», однако этого не происходило из-за низкого уровня грамотности населения и неготовности духовенства, а также «несовершенства формы и концепции церковной периодической консервативной печати» [15, 338].

Если для официальных губернских изданий существовала система назначений, ведь редактор был обязан соблюдать особые правила выпуска официальных изданий, то с появлением частных СМИ в издательское дело стали приходиться самые разные люди, даже несмотря на то, что они тщательно проверялись полицейским управлением, учитывалось их образование, наличие денежных средств и т. п.

Выпуск одного из первых частных изданий Там-

бовщины, «Козловской газеты», в 1901 г. организовал П. П. Падучев. Выходец с Урала из семьи чиновника, выпускник учительского института Петербурга, корреспондент «Вестника Европы», «Страны», «Недели», «Сына отечества», «Исторического вестника» [16, 70], получив разрешение на издание газеты, определил задачу журналистов редакции образно: «Чтобы грязь вычистить, надо ее увидеть и показать...»².

А вот второй редактор газеты А. А. Дубинин — прямая противоположность: крестьянин с домашним образованием, имеющий неудачный предыдущий опыт газетной работы. Но как владелец типографии и компаньон он возглавил газету с 1912 г., тем более что попытки найти редактора в небольшом Козлове (ныне Мичуринск) не увенчались успехом, и постепенно сделал газету похожей на массовые издания того времени.

Найти редактора в провинции было непросто еще и по другим причинам. За статьи, которые не прошли цензуру, выписывались большие штрафы или тюремный срок, поэтому нередко редакторам приходилось сидеть в тюрьме, как, например, редактору «Тамбовского вестника» (1909 г.) потомственному дворянину Н. А. Федорову³.

Редактор издания, которое стремилось стать популярным на информационном рынке губернии, должен был быть не просто грамотным, но и творческим человеком. Один из таких — Д. И. Мызников, редактор козловской газеты «Народная Нива» (1909–1917 гг.), автор статей, стихов, стихотворных шарад. Содержание газеты отличалось качественным публицистическим содержанием, имело литературные и исторические рубрики, хотя сам редактор скромно умалчивал о своей роли и считал редакторскую должность «суетной» [17, 800].

Непосредственное отношение к издательской деятельности имел тамбовский публицист, общественный деятель, член Государственной думы от Тамбовской губернии С. В. Воейков. Считается, что он влиял на политическую направленность консервативной газеты «Тамбовский край», также выпускал и редактировал приложения к этой газете — литературные и иллюстрированные журналы «Нева» и «Улей». Дворянин и богатый землевладелец увлекался литературным творчеством: отдельными книгами выпущены его исторические очерки «Потемкин, Князь Таврический», «Екатерина Вторая»; путевые очерки «Италийские фрески»; он участвовал в издании литературного и политического журнала «Жизнь», где печатался М. Горький; сотрудничал с различными столичными изданиями.

Известна в Тамбове публицистическая деятельность будущего революционера В. Н. Подбельского, который выполнял роль неофициального редакто-

¹ От редакции ТЭВ // Тамбовские епархиальные ведомости. 1872. 15 декабря.

² Козловская газета. 1902. 8 декабря.

³ Козловская газета. 1909. 8 ноября.

ра в изданиях: «Тамбовский листок объявлений» (1911–1912 гг.), «Тамбовская жизнь» (1912–1913 гг.), «Тамбовские отклики» (1913–1914 гг.). Его журналистское мастерство сделало их популярными среди тамбовцев. Под псевдонимами В. Торин, Бука, В. Ронский, Петр Титуляркин — Подбельский писал критические публикации, фельетоны, иронические заметки, серьезные аналитические статьи, находил новые формы подачи информации, определяя прогрессивный характер этих изданий.

Научная публицистика в губернии зародилась благодаря председателю Тамбовской архивной комиссии И. И. Дубасову. Он известен как автор научных и краеведческих публикаций в «Тамбовских губернских ведомостях» и «Тамбовских епархиальных ведомостях», а в 1887 г. инициировал выпуск журнала «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии».

Не осталось незамеченной просветительская деятельность дирижера, общественного деятеля П. Н. Бигдаш-Богдашева, который выпускал музыкальный журнал «Баян» (1907–1909 гг.). Уникальность журнала для регентов и учителей пения в том, что он был «первым музыкальным узкопрофессиональным изданием» [18, 207].

Благодаря еще одному тамбовскому энтузиасту — учителю городского тамбовского училища А. И. Алтухову выпускался журнал «Тамбовский народный учитель» (1909 г.). Однако журнал просуществовал всего лишь один год, так как редактору не хватило средств и опыта для продолжения дела.

Специалисты-аграрии использовали свой опыт для издания специализированной прессы. Тамбовское сельскохозяйственное общество выпускало журнал «Сельскохозяйственная жизнь» (1912–1916 гг.), ответственным редактором которого был избран «кандидат сельского хозяйства» П. П. Тихобразов. В 1913 г. и в Шацке был похожий журнал «Шацкое хозяйство. Сельскохозяйственный листок», редактором которого стал член императорского Вольного экономического общества А. В. Белевич⁴.

Анализ редакторского корпуса официальных газет в XIX веке и частных изданий начала XX в. показывает определенные различия. Редакторский состав «Тамбовских губернских ведомостей» и «Тамбовских епархиальных ведомостей» более однородный: в первом случае — это дворянское сословие, крупные губернские чиновники, преподаватели учреждений образования, во втором — священнослужители, выполняющие еще и педагогическую нагрузку.

А вот частные газеты в губерниях открывали мещане, которые могли быть бывшими крестьянами или мелкими ремесленниками, крестьяне, иногда — дворяне, реже — купцы. Среди представителей редакторов и издателей СМИ Тамбовской губернии

начала XX в. зафиксировано следующее происхождение: дворянство (7 чел.), духовенство (1 чел.), крестьянство (8 чел.), мещанство (20 чел.), почетные граждане (5 чел.), купцы (2 чел.).

Важно также и упоминание профессиональной принадлежности людей, берущих на себя смелость «заботиться и посвятить себя проведению полезных идей в общество, заняться его воспитанием» [19, 343]. Мы видим, что среди редакторов известных в губернии изданий есть педагоги (7 чел.) и юристы (3 чел.), музыканты (3 чел.) и литераторы (4 чел.), чиновники (24 чел.); специализированные журналы возглавляли ученые, занимающиеся историей, краеведением, сельским хозяйством, статистикой (4 чел.). А вот несколько человек — организаторов изданий — вообще не имели никакого образования и профессии.

В список тамбовских редакторов попали и две женщины: редактор «Козловской жизни» — Л. М. Кожевникова, жена почетного гражданина города Козлова (Мичуринска), и редактор «Тамбовского края» О. Л. Кишкина.

Данный анализ дает представление о том, как менялось значение редактора в провинциальной журналистике и социальный статус руководящего корпуса. В начале становления системы периодических изданий в губернии, когда основным органом печати были губернские ведомости, редакторские обязанности возлагались на чиновников, что предполагало особую ответственность за информацию. Издание газеты было делом обязательным, руководство газетой часто предполагало совмещение с другими административными обязанностями. Постепенно стало ясно, что редакторская работа — это отдельный вид деятельности, обеспечивающий не только формальный и непротиворечащий инструкциям выпуск печатного СМИ, но и возможность быть неким «указанием направления провинциальной интеллигенции» [19, 343].

При активном развитии издательской деятельности запрос на получение разрешения на печать газеты или журнала в провинции стали делать прогрессивные и предприимчивые члены регионального сообщества, среди которых была разнообразная по сословному и профессиональному составу городская публика. Частная пресса, типологически насытившая провинциальный печатный рынок, предъявила новые требования и к редакторам, которые должны были вести и литературную, и коммерческую деятельность одновременно, определять стратегию взаимодействия с аудиторией. В провинциальном обществе появлялся такой тип редактора, который выстраивал идейно-творческую концепцию издания в соответствии со своей гражданской позицией, удовлетворяя информационные интересы формирующейся вокруг издания аудитории, превращаясь в интеллектуальную элиту региона.

⁴ Государственный архив Тамбовской области. Ф. 4. Оп. 1. Дело 8407.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василенко И. В. Уездные СМИ Новгородской губернии начала XX века: обзор авторов / И. В. Василенко // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2022. — № 4 (43). — С. 366–370.
2. Козлов С. А. Авторы официальных изданий Новгородской губернии (1838–1920) / С. А. Козлов // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2022. — № 4 (43). — С. 380–383.
3. Коптелов А. О. Деятельность А. И. Герцена как редактора «Владимирских губернских ведомостей» / А. О. Коптелов // Вестник магистратуры. — 2022. — № 7 (130). — С. 40–43.
4. Лучинский Ю. В. Редакторский корпус газеты «Кавказ» в первое десятилетие XX века: трансформация информационной политики / Ю. В. Лучинский, А. В. Осташевский, О. А. Болтуц // Известия ЮФУ. Филол. науки. — 2021. — № 4. — С. 194–206.
5. Филонов И. Д. Редакторский состав газеты «Сибирский вестник» (1885–1905 гг.) / И. Д. Филонов, В. П. Зиновьев // Вестник Томского государственного университета. — 2023. — № 491. — С. 132–137.
6. Шевцов В. В. Редактор неофициальной части «Томских губернских ведомостей» Д. Л. Кузнецов как «предобластник» / В. В. Шевцов // Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований. — Барнаул, 2021. — С. 259–267.
7. Соловский В. В. Памятная книжка редакции неофициального отдела «Тамбовских губернских ведомостей», по поводу их пятидесятилетия (1838–1888 гг.) / В. В. Соловский. — Тамбов, 1888. — Режим доступа: <https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=107.26#n=0> (дата обращения: 01.03.24).
8. Шевцов В. В. Губернские ведомости в законодательстве Николая I / В. В. Шевцов // Вестник Томского государственного университета. — 2008. — № 308. — С. 110–115.
9. Желтова Н. Ю. Литературная регионалистика / Н. Ю. Желтова. — Тамбов, 2021.
10. Памятная книжка Тамбовской губернии на 1866 год. — Тамбов, 1866. — Режим доступа: <https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=4341> (дата обращения: 17.03.24).
11. Мандрика Ю. Л. Тайна «Губернских ведомостей»: к истории первых повременных изданий Российской провинции (1857–1917 гг.) / Ю. Л. Мандрика // Библиосфера. — 2012. — № 2. — С. 9–14.
12. Памятная книжка Тамбовской губернии на 1894 год. — Режим доступа: https://istmat.org/files/uploads/57167/1894_pamyatnaya_knizhka_tambovskoy_gubernii.pdf (дата обращения: 17.03.24).
13. Адрес-календарь Тамбовской губернии на 1911 год. — Тамбов, 1911. — Режим доступа: <https://elibrary.tambovlib.ru/?id=ebook.htmlbook.465> (дата обращения: 19.03.24).
14. Поздняков В. Ю. Полемика на страницах «Тамбовских епархиальных ведомостей» в начале XX века / В. Ю. Поздняков // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. — 2021. — № 1 (14). — С. 172–192.
15. Лисюнин Иерей Виктор. Просветительская функция православного духовенства в конце XIX — начале XX в. / Лисюнин Иерей Виктор // Вестник ТГУ. — 2011. — № 2. — С. 335–343.
16. Шмаков А. А. В литературной разведке / А. А. Шмаков. — Челябинск, 1973.
17. Видная О. Е. Специфика становления системы региональной печати в начале XX века (на примере Тамбовской области) / О. Е. Видная // Неофилология. — 2022. — Т. 8. — № 4. — С. 796–805.
18. Казьмина Е. О. Музыкальная культура Тамбовского края. 1786–1917. — Тамбов, 2009. — Ч. 1.
19. Российская провинциальная частная газета. — Тюмень, 2004.

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

*Видная О. Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью
E-mail: olga0871@mail.ru*

*Tambov State University named after G. R. Derzhavin
Vidnaya O. E., Candidate of Philology, Associate Professor of the of Journalism, Advertising and Public Relations Department
E-mail: olga0871@mail.ru*

МЕТОДЫ, ИНСТРУМЕНТЫ И ЦЕЛИ ПРОПАГАНДИСТСКИХ КАМПАНИЙ НСДАП В 1933–1939 ГОДЫ

Г. Ф. Вороненкова, К. В. Кирик

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 13 мая 2024 г.

Аннотация: *статья представляет собой сравнительный анализ методов, инструментов и целей пропагандистских информационных кампаний НСДАП в 1933–1939 годы, а также исследует предпосылки успеха пропаганды идеологии национал-социалистов в Германии второй трети XX века.*

Ключевые слова: *Германия, НСДАП, Третий рейх, милитаризм, тотальная война, манипулирование, психологическая мобилизация, информационная война.*

Abstract: *the article is a comparative analysis of methods, tools and goals of the NSDAP propaganda information campaigns in 1933–1939, and also explores the background reasons for the success of the ideology of the National Socialists in Germany in the 1930s.*

Keywords: *Germany, the NSDAP, the Third Reich, militarism, total war, manipulation, psychological mobilization, information warfare.*

Введение. Предпосылки и актуальность исследования. Инструменты пропаганды, и в частности пресса Германии 1933–1939 гг., и по сей день привлекают внимание как исследователей, так и широкой публики: общества, СМИ и политики. Преступления диктатуры Национал-социалистской германской рабочей партии (НСДАП) вызывают у людей эмоциональный ужас, поэтому неудивительно стремление исследовать вопрос, как пропаганде Третьего рейха удалось в короткий срок распространить идеи расового превосходства, милитаризма и тотальной войны на уничтожение среди жителей страны, которая не была изолирована от остального мира.

Многие исследователи пропаганды НСДАП и холокоста пишут о феномене «расчеловечивания» жертв террора, развернувшегося в Германии в 1930–1940-е гг. [1–9]. Очень важную роль в изучении этой трагической страницы истории человечества играют исследования нацистской пропаганды в Германии 1933–1939 гг. через призму работы СМК.

Важно установить и понять не только экономические, социальные и исторические причины, которые сформировали из немецкого общества тех времен благодатную почву для идей «расчеловечивания врага», но и «инструментарий», конкретные методы работы нацеленной на жителей страны пропаганды Третьего рейха. Важно исследовать, на каких страхах, общественных «комплексах» и настроениях сыграла пропагандистская пресса, которой успешно и в короткий срок удалось привить и широким массам, и многочисленным интеллектуалам античеловечные и жестокие идеи. Это важно в том числе для

того, чтобы понять, какие инструменты массовых коммуникаций стоят сегодня за ростом популярности праворадикальных партий и движений в современной Европе и в Германии в частности.

Следует подчеркнуть, что 12 лет фашистской диктатуры, то есть менее одного поколения, если брать за отсчет поколение 20–25 лет, — это не тот период времени, в который массовое сознание могло быть сформировано исключительно в условиях тотального контроля нацистов над СМК, образованием, наукой, общественной и политической жизнью. В исследованиях работы немецкой нацистской пропагандистской прессы следует исходить из того, что это была работа по реформатированию сознания в том числе.

За короткий срок системе нацистской пропаганды удалось изменить у значительной части населения существовавшую в их сознании картину мира и систему ценностей. Для многих особенный ужас представляет тот факт, что диктатура НСДАП и ее античеловечные идеи были поддержаны и псевдонаучным образом оправданы многими немецкими учеными и интеллектуалами, взросление и становление мировоззрения которых состоялось значительно раньше захвата нацистами контроля над средствами массовой информации и сферой образования и которые, по меньшей мере до прихода к власти НСДАП, имели возможность состоять в свободной переписке, а также вступать в личный контакт во время поездок и встреч с интеллигенцией и представителями научного сообщества других стран, то есть обменивались мыслями и идеями с внешним миром [10; 11].

Предлагаемая статья фокусируется на манипулировании страхами общества и ставит целью вы-

делить, на какие темы, вызывавшие эмоциональную реакцию у той части общества, на поддержку которой рассчитывала опираться НСДАП, делали акцент германские средства массовой информации в период 1933–1939 гг., а также какими именно инструментами манипулирования массовым сознанием через страх нацистская пропаганда достигала эффекта видимой консолидации общества вокруг идей реваншизма и милитаризма.

Объектом изучения в данной работе является феномен успеха и эффективности пропаганды Третьего рейха в СМК по изменению сознания немецких граждан, а именно по «расчеловечиванию» врага, поддержке курса на милитаризацию и впоследствии тотальной войны на уничтожение. Мы выдвигаем гипотезу, что манипулирование массовым сознанием происходило через эксплуатацию страхов и экзистенциально важных для граждан тем в СМК (прежде всего в печатной прессе), а также что централизованная машина нацистской пропаганды тем не менее успешно учитывала различия в потребностях и интересах разных слоев населения и умела работать с разными аудиториями. Предметом изучения выступают информационные кампании НСДАП в 1933–1939 гг. Таким образом, авторы исходят из того, что одними из главных инструментов пропаганды НСДАП были манипуляции страхами и рессентиментом, что характерно для манипулирования массовым сознанием в фашистских режимах в целом [8–9].

Актуальность исследований инструментов нацистской пропаганды проявляется в возвращении в современный общественный дискурс как интереса к особенностям нацистского режима в Германии и фашистским режимов в Европе в середине XX в., так и к феномену политической пропаганды. Крайне важно понимать, что в общественной дискуссии эти темы очень часто затрагиваются в крайне эмоциональном контексте, что приводит к возникновению мифов вокруг этих исторических событий и феноменов, а также к определенной «идеологизации» дискурса. В данной статье мы стремимся избежать как эмоционального отношения к изучаемому предмету, так и попыток неоправданного обобщения. Научный и аналитический подход к изучению болезненных для общества тем необходим, и его значение невозможно переоценить, так как исследования, начинаемые без готовых выводов, препятствуют как «мифологизации», так и «идеологизации» феноменов.

Экономическая и политическая ситуация в Германии к началу 1930-х гг. Чтобы изучить инструментарий нацистской пропаганды, нужно понять, какие экономические и политические условия существовали в Германии в начале 1930-х гг., кто являлся центральной целевой аудиторией пропаганды НСДАП и какие цели ставила гитлеровская диктатура.

Важно отметить, что к концу 1920-х гг. Германия имела систему начального, среднего и высшего обра-

зования, широкий круг интеллигенции и интеллектуалов, передовую для своего времени науку, а также опыт проведения выборов с равным избирательным статусом у женщин и мужчин и, соответственно, участия граждан в политическом процессе. Первые университеты в Германии появляются уже в XIV–XV вв. и быстро становятся движущей силой для развития европейской науки, одним из важных общественных институтов, площадкой для обмена мнениями и формирования класса интеллектуалов [12–13]. Крайне важно отметить, что с момента возникновения немецкие университеты массово привлекали также интеллектуалов из других стран своей демократичностью и интернациональным характером.

В то же время в германских княжествах сравнительно рано складывается передовая система школьного образования. Благодаря ученику Мартина Лютера Филиппу Меланхтону в Германии появляются первые гимназии, а Королевство Пруссия в XVIII в. становится одним из первых государств, где была введена система бесплатного и в целом доступного широкого массам начального образования. Уже в XIX в. в Пруссии ввели аттестационные требования к учителям, которые хотели преподавать в начальных и средних школах, а также были созданы педагогические колледжи, дающие будущим учителям стандартизированное и качественное образование, что не могло не сказаться положительно на уровне образования населения в целом, а также увеличении числа школ. В 1872 г., через год после образования единого Германского государства, для предоставления женщинам возможности получения полного среднего образования были созданы отдельные школы. Существующая до сих пор система четырех типов школ, подготавливающих учеников для разных профессиональных путей, сложилась в Германии уже в конце XIX в. и сделала вклад в скорое индустриальное развитие страны, так как делала школьное образование популярным и престижным среди родителей, не боявшихся более, что дети потеряют время, получая неприменимые в будущем знания. А Веймарская республика ввела стандартизированное бесплатное четырехлетнее начальное образование, после которого учеников распределяли в средние школы в зависимости от их успехов [6].

Таким образом, сложившаяся в Германии к XX в. система образования позволяла говорить о ней как о центре европейской науки. Немецкий язык считался языком общения между людьми, занимающимися интеллектуальной деятельностью, и был обязателен для изучения всеми, кто хотел заниматься наукой, в том числе для возможности читать в оригинале передовые исследования. Кроме того, крайне важно отметить, что труды немецких ученых и философов во второй половине XIX — начале XX вв. положили начало целому ряду новых социальных наук и научных отраслей [11]. Не представляется возможным

сомневаться в том, что к первой четверти XX в. германское общество отличалось достаточно высоким уровнем образования, а также тематически разнообразным научным дискурсом.

Также к концу XIX в. в Германии, несмотря на сопротивление кайзеровского правительства, обвиняющего либеральную прессу в революционных настроениях и угрозе государственности, формируется востребованная аудиторией оппозиционная пресса, в том числе левые, близкие социал-демократам и коммунистам издания, которые критически настроены по отношению к власти и «пропрусским» консервативным газетам. В 1919 г. в Веймарской конституции была закреплена свобода слова, что способствует возникновению еще большего числа либеральных и левых газет. В 1920-е гг. Германия становится мировым лидером по количеству издаваемых газет и журналов [12–14]. Важно подчеркнуть, что характерной чертой германской журналистики, актуальной и на сегодняшний день, является региональность: большинство печатных изданий имеют региональную привязку. Однако экономический кризис начала 1930-х гг. наносит прессе непоправимый урон: многие издания закрываются еще до того, как НСДАП с приходом во власть в 1932–1933 гг. разворачивает кампанию против оппозиционной левой прессы [12–13; 15].

Хотя на сегодняшний день как научному сообществу, так и широкой общественности, очевидна антинаучность идеологии нацистов, во время нахождения у власти НСДАП, она тем не менее подкреплялась партийной элитой и пропагандистскими институтами именно псевдонаучной аргументацией, апеллирующей якобы не к эмоциям реципиентов, но к их рациональности. В связи с этим представляется интересным изучить, какие предпосылки имели влияние на чувствительность германского населения к нацистским идеям, с одной стороны, и какие методы влияния на общественное сознание использовала нацистская пропаганда, с другой стороны.

Германское общество в начале 1930-х гг. Следует определить целевую аудиторию нацистской пропаганды в начале 1930-х гг. Согласно современным научным представлениям о фашистских течениях, они пытаются опираться на широкие массы, которым близки консервативные и ультраконсервативные идеи, в особенности идеи реваншизма, что объясняет рост популярности праворадикальных партий и объединений в кризисные времена. Согласно Умберто Эко, фашистские движения опираются на «на фрустрированные средние классы, пострадавшие от какого-либо экономического либо политического кризиса и испытывающие страх перед угрозой со стороны раздраженных низов». Также У. Эко выделяет так называемый люмпен-пролетариат, то есть маргинальные слои населения, оказавшиеся в определенной экономической и социальной

изоляции из-за каких-либо потрясений. Следовательно, как средним классам, опасавшимся в результате нестабильности обстановки за свое имущество, так и тем, кто лишился своего имущества и считает, что ему нечего терять, кажутся привлекательными идеи возвращения к величию прошлого, отобранному внутренними и внешними врагами, культ мужественности и милитаризм. Отметим, что пользуемся здесь определением У. Эко, связанным с характеристиками фашистских течений, рассматривая нацизм как одну из форм фашизма, отличающуюся опорой на идеи расизма [3–4].

После того как определена аудитория, на которую были нацелены информационные кампании нацистской пропаганды, необходимо прояснить вопрос о том, в каких социальных и экономических условиях существовало немецкое общество в начале 1930-х гг. Безусловно, идея об «унизительности» Версальского договора, заключенного по итогам Первой мировой войны и возложившего полную ответственность за общемировую трагедию на немецкий народ, «сговора» стран против Германии и для сдерживания ее развития не была вброшена в общественный дискурс только НСДАП [16].

Территории, потерянные в результате проигрыша в Первой мировой войне, в пользу Польши, Чехословакии и Дании, фактическая потеря армии и права на современное вооружение, объявление отдельной статьей Версальского мира Германии главным виновником войны, а также непосильные для разрушенной экономики контрибуции с закреплением за Францией права оккупировать часть Германии, если та не будет выплачивать в срок, — все эти темы поднимались большинством немецких политиков и национальных СМИ того времени. Социал-демократы точно так же заявляли о необходимости пересмотра Версальского договора, однако не достигли к началу 1930-х гг. на дипломатической арене никаких значительных успехов в этом деле [16]. Тем временем в среде военной элиты популяризировалась идея «удара в спину» и предательства внутреннего врага как причины поражения в Первой мировой войне [2–3].

Кроме того, не стоит забывать о роли мирового экономического кризиса конца 1920-х — начала 1930-х гг., крайне тяжело ударившего по Германии. Экономика страны, которая начала постепенно и с трудом восстанавливаться после войны, в частности благодаря торговле с Советским Союзом, плохо выдержала новый удар, население было чрезвычайно недовольно выросшей безработицей и становилось легкой целью для пропаганды, критикующей действующее правительство и обвиняющей в экономических проблемах внешних врагов и предателей внутри немецкого общества. В начале 1930-х гг. экономика Германии находится в глубоком кризисе, вызванном как непосильными обязательствами в связи с Вер-

сальским договором, заключенным после Первой мировой войны, так и вследствие глобальной экономической депрессии. Результатом этого кризиса стала массовая безработица: на начало 1933 г. число безработных превышает 6 млн. человек (около 9% от общего населения страны). Безработица, инфляция и нестабильность вызывают у среднего класса и рабочих недовольство и страх, а также недоверие к правительству и институтам. Именно на фоне панических настроений в обществе в бундестаг избирается Национал-социалистическая рабочая партия (НСДАП) во главе с Адольфом Гитлером (1889–1945). После избрания в парламент НСДАП сперва сотрудничает с демократическими и либеральными партиями и государственными институтами, провозглашая лишь одну цель — экономическое развитие страны [12–13].

Концепция «тотальной войны» и «психологической мобилизации». Особого внимания в этой связи требует концепция «тотальной войны», разработанная генералом кайзеровской армии Эрихом Людендорфом. Согласно этой концепции, тотальная война подразумевает участие всей нации в военных действиях (всеобщая мобилизация, работа индустрии на нужды армии), использование всех доступных ресурсов для преследования военных целей, перевод экономики на военные рельсы и подчинение общественной жизни и общественного дискурса темам войны. Здесь следует выделить, что, согласно Людендорфу, ответственность за поражение государства в тотальной войне будет нести не только и не столько военное и политическое руководство, но и все население, так как оно, согласно концепции тотальной войны, не оказало армии требуемую материальную и моральную поддержку. Данная концепция имела большую популярность среди элиты НСДАП, членом которой в течение короткого времени в начале 1920-х гг. являлся и сам Людендорф [1].

Таким образом, политика нацистской диктатуры, и в частности деятельность Имперского министерства народного просвещения и пропаганды, как считают многие исследователи, изначально вела линию подготовки экономики и общества к тотальной войне, чему в том числе способствовало культивирование реваншизма и «расчеловечивание» «внутреннего врага» как первый этап перед таким же «расчеловечиванием» врага внешнего [1–3; 21]. В связи с этим есть основания утверждать, что в период с 1933 по 1939 г. нацистской пропагандой велась подготовка к сплочению народа вокруг одной идеи — войны на уничтожение с целью так называемого расширения «жизненного пространства» на Востоке.

В своем исследовании «Мобилизация для тотальной войны», изданном в 1976 г., Ютта Сивоттек называет деятельность НСДАП в информационной сфере «психологической мобилизацией» германского народа и выдвигает тезис о том, что подготовка

к войне была четко спланированной кампанией, проводимой во всех существовавших на тот момент средствах массовой информации (пресса, радио, кино, литература, театр, пропаганда в образовательных учреждениях и на рабочих местах), а также основывавшейся на специально разработанных теоретических основах. «Новая теория войны также была перенята национал-социалистами и использована для нападок на державы-победительницы в Первой мировой войне, а также на старый имперский и новый веймарский режимы. Поэтому было вполне логично, что после прихода к власти Гитлер в своих программах заявлял отдал приоритет психологической мобилизации немецкого населения против внутренних и внешних врагов и уже в первые месяцы после прихода к власти создал обширный и разветвленный пропагандистский аппарат для этой цели» [1, 238]. Также, согласно Сивоттек, создавались отдельные институты, целью которых была именно пропаганда необходимости достижения государственных целей военным путем среди германских граждан, причем с фокусом на конкретные аудитории (создание отдельных кафедр по военной науке или открытие ставок специалистов по военному делу в университетах с учетом специфики разных научных областей, учреждение Общества по военной политике и военной науке).

Информационные кампании нацистской пропаганды и их цель. Под понятием «пропаганда» в конкретном случае рассматривается распространение искаженной или ложной информации с целью формирования у общества нужной картины и манипулирования общественным сознанием. Нацистская пресса и публицистика активно и успешно продвинула миф о том, что в проигрыше Германии в Первой мировой войне и, следовательно, в бедственном экономическом и социальном положении страны виновны антигерманская пропагандистская кампания государств-врагов, которая ослабила боевой дух армии на фронте и веру народа в победу в тылу, а также действия внутренних предателей и провокаторов, прежде всего евреев и коммунистов [2–3].

Для влияния на массовое сознание НСДАП сосредоточивает под своим контролем средства массовой информации, активно используя для этого и кампании травли, и репрессивный аппарат, и инструментализирует такие достижения технологического прогресса того времени, как массовая печать, радиовещание, общественные кино- и телепросмотры. Особую роль играет ораторский и демагогический талант самого фюрера. Подчеркивая историческую континуальность ценностей германского народа, мнимую преемственность философской мысли, А. Гитлер активно привлекает во время выступлений перед большими аудиториями в свои «союзники» И. Канта и Г. Гегеля [17]. Кроме того, в борьбе за общественное мнение А. Гитлер постоянно подчеркивает, что

он придет к власти только конституционным путем: «Всякое легальное признание происходит медленно <...>, но рано или поздно мы будем иметь большинство, причем во всей Германии». Таким образом, НСДАП создает в массовом сознании заблуждение, что, раз сосредоточение власти в одних руках происходит якобы демократическим путем, А. Гитлер и его партия пользуются широкой и безусловной народной поддержкой, а против их политики выступают только враги народа и его процветания [18, 121].

Живым воплощением нацистской пропагандистской машины был создатель и глава Рейхсминистерства народного просвещения и пропаганды (13 марта 1933 г.) Йозеф Геббельс. Крайне важно отметить, что Геббельс был по сути не только практиком манипулирования массовым сознанием, но и теоретиком. Министерство под его началом занимается не только пропагандой, но и исследованием методов и инструментов для ее воплощения [1; 3; 12–13]. В частности, НСДАП активно использовала последние достижения технологий. Так, Геббельс продвигал псевдодемократическую идею о том, что каждый гражданин должен иметь возможность (однако и обязанность) ежедневно слышать голос своего лидера («Слово фюрера в каждое учреждение, в каждый дом!»). Для этих целей была развернута массовая продажа радиоприемников [5; 22].

Одним из главных и самым трагически известным столпом германского национал-социализма стал антисемитизм. С одной стороны, антисемитизм не был чужд Германии и Европе того времени в целом, однако именно в лозунгах и политике НСДАП он приобретает совершенно античеловечный масштаб [7–8]. Также на смену достаточно открытой и нацеленной на сотрудничество внешней политике и демократическим лозунгам Веймарской республики приходят жесткие антизападные идеи [1; 12]. А. Гитлер и его партия ищут опору в среде правых радикалов, а также крупного капитала, по интересам которого ударили условия Версальского договора, в то время как потенциальный военный пересмотр итогов Первой мировой войны сулит промышленности подъем доходов [1; 8].

Созданная нацистами «машина» направила свои усилия на террор еврейского народа. Уже 20 апреля 1923 г. была создана газета *Der Sturmer*, редактором которой стал Юлиус Штрайхер. Издательство Штрайхера печатало антисемитские книги. Воплощением борьбы против евреев стала книга *Der Giftpilz* («Ядовитые грибы»), которая предупреждала об опасности, которая якобы исходила от евреев. В этой связи нужно подчеркнуть, что выбранный нацистской пропагандой внутренний враг не был недавно сложившимся в обществе классом или сконструированным абстрактным образом иностранных шпионов. Евреи, поражение которых в правах начинается с первых лет прихода НСДАП к власти, — это народ, переселе-

ние которого на территорию Германии началось еще в Средние века и который был тесно интегрирован в экономику, общество, культурную и политическую жизнь страны. «Расчеловечены» как палачами, так и молчаливыми согласными были не «внешние враги», а сограждане, хорошо знакомые им из повседневной и общественной жизни [7–8; 20].

15 сентября 1935 г. на съезде НСДАП были приняты так называемые «Нюрнбергские законы», которые окончательно закрепили поражение еврейского населения страны в правах и их правовое и социальное положение как «недолюдей» — так называемых «унтерменшей». «Закон о гражданстве» лишил евреев политических прав, «Закон о защите немецкой крови и немецкой семьи» запрещал браки евреев с арийцами и вводил понятие «нанесение ущерба расе». По мнению историков, античеловечное законодательство не встретило сопротивления среди широких масс и не вызвало протестов в связи с долгой работой над массовым сознанием, в котором закреплялись идеи враждебности еврейского населения немцам через театр, кинематограф, литературу и прежде всего СМИ [1; 12].

Также крайне важно отметить, что террор в Германии с приходом к власти диктатуры НСДАП начинается с преследования не только евреев, но и коммунистов, а позднее социал-демократов, консерваторов и либералов — основных политических конкурентов партии Адольфа Гитлера и его курса на милитаризацию страны и на военный, а не дипломатический пересмотр Версальского мира 1919 г. Коммунисты и социал-демократы пользовались, соответственно, значительной поддержкой немецких избирателей, сравнимой в начале 1930-х гг. с поддержкой НСДАП, однако жестокие репрессии против членов Коммунистической партии Германии и их сторонников, а также вытеснение социал-демократов из политической борьбы, в том числе путем преследования членов партии и ее сторонников, не вызвали в результате прослеживаемого бурного общественного отторжения или осуждения [3].

Разочарованные положением страны после подписания Версальского договора и вымотанные экономическим кризисом средние классы и маргинальная часть немецкого общества были центральной аудиторией нацистской пропаганды, однако ученые, специализирующиеся на изучении истории Третьего рейха и европейских фашистских режимов, отмечают, что интересы широкой общественности не ставились НСДАП во главу угла. Настоящей политической и экономической опорой партии, установившей в государстве диктатуру, была военная элита и крупные промышленники [1; 3]. Именно в их интересах и был взят курс на пересмотр итогов Первой мировой войны военным путем, а также на расширение «жизненного пространства» для получения ресурсов, право на которые якобы было отобрано у гер-

манского народа [8]. В пользу этого говорит также очевидное противопоставление нацистской идеологии левым идеям, продвижение которых, безусловно, ставило под угрозу само существование зажиточных предпринимателей и крупного частного бизнеса: так, интернационализму Коммунистической и Социал-демократической партий противопоставлялись агрессивный национализм и расовая теория.

Крайне важным представляется тот отмечаемый многими исследователями факт, что НСДАП сознательно занималась исследованием теории пропаганды (1; 3; 12–13). Так, изобретением Геббельса в области теории пропаганды являлась формулировка «вундерваффе» (*Wunderwaffe*) — «загадочное» (чуждое, секретное) «оружие», что подразумевало под собой, что массам можно транслировать не подкрепленную доказательствами и фактами информацию, которая, однако, вызывала бы желание у людей верить в нее, так как сулила бы успехи и победу. Соответственно, те интеллектуалы, которые ставили бы эту информацию под сомнение, вызывали бы раздражение, так как по сути выражали бы сомнение насчет будущего процветания нации. По теории Й. Геббельса, обыватель «не способен проверить реальность даже таблицы умножения, а уверовать во что-то великое, таинственное и всепобеждающее готов в любой момент» [23]. Таким образом, реципиенту информации внушалось: «не думай — делай», что и должно было превращать его в винтик нацистской системы [5]. Простые, четкие, ясные и обязательно позитивные для реципиента «истины» должны были воодушевлять и льстить. Не отрицая реальности знания, нацисты категорически противопоставляли ему веру и доводили ее могущество до абсолюта. Й. Геббельс утверждал: «Худший враг любой пропаганды — интеллектуализм». Гитлер подчеркивал, что «для политической партии партийные принципы являются тем же, чем для веры — догмы».

Свою позицию по поводу задач СМК Й. Геббельс сформулировал в 1933 г. следующим образом: «...мы должны разъяснить народу, почему такая ситуация, разъяснить так, как это есть, почему мы должны принять меры, чтобы это положение изменить. Я уже не раз подчеркивал, что пресса должна не только информировать, но и инструктировать. Я адресую эти слова прежде всего национальной прессе. Господа! Вы сможете находиться в том идеальном состоянии, когда пресса будет так великолепно организована, что станет в руках правительства роялем, на котором оно сможет играть, чтобы стать чрезвычайно важным инструментом влияния на массовое сознание, которому правительство служит своим ответственным и нелегким трудом» [17]. Исследователи считают, что вместо теории государства у Гитлера и его сподвижников была «психопатическая форма государственной централизации», которую в области СМК успешно воплотил в жизнь Геббельс, исполь-

зуя формулу «мастерской режиссуры общественной жизнью» [17; 19, 129].

Цели централизации достигались и посредством законов о прессе [2–3; 23]. Назовем лишь некоторые из них. 22 сентября 1933 г. был принят закон «Рейхскаммергезетц» о создании рейхспалат (ведомств). Рейхсминистр культуры Макс Аманн, на которого была возложена реализация закона, подчинялся напрямую министерству народного просвещения и пропаганды и получил звание «рейхслайтера прессы НСДАП» [24, 10].

Следующим шагом к централизации системы СМК было создание самостоятельных палат по делам прессы, радио, кино, литературы, театра, музыки, изобразительного искусства. Журналисты были обязаны регистрироваться в палате по прессе, что было записано в § 4 распоряжения от 1 ноября 1933 г.: «Каждый, кто участвует в подготовке, передаче, духовной или технической разработке печатных продуктов, должен стать членом Палаты» [24]. Без этой регистрации, то есть без получения государственного одобрения заниматься журналистской деятельностью, граждане не имели права заниматься распространением информации через печать или иные медиа.

Согласно «Закону о редакторах» от 4 октября 1933 г., издатели лишались права принятия самостоятельных решений в области редакционной политики. Эти функции передавались особым, одобренным НСДАП редакторам, являвшимся «носителями общественных интересов». Профессия журналиста же становилась «связанной с государством профессией», в связи с чем журналист был обязан иметь «арийское происхождение» и бороться со всем, что вредит «чести и достоинству немцев» [12; 19, 132]. Распоряжением от 3 июля 1500 издателей лишили прав на издательскую деятельность из-за «неисполнения новых требований». 24 апреля 1934 г. Аманн распространил три новых распоряжения, еще более усугубивших положение прессы и получивших название «об уравнивании газет». Первое касалось «закрытия газетных издательств с целью устранения нездоровой конкуренции»; второе — запрета «скандальных» газет объявлений; третье — «аризации, декоммерциализации, деконфессионализации и десубвентизации» немецкой прессы. Под «аризацией» подразумевалось увольнение из газет редакторов и журналистов еврейской национальности и коммунистических убеждений [24, 52]. В пункте «а» было записано, что «для всех издателей, которые не смогут представить доказательство своего арийского происхождения до 1800 г., а также арийское происхождение своей супруги», членство в рейхссоюзе газетных издателей, как и в рейхспалате по прессе исключается [24, 52].

Одним из основных методов подчинения или устранения неугодных изданий было экономическое

давление. Делалось это поэтапно. Газету принуждали публиковать партийные ведомственные сообщения, и она теряла своих читателей. Якобы из-за этого следовал бойкот рекламодателей, что лишало издательство жизнедеятельности. Одновременно началась кампания травли в партийных газетах. Издатель был вынужден идти на любые условия [25–26].

Внимания заслуживают также кампании, развернутые в 1930-е гг. против отдельных народов, которые якобы преследовали цели унижения и сдерживания Германии в развитии. Согласно монографии Ю. Сивоттек, аннексии Судетской области в 1938 г. предшествовала пропагандистская кампания в СМИ против Чехословакии, которая конструировала образ судетских немцев как жертв дискриминации по национальному признаку и должна была потенциально создать настолько угрожающий образ соседнего государства, чтобы политическое разрешение конфликта воспринималось общественностью негативно и чтобы граждане в будущем сами требовали устранения угрозы военным путем. Такая же кампания, направленная против поляков, которым вменялась вековая враждебность по отношению к немцам, предшествовала вторжению Германии в Польшу в 1939 г. И, наконец, «врагом человечества № 1» нацистской пропагандой был объявлен большевизм, угроза которого всему мировому порядку должна была оправдывать милитаризацию Германии.

В то же время профессор Клаудиа Кунц в книге «Совесть нацистов» (2007) обращает внимание на то, что идеи антисемитизма в самых жестоких их проявлениях скорее находили поддержку или по крайней мере встречали нейтральное отношение в тех регионах Германии, где евреи не проживали массово, в то время как в регионах, где были численно значительные еврейские общины и евреи были интегрированы в жизнь общества, сами идеи не вызывали симпатии и воодушевления и роль играло скорее одобрение «мер, овеванных авторитетом закона».

Многие исследователи сходятся в том, что «расчеловечивание» внутреннего врага — евреев, коммунистов, социал-демократов, а также всех, кто был признан «расово неполноценными», то есть, например, люди с инвалидностью или ментальными особенностями, должно было подготовить германский народ к условиям «тотальной войны», предполагающей применение любых средств и ресурсов для уничтожения врага. Пресса, полностью подчиненная НСДАП во второй половине 1930-х гг., работала на психологическую подготовку граждан к безжалостному отношению к врагу. В людях воспитывалось мировоззрение, согласно которому человек может быть внешне похож на человека, однако на самом деле являться так называемым «недочеловеком» [2–3; 27].

Выводы. Несмотря на обширный и неутраченный интерес к периоду нацистской диктатуры в Германии, ее преступлениям, а также к работе СМИ того вре-

мени в публицистике, художественной литературе и разных научных областях, таких как, в частности, история, социология, политология, психология и филология, необходимость в научном анализе инструментов и методов пропаганды НСДАП сохраняется.

В результате мы приходим к выводу, что нацистская пропаганда создавала видимость отклика на реальные страхи и интересы граждан, однако якобы актуальные социальные и экономические темы использовались в СМИ для формирования у немецкого народа единой картины происходящего в стране и в мире, подпитки идей реваншизма, милитаризации, исключительных прав германской нации и расширения «жизненного пространства» на Востоке.

Ставшие популярными еще в 1920-е гг. идеи о поражении в Первой мировой войне в результате предательства и «ножа в спину» были подхвачены пропагандой НСДАП, а образ внутреннего врага обрел конкретное воплощение в лице еврейского народа, коммунистов и левых политиков в целом.

Также важно отметить, что агрессивная кампания недоверия, ненависти и «расчеловечивания» по отношению к евреям, коммунистам, а позднее также восточноевропейским народам, которые якобы угрожали германской государственности, работала на «психологическую мобилизацию» граждан и подготовку масс к «тотальной войне». Идеи о расовой неполноценности отдельных категорий сограждан были призваны сделать из немцев безжалостных и непримиримых солдат в войне за пределами своей страны. Если же экстраполировать эти выводы на ситуацию в современной Украине, то главным пропагандистским инструментом там стала русофобия, распространяемая СМИ объединенного Запада.

Исходя из того, что понимание методов манипулирования общественным сознанием, в частности методов культивирования страхов общества и создания искусственного ресентимента, представляет не только научный интерес, но и имеет актуальную ценность в современном мире, мы считаем, что исследования в данной области имеют дальнейший научный потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sywottek J. *Mobilmachung für den totalen Krieg. Die propagandistische Vorbereitung der deutschen Bevölkerung auf den Zweiten Weltkrieg* / J. Sywottek // Opladen: Westdeutscher Verlag, 1976. — Studien zur modernen Geschichte, Band 18.
2. Wippermann W. *Der "deutsche Drang nach Osten". Ideologie und Wirklichkeit eines politischen Schlagworts* / W. Wippermann. — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1981.
3. Wippermann W. *Der konsequente Wahn. Ideologie und Politik Adolf Hitlers* / W. Wippermann. — Muenchen: Bertelsmann, 1989.
4. Mann M. *The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results* / M. Mann. // *European*

Journal of Sociology.— 1984.— Vol. 25, Issue 2.— Pp. 185–213.

5. Herbst L. Das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945 / L. Herbst.— Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1996.— Moderne Deutsche Geschichte, Band 10.

6. Drewek P. Educational Studies as an Academic Discipline in Germany at the Beginning of the 20th Century / P. Drewek // Paedagogica Historica.— 1998.— Vol. 34.— Pp. 175–194.

7. Koonz C. The Nazi Conscience / C. Koonz.— Harvard University Press, Belknap Press, 2003.

8. Kühne T. Colonialism and the Holocaust: continuities, causations, and complexities / T. Kühne // Journal of Genocide Research.— 2013.— Vol. 15, Issue 3.— Pp. 339–362.

9. Eco U. Five Moral Pieces / U. Eco.— HarperCollins, HarperVia, 2002.

10. Dovifat E. Zeitungslehre 2: Redaktion, die Sparten Verlag und Vertrieb, Wirtschaft und Technik, Sicherung der öffentlichen Aufgabe / E. Dovifat.— Berlin: Auflage von Jürgen Wilke, Sammlung Gosche, 1976.

11. Dovifat E. Zeitungslehre 1: Theoretische und rechtliche Grundlagen, Nachricht und Meinung, Sprache und Form / E. Dovifat.— Berlin: Auflage von Jürgen Wilke, Sammlung Gosche, 1978.

12. Вороненкова Г. Ф. История и культура германоязычных стран Европы. Ч. 1 (От Римской империи до капитуляции Третьего Рейха в 1945 г.) / Г. Ф. Вороненкова.— М., 2011.

13. Вороненкова Г. Ф. Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества. Национальное своеобразие средств массовой информации Германии / Г. Ф. Вороненкова.— М., 2011.

14. Bracher K. D. Die Weimarer Republik 1918–1933. Politik, Wirtschaft, Gesellschaft / K. D. Bracher, M. Funke, H. A. Jacobsen.— Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung; 2. ergänzte Auflage, 1987.

15. Вороненкова Г. Ф. История и культура Германии после Второй мировой войны (от акта капитуляции до современности: 1945–2012). 2 часть / Г. Ф. Вороненкова.— М., 2013.

16. Fischer C. After the Versailles Treaty: Enforcement,

Compliance, Contested Identities / C. Fischer, A. Sharp // Routledge, 2007.

17. Wulf J. Presse und Funk im Dritten Reich. Eine Dokumentation. / J. Wulf.— Berlin: Ullstein Verlag, 1983.

18. Kammer H. Nationalsozialismus: Begriffe aus der Zeit der Gewaltherrschaft 1933–1945 / H. Kammer, E. Bartsch.— Hamburg: Rowohlt, 1992.

19. Schottenloher K. Flugblatt und Zeitung: Ein Wegweiser durch die gedruckten Tagesschriften. / K. Schottenloher, J. Binkowski.— Muenchen: Klinkhard und Biermann, 1985.— Bd. 2: Von 1848 bis zur Gegenwart.

20. Хдери К. Евреи в Германии: зарождение и развитие идей антисемитизма / К. Хдери // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история.— 2017.— Vol. 9, № 4.— С. 331–340.

21. Zimmermann C. Medien im Nationalsozialismus. Deutschland 1933–1945, Italien 1922–1943, Spanien 1936–1951 / C. Zimmermann.— Wien: UTB, 2007.

22. Bracher K. D. Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft / K. D. Bracher, M. Funke, H. A. Jacobsen.— Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1992.

23. Dudek P. Der Rueckblick auf die Vergangenheit wird sich nicht vermeiden lassen. Zur paedagogischen Verarbeitung des Nationalsozialismus in Deutschland (1945–1990) / P. Dudek.— Opladen: Verlag für Sozialwissenschaften, 1995.

24. Presse in Fesseln: Das Zeitungsmonopol im Dritten Reich. Eine Schilderung des NS-Pressetrusts // Berlin: Verlag Archiv und Kartei, 1947.

25. Gillessen G. Auf verlorenem Posten: Die Frankfurter Zeitung im Dritten Reich / G. Gillessen.— Berlin: Siedler Verlag, 1986.

26. Das III. Reich. 1939–1945. Eine Tageschronik der Politik, Wirtschaft, Kultur (2 Baende) // Augsburg: Weltbild Verlag, 1991.

27. Zimmerer J. The birth of the Ostland out of the spirit of colonialism: a postcolonial perspective on the Nazi policy of conquest and extermination / J. Zimmerer.— Patterns of Prejudice.— 2005.— Vol. 39, Issue 2.— Pp. 197–219.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Вороненкова Г. Ф., доктор филологических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой зарубежной журналистики и литературы

E-mail: frdip-mgu@yandex.ru

Кирик К. В., аспирант факультета журналистики

E-mail: ksenko95@gmail.com

Lomonosov Moscow State University
Voronenkova G. F., Doctor of Philology, Professor, acting Head
of the Foreign Journalism and Literature Department
E-mail: frdip-mgu@yandex.ru

Kirik K. V., Postgraduate Student of the Journalism Faculty
E-mail: ksenko95@gmail.com

ФЕНОМЕН КОЛЛЕКТИВНОЙ ЭКСПЕРТНОСТИ В СМИ

М. Ю. Горохов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 сентября 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается совокупная экспертность редакции как коллективного субъекта высказывания и предлагается набор факторов, позволяющих оценить ее уровень. Такой анализ поможет журналистам и медиаменеджерам осознанно работать над его повышением в борьбе за внимание и доверие аудитории, заинтересованной в получении качественной интерпретирующей информации.

Ключевые слова: журналистика, СМИ, критерии экспертности, автор и аудитория, работа с источниками, редакционная политика.

Abstract: the article examines the cumulative expertise of the editorial staff as a collective subject of utterance and suggests a set of factors to assess its level. Such an analysis will allow journalists and media managers to consciously work on improving it in the struggle for the attention and trust of an audience interested in obtaining high-quality interpretative information.

Keywords: journalism, mass media, criteria of expertise, author and audience, working with sources, editorial policy.

Рассматривая проблему экспертности в журналистике как один из ключевых вызовов в борьбе за внимание аудитории, ранее мы выделили критерии для оценки профильного специалиста, которого редакция может привлечь для интерпретации актуальных событий, явлений или процессов в рамках освещения конкретной тематики.

На наш взгляд, среди необходимых качеств в первую очередь должны присутствовать соответствующая институциональная принадлежность (то есть вовлеченность эксперта в работу тех или иных структур), необходимый уровень образования, наличие выступлений и публикаций по теме специализации, реальные результаты практической деятельности, медийность, вовлеченность в жизнь профессионального сообщества [1].

Похожие принципы отбора можем найти в отечественной практике. В частности, ресурс «Лайф-хакер» так формулирует свои требования в разделе, посвященном редакционной политике: «Эксперт — это профессионал в какой-либо области: диетолог, юрист, сантехник, тренер и так далее. Настоящий эксперт может подтвердить свою компетентность: имеет профильное образование, стаж работы, нужный вам опыт в каком-либо вопросе (например, объездил 20 стран), известен в публичном поле» [2].

А зарубежные специалисты С. Миллер-Карпенгер и Д. Кенвер, оценивая экспертность самих журналистов, учитывали следующие параметры: профильное образование, предыдущий профессиональный опыт работы в журналистике, награды, специализация,

технические навыки профессии и социальная роль автора, которая определялась ими путем контент-анализа материалов открытых источников в социальных медиа [3].

Таким образом, вырисовывается достаточно универсальный набор критериев, применимых как для привлеченных специалистов, так и для сотрудников СМИ, выступающих в роли экспертов в соответствии со своей тематической специализацией. А это действительно становится необходимым: «Парадокс, но, с одной стороны, мы обращаемся к эксперту, чтобы получить некоторое знание, с другой — можем это сделать только тогда, когда сами находимся на уровне эксперта». [4]

Чем сильнее проявлен каждый из этих признаков, тем весомее будет общий «профиль» специалиста. А чем более авторитетным окажется весь пул спикеров того или иного средства массовой информации (включая и его собственных работников, успевших глубоко вникнуть в предмет своего отражения), тем значительней будет совокупный образ этого СМИ в сознании аудитории.

То есть сама редакция как коллективный субъект высказывания приобретает черты экспертности в глазах читателей, слушателей и зрителей, сродни тем, которые имеет субъект индивидуальный — конкретный автор или привлеченный для сотрудничества специалист.

Но в данном случае эти черты будут иметь свою специфику. И рассмотрение критериев экспертности средства массовой информации представляет собой отдельную задачу. Ее решение имеет важное значение как в теоретическом, так и в сугубо прак-

тическом плане: может способствовать не только глубокому пониманию современных медиапроцессов, но и достижению более высоких результатов журналистской деятельности.

Анализ собственной журналистской и редакторской практики, а также рассмотрение актуальных подходов в деятельности современных медиа позволяет нам выделить следующие критерии, характеризующие коллективную экспертность конкретного СМИ.

Уровень компетентности сотрудников. Наиболее очевидный и наименее нуждающийся в комментариях пункт. В данном случае по аналогии с индивидуальной экспертностью совокупный уровень образования и опыт членов редакции, выраженный в результатах их совместной деятельности, определяет общую корпоративную планку. Чем мощнее личный профиль каждого «игрока», тем внушительнее выглядит вся команда, и тем выше ее способность не только констатировать, но и объяснять, давать анализ, делать прогноз.

Но поскольку в любой системе не менее, чем сами элементы, важны связи между ними, здесь мы имеем дело не с простой суммой потенциалов, а их переходом в новое качество за счет того самого системного взаимодействия. В результате «сыгранность» дополняет индивидуальное мастерство. И наоборот, отсутствие должного взаимодействия — даже между мэтрами — лишает творческий коллектив шанса максимально реализовать свои возможности.

Собственный пул экспертов. Как у каждого журналиста-аналитика есть список полезных экспертов, так он (в идеале) имеется у редакции в целом. Такой пул должен быть достаточно мощным в количественном смысле и глубоким — в содержательном. Тематически разветвленным. Необходим релевантный подбор собеседников для разных ситуаций.

СМИ, в которых одни и те же спикеры комментируют самые разные события, вызывают меньше доверия, чем те, где по каждой теме есть как минимум один отдельный, а лучше сразу несколько специалистов.

Сочетание их собственных параметров индивидуальной экспертности при этом тоже должно быть разнообразным. Условно говоря, лучше, если это не только представители академических кругов, но и успешные практики «от земли». Не только яркие медийные персоны, но и более «тяжеловесные», вдумчивые «снобы» с налетом элитарной закрытости.

Можно даже сказать, что здесь нелишней будет осознанно выстроенная редакцией драматургия взаимодействия таких образов, намеренно создаваемая дискуссионность — столкновение их позиций. Это позволит обеспечить для потребителей информации баланс и полноту восприятия.

В данном контексте показателен опыт радио «Комсомольская правда». Слушатель имеет дело

с преимущественно разговорным форматом. Помимо новостей и спецпроектов эфир представлен авторскими передачами, в которых в течение дня с привлечением экспертов обсуждаются актуальные темы и текущие инфоповоды, зачастую — одни и те же, но разными голосами, с разными интонациями и характером оценок.

Здесь можно рассуждать о степени влияния на такие оценки общей редакционной политики того или иного СМИ, однако данный подход в любом случае позволяет создать необходимую смысловую и эмоциональную полифонию, то есть, помимо несовпадающих содержательных трактовок, привносит в эфир и разную тональность. А слушатель имеет возможность подобрать именно ту, которая ближе ему — в лице конкретных спикеров, и при этом не выпадать из общей повестки.

Одни авторские проекты приходят на смену другим, но сам принцип сохраняется. Для примера назовем некоторые передачи радио «КП», актуальные на данный момент: «Тактика Данюка» (Никита Данюк и Владимир Ворсобин), «Бовт знает» (Владимир Бовт с собеседниками, которые периодически меняются), «По сути дела» с Николаем Стариковым (компанию ему зачастую составляет все тот же Ворсобин), «Фридрих-шоу» с Наданой Фридрихсон, «Аналитика с именем» (Александр Коц), «Добрый вечер» (Игорь Виттель и Надана Фридрихсон), «Что будет» с Иваном Панкиным...

Если вы включили приемник на этой волне утром, днем или вечером, то все равно будете в курсе происходящего — не только в новостном плане, но и на уровне интерпретаций наиболее значимых событий, явлений или проблем. Однако наиболее комфортную для себя подачу материала можете подобрать благодаря конкретному автору и его программе.

Возможность получать информацию из первых рук и с места событий. Ключевой параметр при завоевании авторитета у аудитории — достоверность исходных данных. Отсутствие сомнений в первоначальных основаниях повышает доверие и к последующим выводам.

В теории и практике журналистики зафиксировано: наибольшее доверие получатели информации испытывают к тому, что автор видел сам, потом — к тому, что он услышал от других, и так далее. А если самой аудитории показывают картинку непосредственно с места событий, то она верит своим глазам еще больше. И на этой прочной основе уже можно строить здание дальнейших трактовок и выводов.

Понятно, что здесь возможны манипуляции. Осознанное формирование такого первичного образа с целью последующей его тенденциозной интерпретации. Но это уже побочные эффекты данного явления, характерные для современных информационных войн, которые не являются предметом нашего рассмотрения.

А в обсуждаемом контексте важно подчеркнуть: чем более разветвленной сетью штатных сотрудников и внештатных корреспондентов на местах обладает редакция и чем выше оперативность поиска ею нужных спикеров, находящихся в эпицентре рассматриваемых событий (за счет собственных контактов, налаженного взаимодействия с различными ведомствами, а также использования инструментария, предоставляемого соцсетями и другими современными ресурсами), тем больше у нее возможностей обеспечить читателей, слушателей, зрителей первичной информацией, не вызывающей сомнений у ее получателей. И за счет этого — повысить собственную значимость в их глазах.

Связь с аудиторией. Ранее завоеванное доверие помогает сохранять и упрочивать контакт с аудиторией в будущем. Уже накопленный конкретным СМИ социальный капитал способствует дальнейшему нарастанию данного контекста. И сами читатели, слушатели, зрители все больше становятся соавторами редакционного коллектива, обеспечивают его эксклюзивным пользовательским контентом. В свою очередь, профессионалам медиаиндустрии остается верифицировать его и дополнить необходимыми подробностями в событийном плане и оценками — на уровне интерпретаций.

Такая форма взаимодействия с аудиторией характерна для многих современных средств массовой информации. Большие возможности для этого предоставляют сетевые ресурсы: уже не столько сайты изданий, сколько их группы в соцсетях и каналы в мессенджерах.

Но качество наполнения может быть разным. Если массовые СМИ чаще иницируют на своих площадках дискуссии, вызывающие в большей степени эмоциональный отклик читателей (на уровне бытового восприятия рассматриваемых ситуаций), то претендующие на глубокое осмысление происходящего могут вовлекать в обсуждение актуальной повестки более «искушенную» публику. И осознанная работа с ее запросами, реакциями, развернутыми комментариями, способными высветить неожиданные грани проблем и подсказать новые темы, позволяет организовать тот самый «обратный поток» экспертности, когда уже сами читатели усиливают смысловую составляющую, привнося в нее свои ценные соображения и делаясь личным жизненным и профессиональным опытом.

А чтобы не разрушить и укрепить эту связь, контент в любом случае должен подаваться с учетом психологических особенностей восприятия и познавательных запросов аудитории. В балансе формы и содержания. Событийности и аналитики — фактуры и интерпретаций.

Эксклюзивность. Рассмотренные выше параметры помогают обеспечить следующее преимущество — уникальность контента, но, конечно, являются

не гарантией, а лишь необходимыми предпосылками для достижения такой цели.

Если вы даже обладаете квалифицированным редакционным коллективом и крепким пулом экспертов, способны добывать собственные сведения с мест и учитывать читательские запросы, стремитесь помимо информирования о происходящем еще и объяснять актуальные события, явления и процессы, но делаете это после многих других СМИ и в том же ключе, что и все, — претендовать на эксклюзивность вам не приходится.

И наоборот: при условии лидерства в оперативности представления важнейшей для аудитории информации, помноженной на глубину проникновения в предмет, уникальность использованных источников и оригинальность подачи, вы приобретаете дополнительный фактор коллективной экспертности вашего СМИ.

Не случайно редакции всякий раз стремятся подчеркнуть эксклюзивный характер того или иного материала. Обозначают это как на уровне содержания (например, в самом начале указывают, что известный политик, спортсмен или артист в эксклюзивном интервью их изданию рассказал о том-то), так и с помощью дополнительных формальных элементов — рубрик, плашек, звездочек, заставок: «Только у нас!», «Эксклюзив», «Специально для...» и т.п. Подразумевается: раз уж мы смогли добыть то, чего нет у других, — мы действительно знаем толк в журналистике.

В этой связи применительно к деловому интервью, но справедливо в целом по отношению к экспертным суждениям преподаватель журфака МГУ Вера Фролова пишет: «Для исследователей делового медиапространства малоизученным остается интервью экспертное. Его главная ценность заключается в эксклюзивности информации, сообщаемой респондентом, — опытным участником изучаемого рынка, высококвалифицированным специалистом, владеющим специфическими сторонами обсуждаемой темы и оперирующим не фактами, а мнениями — оценками, прогнозами, аналитическими суждениями. Комментарии экспертов, содержащиеся в данном виде делового интервью и представляющие практический интерес для целевой аудитории, могут рассматриваться как авторитетное мнение, способное повлиять на то или иное управленческое решение». [5]

Выходя за узкие рамки конкретного жанра, можно утверждать, что эксклюзивность усиливает представление об экспертности и в более широком смысле.

Баланс формы и содержания. Отдельно стоит рассмотреть содержательно-формальную сторону журналистской работы — так называемую «упаковку» или «подачу» материала.

Дополнительную экспертность средству массовой информации в глазах аудитории, на наш взгляд,

могут придать насыщенную жанровую палитра, стройная система рубрик (включая в том числе авторские колонки, экспертные интервью, а нередко и одноименный раздел «Эксперты»), многообразие форм визуализации и их доступность для восприятия. В целом — мультимедийность, а также удобная интерактивность и логичная гипертекстуальность, уместно и в достаточной степени расширяющая контекст.

В этом смысле в восприятии реципиентов неряшливо оформленная информация действительно экспертного по всем остальным параметрам СМИ может проигрывать грамотно выстроенной формальной структуре и смысловой драматургии ничем другим не выдающегося «среднячка».

То, что эстетически привлекательно, понятно и удобно в использовании, — выглядит более качественным и заслуживающим внимания. Поэтому данным пунктом журналистским коллективам также не стоит пренебрегать. Тем более в эпоху лавинообразного потока информации и всеобщей «охоты на зрочки» — борьбы за время читателей, слушателей, зрителей, конвертируемое в рекламные доходы медиакорпораций.

Речевая и этическая культура. Развивая разговор о формально-содержательных особенностях, отдельно стоит упомянуть общий уровень речевой культуры издания. Стиль публикаций, характер заголовков, подписей к фото и других элементов многое могут сказать о его особенностях и отношении как к читателям, слушателям, зрителям, так и в целом — к общественным нормам.

Напрямую с экспертностью как таковой это не связано, но способно повысить или понизить ее в глазах аудитории. Едва ли провокативно-развязный тон, равно как и пренебрежение этическими стандартами журналистики (будь то взаимодействие с собственными источниками, общественными институтами или коллективным адресатом), создадут представление о респектабельности и надежности источника информации.

И в обратную сторону: редакционный коллектив, способный отразить собственное вза-

имодействие с реципиентами, стремящийся достичь оптимального соответствия их запросам, в том числе стилистическим, априори может быть им более полезен, чем пренебрегающий данным аспектом.

Предложенная нами совокупность признаков экспертности СМИ как коллективного субъекта высказывания в сочетании с ранее рассмотренными критериями экспертности индивидуальной — будь то приглашенный к сотрудничеству спикер или сам журналист, глубоко погруженный в тему своей специализации, — позволяет осознанно выстраивать стратегию повышения общередакционной квалификации: как со стороны руководства, так и силами самих сотрудников, работающих с интерпретацией происходящего и занятых созданием аналитических материалов. Повышение позиций по каждому из приведенных пунктов способствует росту авторитета конкретного средства массовой информации и его авторов в глазах аудитории, а значит — востребованности данного источника и укреплению его позиций в усиливающейся конкурентной борьбе на динамично трансформирующемся информационном рынке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горохов М. Ю. Критерии экспертности в журналистике / М. Ю. Горохов // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — Воронеж, 2022. — № 2. — С. 104–107.
2. Редполитика Лайфхакера. — Режим доступа: <https://lifelifehackermedia/> (дата обращения: 15.08.2024).
3. Carpenter S. Journalistic Expertise: A Communicative Approach / S. Carpenter, D. Kanver // Communication and the Public. — 2017. — Vol. 2. — P. 197–209.
4. Фальсификация экспертности: 7 фактов о критике статуса эксперта. — 2013. — 13 марта. — Режим доступа: <http://postnauka.ru/faq/10347> (дата обращения: 21.08.2024).
5. Фролова В. И. Экспертное интервью для делового интернет-СМИ: специфика моделирования медиатекста / В. И. Фролова // Электронный научный журнал «Медиа-скоп». — 2014. — № 4. — Режим доступа: <https://mediascope.ru/1644> (дата обращения: 25.08.2024).

*Воронежский государственный университет
Горохов М. Ю., кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики и литературы
E-mail: maksim.gorohov@phkp.ru*

*Voronezh State University
Gorohov M. Y., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Journalism and Literature Department
E-mail: maksim.gorohov@phkp.ru*

КРИТЕРИИ УСПЕШНОСТИ ФОРМАТА РЕАЛИТИ-ШОУ НА РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ

И. В. Деева

Ростовский государственный экономический университет

Поступила в редакцию 4 мая 2024 г.

Аннотация: в статье на примере реалити-шоу, транслируемых на российском телеканале, исследуются критерии, признаки и формат данного жанра. Определяется с помощью метода описания, сравнения, экстраполяции данных, типологического, социологического и контент-анализа зависимость успешности реалити-шоу от запроса аудитории и жанрово-форматных характеристик передачи.

Ключевые слова: реалити-шоу, формат, инфотейнмент, критерии успешности, тип реалити, социальный эксперимент.

Abstract: using the example of reality shows broadcast on a Russian TV channel, the article examines the criteria, signs and format of this genre. The dependence of the success of a reality show on the audience's request and genre-format characteristics of the transmission is determined using the method of description, comparison, extrapolation of data, typological, sociological and content analysis.

Keywords: reality show, format, infotainment, success criteria, type of reality, social experiment.

Введение. Данное исследование феномена шоу на современном телевидении связано с пониманием игры, связанной с культурой, с человеческой природой как таковой [1–3].

История реалити-шоу началась в США, где в 1940-х гг. появились радиопередача «Скрытый микрофон» и телепрограмма «Скрытая камера». В России же первое реалити «За стеклом» зрители увидели в 2001 г. [4]. Еще Ги Дебор [5] и Н. Луман писали, что «можно говорить и о втором смысле реальности массмедиа, а именно, о смысле того, что для нее или благодаря ей для других выглядит как реальность. Если использовать кантовскую терминологию, массмедиа производят трансцендентальную иллюзию» [6, 11].

В 2023 г., по данным брендингового агентства Depot WP Sostav.Ru, вырос интерес женской аудитории к жанру реалити. Премьеры таких шоу как «Пацанки» (телеканал «Пятница!»), «Ждули», «Беременна в 16», «Беременна в 45» (телеканал «Ю») прошли с долей, значительно превышающей среднюю долю этих каналов. С сентября 2022 г. по октябрь 2023 г. доля просмотра реалити-шоу составила 4,0%. Это на 0,9% больше, чем на период с сентября 2021 г. по октябрь 2022 г. (3,1%) и на 1,2% больше, чем на период с сентября 2020 г. по октябрь 2021 г. (2,8%). Считается, что причиной популярности реалити-шоу является, во-первых, сама природа зрелищных медиа, формирующих особую реальность для зрителей под заданные цели, во-вторых, особый формат, грамотно формирующий эмоциональный

интерес зрителей [7].

Можно выделить разновидности реалити-шоу, связанные с выполнением рекреативной и познавательной функций: «образ жизни» или «домашнее переустройство» («Орел и решка», «Четыре свадьбы» и др.); «социальный эксперимент», специализирующийся на раскрытии личной жизни людей, акцентирующий взгляд общества на социальных проблемах («Беременна в 16», «Ждули» и др.).

Согласно Й. Хейзинге, игра, турнир — это состязание, но еще не спорт, ибо в нем много театральной реальности [3, 172–174], и игра становится органичным элементом шоу. Реалити «Адская кухня», «Черный список» и др. формируются по типу *профессионального совершенствования*, состязания (прообраз таких реалити сформированы на американском ТВ в программах типа Ultimate Tag и других [8]). Реалити-шоу «Пацанки», организуется по типу «самосовершенствование/трансформация», где также силен компонент наигранности, театрализованности под заданные цели.

Существует несколько классификаций реалити: юридическое реалити, соревнование, социальный эксперимент, трансформация/самосовершенствование, путешествия, документальный фильм, программы знакомств, образ жизни [9–10]. Вслед за исследователями [9; 11], выделяющими в качестве признаков реалити-шоу человеческую личность, авторскую задачу и методы его работы (здесь учитывают личные истории и архивы участников, съемки скрытыми камерами, интервью с участниками, приемы адаптации шоу, создание эмоционально напряженных момен-

тов), в ходе предпринятого анализа были конкретизированы предыдущие либо выявлены и сформулированы новые критерии: создание «пунктирного» сценария как опорных точек; участие либо создание иллюзии участия обычных людей; декларация условий съемок, максимально приближенных к реальным либо монтажные съемки, но в реальных обстоятельствах. Также для понимания структуры жанра были добавлены еще ряд критериев: рассказ о пережитом опыте; голосование внутреннее и/или внешнее; изменение своей жизни участниками реалити, в том числе совершенствование профессиональных навыков; демонстрация истинных эмоций участников (даже с использованием монтажных приемов); итог, награда.

Результаты исследования. Телеканал «Ю-ТВ» — российский молодежный быстро растущий по охвату развлекательный канал, запущенный в эфир на частоте телеканала «МУЗ» 16 сентября 2012 г. [12]. Он ориентирован на девушек и женщин в возрасте 14–44 лет, среднесуточный охват аудитории более 7,9%, что составляет 5,4 млн. человек.

Реалити-шоу «Беременна в 16», начавшее свое вещание на канале «Ю» в феврале 2019 г., рассказывает о непростых судьбах девушек-подростков, которые слишком рано стали матерями, аналог — американский проект 16 and Pregnant. Он транслировался на музыкальном канале MTV с 2009 по 2014 г. и пользовался большим успехом у телезрителей [13–14].

Критерием, определяющим формат данной передачи «Беременна в 16» стал признак демонстрации и разбора проблем человеческой личности в сложных жизненных ситуациях, что провоцирует один из главных признаков реалити — желание «подсмотреть» за героем передачи. Коррелирует с данным критерием следующий: шоу движется по сценарию, прописанному заранее, хоть и дающему относительную свободу развития действия. Сценаристы могут изменить диалоги, чтобы в кадре они звучали более грамотно и убедительно, происходит акцентировка нужных эмоциональных переживаний, но канву настоящей истории не меняют [15]. На протяжении всего хронометража мы видим изменения, происходящие с молодой мамой и влияние окружающего ее общества на раскрытие личности. Будут это мировоззренческие изменения под напором обстоятельств или нет, в этом заложена еще одна из опорных задач шоу: рассказ о пережитом опыте, а главное — приобщение/«примерка» на себя и оценка зрителем этого опыта.

Следующий критерий, определяющий значимость реалити-шоу — повышение рейтингов канала как одна из основных задач автора. Последний 6-й сезон сформировал на «Ю-ТВ» миллионные присмотры (если третий выпуск 6-го сезона собрал у экрана 6,9 млн. зрителей, то четвертый — 7,6 млн., общая цифра четырех последних выпусков 6 сезона состав-

ляет 27,5 млн. зрителей). По данным сайта Mediascope в 2023 г. рейтинг реалити-шоу «Беременна в 16» на телеканале составил 0,3%, так же, как и охват просмотров [16]. Процентная доля, в отличие от других шоу, занимает первую строчку с результатом 1,9%.

Создание эмоционально напряженных моментов в реалити-шоу «Беременна в 16», как следующий критерий формата, достигается за счет постепенного подведения участницы к кульминационному моменту в ее жизни — рождению ребенка. Этот временной отрезок формируют для зрителя из пиковых эмоциональных переживаний: оценивается не только жизнь и взгляды героини, но и ее парня, участие или бездействие взрослых, выявляют способы решения возникающих проблем разными поколениями.

Личная история участниц строится на экране с помощью интервью-монолога, что формирует документальность как критерий жанра. Интервью берутся не только у участниц, но и у родителей, друзей, парня героини. Однако, по словам одной из участниц, сценаристы в целях создания эмоционального напряжения многое преувеличивают: «В передаче показали только ложь. Ситуацию, когда у меня пропало молоко, показали так, будто я просто не захотела ухаживать за сыном, а пошла гулять по клубам» [17].

Еще один критерий формата реалити как залог доверия и успеха у зрителя — участие обычных людей, не имеющих практики в игровом жанре, либо актеров, имитирующих непрофессионалов. Ряд участников все же можно заподозрить в знакомстве с актерским мастерством. Архивы и съемки скрытой камерой в данном реалити не используются, но съемка традиционным способом выхватывает все яркие моменты, включая ссоры, конфликты и такие интимные, как роды. Подача в телеэфир с первого дубля также отсутствует, работа монтажера здесь — часть формата передачи. Но напоминание аудитории и постоянная демонстрация условий съемок, максимально приближенных к реальным, также формируют жанрообразующий признак реалити-шоу. В шоу «Беременна в 16» этот признак соблюдается, но и здесь могут быть нюансы. Съёмочная группа утверждает, что съемки проходят в течение всех девяти месяцев беременности, но на деле все проходит в сжатые сроки [18].

Можно констатировать: основными признаками развлекательных программ является сочетание юмора, азарта, получения удовольствия и сильных, не всегда положительных эмоций либо также снятие напряжения и эскапизм. Реалити-шоу «Беременна в 16» сформировано по типу «социальный эксперимент». Подобные реалити-шоу включают в себя описание необычных и сложных жизненных коллизий для научения социума выводу из трудных ситуаций. Азарт и юмор в таком реалити практически не присутствуют, так как выбранная тема — серьезная социальная проблема. Телезрителю предлагают пона-

блюдают за реальной жизнью героини, провоцируют его эмоциональное напряжение для формирования собственного опыта, но не травмируя психику в реальных жизненных обстоятельствах, и создает правильную иллюзию реально происходящих событий на экране. Совместное действие критериев, формирующих реалити-шоу, составляют то необходимое условие, благодаря которому не теряется интерес к этому виду передач.

Оригинальное шоу телеканала «Ю-ТВ» «Ждули» вышло на экраны 3 марта 2022 г. Это первое реалити-шоу на телевидении, затрагивающее отношения с мужчинами, которые отбывают срок в местах лишения свободы. Provocационный проект вызвал неоднозначную реакцию у зрителей: одни категорично заявили, что это пропаганда уголовного мира, другие объясняли, что в жизни случается всякое и нужно знать правду [19].

Определяющим жанрообразующим критерием здесь является человеческая личность, т.к. через рассказ героини, объяснение отношений показаны образы и взаимодействия участницы и заключенного. Зрителю предлагают оценить и примерить на себя увиденный жизненный опыт. Сюжетная линия прячется в истории знакомства героини с осужденным и в сложности выстраивания таких взаимоотношений, и, конечно, в ожидании эмоций от родных девушек на эти отношения.

Следующим критерием, определяющим значимость реалити-шоу, становятся задачи автора в повышении рейтингов канала. По данным официального сайта «Ю-ТВ», реалити-шоу «Ждули» занимает вторую позицию: 0,34% по популярности среди наиболее рейтинговых сериалов и шоу в течение 2023 г. На первом месте «Беременна в 45» с рейтингом в 0,35%.

Архивы и съемки скрытыми камерами не используются. Но при согласии заключенного на участие в реалити, как, например, во втором выпуске, команда проекта предоставляет зрителю видеозаписи. Подача в телеэфир с первого дубля также не практикуется, монтаж виден зрителю.

Форматный признак «интервью» присутствует в реалити — его берут у главной героини, родителей и друзей. В структуру шоу введен эксперт-психолог, он помогает героине разобраться в сложных отношениях, комментирует, оценивает, дает возможность зрителям примерить на себя ситуацию с грамотно расставленными акцентами.

Для подтверждения критерия реалити-шоу «влияние на зрителей эмоционально напряженных моментов передачи» был проведен опрос аудитории, которая смотрит данное реалити-шоу, методом случайной выборки из ответивших на анкету 137 человек, в основном женщин от 21 до 37 лет. Самым захватывающим для аудитории является момент, когда героиня решает, стоит ли ждать любимого из мест лишения свободы или же продолжать жить без него

(эти переживания захватывают 32% опрошенных), а моменты «неожиданный поворот» и «озвучивается преступление заключенного» составили по 26% интереса зрителей. 16% зрителей считают эмоционально-напряженным моментом, когда семья героини узнает о связи с заключенным. Критерий «участие обычных людей, не являющихся профессиональными актерами», реализован отчасти: в съемках участвуют и обычные люди и актеры, формирующие образы, например экспертов. Критерий «условия съемок максимально приближены к реальным» в данном проекте реализован. Аудитория видит героиню и ее избранника в реальных жизненных ситуациях. Показ жизни человека, преступившего закон, полон экстремальных ситуаций и борьбы за жизнь.

Можно сделать вывод: реалити-шоу «Ждули» относится к типу «социальный эксперимент». Юмор и азарт отсутствуют, так как тема, поднимаемая для обсуждений, — серьезная. Повествование выстраивается по восходящим значениям эмоционального напряжения для зрителей, предлагается им примерить ситуацию на себя, социально учиться и адаптироваться, используя чужой опыт в собственной жизни. Совместное действие критериев, генерирующих реалити-шоу, составляют то необходимое условие, из-за которого зритель не теряет интерес к данному виду передач.

Вторым этапом исследования стала разработка анкеты и проведение социологического опроса для разных аудиторных групп: зрителей, участников и организаторов реалити-шоу. Первыми социологический опрос прошли 185 зрителей. Опрашиваемая аудитория: женщины — 90% и 10% — мужчины, что соответствует аудитории и канала «Ю-ТВ», и аудитории самих шоу. Возраст опрашиваемой аудитории от 21 до 25 лет составляет 47%, группа «старше 30 лет» — 28%, а 18–20 лет — 25%. На вопрос «Вы учитесь или работаете?» 52% ответили — только учатся, учатся и работают — 23%, остальные — только работают. Следовательно, основная целевая аудитория реалити — это девушки 21–25 лет, которые только учатся и свободного времени у них час-два в день (30%), либо больше трех часов (28%). К жанру «реалити-шоу» 59% данной аудитории относится положительно, 39% — нейтрально, 2% — отрицательно.

Самым популярным стал тип реалити-шоу «путешествия» (23%), тип реалити «соревнование» и «само совершенствование» составили интерес 22% аудитории, 17% отметили «социальный эксперимент» и «отношения», по 12% предпочли бы «музыкальное реалити» и «домашнее переустройство». Тип реалити «круглосуточное наблюдение» интересен 9%, и интерес к теме «юридическое реалити» — всего у 5%. Опрашиваемая аудитория указала причины просмотра передачи в жанре реалити: основная причина: отдых/эскапизм собрала 21%. На втором месте ответ «испытываю спектр эмоций при просмотре» —

19%. Оба эти ответа связаны друг с другом и являются главными причинами эффекта и эффективности данного жанра для зрителя, выполняя свою рекреативную и защитную от стресса функцию. Причину «наблюдение за чужими жизнями» выбрали 16% зрителей, причины интереса к юмору и сюжету передачи набрали по 12%. Смотрят шоу по причине того, что они «затрагивают важные проблемы» — 10%, «расширяют кругозор» — 6%. Меньше всего зрители смотрят реалити ради скандалов и поднятия самооценки, каждая причина набрала по 2%. Стоит отметить, что выбор интереса «наблюдение за чужими жизнями» сочетает в себе анализ ситуаций, в которых оказались герои, при этом зрители включают в оценивание и принятие решений по показанным ситуациям, что формирует запуск функции социального воспитания.

Итак, самые популярные типы реалити-шоу — путешествия и соревнования, что объясняется желанием расслабиться, избавиться от стресса либо понаблюдать за жизнью других людей. Так, Кайл Зезо, вице-президент по альтернативным и цифровым программам американского телеканала The CW высказал мнение, что он для воплощения на экране чаще рассматривает форматы соревнований и игровых шоу: «Нам нравятся шоу, которые имеют широкую привлекательность, такие, которые с точки зрения жанра подходят аудитории поколения Z» [8].

Основная причина отказа от реалити-шоу: «Отнимает много времени» (33%). На втором месте два ответа: «Морально тяжело смотреть» и «Непознаваемо» (по 20%). При этом, несмотря на риск потери времени, аудитория все равно смотрит шоу, что говорит о правильно выстроенных пиках эмоционального захвата интереса зрителей, использования приемов сериальности, умения соответствовать потребностям и желаниям аудитории. Далее опрос выявил, что негативно относятся к шоу 13% из-за «наигранности» и по 7% — из-за «наличия закадрового голоса» и «работы монтажера», так как эти причины, по мнению аудитории, фальсифицируют формат реалити.

Следующей группой, к которой был обращен социологический опрос стали участники реалити-шоу, откликнулось 98 человек: в реалити-шоу «Кондитер» (34%) и «Четыре свадьбы» (21%), «На ножках» (15%), «Топ-модель на ТНТ» (13%) и «Богиня шопинга» (11%). В передачах «Супермама», «Тревел Баттл» и «Помогите, у меня трудный ребенок» участвовали по 2% откликнувшихся. На вопрос «Как вы относитесь к данному жанру?» 86% опрошенных ответило: «положительно», 14% — «нейтрально». Ответа «отрицательно» не выявлено. После участия мнение о реалити-шоу у участников так и осталось положительным — 55%, у 27% изменилось, но в положительную сторону, у 18% — в отрицательную («шоу сконструировано, не документальное»).

Половина участников «хотели показать свои возможности, прославиться», 37% участвовали из интереса, а остальные 13% получили официальное приглашение. Этот выбор хорошо согласуется с мнением одной из участниц седьмого сезона реалити-шоу «Большой Брат», выходящем в 2000 г. в Америке. Никки Грэм написала в своей автобиографии «Хрупкая»: «До “Большого брата” я никогда не чувствовала себя особенной, не думала, что вписываюсь в общество и отношусь к чему-то важному. Наконец-то это случилось. <...> У меня была нормальная жизнь. Но я просто хотела большего, понимаете?» [4]. Участники согласны: реалити-шоу дает шанс прославиться, изменить свою жизнь и показать, на что ты способен.

На вопрос «Насколько жестко выстроены отношения с конкурентами на экране и переносятся ли такие отношения в реальную жизнь?» участники ответили, что несмотря на требуемую отчужденность и конфликтность во время съемок, вне камер между ними было меньше негатива, а одна из участниц шоу «Кондитер» призналась, что с некоторыми бывшими соперниками она и сейчас тепло общается и поддерживает дружеские отношения.

Также участники (45%) ответили, что наличие камер на площадке их не смущало, так как они не обращали на них внимания, 33% опрошенных «привыкли по ходу съемки» к постоянному наблюдению, однако 22% участников это эмоционально раздражало.

На вопрос «Все происходящее на экране, включая конфликтные ситуации, — жизненные реалии или прописанный заранее сценарий?» чаще отвечали, что все происходящее — правда. Участница реалити-шоу «Богиня шопинга» анонимно рассказала, что «некоторые ситуации были прописаны, но все менялось с учетом обстоятельств». Одна из участниц реалити «Четыре свадьбы» отметила, что: «За нами просто ходили операторы, но мы сами устраивали наши отношения». Участница «Беременна в 16» пожаловалась на съемки постфактум, которые на экране были продемонстрированы как предшествующие рождению ребенка. Можно сделать вывод о том, что в реалити-шоу, в которых участвовала опрашиваемая аудитория, жесткого сценария нет, прописаны повороты сюжета, обязательные детали, для создания эмоциональных ярких моментов шоу, но возможен монтаж.

На вопрос «Как на вас повлияло участие в реалити-шоу?» опрошенная аудитория в большинстве своем ответила, что «получила новый жизненный опыт» (37%). Причем многие добавляли, что получить в реальной жизни такой опыт они бы не хотели, но прожить такую ситуацию на экране и знать выход из нее большая удача. 27% участников стали стрессоустойчивее, отчасти это тоже люди, которые прошли некое научение реагирования на сложные вызовы. Ответы «стали узнавать в кампаниях» и «повстречала людей с общими интересами» набрали по 20% и 16% соответственно.

Последним этапом исследования было обращение к организаторам реалити-шоу для выяснения определяющих характеристик телепередач. Надо признать небольшое желание экспертов-организаторов делиться пониманием успешности данного жанра, поэтому экспертное мнение представлено четырьмя организаторами развлекательных программ от «Давай поженимся» и «Адская кухня» до продюсеров и редакторов развлекательного YouTube-проекта «Агент Шоу». Все они однозначно определяют необходимость и ценность развлекательных шоу на телевидении, выявляя основную функцию таких программ как возможность зрителя расслабиться и отвлечься от своих жизненных проблем. Эксперты отмечают, что некоторые реалити-шоу выполняют не только развлекательную, но и социальную, воспитательную функции. Так было выделено реалити «Пацанки», где социальный пример показывает, какое поведение принято или отвергается обществом.

Каждым экспертом было отмечено, что специфика и наиболее востребованное в реалити-шоу — это эмоции аудитории, поэтому необходимо создавать контент, удерживающий зрителя в постоянном напряжении, ожидании следующих эпизодов, способствующий непредсказуемости и эпатажности. Каждому шоу нужна яркая опорная точка и чаще всего — это участники или ситуации, в которые они попадают, и образованный вокруг них поворот. Каждый из этих элементов шоу может акцентироваться различными приемами. К примеру, если это реалити-шоу «Дом-2», то яркой точкой будут отношения участников. «Сценарий есть, но это не значит, что все выдумано. Это твой опорный план, то, как ты следуешь по шоу. Если нужно включить какой-то сюрприз участнику, это будет в сценарии, или если надо позвать бывшую жену для того, чтобы добавить остроты в серию, конечно, все это будет прописано», — говорит один из редакторов шоу и добавляет: «Если продюсер захочет прописать какой-то определенный момент или реакцию участника, это все обговаривается с ним лично, согласен ли он на изменения в его реальной истории».

Подводя итог исследованию успешности формата реалити-шоу на российском телевидении можно констатировать следующее:

Притягательность формата реалити-шоу для аудитории определяется способностью приносить удовлетворение по таким потребностям, как рекреация и эскапизм. Что подтверждает выбираемая оценка зрителями своего опыта просмотра реалити-шоу — приобретение стрессоустойчивости.

Успешность реалити-шоу формирует особая форма сценария: это не полноценное и скрупулезное описание сценарных, временных, пространственных и режиссерских планов, а опорный документ, в котором прописаны основные моменты сюжета, которые «двигают» шоу от одной яркой точки к другой и к своему логическому завершению. Благодаря

этой форме сценария реализуется основная характеристика шоу — оно воспринимается документализированным, приближенным к реальности.

Удержание зрителя программирует важный критерий — верстка сюжета программы с помощью «ярких эмоциональных пиков при просмотре».

Популярность реалити-шоу заключается также в совмещении в формате жанра нескольких составляющих: эмоциональных волн, необычных обстоятельств или участников, непредсказуемого сюжета с социальным воспитанием через истории реальных людей, приобретением жизненного опыта без травмирующих последствий.

Обе проанализированные программы «Беремена в 16» и «Ждули» соответствуют признакам реалити-шоу: это эмоционально напряженный сюжет, провоцирование эффекта подглядывания и, иногда, анализа происходящего, приобретение социального опыта через призму реальных, но не разрушающих жизнь ситуаций. Помимо востребованных рекреации и эскапизма, данные реалити-шоу выполняют и социально-воспитательную функцию, так как на примере реальных ситуаций показываются проблемы, о которых не все готовы говорить открыто, но их освещение полезно для общего развития социума и движения к традиционным ценностям. Успех программ формата реалити-шоу, благодаря подобному набору критериев и функций, обеспечен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди / Э. Берн. — Режим доступа: [bern_igry_v_kotorye_igrayut_ljudi.pdf](#) (дата обращения: 05.11.2023).
2. Гуцал Е. А. Реалити-шоу на современном российском телевидении / Е. А. Гуцал. — Екатеринбург, 2008.
3. Хейзинга Й. Homo Ludens / Й. Хейзинга. — М., 1997.
4. Официальный сайт издания Правила жизни. «Большой брат»: история самого известного реалити-шоу. — Режим доступа: <https://www.pravilamag.ru/articles/200623-shou-navsegda-izmenivshee-televidenie-kak-sozdavalos-realiti-shou-bolshoy-brat-i-kak-ono-smotritsya-20-let-spustya/> (дата обращения: 22.12.2023).
5. Дебор Ги. Общество спектакля / Ги Дебор. — М., 2022.
6. Луман Н. Реальность массмедиа / Н. Луман. — М., 2005.
7. Официальный сайт независимого проекта брендингового агентства Depot WP Sostav.Ru. Доля просмотров реалити-шоу в 2023 году среди женщин выросла до 3,8%. — Режим доступа: <https://www.sostav.ru/publication/tv-60233.html> (дата обращения: 03.12.2023).
8. Уайт Питер. Состояние телевидения без сценария: сети и стримеры настроены оптимистично в 2021 году, поскольку они стремятся к стабильности после пандемии и новым шумным хитам / Питер Уайт. — Режим доступа: <https://www.yahoo.com/entertainment/state-non-scripted-tv-networks-213241190.html> (дата обращения: 08.01.2024).

9. Абраменко А. А. Жанр реалити и его особенности на российском телевидении / А. А. Абраменко // Вестник факультета журналистики Пермского государственного университета «Acta Diurna». — Режим доступа: http://psujourn.pnrod.ru/vestnik/vyp_1/abr_real.htm (дата обращения: 02.04.2024).
10. Мюррей С. Реалити-шоу: изменение телевизионной культуры / С. Мюррей, Л. Уэллетт. — Нью-Йорк, 2009.
11. Степанова Н. В ближайшие пять-десять лет реалити зрителю не надоеет / Н. Степанова, Р. Петренко // Время новостей on-line. — 2004. — № 12.
12. Официальный сайт канала «Ю-ТВ». — Режим доступа: u-tv.ru (дата обращения: 09.11.2023).
13. Официальный сайт канала «Ю-ТВ». — Режим доступа: <https://24smi.org/celebrity/100299-beremenna-v-16.html> (дата обращения: 05.03.2024).
14. Официальный сайт канала «Ю-ТВ». — Режим доступа: <https://myshows.me/view/60730/rating/> (дата обращения: 20.12.2023).
15. Белояр А. Реалити-шоу: Индустрия низменности / А. Белояр. — Режим доступа: <https://whatisgood.ru/tv/show/realiti-shou-industriya-nizmennosti/> (дата обращения: 01.02.2024).
16. Официальный сайт исследовательской компании Mediascope. — Режим доступа: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 22.02.2024).
17. Беляева Н. Родившие героини «Беременна в 16» раскрыли обман продюсеров / Н. Беляева. — Режим доступа: <https://pokatim.ru/k-znamenitosti/shou-biznes/48360> (дата обращения: 01.03.2024).
18. Секреты съемок «Беременна в 16»: как на самом деле снимают русскую адаптацию реалити-шоу. — Режим доступа: <https://kino.rambler.ru/tv/43161023-sekrety-semok-beremenna-v-16-kak-na-samom-dele-snimayut-russkuyu-adaptatsiyu-realiti-shou/> (дата обращения: 07.12.2023).
19. Официальный сайт канала «Ю-ТВ». — Режим доступа: <https://24smi.org/celebrity/266081-zhduli.html> (дата обращения: 08.02.2024).

Ростовский государственный экономический университет

Деева И. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики

E-mail: deeva_irina_16@mail.ru

Rostov State University of Economics

Deeva I. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Journalism Department

E-mail: deeva_irina_16@mail.ru

МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

К. В. Дементьева

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

О. Р. Самарцев

Ульяновский государственный университет

Поступила в редакцию 15 апреля 2024 г.

Аннотация: *в статье представлен подход к формированию моделей СМИ, опираясь на который, можно провести другие исследования по определению моделей СМИ. Факторами формирования региональных моделей СМИ являются особенности аудитории, цифровизация, глобализация, глокализация, экономико-правовые и социально-политические аспекты, диверсификация контента региональных СМИ.*

Ключевые слова: *модели региональных СМИ, факторы формирования, подход, медиа.*

Abstract: *the article presents an approach to the formation of media models, based on which it is possible to conduct other studies to determine media models. Factors in the formation of regional media models are the characteristics of the audience, digitalization, globalization, glocalization, economic, legal and socio-political aspects, diversification of regional media content.*

Keywords: *regional media models, formation factors, approach, media.*

Технологический прогресс, особенно в области информационных технологий, существенные социальные сдвиги, экономика цифровой эпохи задали вектор глобальной трансформации всей системы медиакоммуникаций и, конечно, СМИ. Это касается как мировых медийных систем, так и российских, существующих и развивающихся в новых реалиях. Однако в регионах России ситуация отличается: повторяя в общем глобальные тенденции, имеет свои собственные, не схожие друг с другом особенности. Для построения моделей региональных СМИ, необходимо учитывать ряд факторов, которые определяют их функционирование и развитие. Важно проследить влияние глобализации на региональные медиасистемы, так как она может оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие. В силу разнообразия регионов России следует учитывать их географические особенности, социокультурный контекст, экономическую составляющую и политическую обстановку.

Регионы представляют значительную часть страны, поэтому понимание того, что происходит в различных субъектах, в том числе и в их медиасистемах, крайне важно. Необходимо не просто анализировать отдельные медиа или часть региональных СМИ, но и смотреть на медиасистемы в регионах обобщенно. Это можно сделать, лишь применяя метод моделирования, составляя модели региональных СМИ. Это оправдано и с точки зрения теории, и с точки

зрения практики. Концепции метода моделирования затрагивались в работах В. В. Тулупова, В. Л. Иваницкого, Б. Н. Головки, В. Ф. Олешко и др.

Однако, по сути дела, единой, признанной всеми модели региональных СМИ не существует, а разработанные ранее отчасти устарели или трансформировались, или находятся в стадии трансформации. Это легко объяснимо поистине тектоническими сдвигами последних лет во всех сферах жизни в России. Изменения происходят и в СМИ, в системах медиа регионов. То есть в современных, динамично изменяющихся условиях трудно построить единую, сколько-нибудь адекватную модель, но можно выделить факторы, которые определяют ее облик.

Анализ этих факторов позволит построить целостную картину для анализа региональных медиасистем, выявить общие закономерности и тренды, которые могут быть ключевыми для построения прогнозов. Также важно учитывать динамичность изменений в обществе и информационной сфере, чтобы модели региональных СМИ были актуальными и учитывали текущие тенденции. С учетом вышеупомянутых факторов актуальные модели региональных СМИ могут быть построены с учетом глубокого анализа особенностей региона, уровня глобализации, изменяющихся потребностей аудитории, технологических инноваций и других важных факторов. Такой подход позволит разработать устойчивые и адаптивные модели, способные эффективно функционировать в переменчивых условиях информационного общества.

Речь идет о факторах, особенностях, которые необходимы при построении моделей региональных СМИ в современных условиях, поскольку в связи с быстрыми переменами в политическом, социально-экономическом, технологическом состоянии регионов страны они не только показывают целостную картину, но и могут способствовать составлению прогнозов.

Принимая во внимание развитие медиа в глобальном аспекте, связанное с трансформациями всех процессов общества и переменами внутри медиасистемы России, важно выявить спектр факторов, оказывающих воздействие на региональные СМИ; а так как участники, вовлеченные в медиапроцессы в регионах, в основном будут одинаковыми, то полученные факторы и их критерии будут применимы для моделирования региональных СМИ.

Многомерное исследование национальной и региональных медиасистем и тенденций их развития позволили определить факторы формирования региональных моделей СМИ, а также критерии для сравнения региональных систем медиа.

Аудиторный фактор:

- медийная насыщенность в регионе (низкая, средняя, высокая);
- потенциальная численность и разнородность целевой аудитории СМИ региона;
- уровень цифрового потенциала.

Фактор цифровизации, глобализации и глокализации:

- уровень цифрового развития СМИ (низкий, средний, высокий);
- соотношение федеральных и региональных СМИ (поровну, преобладание федеральных СМИ, преобладание региональных СМИ);
- соотношение региональной и федеральной повестки в региональных СМИ (поровну, преобладание федеральной повестки, преобладание региональной повестки);
- как часто региональная информация выходит на мезо- и макроуровни;
- участие СМИ в глокализации сверху и снизу;
- положение районных СМИ по отношению к региональным и городским (централизованная система СМИ, децентрализованная система СМИ).

Экономико-правовой и социально-политический фактор:

- уровень регионального правового регулирования СМИ (наличие локальных правовых документов, случаи их применения);
- модели экономического функционирования СМИ;
- уровень дотаций (низкий, средний, высокий);
- развитие рекламного рынка в регионе;
- информационная открытость власти;
- отношение с властью (авторитарный, либеральный, конфронтационный);

— уровень свободы распространения информации;

— уровень медийной конфликтности региона.
Фактор диверсификации контента:

— развитость новых цифровых ресурсов для продвижения контента СМИ (сайты, паблики в соцсетях, телеграм-каналы, мобильные приложения, блоги);

— отток аудитории от официальных СМИ в неинституционализованные медиа или, наоборот, сохранение аудитории на смежных медиаплатформах;

— жанровое и лексико-стилистическое разнообразие (преобладание стандартных информационных жанров, развитие новых, возрождение старых; лексико-стилистическая бедность, богатство языка и стиля);

— визуализация медиатекстов и особенно креолизация на цифровых ресурсах СМИ.

Используя компаративный анализ региональных медиа, опираясь на выявленные факторы и их критерии, можно построить модели региональных СМИ и провести их анализ. Выявленные факторы носят универсальный характер и будут являться инструментом для определения модели СМИ и последующей работы с полученными данными. Это применимо как для отдельных регионов (например, в рамках кандидатских диссертаций, охватывающих один субъект), так и для более масштабных исследований.

Каждый из этих факторов полностью или их отдельные критерии могут оказывать различное воздействие на конкретные модели региональных СМИ, то есть являться системообразующими, системо-разрушающими, системонейтральными, т.е. анализ воздействия факторов на региональную модель СМИ способствует более глубокому анализу модели и позволяет составить прогноз изменения модели в будущем.

Таким образом, в исследовании представлен подход к формированию моделей СМИ, опираясь на который, можно провести другие исследования по определению моделей СМИ. Даже изменения в медиаполе, изменения моделей СМИ позволят сделать такой анализ медиасистемы любого региона и либо актуализировать имеющиеся данные, либо определить модель с нуля.

Применяя полученный подход на основе факторного анализа к любой региональной медиасистеме, можно собрать необходимое для идентификации модели количество исходных данных. Определение модели СМИ поможет в дальнейшем анализировать развитие медиа, принимать управленческие решения в сфере медиа и составлять прогнозы их будущего развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головкин Б. Н. Социолитературное моделирование управления современными СМИ: дис. ... д-ра филол.

наук / Б. Н. Головки. — М., 2005.

2. Иваницкий В. Л. Основы бизнес-моделирования СМИ: учеб. пособие для студентов вузов / В. Л. Иваницкий. — М., 2010.

3. Дементьева К. В. Системные, структурные, организационные и типологические особенности формирова-

ния региональных моделей СМИ: дис. ... д-ра филол. наук / К. В. Дементьева. — М., 2023.

4. Олешко В. Ф. Моделирование в журналистике: теория, практика, опыт / В. Ф. Олешко. — Екатеринбург, 2000.

5. Тулупов В. В. Основы моделирования в журналистике / В. В. Тулупов. — Воронеж, 2020.

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

Дементьева К. В., кандидат филологических наук, заведующий кафедрой журналистики

E-mail: dementievakv@gmail.com

Ogarev Mordovia State University

Dementieva K. V., Candidate of Philology, Head of the Journalism Department

E-mail: dementievakv@gmail.com

Ульяновский государственный университет

Самарцев О. Р., доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики, филологии, документоведения и библиотековедения

E-mail: olegsamar@rambler.ru

Ulyanovsk State University

Samartsev O. R., Doctor of Philology, Head of the Journalism, Philology, Documentation and Library Science Department

E-mail: olegsamar@rambler.ru

«ЛИЧНЫЙ (ПЕРСОНАЛЬНЫЙ) БРЕНД» И ЕГО ЭЛЕМЕНТЫ. К ВОПРОСУ О ВЫРАБОТКЕ НАУЧНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Н. А. Иванова

Российский университет дружбы народов

Поступила в редакцию 21 апреля 2024 г.

Аннотация: в статье проанализированы ключевые подходы в американской и отечественной науке к теме «личного бренда», рассмотрены смежные понятия и предложено научное определение терминов: «личный (персональный) бренд», «личный брендинг», «люди-бренды», «стратегия продвижения личного бренда».

Ключевые слова: личный бренд, персональный бренд, личность-бренд, люди-бренды, личный брендинг, персональный брендинг, личный бренд в социальных сетях, коммуникация личного бренда, элементы личного бренда, блогеры.

Abstract: the author analyzes key approaches in American and Russian science to the topic of “Personal Brand”, examines related concepts and proposes a scientific definition of the terms: “Personal Brand”, “Personal Branding”, “People-Brands”, “Personal Brand Promotion Strategy”.

Keywords: personal brand, personality-brand, people-brands, personal branding, personal brand on social networks, personal brand communication, personal brand elements, bloggers.

В международной коммуникационной практике понятие «личный бренд» как репрезентация индивидуальности с использованием инструментов маркетинга для достижения результатов в карьере впервые прозвучала в 2017 г. в статье Тома Питерса *The brand called you* [1]. Эта работа носит популярный характер, однако она крайне важна для понимания индивидуальных задач по публичному продвижению личности, занимающейся своей карьерой или развивающей собственное дело. Статья полезна также для понимания базовых принципов, на которых строится личный бренд, и самых общих технологий продвижения личного бренда.

По мысли Т. Питерса, каждый человек, вовлеченный в бизнес-среду как в роли владельца, так и работающий в найме, для достижения своих целей должен выполнять «важнейшую работу главного маркетолога самого себя» [1]. Работа с личным брендом, по мысли Т. Питерса, основывается прежде всего на постоянном изучении новых навыков, их освоении личностью и улучшении владения ими. Это критически важное положение, согласно которому в основе личного бренда всегда находится профессионализм и уровень владения профессиональными компетенциями, твердыми навыками. Именно степень профессионализма, способность выполнять одно и то же дело лучше других определяет конкурентное преимущество одного профессионала относительно других в той же сфере деятельности. Это положение указывает на то, что личный бренд всегда

связан с определенной профессиональной областью и основывается на профессиональных компетенциях личности и конкретных результатах работы.

Т. Питерс подчеркивает, что задача профессионала через свой бренд — стать отличным от других, выделиться за счет своих навыков «от 1500 других умных людей в деловых костюмах, которые ходят рядом» [1]. Личности-бренды сами создают идею того, кем они являются как профессионалы, а также идею своей работы, и в целом «создают ключевое сообщение и стратегию продвижения бренда, которым сами являются» [1]. Важно подчеркнуть, что исследователь разделяет два понятия: «ключевое сообщение» личного бренда и «стратегия продвижения личного бренда», где первое — дело, содержание, суть личности, а второе — те технологии, за счет которых личность будет продвигать свой бренд.

К технологиям продвижения или коммуникации личного бренда Т. Питерс относит следующие:

Название адреса электронной почты личности или веб-сайта (по сути, это нейминг личного бренда; каждое электронное письмо — это действие, которое влияет на «личный бренд»).

Каждый деловой разговор — возможность рассказать о ценности вашей работы и важности ваших проектов для успеха всей компании.

На личный бренд влияет все, что человек произносит, а также манера, с которой он это делает.

Стиль человека.

Рекомендации, «сарафанное радио» — ключевая стратегия для продвижения «личного бренда».

Преподавание другим своей специальности (этот

инструмент позволяет приобрести статус эксперта).

Создание сообщества по своей тематике из числа учеников.

Ведение экспертной колонки в медиа.

Издание книги с фиксацией своей уникальной технологии или подхода к делу.

Очевидно, что технологии продвижения личного бренда динамично развиваются и соответствуют самым актуальным своему времени технологиям маркетинга и PR, поэтому перечень, предложенный автором понятия «личный бренд», нельзя рассматривать как исчерпывающий и конечный.

Т. Питерс приходит к выводу о том, что, приобретая в той или иной области «личный бренд», его носитель приобретает две силы: *influence power* — силу влияния и *reputation power* — силу репутации.

Важным этапом дальнейшего развития концепта стало предложенное американским маркетологом и консультантом по личному бренду М. Хантером разграничение понятий «личный бренд» и «личный брендинг», где первое понятие — это целевой результат, а второе — процесс его формирования.

«Личный бренд» — это широко признанное и единое восприятие или впечатление о личности, основанное на ее опыте, экспертности, компетенциях, действиях и/или достижениях в сообществе, отрасли или в целом на рынке [2].

«Личный брендинг» — это осознанные и намеренные усилия по формированию общественного восприятия личности и способности влиять на это восприятие посредством позиционирования авторитета личности в отрасли, повышения к ней доверия со стороны аудитории, отстройки от конкурентов; целевой результат этих действий — продвижение в карьере, расширение зоны влияния и обладание большей репутационной силой оказывать воздействие на других» [2].

Таким образом, М. Хантер понятийно разделяет процесс коммуникации личного бренда (понятие «личный брендинг») и целевой результат этой деятельности — создаваемый публичный образ (понятие «личный бренд»).

В международной науке актуальное осмысление понятия «личный бренд» происходит в контексте возможностей цифровых коммуникаций — интернет-медиа и социальных сетей, которые являются сегодня самыми доступными каналами для продвижения личного бренда. В глобальном сообществе стремительно приобрела популярность и продолжает развиваться социальная сеть, направленная на выстраивание профессиональных и карьерных коммуникаций — LinkedIn. Другие социальные сети как пространства притяжения аудитории и создания сообществ также используются пользователями для стратегических профессиональных и деловых коммуникаций. Социальные сети — это очень важный канал коммуникации личного бренда, однако

это только один из десятков возможных каналов. Комплексных научных исследований, которые бы описывали совокупность технологий продвижения личного бренда, описывали, для какого потенциального результата какие технологии продвижения личного бренда и в каких отраслях будут наиболее эффективны, нет.

В отечественном дискурсе по теме личного бренда преобладают научно-популярные тексты и экспертные заметки в сети Интернет. Вопреки популярности темы, научных текстов не очень много, также нет научно-исследовательской школы изучения личного бренда.

В отечественной науке встречаются разные подходы к определению понятия, сущность которого связана с формированием публичного образа личности — «личный бренд» и «персональный бренд».

Широкое распространение получила книга А. Рябых и В. Кирилловой, которую сами авторы позиционируют как «всеобъемлющее исследование персонального бренда и практическое пособие по его созданию» [3, 304]. Авторы используют термин «персональный бренд», под которым понимают «образы (обещания, ожидания), которые появляются в сознании других людей от конкретной персоны» [3, 6–7]. Процесс формирования и продвижения этого образа в книге определяется как «персональный брендинг» [3, 223], таким образом, присутствует разграничение процесса (брендинг) и целевого результата (бренд). В книге проблематика персонального брендинга представлена весьма развернуто, однако само издание относится к жанру бизнес-, а не научной литературы. Дальнейшие изыскания по тематике персонального бренда авторов книги «Персональный бренд: создание и продвижение» носят преимущество популярный характер, а сами изыскания и экспертные умозаключения реализованы в формате блога.

Исследователи У. Назарова и Т. Подгорная используют также термин «персональный бренд», который они определяют как канал коммуникации, посредством которого выстраивается система доверительных отношений между предпринимателем и потребителем, и рассматривают его как фактор, оказывающий влияние на успех в предпринимательстве [4, 64]. То есть персональный бренд — это не результат коммуникационной работы, а канал коммуникации между субъектом и объектом [4, 64]. С таким подходом сложно согласиться, потому что бренд — это результат действий, реализуемых с использованием разных каналов коммуникации, а не сам канал коммуникации.

Д. Гоголева исследует специфику брендов политиков и применяет понятие «политический бренд». Согласно исследователю, это узнаваемый и устойчивый образ политика, который был сформирован в результате положительного взаимодействия с электоратом,

вследствие чего даже без значимых политических достижений политик с сильным личным брендом пользуется поддержкой своих избирателей и обладает узнаваемостью в массовой аудитории [5, 370].

Исследователи С. Варганов и А. Хворостяная используют понятие «личный бренд», изучая явление во взаимосвязи с рынком труда. Под личным брендом понимается «стратегический актив, приносящий финансовую выгоду его носителю» [6, 218]. Отечественные исследователи отмечают, что условия для развития личного бренда сегодня создали глобальные процессы цифровизации, где медиатизированный, то есть представленный не лично, а в средствах массовой коммуникации, личный бренд «стал выполнять функции априорного информирования о квалификации работника», а «стратегическая роль на рынке труда личного бренда связана с повышением дохода при инвестировании в него» [6, 218]. Понятие «репутация» исследователи включили в понятие «личный бренд» как один из его аспектов.

Продолжая идею связи личного бренда и возможностей карьерного роста, Н. Белякова описывает значение следования корпоративной культуре для сотрудников, занятых в найме. Второй вопрос, который поднимается ученым, — перспективы интеграции практической PR-деятельности в сфере корпоративных коммуникаций и работы с личным брендом сотрудников в найме [7, 105]. Развивая мысль исследователя, можно сделать вывод о том, что в части технологий продвижения личного бренда сотрудников, работающих в найме, и самостоятельных предпринимателей есть отличия. Они связаны с разницей в целевых аудиториях, в ограничениях, обусловленных корпоративной культурой и иерархией. Сотрудники в найме должны учитывать корпоративные ценности, а основатели собственного бизнеса могут в интересах своего личного бренда координировать ценности бизнеса с личными ценностями.

Личный бренд как технология персональных коммуникаций развивается преимущественно в практической плоскости. Практики, фиксируя свою экспертность, создают по тематике научно-популярные, журналистские и блогерские материалы. В них поднимаются отдельные вопросы, относящиеся к личному бренду, однако нет концептуального и комплексного осмысления концепта. В результате научное осмысление личного бренда, его технологий и смежных понятий в отечественной науке представляется недостаточным.

В опоре на теоретическое осмысление личного бренда в американской и отечественной науке, а также на значительный практический опыт работы с личными брендами предпринимателей, государственных служащих, международных чиновников, сотрудников в найме (на госслужбе и в бизнесе) в роли консультанта и PR-эксперта, автор статьи делает попытку предложить комплексное, всестороннее опре-

деление понятий «личный бренд» и «личный брендинг», а также смежных понятий: личность-бренд, люди-бренды. Также предлагается авторская система элементов личного бренда.

Концептуально автор этой статьи рассматривает личный брендинг как уникальный, комплексный, воспринятый публично образ личности, существующий в восприятии аудитории, в основе которого лежит: профессиональное дело личности, профессиональная компетентность и достижения, деловая репутация, ценности личности и совокупность способов индивидуальной проявленности личности.

Личный брендинг — комплексная технология стратегических интегрированных коммуникаций по созданию и продвижению целевого личного бренда в целевых аудиториях. Личный брендинг эффективен в случае, когда он координируется с маркетинговой и PR-стратегией продвижения основного бизнеса/проекта. Личный бренд может быть актуальным и целевым. Актуальный личный бренд — публичный образ личности на актуальном этапе, оцениваемый на основе анализа восприятия личности целевой аудиторией. Целевой личный бренд — желаемый публичный образ личности, необходимый для достижения деловых задач проекта или бизнеса, в которых у личности ведущая или одна из ключевых ролей.

Применение технологии личного брендинга в дополнение к основным маркетинговой и PR-стратегиям для продвижения бизнеса не является обязательным условием для продвижения бизнеса. Это решение обусловлено желанием владельца/топ-менеджера и стратегической целесообразностью. В случаях, когда владелец выстраивает одновременно несколько бизнесов, тем более в разных отраслях, и стремится к отстраненному положению и роли только инвестора и акционера, делегируя операционную деятельность топ-менеджменту, технология личного брендинга в привязке к бизнесам, вероятнее всего покажется неэффективной, а иногда и вредной для проекта.

Есть проекты или бизнесы, в которых продвижение личного бренда становится преобладающей технологией для развития и продвижения всего дела. Эта ситуация особенно характерна для стартапов, малого бизнеса в тех случаях, когда они выстраиваются вокруг сильных профессиональных навыков владельца, когда клиенты в качестве исполнителя выбирают именно основателя дела, тем самым отдавая предпочтение именно его мастерству исполнения дела и доверяя ему лично. Продвижение такого бизнес-проекта через технологию личного брендинга позволяет развивать бизнес. Однако на определенном этапе эта связь ценности бизнеса-предложения и личности ее владельца становится и ограничением для роста бизнеса. Это реализуется в случаях, когда заказчики ожидают, чтобы работу выполнял именно

основатель, ценя его мастерство, а не другие сотрудники под личным брендом основателя. На этом этапе требуется перестройка бизнес-модели. Ключевые сообщения в стратегии продвижения личного бренда владельца в этом случае также будут меняться.

Личный бренд очень важен для профессионалов в разных сферах деятельности, независимо от того, работают они сами на себя или в найме (как в государственных корпорациях, так и в частном бизнесе). Наличие личного бренда позволяет «отстраиваться» от конкурентов, расти по карьерной лестнице. Он в целом обеспечивает большую конкурентоспособность персоне, которая им обладает, и дает большую защищенность с точки зрения рынка труда в своей сфере деятельности. Это путь к достижению авторитета в своей области и к достижению ролей лидера мнений и трендсеттера. Личный бренд не может долго находиться в статичном состоянии. Без коммуникационной активности он постепенно будет вытеснен другими личными брендами в той же сфере деятельности.

«Личность-бренд» («человек-бренд») — личность, обладающая узнаваемым и признаваемым публично личным брендом.

Термины «личный бренд» и «персональный бренд», а также «личный брендинг» и «персональный брендинг» автор оценивает как тождественные и допускает использование обоих терминов как равнозначных.

Научное осмысление понятий «личный бренд», «личный брендинг» и их смежных понятий позволяет структурировать весь корпус практического и экспертного опыта, существующего в этой области, разделить содержательное наполнение практики формирования личного бренда для блогеров и медийных персон, а также для предпринимателей, топ-менеджмента/менеджмента (на госслужбе

и в частном бизнесе), профессионалов и экспертов в своей области, чиновников, политиков. Создание и распространение научного знания в области личного бренда может позволить ограничить распространение некачественной информации, а также связанных с ней аналогичных по уровню образовательных программ, курсов и мастер-классов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Peters T. The brand called you. Fast company / T. Peters. — Режим доступа: <https://www.fastcompany.com/28905/brand-called-you> (дата обращения: 20.01.24).
2. Definition of a Personal Brand vs. Personal Branding. Personalbrand.com. — Режим доступа: <https://personalbrand.com/definition/> (дата обращения: 20.01.24).
3. Рябых А. Персональный бренд: создание и продвижение / А. Рябых, В. Кириллова. — М., 2014.
4. Назарова У. А. Роль персонального бренда как инструмента развития бизнеса в современной экономике / У. А. Назарова, Т. Ю. Подгорная // Bulletin USPTU. Science, education, economy. — 2022. — № 4 (42). — С. 64–68.
5. Гоголева Д. В. Особенности формирования российского политического бренда: на примере феномена личности В. В. Жириновского / Д. В. Гоголева // Политические институты, процессы, технологии. — 2022. — С. 370–376.
6. Вартанов С. А. Стратегирование личного бренда в условиях цифровой медиатизации: теоретико-игровой и поведенческий подходы / С. А. Вартанов, А. С. Хворостяная // Strategizing. Theory and Practice. — 2023. — Vol 3. — № 2. — С. 218–232.
7. Белякова Н. Личный бренд и корпоративная репутация: потенциал интеграционного взаимодействия / Н. Белякова // Российская школа связей с общественностью. — 2017. — С. 105–113. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnyy-brend-i-korporativnaya-reputatsiya-potentsial-integratsionnogo-vzaimodeystviya> (дата обращения: 20.01.24).

Российский университет дружбы народов
Иванова Н. А., ассистент кафедры массовых коммуникаций
E-mail: nataliya.vilnius@gmail.com

People's Friendship University of Russia
Ivanova N. A., Assistant of Mass Communications Department
E-mail: nataliya.vilnius@gmail.com

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ КОМПАНИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КИТАЯ

Тянь Кайгэ

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 6 мая 2024 г.

Аннотация: продвижение компаний через социальные сети является общемировым трендом в условиях повсеместной цифровизации. Актуально это в том числе и для Китая. В этой стране достаточно жесткое регулирование как социальной сети (к примеру, большинство глобальных ресурсов там под запретом), так и рекламной и маркетинговой деятельности. Это накладывает отпечаток и на коммуникационные технологии продвижения в китайских соцсетях. При этом в статье отмечается крайне высокая их эффективность для бизнеса, что подтверждают многочисленные примеры.

Ключевые слова: соцсети, продвижение, реклама, компании, бренды.

Abstract: promotion of companies through social networks is a global trend in the context of widespread digitalization. This is also relevant for China. This country has fairly strict regulation of both the social network (for example, most global resources are banned there) and advertising and marketing activities. This also leaves an imprint on communication technologies for promotion in Chinese social networks. At the same time, the article notes their extremely high efficiency for business, which is confirmed by numerous examples.

Keywords: social networks, promotion, advertising, companies, brands.

В эпоху цифровых технологий коммуникационные технологии произвели революцию во всех сферах. Платформы социальных сетей расширили возможности взаимодействия, позволив людям делиться своими мыслями, опытом и контентом с глобальной аудиторией. Приложения для обмена мгновенными сообщениями упростили общение в реальном времени независимо от географического местоположения.

Эта глобальная тенденция не прошла мимо Китая. Огромное население страны в сочетании с его растущим благосостоянием и внедрением цифровых технологий предоставляет огромные возможности для бизнеса, который активно прибегает к использованию различных коммуникационных технологий для продвижения своих товаров и услуг. При этом механизмы продвижения несколько отличаются от тех, что приняты в остальном мире по ряду причин: от жесткого регулирования данной сферы со стороны государства до наличия собственных, сугубо китайских соцсетей и приложений, имеющих ряд уникальных особенностей. Понимание того, как осуществляются эти процессы, подчеркивают актуальность темы статьи.

Прежде чем анализировать коммуникационные технологии, используемые китайским бизнесом для продвижения в соцсетях, следует хотя бы кратко охарактеризовать основные теоретические аспекты данного вопроса. Многие исследователи посвя-

тили большое количество научных работ изучению этой проблемы.

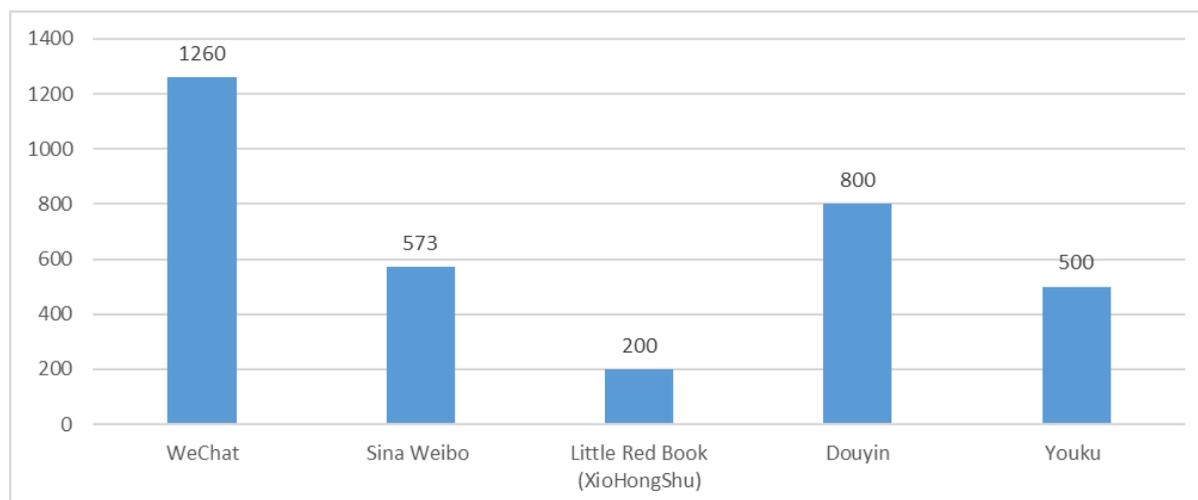
Как правило, выделяется широкий перечень различных каналов: от поисковой оптимизации (SEO) и мобильной рекламы до разных видов продвижения в соцсетях и привлечение инфлюенсеров (агентов влияния) [1].

Вместе с этим следует понимать, что все эти виды продвижения тесно связаны между собой и могут использоваться в комплексе для достижения наилучших результатов. Например, могут привлекаться инфлюенсеры для продвижения какого-либо товара или бренда в социальных сетях, а просматривать видеоролики будет пользователь при помощи мобильного устройства через приложение. При этом все это будет основано на основных принципах SEO-оптимизации.

Многие компании уделяют повышенное внимание продвижению в соцсетях, т.к. они пользуются большой и непрерывно растущей популярностью среди потребителей. Касается это в том числе и Китая. Социальные сети стали неотъемлемой частью жизни многих людей по всему миру, при этом в Китае ограничены некоторые западные платформы социальных сетей. Этот запрет привел к возникновению своих, уникальных и самобытных платформ, имеющих очень большое количество пользователей.

Рис. 1

Количество активных пользователей соцсетей в Китае (млн. в месяц на 2022 год)[2]

Естественно, что это приводит к тому, что соцсети активно используются компаниями для продвижения своих брендов и товаров в рамках различных роликов, социальной рекламы. Как отмечают китайские исследователи, в Китае наблюдается много ограничений со стороны властей, которые не дают делать традиционные рекламные ролики (с акцентом на превосходную степень товаров, их уникальности, манипулятивные эмоциональные технологии) [3]. С другой стороны, китайские соцсети максимально тесно интегрированы с электронной коммерцией, что позволяет активно коммерциализировать любое продвижение в соцсетях. И это наглядно можно увидеть благодаря представленным ниже примерам.

Так, очень многие бренды активно прибегают к использованию соцсети Douyin, делающей акцент на коротких видеороликах (а именно короткие ролики являются глобальным трендом и активно используются всеми существующими соцсетями и, соответственно, рекламодателями). Китайский рынок развивается в рамках этих тенденций. Благодаря статической или полной видеорекламе длительностью от 4 до 60 секунд бренды могут сразу же представить эффектную и увлекательную форму визуального повествования с вовлечением пользователей, гибкими вариантами ссылок и мощной аналитикой. Исследование Nielsen Research показало, что реклама TopView Douyin приводит к повышению узнаваемости бренда на 18%, показателю благосклонности бренда на 99%, рекомендациям бренда на 89% и намерению совершить покупку на 78% [4]. Это позволяет говорить об очень высокой эффективности такой технологии продвижения.

Многие люксовые бренды используют соцсеть Douyin в своих целях. К примеру, согласно ежегодному отчету Douyin Luxury Industry за 2021 г., опубликованному Trend Insight, более 60% компаний из списка Deloitte Global Top 100 (компаний класса люкс 2021 г.) уже активны на Douyin, как, например, Gucci, Louis Vuitton и Dior.

Например, показ мужской моды осень-зима 2021 г. от Louis Vuitton транслировался в прямом эфире на Douyin, и его пиковое число зрителей составило 27 млн. Вскоре после этого официальный аккаунт Louis Vuitton в Douyin приобрел более 250 000 подписчиков.

Или другой пример. Не так давно ресторан Haidilao внедрил «рецепт DIY Douyin» [5]. Клиенты могли прийти и заказать этот «рецепт». По состоянию на апрель 2023 г. в этом мероприятии приняли участие около 15 000 пользователей Douyin и было опубликовано около 2 000 коротких видеороликов. По мере того как все больше пользователей запрашивают «рецепт Douyin», ресторан увеличивает свою выручку.

Всемирно известные бренды для продвижения в Китае используют в том числе и не самые стандартные и уникальные соцсети. В данном случае можно отметить действия Audi и Lego в Zhihu Daily. Эта соцсеть характеризуется тем, что она публикует для своих пользователей подборку статей, ответов и новостей. Обновляемый три раза в день сервис предоставляет высококачественный контент, на просмотр которого пользователи тратят в среднем 21 мин. в день. Для сравнения: в среднем китайские интернет-пользователи тратят пять минут в день на новостные приложения в целом. Это соцсеть, позволяющая своим пользователям получать информацию на важные для них темы, в том числе на социальные. И этим пользуются глобальные компании. Например, Audi ответила на вопрос: «Почему Audi называют The Headlight Company («компания фар»)»? Автопроизводитель представил историю автомобильного освещения и объяснил, как развивались фары Audi и почему это передовые решения на всем автомобильном рынке. Данный ответ получил более 5000 лайков и почти 600 комментариев — значительный отклик, который способствовал привлечению потребителей бренда, усилению его влияния в социальных сетях и укреплению его общей репутации.

Еще одним хорошим примером может быть известный производитель конструкторов Lego. В 2017 г. компания инициировала вопрос: «С каким загадочным поведением своего ребенка вы столкнулись?» Здесь более 460 000 просмотров и 140 ответов. Многие известные пользователи активно участвовали во взаимодействии и повысили популярность поиска на основных поисковых платформах в Китае.

Японский дизайнер и производитель одежды UNIQLO обратил внимание на то, что китайцы посещают соцсети преимущественно со смартфонов и вообще активно пользуются различными гаджетами. Дизайнером была внедрена возможность виртуальной примерки одежды в магазине, можно было позировать перед монитором с камерой на разном фоне, например в Нью-Йорке, Токио или Лондоне. Затем фотографии отправлялись в учетную запись клиентов WeChat. Как отмечается в ряде зарубежных источников, мероприятие имело огромный успех: продажи специализированной продукции выросли на 30%, также значительно увеличилось число подписчиков UNIQLO в китайских соцсетях [6].

Еще одним примером, подчеркивающим приоритетность соцсетей при осуществлении продвижения, является рынок люксовых часов. По мере того, как Китай укрепляет свои позиции в качестве потребительского лидера XXI в. (с колоссальным объемом продаж люксовых часов в 10,89 млрд. долларов в 2023 г.), компании, выпускающие брендовые часы, ищут новые коммуникационные технологии продвижения в соцсетях, чтобы привлечь как можно больше клиентов [7].

Такая тактика приводит к успеху, т.к. большинство китайских потребителей при поиске люксовых швейцарских часов используют соцсети Xiaohongshu, Douyin Huoshan и Sina Weibo [8]. Еще одним интересным фактом для специалистов по маркетингу является тот факт, что, согласно исследованиям, зарплата людей не влияет на то, какие каналы социальных сетей они используют. Другими словами, соцсети отлично подходят в том числе и для продвижения очень дорогих брендов и компаний, повышая их узнаваемость и конвертируя ее в реальные покупки товаров.

Однако было бы наивным полагать, что любые коммуникационные действия в соцсетях будут эффективны с точки зрения продвижения компаний. Примером является опубликованный в соцсетях WeChat и Weibo ностальгический плакат о женщине, которая в 1931 г. использовала косметическую продукцию Baiqueling (что должно было свидетельствовать о том, что бренд проверен временем) [9]. Однако данная коммуникационная технология оказалась крайне неудачной. Да, рекламный пост получил более 30 миллионов просмотров в WeChat и более 100 млн. просмотров в Weibo. Вместе с этим уровень конверсии, т.е. покупок, сделанных в результате просмотра данной рекламы оказался менее 0,008%. Это была

противоречивая кампания, поскольку она была примером замечательной социальной коммуникации, но не достигла своей цели.

В наши дни аудитория жаждет полноценной сюжетной линии, и чтобы эта сюжетная линия стала вирусной, она должна быть существенной или сентиментальной. Однако большее количество просмотров страниц больше не гарантирует высокую долю покупок.

В качестве выводов к представленной информации можно отметить следующее. Продвижение товаров и услуг в современном мире играет важнейшую, если не ключевую роль, во всех отраслях и сферах. Это подчеркивают многие исследователи в своих трудах. При этом на фоне повсеместной цифровизации наиболее активно используются различные соцсети. Актуально это в том числе и для китайского рынка, на котором не представлены глобальные платформы, но функционируют крайне популярные местные ресурсы. К их использованию активно прибегают различные бренды и компании, как китайские, так и глобальные. Используются различные коммуникационные технологии, от публикации коротких рекламных видеороликов и фотографий до больших и подробных текстовых сообщений, имеющих большую социальную значимость. При этом, нужно сделать оговорку, продвижение осуществляется в строгом соответствии с нормами китайского законодательства.

В большинстве случаев коммуникационные технологии продвижения в китайских соцсетях позволяют повысить узнаваемость компаний, улучшить конверсию и нарастить продажи. Да, не все рекламные кампании успешны, но это абсолютно нормальная ситуация. Учитывая непрерывно растущее количество пользователей китайских соцсетей и все более тесную их интеграцию с электронной коммерцией, можно предположить, что продвижение в соцсетях будет использоваться бизнесом и в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курочкин М. Е. Каналы и инструменты продвижения в интернете в контексте концепции маркетинговых коммуникаций / М. Е. Курочкин // Инновации и инвестиции. — 2020. — № 9. — С. 96–101.
2. Role of social media marketing activities in China's e-commerce industry: A stimulus organism response theory context. — Режим доступа: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2022.941058/full> (дата обращения: 15.04.2024).
3. Коммуникативные характеристики современной рекламы Китайской Народной Республики. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46163683> (дата обращения: 15.04.2024).
4. Шибут И. П. Роль рекламной интернет-коммуникации в формировании имиджа Китая / И. П. Шибут, Тэ Гусы // Медиатехнологии в условиях изменяющегося мира:

тренды, проблемы, прогнозы.— Ставрополь, 2022.— Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/290100> (дата обращения: 15.04.2024).

5. 5 Most Popular Platforms for Social Media Marketing in China.— Режим доступа: <https://nealschaffer.com/social-media-marketing-china-platforms/> (дата обращения: 15.04.2024).

6. Top 10 Social Media Campaigns in China.— Режим доступа: <https://seoagencychina.com/top-10-social-media-campaigns-china/> (дата обращения: 15.04.2024).

7. 5 Secrets to sell Luxury Watches to Wealthy People in

China.— Режим доступа: <https://www.linkedin.com/pulse/5-secrets-sell-luxury-watches-wealthy-people-china-e-commerce-china> (дата обращения: 15.04.2024).

8. Meraviglia F. How to promote Swiss watches on Chinese social media platforms: impacts of influencer attributes on consumer's purchase intentions // ZHAW Zürcher Hochschule für Angewandte Wissenschaften, Winterthur, 2022.

9. Social Media Marketing: Four Chinese Campaigns to Learn From.— Режим доступа: <https://chozan.co/blog/social-media-campaign-2018/> (дата обращения: 15.04.2024)

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Тянь Кайгэ, аспирант кафедры рекламы и связей с общественностью

E-mail: kaige2013@yandex.ru

Lomonosov Moscow State University

Tian Kaige, Postgraduate Student of the Advertising and Public Relations Department

E-mail: kaige2013@yandex.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА МАНИПУЛИРОВАНИЯ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА)

Кан Кумсук

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 22 марта 2024 г.

Аннотация: целью данного исследования является выявление и анализ основных языковых средств манипулирования массовым сознанием на примере русскоязычных медиатекстов медицинского дискурса. Материалом исследования послужили более 100 языковых единиц из онлайн-газет и журналов, сайтов информационных агентств и др.

Ключевые слова: языковые средства, манипулирование, массовое сознание, медицинская метафора, медицинская терминология, медицинский дискурс, медиатекст.

Abstract: the purpose of this study is to identify and analyze the main linguistic means of manipulating mass consciousness in Russian-language media texts using the example of medical discourse. The research material included more than 100 linguistic units. The sources of factual material were online newspapers and magazines, websites of news agencies, and radio.

Keywords: linguistic means, manipulation, mass consciousness, medical metaphor, medical terminology, medical discourse, media text.

Подчеркивая междисциплинарный характер медицинского дискурса, С. В. Майборода отмечает, что «являясь частью коммуникативной деятельности, обусловленной социальными целями и конвенциями, он объединяет языковые средства и экстралингвистические компоненты», что, по мнению автора, представляется актуальным исследованием с точки зрения эффективности, способов и функций речевого поведения, их коммуникативной компетенции [1, 68]. Не вызывает сомнений продуктивность процесса метафоризации в медицинском дискурсе, что обусловлено свойствами самой метафоры — ее образностью, наглядностью, ассоциативностью, воздействием, краткостью и ясностью, восприимчивостью. Именно эти ключевые характеристики метафоры наряду с медицинской сложной терминологией обеспечивают упрощенную фиксацию информации и ее доступность массовому читателю. Интересным представляется тот факт, что не только медицинские термины способны приобретать образность и расширять коннотативный фон в медиатекстах, но и метафора является эффективным средством образования медицинских терминов.

Как известно, манипуляция является одной из важнейших функций СМИ. Данная идея объясняется тем, что основной задачей манипулирования массовым сознанием является формирование отношения аудитории к определенным социально-политическим изменениям, фактам, событиям, явлениям,

а инструментами воздействия служат различные языковые единицы с новой семантикой, дополнительной коннотацией либо содержащие эмоционально окрашенный оценочный компонент.

Как показал анализ фактического материала, исследователи по-разному интерпретируют средства и инструменты языкового манипулирования, чаще всего связывая их с понятием «языковая игра», ставшим сегодня основой языкового манипулирования массовым сознанием. Изучая различные определения понятия «манипуляция», А. Д. Васильев приходит к выводу о том, что коннотация данной лексики с течением времени менялась от положительной до нейтральной, а позже приобрела отрицательную коннотацию, что наиболее ярко прослеживается в политическом дискурсе, где «манипуляция» определяется как основной инструмент внушения и осуществления манипулятивных операций [2, 56].

В современных медиатекстах наблюдается взаимодействие медицинского дискурса и «необычности» использования языковых средств с целью мифологизировать реальность, представить ее в более «приукрашенном» виде. Суть языкового манипулирования в медиатекстах на примере разного рода медицинских лексем заключается в том, что информация, содержащаяся в контексте, знакома реципиенту, легко узнаваема, на ее основе проще сделать самостоятельные выводы, так как это знание-убеждение воспринимается как собственное, а значит, формируется субъективное мнение по отношению к описываемым событиям. Таким образом, под язы-

ковым манипулированием понимается не объективное описание действительности, а вариант ее субъективного восприятия.

Исследователь О. Е. Гаврикова считает, что манипулирование — «целенаправленное использование особенностей устройства и употребления языка, способствующих возникновению в сознании реципиентов иллюзий и заблуждений, побуждающих его действовать так, как выгодно манипулятору» [3, 158]. В предлагаемом исследовании под языковым манипулированием вслед за А. А. Даниловой мы понимаем «скрытое языковое воздействие на адресата, намеренно вводящее его в заблуждения относительно замысла или содержания речи, осуществленное на трех уровнях: индивидуальном, групповом и массовом» [4, 12].

В работе О. А. Жариной отмечается, что «языковые средства активно используются как инструмент управления сознанием и, кроме того, представляют собой наиболее востребованную базу способов воздействия на сознание читателей, в связи с возможностью применения широкого спектра коннотативных значений» [5, 57].

Проводя комплексный анализ языкового воздействия выразительно-образительных средств, используемых в медиатекстах, на массовое сознание, обращает на себя внимание широкий ассортимент образных единиц с компонентом значения, относящимся к сфере медицины. Так, фразеологизмы, прецедентные феномены, метафоры и метафорические сценарии весьма широко представлены в актуальном медиапространстве. Перейдем к анализу иллюстративного материала.

Как показал проведенный анализ, фразеологические единицы составляют наибольшую группу среди описываемых средств языкового воздействия и могут быть представлены в виде тематической классификации:

Фразеологизмы с компонентом значения «лекарственные препараты». Анализируя контексты, мы находим следующие «лекарства», применяемые для описания социально-политических проблем либо используемых в рекламе: *жизненный эликсир*, *живая вода*, *эликсир жизни*, *бальзам на душу*; *пилюля* в различных формах ее интерпретации: с динамичными глаголами «*глотать*», «*проглотить*», «*подсластить*», «*подносить*», «*золотить*», с адъективами «*горькая*», «*сладкая*», «*волшебная*», «*успокоительная*», «*спасительная*», «*универсальная*» и т.д. Приведем примеры из сферы рекламы: *Бальзам «Эликсир жизни». Эффективное средство для предупреждения «болезней цивилизации», связанных с проблемами экологии, нерациональным питанием и хроническими стрессами* (реклама бальзама на травах); *Живая вода — средство от всех болезней!* (слоган торговой площадки биостимуляторов роста и корнеобразования растений); *Природная питьевая вода артезианская негази-*

рованная «Живая вода» (наименование очищенной питьевой воды компании ВАДАВОЗ, г. Минск); *в компании «Вода-род» Вы можете купить по-настоящему живую и вкусную воду* (рекламный ролик компании по продаже очищенной воды); *Водоматы «Живая Вода» — это современные высокотехнологичные системы очистки и продажи питьевой воды первой категории* (рекламный слоган компании водоматов). Представленные примеры в большей мере относятся к первому значению фразеологизма «1. Мифическая чудодейственная жидкость, возвращающая жизнь мертвому телу» [6, 112], актуализируя сему «жидкость» в новом лексическом восприятии (питьевая вода, очищенная вода, вкусная вода, высокотехнологичная очистная система воды и т.д.). Находим пример, относящийся ко второму значению фразеологизма, а именно: «2. Все, что одухотворяет, благотворно действует, пробуждает интерес» [6, 112] в наименовании реабилитационного центра «Живая вода» (г. Краснодар), позиционирующего себя как клиника, работающая по высочайшим европейским стандартам.

Фразеологизм *бальзам на (чьо-л.) душу*; *бальзам на (чье-л.) сердце* в лексикографических источниках имеет следующее значение: «сообщение или событие, вызывающие чью-либо радость в связи с чем-либо важным для этого человека, уподобляемое целительному средству, применяемому к (воображаемому) внутреннему органу субъекта, являющемуся, согласно обыденным представлениям, вместилищем чувств» [7, 22]. В медиатекстах происходит расширение коннотативного фона за счет компонентного состава фразеологизма, что ярко видно на следующем примере: *Осуществленная три года назад Россией аннексия Крыма изменила ситуацию с безопасностью. Латвия осуждает этот шаг», — проливал рижский бальзам на душу украинского лидера Вейонис* (Лента.ру, 09.04.2017). Ввиду того, что рижский бальзам весьма известен среди прочих, смысл выражения наполняется ироническим оттенком: имеется в виду позиция Литвы в укреплении торговых связей между странами. Отметим, что сочетание *рижский бальзам* с трансформацией конструкции (расширение компонентного состава, замена) весьма активно используется в медиатекстах для описания политических реалий, связанных с Литвой: *Рижский бальзам на душу Путина: как латвийский бизнес оснащает российскую армию микросхемами* (theins.ru, 19.09.2023). Однако и другие замещения компонентов конструкции весьма активны для медиатекстов в соотношении с денотативным содержанием фразеологического сочетания, актуализируя при этом ту или иную сему в зависимости от описываемой политической ситуации: сема «радостное сообщение»: *Американский «бальзам» для иранского президента. Раздраженная реакция Запада — это бальзам на душу зацикленному на самом себе иранскому президенту*

(<https://www.dw.com>, 30.11.2021); сема «важное событие»: **«Бальзам на русскую душу»** — стремление Путина воссоздать прежнюю Россию, — указал Уль (<https://www.dw.com>, 26.06.2014).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что во фразеологических словарях содержится ряд определений фразеологических сочетаний с лексемой **пилюля**, которая служит средством манипулирования в составе фразеологического сочетания, приобретая новую семантику. Так, **горькая пилюля**, согласно лексикографическим источникам, характеризуется как «что-либо неприятное, обидное, оскорбительное для кого-либо» [1, 320]. В текстах СМИ находим следующие контексты, где **пилюля** может иметь значение лекарства, при этом расширение образа может проходить в двух направлениях (либо пилюля для кого/чего-н., либо пилюля от кого/чего-н.): **Сближение Украины с Китаем является «горькой пилюлей» для украинского президента Владимира Зеленского** (16.08.2021); **«Горькая пилюля для Украины»: США готовят Зеленского к столкновению с реальностью** (РИА Новости, 21.06.2023); **Горькая пилюля от поляков: Украине придется смириться с территориальными потерями** (Полит Навигатор, 05.02.2024). Вступая в антонимические отношения, фразеологическое сочетание усиливает значение и воспринимается как средство спасения, а не просто лечение: **Сладкая пилюля для Порошенко. Канцлер заявила, что считает важным сохранение газового транзита через территорию Украины** (Новороссия, 13.04.2023).

Медиатексты с данной языковой единицей весьма распространены, активно используются с адъективами, нехарактерными для денотативного содержания фразеологического сочетания и имеющие более обобщенный характер: **Антонов назвал помощь США «успокоительной пилюлей», чтобы успокоить Зеленского и отвлечь внимание от шаткой ситуации на линии фронта и внутри украинских государственных институтов, которые находятся на грани краха** (Правда.ру, 21.11.2023); **Успокоительная пилюля: посол РФ — о новом пакете помощи Киеву от США** (РЕН ТВ, 21 ноября 2023); **Спасительная пилюля ЦБ дала обратный эффект. Россию решили уничтожить по-быстрому. Михаил Делягин раскритиковал решение Центробанка об увеличении ключевой ставки** (Первый русский, 27.10.2023); **Универсальная пилюля демократии действует не на всех** (Одноклассники, 26.11.2020).

Фразеологические сочетания **проглотить** и **глотать пилюлю** имеют следующие определения: **проглотить пилюлю** — молча, терпеливо снести обиду, оскорбление, выслушать что-либо неприятное [8, 361]; **глотать пилюлю** (разг., ирон.) — терпеливо сносить обиду, оскорбление; молча выслушивать что-либо неприятное [6, 320]. В текстах СМИ они реализуются следующим образом: *Если же киевская*

власть решит пойти против американцев, «им придется глотать пилюлю», считает эксперт (РИА Новости, 07.02.2019); **«Европа глотает американские пилюли». В кулуарах европейцы признавались в том, что Америка неприкрыто давит на ЕС и намерена продолжать это делать** (Военное обозрение, 07.10.2014).

Еще одним частотным словосочетанием в медиатекстах становится конструкция **подсластить [горькую] пилюлю (кому-л./для кого-л.)** — постараться чем-то уменьшить отрицательное воздействие на адресата сообщения о каком-либо событии — неприятном, но необходимом, как бы добавив что-то сладкое в горькое лекарство [7, 476]. Отметим, что фразеологизмы **подносить пилюлю** и **золотить пилюлю** не были обнаружены в ходе анализа. Среди проанализированных контекстов семантических изменений в использовании фразеологического сочетания не наблюдается: **Меркель подсластила пилюлю Порошенко. Канцлер заявила, что считает важным сохранение газового транзита через территорию Украины** (Конт, 10.04.2018); **Теперь же, после подключения тяжелой политической артиллерии, М. Рютте вынужден подсластить пилюлю для П. Порошенко и заявлять, что его страна полностью поддерживает предоставление безвизового режима для украинцев** (<https://trueinform.ru>, 10.04.2016).

Ученые С. А. Пнджоян и Э. В. Будаев подчеркивают комплексный характер понятия «языковое манипулирование», которое «обладает рядом характерных особенностей, позволяющих осуществлять стоящую перед манипулятором задачу» [9, 85]. Так, среди рассмотренных авторами тактик применительно к нашему исследованию наибольший интерес представила тактика «использования выразительных средств», среди которых отдельно выделена «тактика использования метафорических моделей», активно реализующая в нашем исследовании на примерах метафор со значением «виды заболеваний» и «возбудители заболеваний»:

Виды заболеваний: *Однако на этом законодательская лихорадка Порошенко не закончилась. Верховная рада приняла законопроект о внесении изменений в перечень участников боевых действий, включив туда ветеранов ОУН-УПА* (<https://russian.rt.com>, 07.12.2018); *Европу накрыла историческая амнезия* (ИноСМИ, 22.04.2022); *Работа парламента Грузии частично парализована из-за технических неполадок* (<https://armenpress.am>, 31.07.2014); *Фон дер Ляйен сообщила о планах ЕС «парализовать» активы ЦБ РФ* (<https://www.interfax.ru>, 27.02.2023); **Шок на выборах в Нидерландах: правые радикалы одержали сокрушительную победу** (Деловые ведомости, 23.11.2023); **Украинских властей повергло в шок заявление США о прекращении дотаций** (<https://ren.tv>, 20.10.2022); **Глава совета Национального банка Украины Петр Порошенко считает коррупцию боль-**

шой проблемой, которая, как **раковая опухоль**, поразила экономику Украины (Радио Свобода, 03.10.2011); Лавров объяснил, откуда у Запада взялась **аллергия** на Россию (<https://rg.ru>, 07.02.2018); Как вылечить украинцев от **стокгольмского синдрома** (<https://gia.ru>, 02.03.2022).

Возбудители заболеваний: «**Бацилла** лжи в устах соратника Порошенко»: в Раде предrekli и сразу опровергли отставку Залужного (<https://www.gazeta.ru>, 07.11.2023); Пекин обвинил США в распространении «**политического вируса**» (<https://www.interfax.ru>, 24.05.2020); «**Политическая инфекция**» может заразить многих (<https://www.bfm.ru>, 02.02.2011).

Как отмечает О. В. Звада, «любой прецедентный феномен явно употребляется умышленно, он задуман для того, чтобы произвести впечатление на адресата, выполнить функцию воздействия (т.е. манипулирования)» [10, 25]. Мы не ставили задачу выявить и разграничить прецедентные феномены по видам или структуре, поэтому предметом анализа в данной работе стали все обнаруженные прецедентные единицы со сферой-источником «Медицина» в том или ином соотношении с медицинской тематикой. Среди прецедентных имен, фразеологизированных прецедентных сочетаний, прецедентных высказываний высокую активность в текстах СМИ показали следующие:

доктор Айболит с варьированием коннотации (замена положительной на отрицательную): «Запад не добрый доктор Айболит, а доктор Менгеле. Он злоеший врач-убийца (Газета.ру, 03.02.2023); «Злобный доктор Айболит. Путин им руководит»: у конгресса США новая забота (Риа.ру, 15.02.2017);

«Эдипов комплекс»: У президента Украины Владимира Зеленского явно есть «Эдипов комплекс» — бывший глава страны Петр Порошенко стал для него отцом, которого нужно победить (Регнум, 13.11.2020); Евроцентризм: эдипов комплекс интеллигенции (<https://rehabfamily.com>, 19.04.2023);

Время врачует раны. Время — лучший врач. Выражение восходит к «Исповеди» Августина (354–430). Похожее на него встречается уже в древности, у греческого писателя Менандра (ок. 343 — ок. 291 до н.э.): «Время — врач всех неизбежных зол» [11, 101]. **Время лечит раны: Зеленский допустил «прагматичные» отношения с Россией** (<https://dailystorm.ru>, 11.02.2020).

Вывод. Проанализированные в статье примеры позволяют заключить, что языковые единицы, относящиеся к медицинскому дискурсу, реализуются

в медиaprостранстве с изменением семантики либо расширением коннотативного фона, что при удачном использовании и правильно подобранном контексте способно оказать успешное манипулятивное воздействие на реципиента. Широкий спектр средств манипулирования текстов медицинской направленности (использование метафор, медицинских терминов с расширением значения, прецедентных феноменов, фразеологизмов, фразеологизированных прецедентных сочетаний и т.д.) в медиасреде свидетельствует об их эффективности и высоком прагматическом потенциале.

ЛИТЕРАТУРА

1. Майборода С. В. Медицинский дискурс: современные теоретико-методологические подходы и перспективы исследования / С. В. Майборода // Коммуникативные исследования. — 2017. — № 1. — Т. 11. — С. 63–74.
2. Васильев А. Д. Игры в слова: манипулятивные операции в текстах СМИ / А. Д. Васильев. — СПб., 2013.
3. Гаврикова О. Е. Феномен манипуляции в политическом дискурсе / О. Е. Гаврикова // Ученые заметки ТОГУ. — 2017. — Т. 8. — № 4. — Хабаровск. — С. 157–162. — Режим доступа: http://ejournal.pnu.edu.ru/media/ejournal/articles2017/TGU_8_282.pdf (дата обращения: 12.03.2024).
4. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации / А. А. Данилова. — М., 2009.
5. Жарина О. А. Реализация стратегии манипулирования в политическом дискурсе английских СМИ: лексический уровень // О. А. Жарина, А. Д. Инюточкина // Балтийский гуманитарный журнал. — 2018. — Т. 7. — № 4 (25). — С. 55–58.
6. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. — М., 2008.
7. Баранов А. Н. Академический словарь русской фразеологии // А. Н. Баранов, М. М. Вознесенская, Д. О. Добровольский, и др. — М., 2020.
8. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка / А. И. Молотков. — М., 1978.
9. Пнджоян С. А. Языковое манипулирование в СМИ США на материале нарратива «Коронавирус» / С. А. Пнджоян, Э. В. Будаев // Ученые записки НТГСПИ. История и филология. — 2022. — № 3. — С. 80–99.
10. Звада О. В. Манипулятивные особенности политического дискурса в англоязычных СМИ / О. В. Звада // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2018. — № 1. — Т. 1. — С. 23–30.
11. Ашукин Н. С. Крылатые слова: литературные цитаты; образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. — М., 1988.

Южный федеральный университет
Кан Кумсук, аспирант Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
E-mail: kangks08

Southern Federal University
Kang Kumsuk, Postgraduate Student of the Philology, Journalism and Intercultural Communication Institute
E-mail: kangks0831@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЙ ВИЗУАЛЬНЫЙ СТОРИТЕЛЛИНГ: ВИДЫ КОНТЕНТА И ТИПЫ

А. Н. Назайкин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 16 мая 2024 г.

Аннотация: данная статья посвящена видам контента и типам визуального сторителлинга. Автор классифицировал визуальный контент с точки зрения использования в визуальном сторителлинге и выделил особенности каждого из его видов. Также в работе визуальный сторителлинг рассмотрен с точки зрения деления на статичный и динамичный, на самостоятельный и визуально-креолизованный.

Ключевые слова: визуальный сторителлинг, креолизация, цифровизация, коммуникация, контент.

Abstract: this article is devoted to the types of content and types of visual storytelling. The author classified visual content from the point of view of use in visual storytelling and highlighted the features of each of its types. Also in the work, visual storytelling is considered from the point of view of division into static and dynamic, independent and visually creolized.

Keywords: visual storytelling, creolization, digitalization, communication, content.

Введение. Каждый день на нашей планете создается 46 миллиардов единиц контента [1]. Именно использование визуальной составляющей в условиях современной информационной конкуренции позволяет поддерживать высокий уровень эффективности коммуникации. Почти 70% обновлений в социальных сетях составляют визуальный контент, около 100 миллионов пользователей интернета просматривают хотя бы одно онлайн-видео каждый день [2]. С 2012 г. потребление мобильного видео выросло в 17 раз [3]. По прогнозам [4], в 2024 г. на видео придется не менее 80% всего потребляемого интернет-трафика. Соответственно, растет практический и научный интерес к визуальному сторителлингу. А. Елисеева [5] пишет о визуальном сторителлинге в современных PR-коммуникациях, Ю. Андреева, В. Надюкова [6] — об опыте сторителлинга в соцсети Pinterest, О. Давыдова, Л. Муравьева [7] — о визуальном сторителлинге в комиксах и т.д. Наша работа посвящена видам контента визуального сторителлинга и его типам — этим важным аспектам данного современного коммуникационного феномена.

Виды контента визуального сторителлинга.

Наиболее традиционными видами визуального контента для создания историй сегодня являются фотографии, графика, инфографика, коллаж, кино, видео.

Классическая фотография представляет собой момент запечатленной реальности. Однако в связи с развитием компьютерных технологий, позволяющих запросто «изменять» запечатленную действительность, снимки сегодня применяют и при показе преувеличений, фантазий и т.д. Фотографии используются практически во всех видах визуального сто-

рителлинга: и в деловом, политическом, и в приключенческом, и в кулинарном и т.д. Так, например, в постах соцсетей Lufthansa размещены фотографии разных стран, в которые совершает полеты эта авиакомпания. Очень хороший отклик получила история обувной фирмы TOMS Shoes. Она запустила кампанию, в рамках которой просила своих клиентов сфотографироваться босиком, а за каждую отправленную фотографию обещала бесплатно подарить пару обуви нуждающимся детям.

Графика (рисованные изображения) менее популярна, чем фотографии. С одной стороны, она может быть эмоционально ярче снимков, но ее изготовление часто более сложно. Нанять профессионального художника достаточно дорого. Однако в последние годы сторителлеры могут использовать различные интернет-сервисы, которые позволяют создавать оригинальную графику.

Графика выручает в тех случаях, когда объект (предмет или человек) не слишком фотогеничен. Использование рисунков является «выходом» и в случаях изображения события, которое не может быть запечатлено фотокамерой (ее или объекта истории в данный момент просто нет, съемки оказываются чрезвычайно сложными из-за погодных, временных или пространственных условий и т.д.).

Графика может создать эффект преувеличения. С ее помощью несложно «додумать» ситуацию, вообразить с точки зрения новых обстоятельств. Нередко графику используют, когда необходимо описать не конкретную ситуацию, а типичную, или когда нужно представить не определенного персонажа, а просто обозначить человека как такового. Также графика помогает «расшифровать», объяснить сложные или абстрактные понятия. Серией рисунков можно пока-

зать драматический диалог или развитие ситуации во времени. Изменяя технику графического исполнения, можно создавать определенное настроение и нацеливаться на конкретные аудитории. Так, изображение пастелью будет смотреться романтично, пульверизатором — современно, «граффити» привлечет внимание прежде всего молодежи и т.д.

Например, газета The New York Times с помощью яркой графики визуализирует такие сложные темы, как риск заражения вирусами, изменение климата, пожары, интересные путешествия и т.д. Ролик компании Dove, в котором художник изображает женщин, не видя их, набрал более 7 000 000 просмотров на YouTube.

Инфографика помогает облегчить понимание сложных концепций, делая их более простыми, наглядными. Как говорят специалисты, с ее помощью «вы можете превратить большой отрывок текста, на понимание которого может уйти от 30 минут до часа, в интересную историю, которая сохраняет центральное внимание на основной теме, но на общение уходит всего 20 секунд» [8]. Особенную ценность инфографика приобретает, когда необходимо рассказать историю с помощью статистических данных. Например, длина сигарет на иллюстрации может соотноситься со сборами федеральных налогов в миллиардах долларов.

С развитием интернета инфографика все больше становится мультимедийной, дополняется текстом, фотографиями, видео- и аудиодайлами. Сегодня инфографикой пользуются как профессиональные СМИ, так и рядовые пользователи социальных сетей.

Исходя из визуализации контента, инфографику часто делят на количественную и качественную, исходя из содержания — на статистическую и нестатистическую [9–10]. Интересный пример использования инфографики продемонстрировали в США, показав данные по различным видам пирогов, которые американцы едят на День благодарения. Вся информация была представлена в виде круговой диаграммы.

Коллаж позволяет создавать истории, объединяющие документальность, реализм и фантазию, гипотетизм.

Кино стало продолжением развития технологий и, взяв очень многое от фотографии, графики, радио, позволило создавать динамичные, вовлекающие истории как на основе реальной съемки, так и анимации. Большинство людей предпочитают киноистории историям книжным, прежде всего потому, что оно передает эмоциональность историй очень лаконично. *Видео* объединило все лучшее от фотографии, графики, кино и радио. В зависимости от формата носителя видео могут быть длинными и короткими, вертикальными и горизонтальными, «вечными» и исчезающими через некоторое время. В связи с его действенностью, простотой изготовления и распространения даже с помощью недорогих смартфонов его популярность растет с каждым годом. Особенно

востребованы «сториз» в специализированных визуальных социальных сетях, заточенных именно под соответствующий формат. Так в одной из популярных соцсетей ежедневно выкладывают «сториз» 500 миллионов пользователей [11]. В 2020 г. компания Guess запустила в TikTok #inmydenim, в котором призывали пользователей показать, как их образ может изменить джинсовая одежда. Публикация всего десяти видео привела к тому, что количество подписчиков превысило 45 тысяч, при этом было получено около 50 миллионов просмотров.

В помощь сторителлерам существует множество платных и бесплатных, англоязычных и русифицированных онлайн-сервисов, в которых можно самостоятельно делать видеостории.

Видео можно разделить по визуальному стилю на собственно видео, анимацию, дудл-видео, гифки. Анимация позволяет делать видео без съемок, просто с помощью программного обеспечения и своих творческих способностей. Дудл-видео («видеокаракули») — видео, основанное на изображениях из множества простых форм и линий особенно подходит сторителлерам-новичкам, у которых достаточно фантазии, а вот художественных навыков не хватает. Для очень коротких историй нередко используют гифки (GIF) — набор картинок (отдельных кадров), которые собираются вместе и повторяются. Они не транслируют большую сложную информацию, но легко заинтересовывают аудиторию, просто передают несложные идеи, хорошо оживляют сообщения в блогах и просто развлекают аудиторию.

Типы визуального сторителлинга. К статическому сторителлингу можно отнести виды, в которых изображение зафиксировано: отдельные фотографии, графику, а также их различные наборы и комбинации, например в виде коллажа. В динамическом визуальном сторителлинге движется само изображение (например, слайд-шоу на основе фотографий или графики и кинофильм). Наиболее же часто сегодня для эффективной передачи динамики используется видео.

Сегодня существуют различные современные формы сторителлинга на базе исключительно визуальных элементов (фотографий, рисунков, инфографики, видео, анимации). В таком случае история подается наглядно, образно, увлекательно, но не всегда достаточно информативно и понятно. Поэтому *самостоятельный* визуальный сторителлинг обычно используется или в специализированных на нем социальных сетях (TicTok и т.п.) или в виде всем понятных гифок.

В *визуально-креализованном* сторителлинге визуальные средства сопровождаются вербальными или аудиальными, или и теми и другими вместе. Он применяется при создании как небольших историй для социальных сетей, так и для весьма объемных, использующихся в полнометражных документальных и художественных фильмах.

Можно выделить *визуально-вербальный*, *визуально-аудиальный* и *визуально-вербально-аудиальный* сторителлинг. Один из самых популярных видов визуально-вербального сторителлинга — комикс (история, рассказанная с помощью фотографии или графики и сопровождающих их слов). Визуально-аудиальный сторителлинг — это передача информации визуальными средствами под музыкальное сопровождение (например, танец, балет). О смысле таких историй можно догадаться (или не догадаться) без подсказки. Для однозначного толкования визуально-аудиального сторителлинга обычно используются титры или либретто — вербальное описание происходящего в данной музыкальной истории (в таком случае сторителлинг становится визуально-вербально-аудиальным). Чаще всего визуально-вербально-аудиальный сторителлинг используется в музыкальных постановках (спектаклях, мюзиклах, операх), а также в музыкальных клипах (например, песни-истории в видеоклипе Леонида Утесова «Пароход», группы «Ноль» «Человек и кошка», Eminem Stan и т.д.).

Цифровой визуальный сторителлинг используется и офлайн (например, в презентациях) и онлайн во всем пространстве современного интернета: в электронной почте, в презентациях, в социальных сетях, на сайтах компаний и СМИ. Так, историю можно рассказать и прислать в электронном письме.

Интернет-презентация также вполне подходящее место для рассказа историй. Хорошие истории-презентации долго живут в интернет-пространстве даже после того, как их используют на каком-либо мероприятии.

Различные социальные сети предоставляют условия для сторителлинга различного же типа. Одни соцсети более подходят для вербального сторителлинга (например, «ЖЖ», «В контакте», «Одноклассники»), другие — для визуального (например, «Ютуб», TikTok, Pinterest). Эффект от использования социальных сетей может быть весьма внушительным, только в Snapchat каждый день просматривается более 10 миллиардов видео [12].

Визуальная история может рассказать о человеке, организации или событии, которым посвящен сайт. Примером тому служит история автомобилей компании Порше на сайте porschevolution.com, история Николы Тесла — на сайте tesla.aziznatour.com, история Lager — на сайте beautyofbrewing.com и т.д.

Мультимедийный сторителлинг, включающий в себя цифровой визуальный сторителлинг, используют современные СМИ. Также он получил большое распро-

странение в компьютерных играх, в современных театральных постановках, образовательных программах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Livia Ilie. How to Use Visual Storytelling to Better Reach Your Audience / Ilie Livia. — Режим доступа: <https://mediamodifier.com/blog/visual-storytelling-guide> (дата обращения: 03.02.24).
2. Scherman Jess. What is Visual Storytelling? The Growing Trend in Multimedia Design / Jess Scherman. — Режим доступа: <https://www.rasmussen.edu/degrees/design/blog/visual-story-telling/> (дата обращения: 11.04.24).
3. Visual Storytelling: What Is It? Why Is It Important? — Режим доступа: <https://www.wearecognitive.com/blog/why-is-visual-storytelling-important> (дата обращения: 07.01.24).
4. Семичева Н. Видеореклама в интернете: как сделать контент уровня телевизионного ролика и достучаться до аудитории / Н. Семичева. — Режим доступа: <https://rb.ru/opinion/videoreklama-v-usloviyah-karantina/> (дата обращения: 06.03.24).
5. Елисеева А. Визуальный сторителлинг в современных коммуникациях / А. Елисеева. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29015188&pff=1> (дата обращения: 30.03.23).
6. Андреева Ю. Сторителлинг на pinterest, или Как рассказать историю визуальными средствами / Ю. Андреева, В. Надюкова. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50067690> (дата обращения: 20.01.24).
7. Давыдова О. Риторика манипуляции: визуальный сторителлинг в комиксах лив стрёмквист. / О. Давыдова, Л. Муравьева. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54390451> (дата обращения: 30.01.24).
8. Wong Vinnie. What Is Visual Storytelling? How to Engage and Inspire Audiences / Vinnie Wong. — Режим доступа: <https://piktochart.com/blog/visual-storytelling/> (дата обращения: 02.04.24).
9. Симакова С. Влияние новых технологий на визуальный контент журналистских материалов / С. Симакова. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-novyh-tehnologiy-na-vizualnyy-kontent-zhurnalistskih-materialov>?ysclid=lty4fn10im446885911 (дата обращения: 11.04.24).
10. Назайкин А. Иллюстрирование рекламы / А. Назайкин. — М., 2018.
11. Назарова Е. Как использовать Stories для бизнеса: учитеесь у крупных брендов / Е. Назарова. — Режим доступа: <https://rb.ru/opinion/stories-dlya-biznesa/> (дата обращения: 18.04.24).
12. Herkert Andrew. Why is Visual Storytelling Important? / Andrew Herkert. — Режим доступа: <https://truscribe.com/blog/why-use-visual-storytelling/> (дата обращения: 02.04.24).

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Назайкин А. Н., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и экономики СМИ

E-mail: info@nazaykin.ru

Lomonosov Moscow State University
Nazaykin A. N., Doctor of Philology, Professor of the Theory and Economics of Media Department
E-mail: info@nazaykin.ru

МЕДИАЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ДИСКУРСА: ФАКТОРЫ, ПАРАМЕТРЫ, ЕДИНИЦЫ

Т. А. Пивоварчик

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

Поступила в редакцию 26 марта 2024 г.

Аннотация: в статье обосновывается положение о том, что в условиях глобальной медиатизации коммуникативных потоков и медиаопосредованности всех дискурсов наблюдается новый тип варьирования национальных языков — медиалингвистический. Выделены четыре фактора, обуславливающие существование медиалектов в русском языке. Описаны три параметра медиалингвистического варьирования русского языка. Предложен перечень языковых и речевых средств, которые выступают в качестве единиц медиалингвистического варьирования. Утверждается, что медиалекты формируются там, где обнаруживается системный характер совместного варьирования медиаструктур и языковых/речевых структур.

Ключевые слова: русский язык, медиалингвистика, языковая вариативность, языковой вариант, медиалект, медиатизация.

Abstract: the article substantiates the position that in the conditions of global mediatization of communication flows and mediation of all discourses, a new type of variation of national languages is observed — mediallynguistic. Four factors have been identified that determine the existence of medialects in the Russian language. Three parameters of mediallynguistic variation in the Russian language are described. A list of linguistic and speech means that act as units of mediallynguistic variation is proposed. It is argued that medialects are formed where the systemic nature of the joint variation of media structures and linguistic / speech structures is revealed.

Keywords: Russian language, mediallynguistics, language variation, language variant, medialect, mediatization.

Цель данной статьи — предложить для обсуждения и в то же время попытаться обосновать следующее положение: «В условиях глобальной медиатизации коммуникативных потоков и медиаопосредованности всех дискурсов наблюдается новый тип варьирования национальных языков — медиалингвистический; медиалекты становятся значимыми формами существования современных языков». Как известно, каждый национальный язык не гомогенная система, но гетерогенная совокупность подсистем, которые отражают актуальные для текущего состояния общества матрицы общения. Подсистемы эти, иначе называемые разновидностями языка, формами существования языка, идиомами, конечно же неоднородные. И дискуссии об их статусе и взаимной соотносительности сегодня на пике дня (к слову, единодушия нет ни в терминах, ни в подходах).

Одной из самых известных моделей вариативности выступает трехмерная модель, которая была предложена немецким лингвистом Э. Косериу еще в 1969 г. [1, 165] и в которой выделяются три вида вариативности: вариативность в обществе: от профессиональных социолектов и групповых жаргонов до, например, идиолектов поэтических школ (см. напр. [2]); вариативность в пространстве: диалекты, региолек-

ты, нациолекты, городская речь — и этот перечень мы можем продолжать (см. напр. [3]); вариативность в коммуникативной ситуации: стилевые разновидности языка (стили и подстили), а также активно изучаемые в последние годы языки для специальных целей, «языки для общих целей» (обыденные языки), искусственно моделируемые подязыки и т.д. [4]. Интерес исследователей сегодня также сосредоточен на варьировании между устной и письменной речью, исследуются различные субстандартные разновидности, например пиджинизированные формы языка. Так что представленный перечень может и должен быть расширен, и, прежде всего, если мы обратим внимание на базовые — внешние по отношению к языку — факторы, на основе которого выделяются те или иные языковые варианты.

Все дело в том, что языковая ситуация под влиянием процессов медиатизации и глокализации быстро меняется. Отмечаются сдвиги в отношениях между компонентами языковых состояний (в частности — между контактирующими в новых, цифровых, условиях языками). И на повестке дня снова встает вопрос о том, какова актуальная стратификация русского языка. Б. Ю. Норман отмечает: «Объективную данность сегодня представляет продолжающаяся функциональная специализация русского языка, нарастающее “многоречие” (термин Б. М. Гаспарова)»

[5, 31]. Представляется, что сегодня в этом многогласии свое место занимают новые типы варьирования, связанные с фактором медиаопосредованности почти всех дискурсов. Показательно, что научный коллектив исследователей Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, определяя Глобальный индекс русского языка в мировом пространстве, из шести параметров, отражающих его конкурентоспособность, три параметра (то есть половину) напрямую связал с медиа [6, 7]. Проведенные исследования показывают, что русский язык, если оценивать сферы его употребления, превращается в язык бытовой коммуникации в социальных сетях и в языке массмедиа. Таким образом, можем сделать вывод о том, что сегодня на сдвиги в языковой ситуации ключевое влияние оказывают сами новые медиа с их технологиями и внутренней медиалогикой, а также практики активного освоения этих новых медиа носителями [7, 189]. При этом практики обретают форму речевых паттернов, и последние становятся одним из объектов наблюдения медиалингвистов.

Язык погружается в технологизированную медиасреду. И это обуславливает поиск новых исследовательских подходов и развитие понятийно-терминологического аппарата медиалингвистики — не без влияния теории технологического детерминизма (медиадетерминизма), восходящего к трансформационной теории медиа М. Маклюэна о том, что медиа не просто передают сообщение, но изменяют (трансформируют) его [8]. Об этом пишет Л. Р. Дускаева: «Текстообразование чутко реагирует на технологические изменения в СМИ. В этой сфере тексты создаются особым образом: речевая материя отливается в тех формах, которые ей создают каналы коммуникации. Новые технологии диктуют обновление правил создания текстов, обеспечивают их непрерывную связь, делающую создание текстов потоком, изменяют нормы этики и эстетики общения в этой среде. Так что влияние медийности на речь представляется сегодня существенно более глубоким, чем это казалось в начале 2000-х. Проблема эта далека до своего завершения» [9, 57–58]. Поиски подходов к изучению влияния медийности на язык и речь привели, в частности, к появлению термина «медиалект». Впервые он был употреблен в 2004 г. в работе датского ученого С. Хьярварда, где ученый указал следующее: «...любой анализ все более опосредованного использования языка обществом должен также учитывать языковые варианты, возникающие из конкретных медиа» [10]. Сосредоточив свое внимание на победном освоении медиaprостранства английским языком, С. Хьярвард также метафорически обозначил медиалекты как «новые локации глобализации» (The New Localities of Globalization) [10, 95].

Следует отметить, что идея о «медиалектах» не нова. И каждый раз, когда происходили суще-

ственные изменения в системе медиа (в их широком понимании), вставал и вопрос об особых языках. Известна дискуссия 1930-х гг. между М. М. Бахтиным и В. В. Виноградовым по поводу понимания стратификации языка. М. М. Бахтин указывал на «внутреннюю расслоенность единого национального языка на социальные диалекты, групповые манеры, профессиональные жаргоны, языки поколений и возрастов, языки направлений, языки авторитетов, языки кружков и мимолетных мод, языки социально-политических дней и часов» [11, 15]. Г. Лёффлер, описывая в 1985 г. совокупность вариантов немецкого языка, наряду с функциолектами, социолектами и т. д., выделил и описал варианты по средству коммуникации, названные им медиалектами [12, 46]. В 2012 г. Т. В. Шмелёва в совместной монографии «Неклассические письменные практики современности», рассуждая о важности фактурной реализации медиатекстов и различая их первичную и вторичную фактуру, пишет следующее: «Что же составляет существо интернет-письма и как оно должно быть интерпретировано в плане социальной и функциональной дифференциации языка? Кажется, есть основания признать за этим фрагментом современной русской речи статус новой формы существования языка (субкода, регистра языка)» [13, 187].

На наш взгляд, сегодня можно говорить о четырех факторах, обуславливающих существование медиалектов. Первый фактор — неоднородность медиасреды, сама сущность которой определяется тем, что она мультиплатформенная, мультиканальная, интермедиаальная. Второй фактор — в медиасреде существуют практически неограниченные возможности для создания сетевых сообществ с собственными коммуникативными структурами. Это приводит к неуправляемой фрагментации медиасреды и к созданию множества субкультур, которые порождаются в медиасреде (сведения об этом медиалингвистика может почерпнуть в сетевой антропологии). М. Ю. Сидорова в работе 2022 г. отмечает, что еще в начале 2000-х гг. такое «разнообразие форматов интернет-коммуникации, каждый из которых обладает своим набором лингвистических, жанровых и других характеристик, не проявляющихся или менее выраженных в других форматах», отсутствовало, а сегодня «заслуживает отдельного рассмотрения. Что релевантно для «Инстаграма», может не иметь отношения к ватсапу, что типично в «ТикТоке», не интересно для исследователя форумной коммуникации или электронных СМИ, и т. д.» [14, 67]. Третий фактор — медиасреда становится главной «средой обитания» дискурсов, а дискурсы становятся медиадискурсами, приобретая новые, ранее не свойственные им языковые переменные. Это особенно заметно при анализе дискурсов институциональных — например, в твиттер-дипломатии или в сетевых диалогах о медицине. Четвертый фактор — медиасреда

в целом и ее фрагменты на разных цифровых платформах задают особенные паттерны коммуникативной и когнитивной деятельности современного человека. Таким образом, медиалекты формируются в дискурсах, вырастающих в процессе совместного использования платформ членами сообществ. При этом медиалекты, в свою очередь, становятся важными системообразующими факторами фрагментированных медиадискурсов.

На данном этапе представляется возможным говорить как минимум о трех типах параметров медиалингвистического варьирования. Первый параметр — географический: информационное (виртуальное, сетевое) пространство поделено на определенные локусы, его структура имеет сетевой характер: не случайно ведь используются метафоры медиаландшафта, медиапространства, медиагалактики и т.д. Виртуальная география интернет-собеседников и их языковых общностей может находить свое подтверждение в реальности (сетевые группы жителей одного города или чаты живущих в одном доме), а может полностью формироваться на новых основаниях (вплоть до создания на интернет-площадках так называемых сетевых государств со своими «условными» языками и со своей «условной» языковой политикой). Второй параметр — «социальный»: здесь главное доказательство — результаты проводимых по всему миру исследований в области так называемой цифровой этнографии, а также материалы не поддающихся подсчету работ, посвященных сетевым сообществам (онлайн-сообществам). Иначе их еще называют «цифровыми диаспорами» и «виртуальными диаспорами», в которых вырабатываются свои нормы, ритуалы, правила взаимодействия, в том числе посредством использования вербальных средств, утверждаются свои идентичности. Третий параметр — «ситуационный»: в отношении медиалектов обсуждать его представляется даже излишним. В то же время представляется, что «формирование определенных субязыков в медиапространстве — это не только явление текущей реальности, а потому можно говорить не только о русском медиалекте конкретного сетевого сообщества, но и о русском медиалекте конкретной газеты» [15, 109].

Взаимосвязанность и взаимообусловленность этих параметров для варьирования в медиасреде закономерна. Названия параметров не случайно взяты в кавычки — это скорее метафоры. Представляется возможным приложить характеристику, данную цифровым этнографом, профессором информационных наук Орхусского университета А. Маркхам стабильным онлайн-сообществам, и к языкам как средству коммуникации этих сообществ: «границы выстраиваются дискурсивно, на основе связности, интересов и потоков: а не географии, национальности или близости» [16, 1130]. Вероятно, появление и размытие таких границ может быть предметом исследо-

вания. Дискурсы (и дискурсивные практики) исследуются, речевые практики исследуются. Возможно, медиалект — это следующий уровень погружения в указанные практики, с повышенным вниманием к системе языка.

Закономерно встает вопрос: а что же, собственно, выступает в качестве единиц варьирования? В качестве тех самых «медиалектизмов»? Представляется, что мы их обнаруживаем на многих уровнях, в частности в следующем: в специфике кодовых переключений; в специализации лексико-семантических переменных, отражающих способы существования информации и отношения к знанию (одни языковые единицы принимаются, другие — отвергаются); в значимости грамматических переменных, когда то, что особо значимо для сообщества, начинает закрепляться и на уровне грамматики (упомянем здесь только в качестве примера агрессивную интеръективацию многих дискурсов «ТикТока»); в особом использовании паралингвистических средств (пунктуация, заглавные буквы и т.п.); в устойчивых шаблонах фатикки, в том числе формулах сетевого этикета.

Но самой характерной чертой всех медиалектов, что определяет и особенную их позицию в стратификационной системе языка, пожалуй, является их бесконечная способность к микшированию, блендированию, размыванию и преодолению границ, установленных языковой системой, что позволяет именно в особой синтагматике, сцеплениях, связях, диффузиях речевых формаций обнаружить специфичность кода, с помощью которых дискурсивные сообщества и воспроизводят себя. Представляется, что если обнаруживается системный характер совместного варьирования медиаструктур и языковых структур, тогда можно говорить о медиалектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) / Э. Косериу // Новое в лингвистике. — Вып. 3. — М., 1963. — С. 143–343.
2. Северская О. И. Язык поэтической школы: идиолект, идиостиль, социолект / О. И. Северская. — М., 2007.
3. Горицкая О. С. Язык и границы: Лексическая и грамматическая специфика русского языка в Беларуси / О. С. Горицкая. — Минск, 2021.
4. Александров А. С. Введение в судебную лингвистику / А. С. Александров. — Н. Новгород, 2003.
5. Норман Б. Ю. Какая новая русская грамматика нам нужна? / Б. Ю. Норман // Сборник тезисов Международного научного симпозиума «Русская грамматика 4.0». — М., 2016. — С. 30–32.
6. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). — Вып. 2. — М., 2022.
7. Пивоварчик Т. А. Медиалект в контексте теорий языковой вариативности / Т. А. Пивоварчик // Славян-

ский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации. В 2 ч. — Гродно, 2022. — Ч. 1. — С. 188–195.

8. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. — М., 2007.

9. Дускаева Л. Р. Медиалингвистика в России: становление структуры и векторы развития / Л. Р. Дускаева // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2018. — № 6. — С. 48–74.

10. Hjarvard S. The Globalization of Language. How the Media Contribute to the Spread of English and the Emergence of Medialects / S. Hjarvard // Nordicom Review. — 2004. — Vol. 25 (1). — P. 75–97.

11. Бахтин М. М. Собрание сочинений / М. М. Бахтин. — М., 2012. — Т. 3.

12. Крючкова Т. Б. Зарубежная социалингвистика. Германия, Испания / Т. Б. Крючкова, Б. П. Нарумов. — М., 1991.

13. Шмелева Т. В. Интернет-письмо как новая форма существования языка / Т. В. Шмелева // Неклассические письменные практики современности. — Великий Новгород, 2011. — С. 186–193.

14. Сидорова М. Ю. Субъект и субъектность в интернет-коммуникации: 20 лет спустя / М. Ю. Сидорова // Речевая коммуникация в сетевых структурах: между глобальным и локальным. — М., 2022. — С. 65–105.

15. Пивоварчик Т. А. Вопрос о медиалекстах как формах существования языка в медиасредах / Т. А. Пивоварчик // Медиатизация практик современного общества: проблемы и перспективы. — Владимир, 2023. — С. 104–110.

16. Markham A. Ethnography in the Digital Internet Era: From Fields to Flows, Descriptions to Interventions / A. Markham // The SAGE Handbook of Qualitative Research. — CA, 2018. — P. 1129–1162.

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

Пивоварчик Т. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики,

E-mail: t.pivavarchyk@grsu.by

Yanka Kupala State University of Grodno

Pivavarchyk T. a., Candidate of Philology, Associate Professor of the Journalism Department

E-mail: t.pivavarchyk@grsu.by

БРЕНД МАЛОГО ПОСЕЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ ТУРИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Н. А. Суворова, Е. М. Струкова

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Поступила в редакцию 23 апреля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается брендинг малого поселения Калининградской области как важный инструмент рекламной коммуникации в условиях роста внешнего и внутреннего туризма. Установлена связь между факторами развития малого поселения, потребностями целевых групп бренда, формированием территориальной идентичности. С помощью примера брендирования поселка Заливино установлена коммуникативная роль бренда во взаимодействии его целевых групп.

Ключевые слова: территориальный бренд, малое поселение, туризм, рекламная коммуникация, территориальная идентичность, целевые группы.

Abstract: the article considers the branding of a small settlement in the Kaliningrad region as an important tool of advertising communication in the context of the growth of external and internal tourism. A connection has been established between the development factors of a small settlement, the needs of the brand's target groups, and the formation of territorial identity. Using the example of branding the village of Zalivino, it is established the communicative role of the brand in the interaction of its target groups.

Keywords: territorial brand, small settlement, tourism, advertising communication, territorial identity, target groups.

Калининградская область уже давно приобрела известность среди туристов. Интерес к ней не ослабевает: по данным статистики, динамика численности размещенных граждан в коллективных средствах размещения с 2018 по 2023 г. определяется как постоянный рост: от 627 573 человек до 800 000 человек, а общий турпоток за 2023 г. составил более 2 млн. поездок. Калининградская область, согласно экономическим показателям, в настоящее время «приобрела статус одного из перспективных субъектов России в плане развития внутреннего и въездного туризма» [1]. Объяснение сложившейся ситуации заключено в условиях новой реальности: рост туристического потока в Калининградскую область вызван возросшей активностью внутреннего туризма в России под влиянием ограничений из-за новой коронавирусной инфекции в 2020 г. и специальной военной операции на Украине с 2022 г.

Успешность развития туристического потенциала Калининградского региона стала одной из приоритетных задач. Активно посещаемые туристические локации, сконцентрированные преимущественно в западной части области на побережье Балтийского моря, сформировали туристическое ядро территории без ее развития на восток, их возможности размещения гостей региона в скором времени будут исчерпаны. Стоит учесть, что турпоток в 2023 г. превысил численность населения региона почти в два

раза. Необходим ориентир на новые места, нужны новые «точки притяжения», расположенные в центральной и восточной части области. Такой подход позволит преодолеть однополярность туристической инфраструктуры региона и в то же время даст возможность более полно раскрыть историко-культурный, оздоровительно-рекреационный потенциал Калининградской области.

Важным критерием в развитии новых «точек притяжения» являются приоритетные цели посещения Калининградской области российскими и областными туристами. В представлении российских туристов о регионе существенное место занимают возможности лечебно-оздоровительного отдыха (48%) и культурно-познавательных маршрутов (28%), а для внутреннего туриста давно привычен пляжный отдых (34%), который преобладает над потребностью в лечебно-оздоровительном отдыхе (15%) [1]. При сопоставлении данных становится очевидным, что именно лечебно-оздоровительные формы отдыха определяют общий интерес обеих групп целевой аудитории туристов и являются мощным стимулом посещения мест Калининградской области, где есть такие формы отдыха.

Для новых небольших локаций, находящихся в стороне от побережья Балтийского моря, превращающихся в туристические и рекреационные зоны, возникает задача заявить о себе, приобрести конкурентоспособность и наладить коммуникацию со своей целевой аудиторией. Справиться с такой задачей

за небольшой период времени призван территориальный бренд. Процесс по его созданию может помочь консолидировать реальные преобразования и изменения в обществе, «сообщить о них и в некоторой степени — ускорить» [2]. Транслируя в коммуникацию уникальный образ, бренд способствует повышению упоминаемости места, его узнаваемости, помогает обеспечить запоминаемость, осведомленность и в конечном итоге сформировать лояльность целевых групп. Коммуникативная эффективность брендинга связана с социальными, экономическими и поведенческими показателями оценки бренда территории [3]. Бренд поможет выстоять в конкуренции и за туристов, и за привлечение средств, инвестиций. Благодаря разным аспектам его комплексного действия, брендинг оценивается как инструмент развития региона [4]. Принимая во внимание иерархию мест и их включенность в развитие Калининградской области, формирование ее бренда следует рассматривать в суббрендовой структуре. Брендирование поселка Заливино Калининградской области является рекламной коммуникативной стратегией, которая направлена на решение нескольких значимых задач.

Поселок Заливино, относящийся к Полесскому муниципальному округу, расположен в северной части Калининградского региона на берегу Куршского залива. Согласно статусу поселения имеет небольшую территорию, занявшую мыс и переходящую восточнее в бухту залива. До 2020 г. представлял собой поселение с исторически сложившимся основным видом деятельности — ловлей рыбы в Куршском заливе, которая и сейчас организовано ведется рыболовческим предприятием — колхозом «Доброволец».

Однако с 2020 г. в поселке Заливино появились новые объекты, изменившие содержание территории и повлиявшие на ее идентичность и на общественный интерес к ней. В поселке стала оформляться культурная среда и оздоровительно-рекреационная сфера, что определило притяжение внимания внутреннего туриста и позднее — туриста из других регионов России.

Оформление культурной среды началось с реставрации Маяка Риндерорта. Заброшенный за ненадобностью к 1985 г., в августе 2020 г. маяк был признан областной собственностью и по решению администрации передан Музею Мирового океана, который на собранные средства отреставрировал башню маяка и дом смотрителя маяка, открыв в нем музейную экспозицию, благоустроил прилегающую территорию.

Территориальное общественное самоуправление «Чистый берег», организованное местными жителями, и администрация Полесского муниципального округа в лице советника отдела по международным связям и туризму Е. В. Ивановой с 2015 г. начали работу по благоустройству на месте и создали основу для развития культурно-познавательной среды

в поселке Заливино. Результатом этой работы стало открытие нескольких объектов.

«Дом рыбака», музей, креативное общественное пространство, открылся 5 сентября 2020 г. В «Доме рыбака» представлены экспозиции, рассказывающие об истории рыболовства на Куршском заливе, о рыбацких традициях, о становлении рыболовецкого колхоза «Доброволец».

Экотропа для прогулок, проложенная в виде деревянного настила, проходит вдоль берега Куршского залива и соединяет «Дом рыбака» и Маяк Риндерорта. Так, весной 2022 г. началось благоустройство рекреационной зоны с информационными стендами о флоре и фауне района поселка Заливино.

Ядром оздоровительно-рекреационного развития территории стал центр «Амбер Сакрум», который открылся в Заливино в 2023 г. СПА-отель предлагает уникальные медицинские услуги и специализируется на лечении болезней опорно-двигательного аппарата. По данным интервью с директором центра Э. И. Губарем, в планах развития деятельности оздоровительного центра его укрупнение, разработка программ для новых целевых групп посетителей, расширение функций и создание на территории Заливино туристических маршрутов, включенных в туристическую сеть Полесского муниципального округа.

Кардинально меняющийся поселок, где уже трансформировалась идентичность, нуждается в идее, которая поможет освоить эту трансформацию, получить новый образ, способный выдержать конкуренцию между малыми туристическими локациями Калининградской области. Согласно мнению С. Анхольта, суть территориального бренда как раз и заключается в уникальной конкурентной идентичности [5]. Неповторимое сочетание культурной среды, проявляющейся благодаря историческому контексту, и оздоровительной рекреации Заливино должно стать основой бренда. Такие неповторимые смыслы нуждаются в поиске «способов их решения за счет внутренних ресурсов этой территории и ее жителей» [6].

Результаты анкетирования, проведенного руководителем компании «Асмысл» Н. Рыбальченко, показали, что есть реципиенты, которые связывают с брендом «смысл существования территории», а большее количество опрошенных (48%) считают, что бренд — «это социальное вовлечение горожан и малого бизнеса».

Наблюдения над взаимодействием малого бизнеса, населения и Полесского муниципалитета — ключевых стейкхолдеров на территории Заливино — убеждает, что их коммуникация является хорошей базой для будущего бренда, поскольку уже приобрело форму социального партнерства. О процессе «вовлечения и согласования противоречивых интересов стейкхолдеров» как одной из основных частей работы по созданию бренда писал в своей книге

К. Динни [7]. Очевидно, что в бренде Заливино сложилась как внутренняя потребность, так и внешняя востребованность в условиях роста перспектив туризма в Калининградской области. Бренд поселка Заливино — рационально-эмоциональный образ, являющийся ключевым сообщением в коммуникации внутренних и внешних целевых групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коноплева В. С. Формы и перспективные направления развития туризма в Калининградской области / В. С. Коноплева, А. В. Герасимова, И. А. Коноплева // Экономический вектор, 2023. — № 2 (33) — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-i-perspektivnye-napravleniya-razvitiya-turizma-v-kaliningradskoy-oblasti> (дата обращения: 08.04.24).
2. Логунцова И. В. Теоретические обоснования создания сильных брендов территорий / И. В. Логунцова // Государственное управление. Электронный вестник, 2012. — № 33 — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-obosnovaniya-sozdaniya-silnyh-territoriy>

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Суворова Н. А., кандидат филологических наук, доцент
Высшей школы коммуникаций и креативных индустрий Института образования и гуманитарных наук
E-mail: NSuvorova@kantiana.ru*

*Струкова Е. М., старший преподаватель Высшей школы коммуникаций и креативных индустрий Института образования и гуманитарных наук
E-mail: EStrukova@kantiana.ru*

brendov-sovremennyh-territoriy (дата обращения: 08.04.24).

3. Мазуренко А. В. Формирование ключевых показателей оценки эффективности брендинга территории: автореф. дис. ... канд. экон. наук / А. В. Мазуренко. — СПб., 2014.
4. Корнилова К. С. Территориальный брендинг как инструмент развития региона (на примере Республики Крым) / К. С. Корнилова // Вопросы теории и практики журналистики, 2019. — № 2. — Т. 8. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/territorialnyy-brening-kak-instrument-razvitiya-regiona-na-primere-respubliki-krym> (дата обращения: 09.04.24).
5. Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions / S. Anholt. — London., 2007.
6. Свистухина М. Рыбальченко Н. Как вырастить бренд своего города? Интервью с Натальей Рыбальченко / М. Свистухина. — Режим доступа: <https://ion.ranepa.ru/news/kak-vyrastit-brend-svoego-goroda-intervyu-s-nataley-rybalchenko/> (дата обращения: 08.04.24).
7. Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики / К. Динни. — М., 2017.

*Immanuel Kant Baltic Federal University
Suvorova N. A., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Higher School of Communications and Creative Industries,
Institute of Education and Humanities
E-mail: NSuvorova@kantiana.ru*

*Strukova E. M., Senior Lecturer of the Higher School of Communications and Creative Industries, Institute of Education and Humanities
E-mail: EStrukova@kantiana.ru*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ВО ВЬЕТНАМЕ

Нгуен Минь Туан

Военный университет культуры и искусства

Поступила в редакцию 13 апреля 2024 г.

Аннотация: в статье представлены основные сведения о становлении и развитии военной журналистики Вьетнама. Определены время рождения первой военной газеты Вьетнама, а также основные характеристики периодов военной журналистики Вьетнама.

Ключевые слова: Вьетнам, история журналистики, военная журналистика.

Abstract: the article provides basic information about the formation and development of military journalism in Vietnam. The time of the birth of the first military newspaper of Vietnam, as well as the main characteristics of the periods of military journalism in Vietnam, are determined.

Keywords: Vietnam, history of journalism, military journalism.

Введение. Военная журналистика — журналистское направление, которое, согласно исследованиям, впервые появилось в Европе, в период военных действий начала XIX в. В 1807 году британская газета «Таймс» отправила репортера Генри Робинсона в Испанию для освещения войны между испанской армией и французской армией Наполеона Бонапарта [1]. Робинсон считается первым военным корреспондентом, который в то время делал репортажи из «горячих точек» в Европе. В России до начала XIX в. не было изданий военной тематики. Отсутствовала литература для солдат и офицеров [2, 7]. В 1808 г. в России вышло первое военное издание «Артиллерийский журнал» [3], предназначавшееся только для военнослужащих, но вскоре, в связи с возросшим спросом на информацию военной тематики, ставшее доступным и гражданским лицам.

С. Н. Лютов в статье «Развитие военной журналистики в России в первой половине XIX века» ясно указал: начиная с Отечественной войны 1812 г. тенденция развития военной журналистики усиливается. Появилось больше военных изданий, направленных на пропаганду патриотизма и борьбы с захватчиками. Газеты «Известия из армии», «Русский инвалид», журнал «Сын Отечества» — военные издания, которые читали не только на поле боя, но и в тылу. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в периодической печати регулярно появлялись военные новости. По данным «Военной энциклопедии», к 1877 г. репортажи с фронта писали 98 репортеров русских и зарубежных изданий [4]. Таким образом, военные издания, рубрики в них стали основой для формирования российской военной журналистики.

Специальность «Военная журналистика» можно рассматривать в трех концептуальных слоях: воен-

ный журналист (*defense journalist*), военный корреспондент (*war correspondent*) и репортер горячих точек (*hot-spot reporter*) [4]. С точки зрения науки военная журналистика — это область журналистики, которая специализируется на освещении военной деятельности, а также военной и оборонной политики правительства в периоды военных конфликтов. По мнению российского исследователя А. В. Юрлова, военная журналистика — это одно из журналистских направлений, подразумевающее освещение военных конфликтов, террористических актов, контртеррористических операций, а также этнических и религиозных конфликтов [6].

Во Вьетнаме бытовало понятие «армейская журналистика», к которой относилась деятельность медиа, информационных агентств в системе управления Министерства национальной обороны. Нгуен Суан Тхий в 2020 г. отмечал: «Армейская журналистика является частью вьетнамской революционной журналистики», которая развивала все виды и жанры журналистики: печатные, радио-, теле- и электронные СМИ. [7, 34]. Сегодня военная журналистика в широком смысле включает в себя информационную деятельность журналистов как внутри, так и вне вооруженных сил по вопросам военных конфликтов, военной и оборонной ситуаций. Деятельность по освещению новостей в этой области носит периодический и специализированный характер. Новости размещаются в конкретных разделах и подразделах (например, военном, военно-оборонном разделах, подразделах о солдатах, обороне и безопасности), тем самым образуя отдельные аудиторные группы.

Становление военной журналистики во Вьетнаме. Вьетнамская пресса сформировалась во второй половине XIX в. Это было связано с зарождением и развитием национального языка — вьетнамского (на латинице). В 1865 г. первая вьетнамская газета

«Зиа Динь Бао» выпустила первый номер на вьетнамском языке, открыв период раннего развития национальной журналистики [8]. После этого на севере, в центре и на юге страны появились десятки разных газет. В период с 1856 по 1925 г. вьетнамская пресса развивалась в условиях жесткой цензуры колониально-феодалского правительства и служила политике доминирования и эксплуатации.

Поворотным моментом в истории вьетнамской журналистики становится появление в 1925 г. газеты «Тхань Ниен» («Молодежь») — официального издания Вьетнамской революционной молодежной ассоциации, возглавляемой политическим лидером Нгуеном Ай Куоком (будущий Хо Ши Мин). Понимая значение прессы в революционной деятельности национально-освободительного движения, Нгуен Ай Куок создал команду революционных журналистов, чтобы распространять идеи марксизма-ленинизма, Октябрьской революции в России и других мировых революций, а также информацию о борьбе против империализма во Вьетнаме и во всем мире. Вьетнамские революционные журналисты обращались к своим соотечественникам в стране и за ее пределами. Газета «Тхань Ниен» была первой революционной газетой Вьетнама, зародившей идеи революционной журналистики во Вьетнаме. Это было важной предпосылкой для пропагандистской, политической, идеологической, теоретической и организационной подготовки коммунистических ячеек в 1929 г. и создания в 1930 г. Коммунистической партии Вьетнама [9, 140–143]. После газеты «Тхань Ниен» появляется ряд других революционных газет, таких как: «Буа Лиём»/«Серп и молот» (1929), «Дау Чань» («Борьба») (1930), «Тап чи До» / «Красный журнал» (1930), «Тап чи Конг шан» / «Коммунистический журнал» (1930), «Большевистский журнал» (1934), «Зай Фонг» / «Освобождение» (1935), «Зан чунг» / «Люди» (1938) и др.

Революционная пресса в это время действовала как открыто, так и тайно, выполняя задачи формирования партийных организаций, поддержки международной революции, пропаганды движения за национальную независимость в Индокитае и во всем мире. Ведущие революционные журналисты этого периода — Хо Ши Мин, Чан Фу, Ле Хонг Фонг, Нгуен Ван Ку, Чыонг Чинь и их многочисленные ученики.

В этот период в революционных газетах Вьетнама появляются сведения о Второй мировой войне, о деятельности воюющих стран в Европе и Азии. В частности, возникает ряд газет, специализирующихся на освещении новостей в международной военной сфере и подготовки сил самообороны и боевых частей к вьетнамской революции. Так постепенно формируется военная журналистика как направление революционной прессы Вьетнама.

В мае 1941 г. для скорого воплощения в жизнь революции VIII Центральной конференции, направле-

ния и организации народных масс в национальные ассоциации спасения Фронта Вьетминя, активного строительства и расширения географических границ Хо Ши Мин начинает издавать газету «Вьетнам Док лап» («Независимый Вьетнам»). Первый ее номер вышел 1 августа 1941 г. [10]. «Вьетнам Док лап» внимательно следил за новостями о развитии движения Вьетминьского фронта и прекрасно выполнял функции пропаганды, поддержки и ориентации общественного мнения, объединения сил и руководства ими для революционной борьбы. Газета постоянно сообщала о первой регулярной вооруженной армии вьетнамской революции, а также о политических и военных изменениях в Индокитае. 25 января 1942 г. вышел первый номер газеты генерального штаба Фронта Вьетминя «Кыу куок» («Спасти страну»), а вскоре в том же году выходит газета ЦК Компартии Индокитая «Ко зай фонг» («Флаг освобождения»). Эти издания внесли важный вклад в руководство массами и обеспечение успеха всеобщего восстания в августе 1945 г., что привело к созданию 2 сентября 1945 г. Демократической Республики Вьетнам (ныне Социалистическая Республика Вьетнам).

Исследования, позволяющие определить конкретное время становления военной журналистики во Вьетнаме, отсутствуют. Мы предлагаем считать временем зарождения вьетнамской военной журналистики как информационного направления революционной журналистики Вьетнама момент выхода в свет первого номера газеты «Вьетнам Док лап» (1 августа 1941 г.). Однако это утверждение требует дальнейшей проверки и постановки вопросов для будущих исследований с целью дополнения, критики и разъяснения этого положения. В целом военная журналистика постепенно становится важным направлением в информационной жизни вьетнамского общества. Это направление встраивается в концепцию вьетнамской революционной журналистики, внося важный вклад в борьбу за независимость и национальное достоинство, объединение страны и участие в строительстве и защите социалистического Вьетнама.

Этапы развития военной журналистики Вьетнама. Развитие военной журналистики Вьетнама с момента ее возникновения до настоящего времени можно разделить на несколько этапов.

Период до Августовской революции 1945 г. В конце 1939 г. колониальное правительство провело политику отзыва лицензий у революционных газет, открыто издававшихся во Вьетнаме. Число таких изданий постепенно сократилось, революционные газеты были вынуждены уйти в подполье. Военная журналистика этого периода в основном сообщала о военной обстановке в мире и положении в Индокитае после того, как фашистская Япония расширила войну в Азии, вытеснив из Индокитая Францию. Сторонники революции постоянно получали но-

вести о вооруженных действиях Фронта Вьетминя и Пропагандистской группы Освободительной армии Вьетнама (впоследствии — Вьетнамская народная армия). Формально военные журналисты не просто отработывали новостную повестку, а проводили глубокий анализ и публиковали политические материалы о региональной и мировой военно-политической ситуации.

28 января 1941 г. Хо Ши Мин вернулся на родину и непосредственно возглавил вьетнамскую революцию. Он сформулировал следующий политический принцип: национальное освобождение является главной задачей наряду с созданием Фронта Вьетминя и подготовкой всеобщего восстания с целью захвата власти. 1 августа 1941 г. Хо Ши Мин основал газету «Вьетнам Док лап» («Независимый Вьетнам»; официальное издание Фронта Вьетминя в провинции Каобанг), изначально ставшую газетой трех провинций Вьетминя — Каобанга, Баккана и Лангшона. Хо Ши Мин непосредственно руководил созданием редакции газеты и организовал печать и распространение первых 30 номеров. Газета «Вьетнам Док лап» выходила 3 раза в месяц по две страницы тиражом около 400 экземпляров. В газете были статьи, вьетнамские и зарубежные новости. С момента выхода первого номера до 20 августа 1945 г. редакция выпустила 126 номеров, став революционной газетой, опубликовавшей наибольшее количество номеров в период подпольной работы.

В это время на севере страны выходят (в основном так же подпольно) газеты «Кью куок» («Спасти страну») и «Ко зай фонг» («Флаг освобождения»). Их ключевой задачей была организация и мобилизация народа на борьбу за национальное освобождение под руководством Коммунистической партии и Фронта Вьетминя, поднятие духа сопротивления захватчикам. Выходит множество публикаций, направленных на массовое просвещение в вопросах национального освобождения, независимости, формирования армии и войск самообороны, готовящихся к революции. Кроме того, в Северном, Центральном и Южном регионах издавались другие революционные газеты, такие как «Док лап» / «Независимость», «Куан зай фонг» / «Армия освобождения», «Хой Нгиа» / «Восстание»), «Куйет Тханг» / «За победу», «Ве куок куан» / «Национальная гвардия», «Куан зу кич» / «Партизаны» и др. Они преуспели в информационной и пропагандистской деятельности, готовя кульминацию революции, всеобщее восстание с целью захвата власти.

Период антиколониального сопротивления (1945–1954). В этот период военная журналистика писала в основном о борьбе за национальное освобождение и победах, в том числе об Осенне-зимней кампании (1947), Пограничной кампании (1950), Великой кампании Дьенбьенфу (1954). Ключевыми изданиями этого периода были газеты «Народная армия», «Ньян зан», Агентство новостей «Освобождение» и др. Они

имели большую команду журналистов, специализирующихся на материалах о вооруженных силах и оборонной деятельности страны. В связи с практическими потребностями фронтов подготовке по военной журналистике стали уделять большее внимание. В 1949 г. в Дай Ту, провинция Тхай Нгуен, под руководством президента Хо Ши Мина, Генеральный штаб Фронта Вьетминя открыл первый учебный класс для журналистов, назвав его «Школа журналистики Хуинь Тхук Кханг» [11]. 4 апреля 1949 г. в школе открылся первый и единственный на тот период курс, оказавшийся краткосрочным: уже спустя 3 месяца, 6 июля 1949 г., выпустились первые ученики курса. На курсе обучались 42 студента, подготовку которых вели 30 преподавателей. Это были известные революционные журналисты — Чыонг Чинь, Хоанг Куок Вьет, Во Нгуен Зиап, Суан Туй, То Хью и др. Преподавание велось по теории и практике журналистики, а также по политическим и социальным вопросам, культурной проблематике. Одними из главных преподаваемых жанров журналистики были репортаж и военные мемуары — занятия по этим предметам вел Во Нгуен Зиап. Кроме того, студентам давали знания по военному делу, риторике и международным отношениям. Благодаря этим курсам вьетнамская революционная пресса в целом и вьетнамская военная журналистика в частности получили профессиональных журналистов, которые вели успешные репортажи по всей стране — как на поле боя, так и в тылу.

Важной вехой в этот период стало рождение газеты «Народная армия» 20 октября 1950 г. Это произошло после слияния газет «Национальная гвардия» и «Партизаны». Газета «Народная армия» — официальное издание Центральной военной комиссии и Министерства национальной обороны, голос Вооруженных сил и народа Вьетнама, ведущая военная газета Вьетнама, постепенно ставшая одним из самых престижных и главных изданий Вьетнамской народной армии и страны.

Антиимпериалистический период (1954–1975). Основными темами военной журналистики в частности и революционной прессы Вьетнама в целом являлись строительство социализма и борьба по освобождению и объединению страны. Общим тоном военной журналистики этого периода были новости о боевой обстановке и победах на Севере и Юге страны; осуждались преступления и заговоры империалистов и марионеточного правительства Сайгона. Военная журналистика подтверждала легитимность войны и сопротивления вьетнамского народа империализму, восхваляя боевую солидарность трех стран Индокитая, оправдывала поддержку и помощь Советского Союза и братских социалистических стран в деле строительства и защиты Демократической Республики Вьетнам.

Газета «Народная армия» играла в этот период

важную роль в информационной и пропагандистской деятельности в политических, военных, оборонных и многих других вопросах партии и армии. «Народная армия» стала трибуной для офицеров и солдат, а также для многих слоев населения [12]. В марте 1959 г. Радио Народной армии официально выпустило в эфир свою первую программу. С 1972 г. по Вьетнамскому телевидению транслируются телевизионные программы на военные темы, о вопросах обороны страны. В сентябре 1975 г. официально открылось Народно-армейское телевидение. Все эти события ознаменовали возникновение радио- и телевизионных агентств Вьетнамской народной армии, внесших важный вклад в идеологическую ориентацию и воодушевление народа и армии на победу. Стратегическая миссия — активно освещать построение социализма на Севере и освобождение Юга, объединение страны.

В этот период для подготовки к открытию Национального фронта освобождения Южного Вьетнама (что произошло 20 декабря 1960 г.) и исполнения новых требований и задач Южной революции Вьетнама 12 октября 1960 г. открывается информационное агентство «Зай фонг» («Освобождение»). Оно стало официальным голосом патриотов Южного Вьетнама. В это время ряд вьетнамских военных корреспондентов на Севере прошли обучение и отправились на Юг, чтобы поддержать работу информационного агентства «Зай фонг» [13]. В 1972 г. Вьетнамское информационное агентство подготовило группу медиаспециалистов GP10 для повышения квалификации военных корреспондентов на Юге. К марту 1973 г. около 150 военных репортеров, телеграфистов и технических специалистов группы GP10 отправились на Юг. Это был крупнейший курс военных корреспондентов, сыгравший важную роль в информационной деятельности в исторической кампании Хо Ши Мина по освобождению Юга и объединению страны.

Период до Дои Мой (период Обновления) (1975–1986). После освобождения Юга и воссоединения страны во вьетнамской прессе произошло много серьезных изменений в организационной структуре, функциях и задачах. Пресса активно участвует в политической и общественной жизни, тщательно выполняя задачу передачи информации общественности внутри страны и за рубежом. Военная пресса получает расширенный объем информации и значительно повышает свое качество.

Помимо военных изданий, таких как газета «Народная армия», журнал «Военное искусство», «Военное радио», другие гражданские издания также создают военно-национальные рубрики и специальные подразделы: «Оборона», «Безопасность — национальная оборона». В каждом издании работали репортеры и журналисты, специализирующиеся на военной и оборонной тематике.

Военная журналистика в этот период сообщала

о военных действиях по защите юго-западной границы, подтверждая оправданность боевых действий вьетнамской армии, помогавшей камбоджийскому народу в сопротивлении геноциду режима красных кхмеров. В то же время военная пресса славит революционный героизм вьетнамской армии и всего народа в борьбе по защите северной границы. В этот период многие вьетнамские военные журналисты работали на двух фронтах, юго-западной и северной границах, освещая военные ситуации и события. Благодаря развитию технологий и различных форм передачи информации, аудитория внутри страны и за рубежом постоянно получала горячие новости о военной ситуации и боевых действиях. В это время вьетнамская пресса в целом и военная журналистика в частности активно пропагандировали идеи мира и дружбы со всеми странами. Особенно освещали политику солидарности и сотрудничества Вьетнама с Советским Союзом и социалистическими странами.

Период с Дои Мой до настоящего времени. Начиная с периода Дои Мой (с 1986 г.) по настоящее время, наряду с общим развитием вьетнамской революционной прессы, военная журналистика во Вьетнаме постоянно совершенствовалась в организации, способности оказывать глубокое влияние на общество. Развитие интернета во Вьетнаме с 1997 г. по настоящее время создало важную предпосылку для развития вьетнамской журналистики в целом и военной журналистики в частности. В дополнение к традиционным формам журналистики — печати, радио и телевидению — довольно быстро появляются электронные издания, утвердившие свое место в общественно-информационной жизни. Военная журналистика основывается на 58 изданиях Вьетнамской народной армии, будучи важной частью всей системы вьетнамской революционной прессы. Эти издания выполняют задачи по распространению информации о руководящих принципах и политике партии, а также о государственных законах, функциях и задачах Вьетнамской народной армии — революционной армии, в свою очередь выполняющей боевые, социальные и производственные задачи.

Кроме того, принципы военной журналистики распространяются на многие другие гражданские информационные агентства. Редакторы Тьен Фонг («Пионер»), Лао Донг («Труд»), Тхань Ниен («Молодежь»), Туой Че («Молодость») и др. открывают в своих СМИ военные и оборонные колонки. Кроме того, колонки, посвященные военной и национальной обороне, появляются в местных газетах и на телеканалах. Они предоставляют сведения о военных конфликтах в регионах страны и за ее пределами, отчеты о военной и оборонной деятельности внутри страны и за рубежом. На сегодняшний день военная журналистика является одним из информационных трендов, привлекающим внимание широкой публики к многочисленным каналам и информационным

платформам. Вьетнамская военная журналистика активно участвует в процессе цифровой трансформации прессы Вьетнама.

По данным Министерства информации и коммуникаций, на 2023 г. Вьетнам имеет 6 основных ключевых мультимедийных медиа, 127 печатных и электронных газет, 671 журнал (в том числе 319 научных журналов, 72 литературных и художественных журнала), 72 теле- и радиоагентства. Специалистов, работающих в сфере журналистики, насчитывается около 41 000 человек. В большинстве своем сохраняются потребности в репортерах — журналистах, отвечающих за освещение вопросов военной и оборонной сферы. Что касается подготовки ресурсов по обслуживанию военной журналистики и ее тенденций во Вьетнаме, то она фокусируется в основном на военных агентствах печати, таких как газета «Народная армия» и Центр военного радио и телевидения. Некоторые воинские части объединяются с учебными заведениями по журналистике, такими как Академия журналистики и коммуникации, Ханойский университет социальных и гуманитарных наук, Военный университет культуры и искусств и др. Эти вузы организуют курсы подготовки журналистов. Хотя данная форма не получила широкого распространения, она дала определенные результаты, частично удовлетворив потребности военной журналистики в человеческих ресурсах внутри армии и за ее пределами. Так, с 2020 года по настоящее время Военный университет культуры и искусств разрабатывает специализированную программу подготовки по военной журналистике, отвечающую острой потребности тенденций прессы в освещении деятельности военной, внутренней и международной обороны.

Заключение. Вьетнамская военная журналистика формировалась в особом контексте, действуя тайно и полуоткрыто, с целью тщательной подготовки к революционной кульминации и вооруженному восстанию для захвата власти в 1945 г. Рождение газеты «Вьетнам Док лап» («Независимый Вьетнам») в 1941 г. было важной вехой в истории военной журналистики Вьетнама. Фактами появлений колонок на военные темы и по вопросам обороны в других революционных газетах, таких как «Кью куок» / «Спасти страну», «Ко зай фонг» / «Флаг освобождения», «Ве куок куан» / «Национальная гвардия», «Куан зу кич» / «Партизаны» и др., а также формирования редакционных коллективов, СМИ в целом способствовали развитию вьетнамской военной журналистики.

Военный университет культуры и искусства

Нгуен Минь Туан, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры журналистики

E-mail: minhтуанnguyen2014@gmail.com

На протяжении времени военная журналистика претерпела множество изменений, внося значительный вклад в поддержание информационных потоков революционной прессы Вьетнама, строительство и защиту социалистического Отечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лучинский Ю. В. История мировой журналистики / Ю. В. Лучинский. — М. — Ростов-на-Д., 2003.
2. Лютов С. Н. Развитие военной журналистики в России в первой четверти XIX века / С. Н. Лютов // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. — 2012. — Т. 11. — Вып. 11. — С. 5–10.
3. Артиллерийский журнал // Военная энциклопедия. — СПб., 1911. — Т. 3. — С. 97–98.
4. Барышникова Ю. Е. История формирования российской военной журналистики / Ю. Е. Барышникова // Электронный журнал «Язык. Культура. Коммуникации». — 2017. — Режим доступа: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/538/657> (дата обращения: 15.03.24).
5. Погорелый М. Современная российская военная журналистика: опыт, проблемы, перспективы / М. Погорелый, И. Сафранчук. — М., 2002.
6. Юрлов А. В. Становление Российской военной журналистики / А. В. Юрлов. — Режим доступа: <http://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2016-zhurnalistska-vsovremennom-media/1/jurlova.pdf> (дата обращения: 22.03.24).
7. Нгуен Суан Тхий. Развитие человеческих ресурсов для военной журналистики в новую эпоху / Нгуен Суан Тхий. — Вьетнам, 2020 (на вьетнамском языке).
8. До Куанг Хунг. История вьетнамской журналистики с 1865 по 1945 гг. / До Куанг Хунг. — Ханой, 2000 (на вьетнамском языке).
9. Нгуен Тхи Чыонг Зианг. История журналистики / Нгуен Тхи Чыонг Зианг, Фам Тхи Тхань Тинь, Нгуен Тхии Ван Ань. — Ханой, 2020 (на вьетнамском языке).
10. Фам Сань. Независимость Вьетнама: первая газета Фронта Вьетминь / Фам Сань. — 2016. — Режим доступа: <http://sknc.qdnd.vn/ho-so-tu-lieu/viet-nam-doc-lap-to-bao-dau-tien-cua-mat-tran-viet-minh-500184> (дата обращения: 25.03.24) (на вьетнамском языке).
11. Музей вьетнамской прессы. Школа журналистики Хуинь Тхук Кханга. — Ханой, 2020 (на вьетнамском языке).
12. Главное управление политики, История газеты «Народной Армии» 1950–2010 гг. — Ханой, 2010 (на вьетнамском языке).
13. Информационное агентство Вьетнам. Информационное агентство «Героическое освобождение». — Ханой, 2020 (на вьетнамском языке).

Military University of Culture and Arts

Nguyen Minh Tuan, Candidate of Philology, Lecturer of the Journalism Department

E-mail: minhтуанnguyen2014@gmail.com

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МАТЕРИКОВОГО КИТАЯ И ГОНКОНГА ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

Тянь Юнчунь

Российский университет дружбы народов им. Патрисы Лумумбы

Поступила в редакцию 8 мая 2024 г.

Аннотация: в данной статье рассматривается специфика реагирования китайских СМИ и социальных медиа в период чрезвычайных ситуаций в сфере здравоохранения на примере динамической структуры информационной политики материкового Китая и Гонконга (с учетом как государственных, так и негосударственных источников получения информации населением в тот непростой период истории КНР).

Ключевые слова: социальные сети, Китай, коронавирус, COVID-19, инфодемия, пандемия.

Abstract: *this article examines the specifics of the response of Chinese media and social media during health emergencies using the example of the dynamic structure of information policy in mainland China and Hong Kong (taking into account both state and non-state sources of information for the population during that difficult period in the history of the PRC).*

Keywords: *social networks, China, coronavirus, COVID-19, infodemic, pandemic.*

Пандемия коронавируса заставила правительства разных стран улучшить информационно-коммуникационную стратегию в ситуации угрозы в области здравоохранения с учетом накопленного проблемного опыта. Опыт Китая в этом отношении является уникальным: КНР не могла, как другие страны, опереться на опыт какого-то иного государства, выстраивая информационную повестку; в то же время государство и общество в Китае смогли показать всему миру беспрецедентные усилия в борьбе с пандемией.

Важнейшим аспектом в стабилизации общественной жизни в чрезвычайных ситуациях является преодоление инфодемии. Можно дать следующее определение инфодемии: «Этот феномен представляет собой стремительное и неконтролируемое распространение в новых медиа необоснованной и ложной информации о кризисных событиях, усиливающее общественное беспокойство» [1, 58]. Основу инфодемии составляют фейки, которые манипулируют сознанием людей при помощи следующих акцентов: 1) непосредственно-личностная составляющая (информация подается в непосредственно-доверительном формате от реального человека); 2) «источник, заслуживающий доверия» (ссылка на источник, близкий к органам здравоохранения); 3) присутствие эмоциональной раскочки (в обобщенной и панической манере подчеркивается, что ситуация вышла из-под контроля официальных властей, преувеличивается количество жертв и т.д.); 4) иллюзия действия (адресата призывают сделать простой шаг — оповестить о страшных фактах своих близких якобы для из безопасности).

Стоит обратить внимание на произведенную специалистами типологизацию основных тем инфодемии: это 1) продвижение поддельных тестов и лекарств; 2) предположения о происхождении нового вируса; 3) приуменьшение опасности вируса и необходимости мер по борьбе с ним; 4) расистская травля; 5) мошенничество в сфере данных; 6) фейки о причастности брендов и технологий к распространению вируса (например, 5G и Coca Cola); 7) слухи о смертях и заражениях знаменитостей, в том числе политиков [2]¹.

Особое значение в деле распространения ложной и дестабилизирующей информации имеют социальные сети. А. В. Землянский, анализируя теории заговора, развивавшиеся в контексте пандемии коронавируса, пришел к следующему выводу: «Исходя из анализа разобранных выше теорий заговора, можно сделать вывод, что СМИ не ответственны за их возникновение, но ответственны за распространение. Так, теории заговора рождаются преимущественно в социальных сетях <...> Причиной возникновения теорий заговора служит общественная тревога и попытки людей оправдать происходящие события, оставшиеся без официального объяснения. СМИ же выполняют исключительно транслирующую роль, выступая здесь связующим звеном между отдельными пользователями Интернета, создающими теории заговора, и остальной аудиторией. Как правило, статьи СМИ не носят оценочного характера. Большинство материалов соответствует новостной концепции или имеет формат журналистского расследования» [3, 60].

¹ Covid 19Misinfo. URL: <https://www.covid19misinfo.org> (дата обращения: 02.05.2024).

В этом контексте стоит обратить внимание на то, что, будучи двумя тесно связанными обществами в одной стране, материковый Китай и Гонконг демонстрировали две отличительные информационные экосистемы в условиях пандемии COVID-19. Пример материкового Китая показал авторитарную модель управления информацией, при которой правительство имеет полную власть определять объем «публикуемой» информации, а также пространство, к которому могут получить доступ средства массовой информации и общественность.

Случай Гонконга, напротив, иллюстрирует образец информационной анархии в его пандемической информационной экосистеме. Хотя эта политика борьбы с пандемией вызывает дебаты, правительство публиковало информацию о заболевании более открыто и своевременно. Электронные СМИ и общественность в данном случае имеют свободу производить и распространять информацию о пандемии, которая осуществляет систему сдержек и противовесов над правительством.

В отличие от материкового Китая, в Гонконге нет эффективных механизмов, чтобы корректировать и регулировать информацию в социальных сетях. Хотя правительство пыталось исправить дезинформацию, оно не смогло эффективно устранить сомнения и страхи общественности из-за ее низкого доверия правительству. Гонконг пострадал от онлайн-дезинформации о пандемии в ситуации кризиса общественного здравоохранения.

Исследования показывают, что призывы общественности к прозрачности усиливали давление на распределение ответственности среди чиновников сверху вниз. Непрозрачность поставила центральное руководство под огромное давление, требующее возложить ответственность на местных чиновников. В свете общественного протеста в пользу прозрачности и подотчетности местные чиновники и tecnократы центрального здравоохранения стремились склонить общественное мнение в свою пользу в игре с обвинениями.

Очевидно, что в контексте проблем в области общественного здравоохранения прозрачность и подотчетность являются основой, которая поддерживает права людей на информацию. В то же время не менее очевидным является и то, что «правда» о негативных событиях, таких как пандемия, кризис и катастрофа, по сути, является социальным конструктом — подборкой и наиболее выгодной интерпретацией фактов [4].

Анализируя характер освещения эпидемии SARS в 2003–2004 гг. и в эпоху коронавируса, можно сделать вывод о том, «что в его основе лежала та же самая журналистская трехступенчатая модель, что и в случае с пандемией коронавируса: на начальном этапе — информирование о новом вирусе и попытка успокоить граждан. Второй этап — появление

в массмедиа комментариев экспертов и аналитических статей и репортажей об этимологии и степени опасности заболевания. Третий — завершающий, когда СМИ возвращаются к обыденной повестке и тема заболевания уходит на задний план» [5, 571].

Если сравнить, как функционировала информационная экосистема материкового Китая и Гонконга на ранней стадии вспышки, то есть с 31 декабря 2019 г. по 29 февраля 2020 г., то можно сделать вывод о том, что события и новостные статьи, опубликованные на ранней стадии вспышки через информационную базу данных Wisers, как уже было сказано, демонстрируют и концептуализируют управление информацией в материковом Китае как «информационный авторитаризм», а в Гонконге — как «информационную анархию». Однако, несмотря на разные модели управления информацией, коренящиеся в разных социально-политических условиях, обе информационные экосистемы пострадали от ложной информации о пандемии.

Поскольку общество на материке ограничено в свободном распространении информации общественного здравоохранения, оно неспособно противостоять «официальной дезинформации». Информационное управление в Гонконге, которое можно охарактеризовать как «информационную анархию», приводит к тому, что правительство регулярно публикует информацию о пандемии, а общество может свободно распространять информацию.

Стоит отметить, что обе информационные экосистемы во время пандемии не смогли предоставить общественности точную и достоверную информацию из-за распространения дезинформации (т.е. заведомо вводящей в заблуждение информации) или misinformation (т.е. непреднамеренно вводящей в заблуждение информации). В то время как жесткий контроль над доступом общества и распространением информации привел к доминированию официальной дезинформации в материковом Китае, минималистское управление информацией, низкое доверие к правительству, а также поляризация СМИ и общественного мнения привели к тому, что Гонконг в равной степени пострадал от «дезинформации в социальных сетях», которая время от времени порождает социальную панику.

Рассмотрим эту ситуацию подробнее. Первые случаи заболевания COVID-19 начали появляться в городе Ухань провинции Хубэй в декабре 2019 г. С конца декабря по 19 января 2020 г. публичной информации о пандемии почти не было. Спорадическая информация, распространявшаяся через социальные сети, официально квалифицировалась как слухи. Лишь 20 января 2020 г., когда Генеральный секретарь Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин впервые дал указания по предотвращению вспышки и борьбе с ней, в материковом Китае стало доступно все больше информации о пандемии.

Этот день стал поворотным моментом, который разграничил две фазы информационной экосистемы на ранней стадии вспышки в материковом Китае: правительство скрыло информацию и ввело общественность в заблуждение на этапе I (с декабря 2019 г. по 19 января 2020 г.), и правительство выборочно раскрывало информацию и предлагало ограниченное пространство средствам массовой информации и пользователям сети на этапе II (с 20 января по 29 февраля 2020 г.; к тому времени количество подтвержденных случаев и смертей постепенно снизилось в провинции Хубэй, а также по всей стране).

Что касается управления информацией, этап I включал официальную дезинформацию. Любая информация, связанная с COVID-19, такая как подтвержденные случаи и характер заболевания, была политизирована и строго контролировалась, поскольку вспышка произошла накануне местных «двухсессионных» встреч (兩會 Лянхуэй), наиболее важных ежегодных политических встреч местных органов власти и Лунного Нового года, самого важного праздника для китайцев. По мнению местных политиков, раскрытие информации о пандемии могло нанести ущерб политическим интересам правительства в поддержании социальной стабильности. Таким образом, власти Уханя и провинции Хубэй смягчили вспышку, намеренно предоставив общественности ложную информацию о том, что было лишь ограниченное число подтвержденных случаев, ни один медицинский персонал не был инфицирован, передача вируса от человека к человеку не произошла и что вспышка была под контролем. Хотя симптомы первого подтвержденного случая COVID-19 были зарегистрированы 8 декабря 2019 г., только 29 декабря 2019 г. Уханьское бюро здравоохранения (WHB) стало расследовать все недавние случаи пневмонии в Ухане. 31 декабря 2019 г. WHB впервые объявило о 27 подтвержденных случаях «пневмонии неизвестного происхождения». О первой смерти, связанной с COVID, произошедшей 9 января, стало известно только два дня спустя, на следующий день после завершения двухсессионных встреч.

WHB снова хранило молчание с 12 по 17 января, когда проводились двухсессионные встречи в провинции Хубэй. 18 и 19 января WHB сообщило о 4 и 17 новых подтвержденных случаях соответственно. Власти Уханя и провинции Хубэй не только дезинформировали общественность количеством подтвержденных случаев, но и не предупредили общественность заранее, хотя Китайский центр по контролю и профилактике заболеваний внутри страны заявил о втором по величине уровне реагирования на чрезвычайную ситуацию 6 января и повысил его до высшего уровня 15 января. Даже после того, как 20 января были даны инструкции Си Цзиньпина, секретарь Коммунистической партии и губернатор провинции Хубэй создали у общественности ложную иллюзию о несе-

рьезном характере этого инфекционного заболевания, приняв участие в массовом праздновании Лунного Нового года 21 января.

Признав серьезность вспышки в Ухане, центральное правительство начало борьбу с COVID-19. 21 января информационная экосистема материка вступила в фазу II, когда центральные и местные органы власти начали ежедневно публиковать информацию о статистике COVID-19 и деталях подтвержденных случаев, которые ранее считались слишком конфиденциальными, чтобы их можно было разглашать. 22 января провинция Хубэй объявила второй уровень реагирования на чрезвычайную ситуацию. 23 января Ухань объявил о мерах по локализации после подтверждения 444 случаев заболевания и 8 смертей, и эта тревожная тенденция была заметна и в других городах провинции Хубэй. 24 января провинция Хубэй повысила уровень реагирования на чрезвычайные ситуации до самого высокого уровня позже, чем провинции Чжэцзян, Гуандун и Хунань. 29 января правительства всех провинций объявили самый высокий уровень реагирования на чрезвычайные ситуации и ввели строгие меры карантина и изоляции. С середины февраля число подтвержденных случаев снизилось в других провинциях, за исключением Шаньдуна: 20 февраля в тюрьме Жэньчэн было зарегистрировано 207 подтвержденных случаев. К концу февраля местные органы власти, за исключением провинции Хубэй, начали использовать цифровой код здравоохранения для облегчения возобновления работы, что указывает на то, что борьба с COVID-19 вступила в новую фазу.

Что касается неправительственной информации о пандемии, то нужно сказать следующее. На первом этапе в социальных сетях появлялись спорадические дискуссии и слухи о вспышке, в основном сосредоточенные вокруг конкретных медицинских работников и пациентов. 30 декабря 2019 г. информатор доктор Ли Вэньлян и семь других врачей разослали предупреждающие сообщения о подозрительных случаях своим коллегам и друзьям через WeChat. 1 января 2020 г. этим восьми врачам было предъявлено обвинение в распространении ложной информации, и они были подвергнуты санкциям со стороны Управления общественной безопасности Уханя. На следующей неделе китайские СМИ призвали контролировать онлайн-слухи о пневмонии неизвестной этиологии. «Слухи» стали единственным сопротивлением официальной дезинформации в условиях жесткой цензуры.

После выступления Си Цзиньпина 20 января китайские государственные и коммерческие СМИ стали активно освещать пандемию, но в пределах публикуемой информации, установленной правительством. Государственные СМИ центрального уровня впервые осуществили свою функцию надзора, опубликовав критические репортажи о чиновниках местных ор-

ганов власти. Пользуясь возможностями освещения, легитимными государственными СМИ, коммерческие СМИ последовали этому примеру: в нескольких отчетах о расследованиях критиковались должностные преступления местных чиновников и требовали политической ответственности.

Пользователи Сети на втором этапе стали активно делиться информацией, сообщать о неправомерных действиях государственных чиновников и заниматься самоорганизацией пожертвований и волонтерством, что знаменует собой серьезное отклонение от этапа I и бросает вызов управлению информацией в целом. Пользователи Интернета также использовали платформы социальных сетей для организации пожертвований и координации волонтеров и волонтерских акций.

Этот этап тоже породил дезинформацию, которая в основном касалась ситуации с пандемией, мер государственного контроля и лечения коронавируса. Исследование информации о пандемии с января по март 2020 г. в материковом Китае показало, что в среднем каждый день возникало 67 единиц дезинформации, а на дезинформацию, появляющуюся в январе, феврале и марте, приходилось 15,6, 54,7 и 29,7 процента соответственно.

В результате государственным СМИ пришлось создать веб-сайты для борьбы с дезинформацией о пандемии. Некоторые платформы социальных сетей также предприняли усилия по проверке фактов и уменьшению слухов о пандемии. Пространство средств массовой информации и пользователей Сети для распространения информации, связанной с пандемией, в материковом Китае было строго определено, подвергалось цензуре и контролировалось правительством. Хотя на втором этапе информационное пространство было расширено, фундаментальные черты информационного авторитаризма остались прежними.

Теперь стоит обратить внимание на Гонконг. Памятуя об атипичной пневмонии в 2003 г., Гонконг пристально следит за инфекционными заболеваниями. Получив информацию от Национальной комиссии здравоохранения о 27 подтвержденных случаях заболевания в Ухане, Гонконг внимательно следил за вспышкой COVID-19 на материке. После 23 января 2020 г., когда в Гонконге появились первые подтвержденные случаи, внимание переключилось на местную ситуацию. В следующем анализе фаза I относится к периоду с конца декабря по 22 января, а фаза II относится к периоду с 23 января до конца февраля.

Правительство Гонконга придерживается практики открытого информирования и регулярно обновляет информацию о ситуации со вспышкой за пределами Гонконга на этапе I. 31 декабря 2019 года министр по вопросам продовольствия и здравоохранения (SFH) проинформировал средства массовой информации и общественность о 27 вспышках забо-

леваний и подтвердил случаи пневмонии в Ухане, предложив населению соблюдать правила личной гигиены и гигиены окружающей среды.

В тот день Министерство здравоохранения также потребовало от государственных больниц и медицинского персонала принять строгие меры пограничного контроля и карантина. 2 января 2020 г. SFH провел пресс-конференцию после председательства на межведомственном совещании по рассмотрению существующих профилактических мер, чтобы напомнить общественности о необходимости сохранять бдительность в отношении последних событий, связанных со вспышкой. 3 января Центр охраны здоровья (CHP) расширил сферу мониторинга и усилил проверки и карантин во всех портах въезда в Гонконг, а также способствовал просвещению общественности по вопросам профилактики заболеваний. 4 января правительство запустило план готовности и реагирования на новые инфекционные заболевания, имеющие значение для общественного здравоохранения, и активировало серьезный уровень реагирования с немедленным эффектом. 7 января SFH провел еще одно межведомственное совещание, чтобы рассмотреть последнюю ситуацию со вспышкой на материке и обсудить профилактические меры в Гонконге. 8 января правительство Гонконга официально объявило о «тяжелом респираторном заболевании, связанном с новым инфекционным агентом», как о инфекционном заболевании. На первом этапе CHP часто проводил пресс-конференции и информировал общественность о последнем прогрессе в подтвержденных случаях, выявленных в материковом Китае, Японии, Таиланде и Тайване.

23 января, когда были подтверждены первые два завозных случая COVID-19, Гонконг вступил в свою фазу II. Было сообщено о последней ситуации по случаям и мерам, которые необходимо принять. 25 января правительство активировало самый высокий уровень чрезвычайной ситуации.

В течение этого периода правительство регулярно доводило сведения до общественности по трем каналам. Во-первых, это практика проведения ежедневных пресс-конференций, чтобы сообщать подробности о новых подтвержденных местных и завозных случаях. Во-вторых, ведущие правительственные чиновники, включая главу исполнительной власти, регулярно занимали пост президента конференции для обмена информацией о вспышке и ответных мерах правительства. На втором этапе правительство провело в общей сложности восемь пресс-конференций. В-третьих, правительство создало онлайн-платформы для оперативного обновления информации о пандемии и мерах по предотвращению, такие как онлайн-панель CHP по COVID-19, а также правительственный тематический веб-сайт по COVID-19.

Наше внимание привлекает распространение сведений о пандемии в Гонконге из негосударственных

источников. Прежде всего, нужно сказать о том, что в Гонконге система СМИ открыта и свободна, здесь ценят свободу прессы как важную основную ценность общества. В то же время гонконгские СМИ в целом политически поляризованы и демонстрируют политический спектр, варьирующийся от продемократических до центристских и про-истеблишментских.

В контексте пандемии гонконгские СМИ внимательно следили за последней ситуацией с COVID-19 во всем мире, брали интервью у местных ученых и медицинских экспертов, а также комментировали антипандемические меры правительства Гонконга.

На первом этапе, несмотря на политическую поляризацию, гонконгские СМИ всех политических сил были осторожны в отношении вируса и критически относились к антипандемическим мерам правительства. Кроме того, средства массовой информации регулярно публиковали редакционные статьи, комментирующие меры правительства по предотвращению местной вспышки, с предупреждениями о важности информационной прозрачности в борьбе с пандемией.

На этапе II произошло еще больше путаницы с политикой антипандемических мер, что усложнило информационную экосистему Гонконга о пандемиях. Имея разные политические позиции, гонконгские СМИ вызвали дебаты по поводу ответов правительства, и общество поляризовалось по этим вопросам. Первые дебаты сосредоточились на том, стоит ли запрещать въезд в Ухань и закрывать контрольно-пропускные пункты между Гонконгом и материком. 3 февраля более 5000 медицинских работников, работающих в государственных больницах, провели скандальную забастовку, чтобы заставить правительство закрыть все контрольно-пропускные пункты между Гонконгом и материковым Китаем.

Вторая дискуссия касалась нехватки средств личной гигиены, особенно масок для лица. Растущее освещение в СМИ и протесты общественности в пользу масок по разумным ценам подтолкнули правительство к реализации 29 февраля схемы субсидирования местного производства масок. Третьи дебаты были сосредоточены вокруг карантинных пунктов и скрининговых клиник, назначенных правительством. С 27 января по 17 февраля сотни местных жителей в разных частях города организовали ряд акций протеста против создания карантинных центров или скрининговых диспансеров рядом с их усадьбами. Позже правительству пришлось либо отменить некоторые карантинные объекты, либо выплатить компенсацию пострадавшим жителям.

Несмотря на свободу производства и распространения информации о пандемии, Гонконг, к сожалению, также стал свидетелем серьезной проблемы дезинформации в своей информационной экосистеме во время пандемии. Например, 4 января в социальных сетях распространился слух о том, что государственные больницы Гонконга скрывают

количество пациентов, вернувшихся из Уханя с симптомами пневмонии.

Проблема дезинформации стала более серьезной во время фазы II. Одним из таких слухов было то, что Kowloon Motor Bus Co. Ltd. будет предоставлять лишь ограниченные услуги населению из-за развития пандемии. Согласно другому слуху, Пекин приказал главе правительства Гонконга оказать помощь материковому Китаю, лечя пациентов с Covid-19 из Уханя в государственных больницах Гонконга. Другие источники предполагали, что все порты въезда скоро будут закрыты и продукты питания с материка не будут импортироваться. Кроме того, различная ложная информация о поставках средств по уходу за лицом еще больше взволновала и обеспокоила общественность.

Нельзя забывать о том, что контроль информации и манипулирование нарративами служат политическим интересам режима, который отдает приоритет поддержанию социальной стабильности и монополизации кризисного управления. Хотя информационные и коммуникационные технологии дали обществу возможность раскрывать информацию и контролировать поведение правительства, строгая цензура традиционных средств массовой информации и институциональное управление социальными сетями существенно сводят на нет такие возможности: «Средства массовой информации не функционировали должным образом, и общественности в некоторой степени пришлось полагаться на “слухи как сопротивление” в борьбе с официальной дезинформацией на ранней стадии вспышки COVID-19 в материковом Китае. В результате правительство и государственные СМИ приняли активное участие в выявлении и проверке фактов распространения дезинформации о пандемии в социальных сетях» [6, 104].

Случай Гонконга, напротив, иллюстрирует образец информационной анархии в его пандемической информационной экосистеме. Несмотря на то, что его политика в отношении пандемии вызывает споры, правительство публикует информацию о пандемии открыто и своевременно. Средства массовой информации и общественность имеют свободу производить и распространять информацию о пандемии, которая осуществляет сдерживание и противовес правительству. Однако различная дезинформация и «фейковые новости» о повседневных поставках, подтвержденных случаях заболевания и историях о заговоре между Гонконгом и Пекином «загрязнили» информационную экосистему Гонконга и вызвали социальную панику на ранней стадии пандемии. Большая часть дезинформации о пандемии была связана с недоверием общественности к компетентности правительства в борьбе со вспышкой.

В отличие от материкового Китая, в Гонконге нет эффективных механизмов для исправления и регули-

рования информации в социальных сетях. Хотя правительство пыталось исправить дезинформацию, оно не смогло эффективно устранить сомнения и страхи общественности из-за низкого доверия общественности к правительству. Проистеблишментские и центристские СМИ пытались обнаружить дезинформацию о пандемии; однако их участие в деятельности по проверке фактов не было адекватным и систематическим. Более того, только часть общественности может читать их репортажи или верить им, потому что политические взгляды жителей Гонконга тесно связаны с их выбором средств массовой информации, и они склонны подвергаться влиянию политических сил. Таким образом, из-за низкого доверия общественности к правительству, неадекватного участия СМИ в деятельности по проверке фактов, а также поляризованного общественного мнения и выбора СМИ, Гонконг пострадал от дезинформации общественности о пандемии в Интернете.

В заключение отметим, что то, как информационные экосистемы в материковом Китае и Гонконге функционировали на ранней стадии вспышки COVID-19, с одной стороны, ярко демонстрирует две отличительные модели управления информацией, концептуализируемые как «информационный авторитаризм» на материке и «информационная анархия» в Гонконге. Пример материкового Китая демонстрирует авторитарную модель управления информацией, где правительство имеет полную власть определять объем «публикуемой» информации, а также пространство, к которому СМИ и общественность могут получить доступ в информации о пандемии.

С другой стороны, обе информационные экосистемы, несмотря на то, что они укоренены в разных социально-политических условиях, сталкивались с ложной информацией о пандемии и страдали от нее. Становится очевидным, что, помимо различных факторов, усугубить ситуацию с информированием общества в чрезвычайных ситуациях может как политический авторитаризм, так и присутствие политической поляризации. Все вышеперечисленное требует дальнейших исследований для изучения природы, причин и решений такого распространенного явления, как «инфодемия».

Очевидно, что китайское правительство допустило типичные ошибки в этом отношении, повторяющие негативный опыт предыдущих чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения. Однако в то же время

нельзя игнорировать объективные факты «работы над ошибками» в связи с пройденным КНР опытом борьбы с массовыми заражениями. С самого начала пандемии метод коммуникации правительства в значительной степени опирался на анализ информации, раскрытой во время прошлых чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения [7].

Некоторые проблемные ситуации, связанные с распространением инфодемии, преодолевались непосредственно во время коронавируса. Опыт борьбы с COVID-19 явственно показал, что в дальнейшем разработка адекватной модели информирования граждан в чрезвычайных ситуациях должна учитывать динамику современной медиасферы, связанной с бурным развитием интернета и соцсетей, которые могут выступать и как «помогающий» государственной власти фактор, и как усиливающий социальные нестроения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борхсениус А. В. Инфодемия: понятие, социальные и политические последствия, методы борьбы / А. В. Борхсениус // Вестник Российского университета дружбы народов. — 2021. — № 8 (1). — С. 52–58.
2. Covid 19Misinfo. — Режим доступа: <https://www.covid19misinfo.org> (дата обращения: 02.05.2023).
3. Землянский А. В. Практика инфодемии: теории «коронавирусного» заговора, их циркуляция и разоблачение в СМИ / А. В. Землянский // Наука и школа. — 2021. — № 3. — С. 51–61.
4. Ran R. When Transparency Meets Accountability: How the Fight against the COVID-19 Pandemic Became a Blame Game in Wuhan / R. Ran // The China Review. — 2021. — Vol. 21. — № 1. — P. 7–36.
5. Землянский А. В. Причины возникновения инфодемии: сравнительный анализ освещения эпидемии SARS и пандемии COVID-19 / А. В. Землянский // Вестник Российского университета дружбы народов. — 2021. — № 26 (3). — С. 570–579.
6. Ding C. Information Authoritarianism vs. Information Anarchy: A Comparison of Information Ecosystems in Mainland China and Hong Kong during the Early Stage of the COVID-19 Pandemic / C. Ding, F. Lin // China Review. — 2021. — Vol. 21 (1). — P. 91–106.
7. Zhang Y. Government Information Dissemination During Public Health Emergencies: An Analysis of China's Experiences Frontiers / Y. Zhang, Sh. Jiahao, Y. Zheyong // Frontiers in Public Health. — 2022. — Vol. 10. — P. 1–11.

Российский университет дружбы народов им. Патрисы Лумумбы

Тянь Юнчунь, аспирант кафедры массовых коммуникаций

E-mail: 1042225221@pfur.ru

*Patrisa Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
Tian Yongchun, Postgraduate Student of the Mass
Communications Department*

E-mail: 1042225221@pfur.ru

ХАРАКТЕР РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ ИЗДАНИЯМИ ДЛЯ ЖУРНАЛИСТОВ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

И. А. Фатеева

Московский политехнический университет

Поступила в редакцию 8 февраля 2024 г.

Аннотация: в статье анализируются отечественные профессиональные издания для журналистов первой трети XX века с точки зрения характера выполнения ими образовательной функции и в контексте развития системы дистанционного образования.

Ключевые слова: профессиональное издание, образовательная функция, «Газетчик», «Сотрудник печати», «Журналист».

Abstract: the article analyzes Russian professional editions for journalists of the first third of the 20th century from the point of view of the nature of their educational function and in the context of the development of the distance education system.

Keywords: professional edition, educational function, Newspaperman, Press officer, Journalist.

Бытует мнение, что «формирование и развитие профессиональных журналов являются закономерными процессами становления профессии» [1, 14]. Если это верно, то первые образцы профессионально-журналистских изданий следует искать в США периода расцвета буржуазно-коммерческой модели прессы. Некоторые исследователи в качестве такового называют «American Journalist», газету, издававшуюся в Филадельфии с 1872 г. [2, 126].

В России аналогичный, с точки зрения функций, вид прессы появляется лишь в XX веке. Есть основания полагать, что наиболее ранний пример — вышедший в 1907 г. в С.-Петербурге журнал «Газетчик» (под редакцией Н. А. Курилова). Но, несомненно, наиболее известное и авторитетное издание данной группы — это «Журналист» (возник в 1914 году как орган московского Общества деятелей периодической печати и литературы), не просто «бренд с более чем столетней историей» [3, 243], а журнал, переживший несколько эпох и продолжающий достойно выполнять свою миссию в наши нелегкие для профессии дни.

Наличие у СМИ образовательной функции, как автономной или как части культууроформирующей, признавали многие теоретики [4, 76–79; 5, 254; 6, 52–53]. Очевидно, что в особо выраженных формах она представлена именно в профессиональных изданиях. М. И. Губанова и Н. Б. Очирова, например, прямо утверждают, что «миссия профессиональных изданий прежде всего образовательная и информационная» [1, 14].

О конкретных формах проявления образовательной функции в отечественной прессе для журнали-

стов уже писали такие авторы, как Е. Ю. Гордеева [7], Е. В. Евдокимова [8], Е. В. Капинос [9], Е. Д. Тимофеева [10]. Обобщая и развивая их ценные положения, можно сформулировать небесспорный тезис, что профессиональные издания были не просто эффективной формой просвещения работников СМИ, но и выступали в роли полноценного субъекта их внеформального образования. Это имело чрезвычайно важное значение именно в тот период, когда в России не было институализированного журналистского образования или оно находилось в зародышевом состоянии (напомним, что первое профильное учреждение — Московский институт журналистики — возникло в 1921 г.). Может, вообще правомерно потребление профессионально ориентированной информации через специальное СМИ рассматривать в качестве первой формы дистанционного образования? Наиболее отчетливо, применительно к нашей сфере, эту мысль артикулировала Е. Д. Тимофеева, назвав «Журналист» 1928 г. «значимой страницей развития дистанционных технологий и профессионального медиаобразования представителей печати» [10, 249].

На первый взгляд, подобное утверждение может показаться преувеличением или просто метафорой. Но нам представляется эвристически оправданным обратиться для выяснения контекста к работам по теории и истории дистанционного образования [11; 12; 13], а в них констатируется, что первым этапом его развития в мире считается т.н. обучение по переписке (*corresponding leaning*). По некоторым сведениям, еще в 1840 г. в Великобритании И. Питманом была внедрена практика обучения посредством почтовых отправок началом стенографии (предмет обучения в свете нашей темы чрезвычайно показателен,

т.к. стенография входила когда-то в минимальный набор предметов всех первых образовательных программ для журналистов). Вскоре практику обучения на расстоянии взяли на вооружение учреждения формального образования. Первый университет, предоставивший (1858 г.) своим студентам возможность сдавать экзамены и получать дипломы независимо от того, где и каким образом соискатели получали образование, это тоже британский университет (*London University*) [13]. Во второй половине XIX в. «корреспондентское обучение» перешагнуло через Атлантику, получив мощное развитие в североамериканских странах. В США его официальное признание произошло в 1883 г. [12, 146].

Конечно, обучение по переписке — это изначально индивидуализированный процесс. Но от него легко сделать следующий шаг — перейти к предоставлению учебной информации по принципу «от одного многим». Самый логичный способ осуществить это — привлечь к распространению материалов как раз профессиональные издания. Например, в начале 1890-х гг. в еженедельной газете для шахтеров *Mining Herald* (Восточная Пенсильвания) существовала колонка, в которой отвечали на вопросы горняков по безопасности работ, а в 1891 г. на ее базе был организован соответствующий дистанционный курс.

Распространением обучающих материалов стали заниматься в начале XX века и отечественные профессиональные издания для журналистов. Так, возникший в 1912 г. петербургский журнал «Сотрудник печати» (СП), позиционировавшийся как «литературный и популярно-научный журнал для самообразования», специализировался как раз на публикациях теоретического и учебного характера, связанных с периодической печатью. Давал он своим читателям и задания для самостоятельной работы. По мнению А. Ф. Бережного, «это было первое издание в стране такого характера» [14, 87]. А по данным В. П. Таловой, оно было в свое время не единственным [15, 14–15].

Тем не менее такого типа издания дооктябрьской поры не становились предметом специального рассмотрения в литературе. Поэтому считаем нужным дать здесь общую характеристику СП (время выхода — 1912 г. и 1915 г.). Открывая подписку на него, редакция декларировала, что «журнал ставит себе целью поддержку и развитие (как теоретическое, так и практическое) начинающих литературных работников (корреспондентов, публицистов, беллетристов и т.п.)». Ради этого «читателям будут даны руководящие знания, необходимые каждому литературному работнику», а также «специальные литературные работы». Наиболее интересные из выполненных подписчиками работ было обещано печатать в «прогрессивной общественно-литературной и политической газете «Столичные отзвуки», выходящей по программе больших столичных газет». Действительно, такая газета выходила с 5 января по 4 сен-

тября 1912 г. Таким образом, организаторы проекта (издатель Александр Израилевич Хаст и редактор Марк Александрович Хаст) не ограничивались публикацией результатов монологического теоретизирования экспертов, а предоставляли реальную площадку для публикации творческих опытов «начинающих» авторов (решая, по-видимому, и свою собственную задачу заполнения газеты контентом). В первой (установочной) статье журнала читаем: «...Дело не в том, чтобы заучить и к стати уметь повторить несколько готовых истин и формул, а в том, чтобы уметь разобраться в различных материалах, чтобы из бесформенных масс уметь строить здания, одним словом, чтобы творить.

Сообщить нашему читателю умение журнально-го творчества — такова наша главная задача.

Давая нашим читателям известные теоретические знания, как мерило для оценки различных явлений, мы вместе с тем с большим вниманием будем относиться к их творческим попыткам и давать все необходимые указания и разъяснения» [16, 7].

«Знаниевый компонент» реализовывали в издании такие авторы, как А. Юрин («Журналистика и ее развитие», № 1; «Законодательство о печати за границей и в России», № 6–7), Вл. Михайлов («Что нужно знать каждому газетному и журнальному работнику» (№№ 1–7), Хр. Озеровский («Применение статистики в журналистике», № 1), Ал. Сергеев («Фельетон», № 6–7), Р. Волин («Газета и реклама», № 7), Б. Лебедев («Английская печать», № 4/5) и др. «Практические задачи» (рубрика с упражнениями) обеспечивали скорее всего сами Хасты. Приведем примеры «задач» из разных номеров: Пронтервьюируйте известных вам деятелей по вопросу о том, в каком положении находится в вашем уезде, губернии или крае дело народного образования, медицинской помощи населению и т. п.; В каждой местности имеются свои серьезные злободневные вопросы большого общественного значения. Разработайте один из таких вопросов вашей местности путем интервью с известными вам лицами, заслуживающими того, чтобы их мнения печатать. Работу пришлите в виде сжатой корреспонденции; Попробуйте с точки зрения какой-нибудь из систем западноевропейского местного самоуправления (см. статью в настоящем номере) критически оценить русское самоуправление; Если вы не согласны с какой-либо из статей (кроме корреспонденции), напечатанных в газете «Столичные отзвуки», то напишите свои возражения. Если вас заинтересовал какой-либо рассказ или он не нравится вам, то попробуйте написать критический разбор этого рассказа; Пришлите несколько отчетов о делах, слушавшихся в окружном суде и несколько мелких заметок, относящихся к внутренней жизни суда; На основании газетных и полицейских сведений изо дня в день в течение двух недель записывай-

те подробно, сколько было случаев самоубийств в вашей губернии, какие причины их вызвали, кто с собою кончал (пол, возраст, профессия, сословие и т.п.). Затем все эти статистические данные подробно разработайте, а самые данные изобразите 1) в виде таблиц и 2) в виде диаграммы с тремя кривыми: кривой всех самоубийств за указанное время, кривой спасенных и кривой умерших самоубийц (см. статью о статистике).

Кроме статей о журналистике и смежных сферах и заданий для отработки навыков, в журнале печатались списки для систематического чтения, объявления, письма подписчиков, редакционные комментарии к ним и пр.

Когда проект «журнал + газета» начал реализовываться (со второго номера), в объявление само-рекламного характера, печатавшееся на титульной странице, внесли небольшое, но знаменательное уточнение, в соответствии с которым целью СП становились не просто «поддержка и развитие» читателей, а их «заочное обучение газетному и журнальному труду». Такая формулировка прямо указывает на выход проекта за пределы чисто издательского в сферу образовательного предпринимательства (в рамках использования накопленного в других местах опыта дистанционного образования).

Попутно заметим, что отечественные профессиональные издания для журналистов в первой трети прошлого века неоднократно описывали на своих страницах подобный опыт. Так, уже упоминавшийся «Журналист» в 1925 г. опубликовал довольно пространственный материал о Лондонской школе журнализма. Данное учреждение возникло в 1919 году и возглавлялось М. Пембертоном (1863–1950), известным английским журналистом и писателем. Издание так описывало учебный процесс в нем: «...система преподавания... построена исключительно на переписке между преподавателями и слушателями. Первые посылают печатные лекции, последние пишут работы на условленную тему, которые возвращаются им с тщательнейшими исправлениями и подробнейшими указаниями, почему та или иная работа была бы отвергнута или, напротив, принята газетной редакцией... Благодаря подбору состава преподавателей из числа виднейших газетных работников одобренные дирекцией произведения слушателей помещаются в разных периодических изданиях Англии, открывая более талантливым путь к литературной публицистической карьере» [17, 70–71]. Школа практиковала модульный принцип конструирования программ, предлагая своим студентам четыре автономных курса, которые можно было комбинировать: «полный курс журнализма» (из 12 лекций), «специальный курс из 6 лекций» для фрилансеров, курс из 6 лекций по написанию текстов в «легких жанрах» и цикл в 6 лекций по «рейтингу» для всех желающих. Кстати, описанная Школа существует

и в XXI веке и, судя по сайту этого учебного заведения (<https://www.lsj.org/>), сохраняет преимущественно дистанционный и практико-ориентированный характер образования студентов.

Что касается самого журнала «Журналист», он в первой половине 1928 г. оказался непосредственно причастным к роли «организатора» модуля дистанционного образования, введя у себя рубрику «Курсы заочного обучения» (основные авторы — А. Курс, 1892–1937; А. Гарри, 1902–1960). В течение полугода в ней будет опубликовано восемь «уроков» (!), большинство из которых состояли из краткого изложения теоретических положений и актуальных примеров их использования в зарубежной и советской прессе, а также упражнений, нацеленных на самостоятельное осмысление и применение изложенного [18].

По сравнению с публикациями СП, мы видим здесь более тщательную дидактическую проработку материала, а самое главное — явную связь с существовавшим в действительности учебным процессом. Дело в том, что в «шапке» рубрики (в журнале она именовалась «циклом») более мелким шрифтом значилось: «основ. ЦБ и МБ СРП при кабинете печати»; в лиде же к первой публикации редакция сообщала: «...в процессе прохождения цикла, будут — по мере необходимости — составляться специальные лекции, печататься отдельно и рассылаться слушателям данного цикла за особую плату» [18, 42]. Еще более важное свидетельство интеграции рубрики с «офлайновым» учебным проектом находим на последней странице номера. Это модульная реклама со всеми ее типичными элементами (рекламными призывами и адресом для перечисления денег), а также описанием «уникального торгового предложения» следующего содержания: «Курсы заочного обучения, организованные ЦБ СРП при кабинете печати, начинают свою работу (рассылка программ, методических указаний и пр.) с 1 февраля сего года». Далее помещалась плата за обучение по пяти циклам (Публицистики и стиля; Информации (репортаж); Правки; Корректур, Практики профработы СРП), причем в двух вариантах: «для членов союза ПС РПП» и для подписчиков «Журналиста» (на треть дешевле). Еще ниже: «Материалы по циклу информации печатаются в Журналисте».

Дадим необходимый исторический комментарий. Кабинет Центрального Бюро (и Московского Бюро) Секции работников печати (СРП) — это реальная научно-образовательная институция (руководитель — М. С. Гус) вне системы формального образования СССР, существовавшая в 1925–1931 гг. Первоначально СРП входила в Союз работников просвещения, а с 1927 г. — в Союз рабочих полиграфического производства (т.е. в ПС РПП). При кабинете функционировало три секции, в т.ч. учебно-методическая, которая на хозрасчетных началах реализовывала всевозможные формы обучения работников СМИ [19, 255–256]. Одной

из них и были основанные в 1928 г. «Курсы заочного обучения», а открытая в «Журналисте» одноименная рубрика и стоявшая за ней организационно-курсовая деятельность, имевшая явные черты дистанционного образования, были, так сказать, партнерским проектом журнала, использовавшим такие элементы данной образовательной методики, как более индивидуализированный и «свободный» (в сравнении с учреждениями формального образования) характер обучения и модульный принцип конструирования программ.

Подводя общий итог исследования, рискнем если не подтвердить обоснованность тезиса Е. Д. Тимофеевой, процитированного в начале статьи, то во всяком случае зафиксировать органическую связь процесса развития отечественных профессиональных изданий для журналистов с эволюцией форм дистанционного образования в стране, при этом нельзя не заметить в первом из них линейно-поступательного вектора процесса. Остается объяснить, почему в данной статье мы ограничили материал исследования первой третью XX в. Потому что именно этим временным рубежом специалисты в области дистанционных образовательных технологий часто лимитируют первый период их развития, включая в него эпоху обучения по переписке, а также время становления системы заочного образования в учреждениях формального образования с опорой в основном на печатные технологии передачи учебной информации [11, 44–45]. Последующие периоды связываются ими с использованием в образовательных целях более поздних коммуникационных каналов (телевидения, компьютерных систем, интернета и пр.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Губанова М. И. Роль специализированных журналов в формировании профкультуры медиасообщества / М. И. Губанова, Н. Б. Очирова // Идеи и новации. — 2020. — Т. 8. — № 2. — С. 11–22.
2. Юфкина С. Б. Журнал «Журналист» как профессиональное издание / С. Б. Юфкина // Труды института бизнес-коммуникаций. Научное издание. — Т. 4. — СПб., 2018. — С. 126–134.
3. Максименко С. В. Основные функции журнала «Журналист» на современном этапе развития / С. В. Максименко // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. — М. — Пенза, 2022. — С. 241–246.
4. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики / Е. П. Прохоров. — М., 2011.
5. Алхазова М. Г. Роль и функции СМИ в современном обществе / М. Г. Алхазова, Л. Б. Эздекова // Современная наука и инновации. — 2022. — № 2 (38). — С. 251–257.
6. Попаденко Е. В. К вопросу о влиянии средств массовой информации на правовую культуру населения / Е. В. Попаденко // Ius Publicum et Privatum. — 2018. — № 2 (2). — С. 51–53.
7. Гордеева Е. Ю. Вопросы подготовки журналистских кадров на страницах журнала «Журналист» в первые десятилетия XX века / Е. Ю. Гордеева // Журналистика в системе альтернативных источников информации. — Н. Новгород, 2017. — С. 33–43.
8. Евдокимова Е. В. Реализация регионального профессионального медиаобразования в 1920-е годы (на примере новосибирского издания «Газетчик») / Е. В. Евдокимова // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2020. — № 2 (36). — С. 26–34.
9. Капинос Е. В. «Газетчик» А. Л. Курса / Е. В. Капинос // Сюжетология и сюжетография. — 2018. — № 1. — С. 82–104.
10. Тимофеева Е. Д. Обучение через профессиональное издание (на примере рубрики «Курсы заочного обучения» в журнале «Журналист») / Е. Д. Тимофеева // MEDIAОбразование: медиа как тотальная повседневность. Ч. I. — Челябинск, 2020. — С. 247–250.
11. Девтерова З. Р. Основные этапы развития и современное состояние дистанционного обучения в России / З. Р. Девтерова // Гуманизация образования. — 2010. — № 3. — С. 43–48.
12. Джемилева Н. Н. Становление дистанционного образования в США и Канаде / Н. Н. Джемилева // Вестник Вятского государственного университета. — № 4–1. — 2010. — С. 144–148.
13. Положенцева И. В. Генезис, эволюция и перспективы развития дистанционного образования / И. В. Положенцева // Мир науки. Интернет-журнал. — 2017. — Т. 5. — № 1. — Режим доступа: <http://mir-nauki.com/PDF/10PDMN117.pdf> (дата обращения: 29.01.2024).
14. Бережной А. Ф. К истории отечественной журналистики (конец XIX — начало XX в.) / А. Ф. Бережной. — СПб., 1998.
15. Таловов В. П. Журналистское образование в СССР / В. П. Таловов. — Л., 1990.
16. Наши задачи // Сотрудник печати: литературный и популярно-научный журнал для самообразования. — 1912. — № 1.
17. Шенфельд (Россон) Б. М. Лондонская школа журнализма // Журналист. — 1925. — № 3. — С. 69–71.
18. Курсы заочного обучения // Журналист. — 1928. — № 1. — С. 42–49.
19. Фатеева И. А. Наука о журналистике на попечении отраслевого профсоюза: ретроспективный взгляд / И. А. Фатеева // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2022. — № 77. — С. 250–262.

РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Л. Н. Федотова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 19 февраля 2024 г.

Аннотаци: статья посвящена актуальным проблемам рекламного и CO-рынка России в 2023 г. в связи с изменившимися социально-политическими реалиями. Рассматриваются трансформации, коснувшиеся рынка рекламодателей, рекламных площадок, в т.ч. социальных сетей, и потребителей товаров и услуг, места инфлюенсеров, в целом, анализируется проблематика блоггерства, в т.ч. последние законодательные инициативы властей в этой области, даются примеры ребрендинга.

Ключевые слова: изменения конфигурации рынка, малобюджетные каналы рекламирования, мощность блоггеров, мобильная реклама, ребрендинг.

Abstract: the article is devoted to the actual problems of the advertising and CO-market (2023) in connection with the changed socio-political realities. The changes have affected the market of advertisers, advertising platforms, incl. social networks, and consumers of goods and services. The problems of rebranding are noted.

Keywords: market configuration changes, low-budget advertising channels, blogger power, mobile advertising, rebranding, crisis management

Тренды на российском рекламном поле: социо-политические изменения. Как отмечают многие исследователи сегодняшних рыночных процессов, начиная с 2014 г. здесь произошли существенные изменения: они коснулись рынка рекламодателей; рекламных площадок; потребителей товаров и услуг; способов продвижения товаров. Самые заметные изменения — это уход из страны ряда западных производителей, а значит и рекламодателей [1]; появление новых видов продукции и услуг в связи с импортозамещением, которые объективно нуждаются в массированных практиках информационного сопровождения продвижения [2]; падение покупательской способности населения [3]; значительное повышение роли инфлюенсеров [4].

Ряд бизнес-структур резко уменьшили или перераспределили свои рекламные бюджеты в пользу более дешевых рекламоносителей, перешли на малобюджетные способы рекламирования, в частности, еще больше повысилась значимость мобильных площадок смартфонов. Известно, что коммуникация через SMS-сообщения привлекает потребителей. По данным Statista, 83,5 млн. россиян ежедневно заходят в интернет с телефона (и проводят там в среднем шесть часов, как утверждает исследование Аналитического центра НАФИ) [2].

Но ситуация практически не повлияла на крупный бизнес. Резко подскочили объемы рекламы сервис-услуг по доставке продуктов на дом; в целом заметно усиление онлайн-продаж: обороты стали в 2–3 раза больше. Это пошло от объективной ковидной реальности — и люди оценили удобства такого

вида покупок. Оценили эти удобства и сами маркетплейсы: они увеличили свою востребованность как рекламные площадки, хотя в конце 2023 г. стало заметным определенное замедление этих процессов.

Усилились позиции онлайн-образования, а значит, и его реклама. Увеличилось количество социальной рекламы на телевидении, а именно — число обращений граждан за денежной помощью. По формальным признакам это зачастую человеческие истории, рассказ от лица нуждающихся с репортажной видеокартинкой. Заметно активизировались банки — идет заметная в информационном поле борьба за потребителя между банками. На фоне *сберегательного поведения* населения, естественно, повышенным спросом стали пользоваться способы сохранения сбережений. По рекламе банков заметно, что идет борьба между привлекательными условиями увеличения числа вкладчиков (размер процента по вкладам, что в принципе является публичной офертой). Но и здесь специалисты сразу заметили, что процент в рекламе обозначен, а дополнительные условия нет, а он очень зависит от сроков вклада. Чисто лексически *призывы банков* изобилуют словами «дешевые кредиты», «большие проценты», «бонусы», «скидки» и т.п. (впрочем, не только у банков — везде где рекламируют что-то, что можно выразить в деньгах). Из последних новаций рекламы банков — использование нестандартного маркетингового хода: банк обещает вам денежное вознаграждение, если вы приведете в банк нового вкладчика.

Поскольку произошла блокировка ряда популярных площадок, которые были главными для онлайн-рекламы, усилилась конкуренция за оставшиеся площадки, и реклама заметно подорожала.

Бизнес в целом снижает затраты на онлайн-рекламу (Коммерсант-FM, 5.01.23): каждая пятая компания сократила свои затраты. Зависимость тут прямая: если сокращается само предложение, то сокращается и реклама — именно это случилось с ресторанным бизнесом и автопромом, которые на 15% сократили расходы на онлайн-рекламу.

Чаще привлекают к рекламированию известных артистов: в 2023 г. это были Сергей Безруков, Дмитрий Маликов, Сергей Маковецкий, Сергей Гармаш, Дима Билан, Юрий Стоянов и др.

Отмеченная нами тенденция — каждой рекламе по известному артисту — в целом свидетельствует о повышении роли инфлюенсеров. В этом же ряду усиление роли блогерства. И это мировая тенденция, хотя практика *тестемониала* (использование в сообщениях знакомого всем лица — спортсмена, артиста) известна давно. Но сегодня траты на инфлюенсеров увеличиваются во всем мире. Появилось понятие *инфлюенс-маркетинга*. В противовес этой тенденции сейчас в нашей стране принят ряд документов, которые способны повлиять на объемы рекламы — с 1.09.23 требуется маркировка рекламы, поэтому все блогерство оказалось в зоне риска. Часть этого закона касается непосредственно блогеров, которые должны будут пометить как рекламу все сообщения с наличием таковой: надо будет размещать рядом с таким сообщением *текстовый идентификатор*, означающий, что в контенте есть реклама.

Ведутся разговоры о том, чтобы признать блогерство экономической деятельностью. Лишившись популярных площадок, испытывая повышенное внимание надзирающих органов к своей деятельности, блогеры потеряли и часть своих потребителей.

В феврале 2024 года в Госдуму внесена поправка в Закон о рекламе о запрещении рекламы на ресурсах иноагентов.

Госдума рассматривает предложение о блокировке спама — законопроект об ограничении телефонного спама внесен в Госдуму 27 декабря 2022 г. В такой ситуации пострадает и реклама — звонками как инструментом продвижения часто пользуется компании, не имеющие возможности инвестировать в охватные маркетинговые кампании. В основном это малый бизнес: медицинские клиники, юридические компании, финансовые сервисы.

С сентября 2021 г. вступил в силу Закон о единой системе учета всей интернет-рекламы в России, по которому участники рынка должны передавать в систему сведения о рекламодателе, распространителе и операторе рекламы, информацию об объемах, стоимости, целевой аудитории и самой рекламе.

Стоит присмотреться и к очередному эксперименту на «Канале Икс» (так новый владелец Илон Маск назвал Твиттер), где предлагается увеличить *площадь* рекламных сообщений, рассматривается возможность появления длинных рассказов, что может

стать яблоком раздора между интересами рекламодателей и пользователей, в особенности, блогеров.

Из-за уменьшения обеспеченности (увеличение стоимости ряда товаров, услуг, расходов на ЖКХ) люди сокращают потребительский чек; в 2022 г. заметно увеличилось число покупок в рассрочку. С точки зрения ожиданий в обозримой перспективе основные поводы для беспокойства потребителей связаны с уровнем дохода (59% респондентов), эмоциональным состоянием (39%) и физическим здоровьем (38%). В прессе даже появились рекомендации по финансовой грамотности. Так, Mail.ru дает информацию «перестать занимать до зарплаты и копить».

Новое название — еще не бренд. На современной российской бизнес-почте сегодня существует огромные чисто объективные условия для деятельности по брендингу/ребрендингу. В ситуации объективной необходимости импортозамещения возникают десятки новых предприятий малого и среднего бизнеса; идет увеличение/изменение товарной линейки крупного бизнеса. Все это требует приложения умений специалистов по брендингу/ребрендингу. Ведь сегодня бренд, с учетом международных реалий, это необходимый атрибут существования фирмы на рынке. Бренд ассоциируется у потребителей со стабильностью, доверием, возникает долгосрочное конкурентное преимущество фирмы — ее сервиса, продукта, корпоративной культуры. Специалисты утверждают, что построение бренда требует 3–4 года, после чего потребитель может заявить: «Я это люблю, потому что другие любят». В той мере, в какой это осознается большими группами людей, появляется нематериальный актив компании, и сегодня бренд присутствует в финансовой оценке компании. Впервые это сделала Британская компания «Рэнк Ховис Макдагэл» (*Rank Hovis McDougall*) в 1988 г., тем самым войдя в историю.

Кроме того, на российском рынке появляются новые бренды из других стран. Они, конечно, нуждаются в рекламном сопровождении своего внедрения в конкурентное поле предложений. С уходом ряда компаний из страны в России появляются новые структуры с закреплением того же самого места на бизнес-карте. Вспомним многомесячную историю с появлением нового названия вместо старого бренда «Вкусно — и точка». А сейчас это новое название приобретает популярность, становится привычным, конечно, не без рекламных усилий кампании.

Аналогичная ситуация сейчас возникает с переименованием фирмы «КиС», которая имела по стране около тысячи предприятий и которую, кажется, замещает фирма «Ростикс». Дополнительные исследования показывают, что фирму «КиС» знают по стране 90% опрошенных, а фирму «Ростикс» — менее 10%. То есть новое название еще не бренд. И увеличение популярности — это алгоритм для вывода, что новое (товар, фирма) становится всем знакомым брендом.

Сейчас заметно по информационному пространству, что реклама новых названий стремится сыграть на аллюзиях со старым товаром, намекнуть на преемственность («тот самый» звучит как буквально, так и визуально). Кофе «Монарх», сменивший название «Якобс», обещает *тот же вкус, те же ощущения*.

Влияние бренда на покупательское поведение не абсолютно. Так, исследование тридцатипятилетней давности показывало, что только четверть массива современного потребителя проявляет *лояльность к старым знакомым брендам и моделям*. А число тех, для кого на первом месте *сколько это стоит* [5] и тогда было несколько больше тех, кому важен бренд (27 на 23 процента), а сейчас, как мы описали выше ситуацию с обеспеченностью потребителей, тем более. В кризисогенные дни (пандемия, экономические катаклизмы, социополитические сдвиги) вопрос цены является чуть ли не решающим. Эксперты говорят буквально следующее: «Люди стали выбирать предметы своей покупки более рационально, не обращая внимания на бренд». По-видимому, снижение уровня доходов населения еще больше разведало воздействие эмоциональных информативных призывов и реальное потребительское поведение.

Общественное мнение как навигатор. В целом стратегические коммуникации очень востребованы во времена, которые характеризуются мощными изменениями в состоянии рынка: а это, конечно, прошлое и нынешнее десятилетие. Это относится как к упомянутым задачам рекламы, так и к связям с общественностью. Последние в особенности в ходе электоральных очень востребованы (увеличение объемов политической рекламы, занятости специалистов в области СО, денежные затраты на эти виды деятельности и др.).

На связи с общественностью возлагаются также обязанности по переформатированию массового сознания россиян по отношению к недружественным странам, коих на сегодня уже 60. Это государственная программа для коммуникаторов разного уровня и локаций. Но она достаточно сложна для достижения быстрых результатов. Комплекс ментальных и эмоциональных составляющих отношения человека к другим странам формируется на *длинных временных волнах* и быстро не меняется.

В принципе эта проблематика уже обросла солидным теоретическим и эмпирическим багажом и весьма интересна для наблюдения «здесь и сейчас» [6–7].

Теория коммуникации в части, касающейся взаимоотношений коммуникатора и аудитории, выводит на уровень закона вывод, что «группы характеристик, связанных с коммуникативной ситуацией, коммуникатором и каналом, более подвижны, а характеристики аудитории более стабильны» [8, 660]. Последние относятся к потокам межличностной коммуникации, не отфильтрованным формальными организациями, личному опыту человека, произведе-

ниям искусства, отстоявшимися в веках и проч., что с трудом поддается переделке.

В любом случае нужен постоянный мониторинг общественного мнения — впрочем, это обычная практика в такие времена. В ситуации *социотрясения*, как называл такие времена известный советский и российский социолог Б. А. Грушин, в идеале общество должно располагать информацией о состоянии дел в экономике, в политической повестке дня, о позиции государства, основных акторов в процессе решения проблем, представлять картину борьбы мнений и предложений по широкому спектру ответов на сакраментальные вопросы «кто виноват?» и «что делать?» в информационных каналах. И не только потому, что все это входит в ежедневную деятельность структур по связям с общественностью, но и потому, что это напрямую определяет градус настроений населения.

Опросы общественного мнения, опубликованные в массовых информационных источниках, сохраняют свою более общую социальную ценность — свидетельствовать о состоянии общественных настроений, потребностей, ожиданий. В этом смысле они аналогичны социальной ценности совокупного массива рекламных и СО-сообщений, которые существуют в коммуникационном поле. Она напрямую связана с эффективным достижением их целей. Не будь отражением общественных настроений, мнений, потребностей общества, последние не были бы востребованы обществом: ни на полюсе коммуникационных площадок, которые их размещают, ни на полюсе индивидуального потребителя.

Единичный текст в таких случаях венчает собой социальную пирамиду — она подразумевает, что существование этих информационных потоков в обществе отвечает его потребностям, связанным со структурами, кровно заинтересованных в том, чтобы реализовывать свои нужды в подобной информационной деятельности.

Главный посыл в таком подходе, это то, и со стороны потребителя/приемника информации, актуализированной в рекламных сообщениях и текстах с пометкой «связи с общественностью», так и со стороны их производителя, присутствует глубина, уходящая в социальную проблематику. И это нельзя не учитывать при создании отдельного конкретного сообщения. Креатив не затмевает временной и общекультурный контекст, более того — иногда контраст между ними становится вопиющим. Так, клип с медвежонком «Альфа-банка», который с битием стекла выламывается из небоскреба, производит редкое по аналогии впечатление с налетом на небоскребы 11 сентября 2021 г.; а сам по себе факт заставляет вспомнить давнюю дискуссию — еще 1990 гг., — когда специалисты отмечали антиобщественную практику рекламистов, которые работали в поле противозаконных, иногда криминальных практик, афишируя акты, идущие вразрез с законами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федотова Л. Н. Реклама и СО в современных социо-политических реалиях: место интернет рекламы / Л. Н. Федотова // Сб. статей кафедры рекламы и связей с общественностью. Вып. 12. — М., 2023.

2. Капустин С. Реклама переезжает в смартфон. Почему компании все чаще выбирают мобильную рекламу / С. Капустин, А. Коряков // Коммерсантъ, 20.10.2022.

3. Больше года на восстановление: россияне почувствовали снижение стабильности. — Режим доступа: <https://romir.ru/studies/bolshe-goda-na-vosstanovlenie-rossiyane-pochuvstvovali-snijenie-stabilnosti> (дата обращения: 24.01.23)

4. Фонд Общественное мнение. — Режим доступа:

<https://media.fom.ru/fom-bd/d51so2021.pdf> (дата обращения: 24.01.23)

5. Miller T. Let's Make a Deal: The Buying Styles of Global Consumers // Roper Starch Worldwide Inc. International Research Associates Inc. 1995.

6. Федотова Л. Н. Брендинг территорий / Л. Н. Федотова // Медиаальманах. — 2014. — № 4–5.

7. Корнилова К. С. Геобрендинг в контексте проблем медиатизации как средство развития территорий и привлечения туристов / К. С. Корнилова // Известия Саратовского университета. Филология. Журналистика. — Т. 19. — 2019. — № 4. — С. 469–475.

8. Федотова Л. Н. Социология массовой коммуникации / Л. Н. Федотова. — М., 2009.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Федотова Л. Н. доктор социологических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью

E-mail: fedotova117437@mail.ru

Lomonosov Moscow State University

Fedotova L. N., Doctor of Social Sciences, Professor of the Department of Advertising and Public Relations

E-mail: fedotova117437@mail.ru

РЕКЛАМНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: СОПОСТАВЛЕНИЕ ЛЕКСИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ДИСКУРСА

Юй Хунбо

Цзилиньский университет финансов и экономики

В. В. Богуславская

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Поступила в редакцию 1 апреля 2024 г.

Аннотация: статья посвящена сопоставительному анализу языковых характеристик русского и китайского рекламного технического дискурса. Объектом исследования является рекламный технический текст тематической группы «экологичные инновационные осветительные приборы».

Ключевые слова: русская техническая реклама, китайская техническая реклама, языковая характеристика, рекламный технический дискурс, рекламный текст.

Abstract: the article is devoted to a comparative analysis of linguistic characteristics in Russian and Chinese advertising technical discourse. The object of the study is an advertising technical text of a thematic group of environmentally friendly and innovative lighting devices.

Keywords: national value, Russian technical advertising, Chinese technical advertising, linguistic characteristics, advertising technical discourse.

С развитием международного сотрудничества «Один пояс — один путь» экономическая, политическая и культурная связь между Китаем и Россией становится все теснее. Техническая реклама оказывает влияние на развитие человеческого общества и формирование мышления потребительской аудитории в обеих странах, постепенно повышается потребность в приобретении данного товара или услуги, а также чувство удовлетворения от процесса использования товара — его эффективности, удобства, эстетики и т.п.

Анализ лингвосоциокультурных особенностей рекламных технических текстов в обеих странах становится все более важным.

Рекламный технический дискурс реально выражается через две стороны — семантическое содержание и структурную форму. Он выполняет три главных функции: информационную, оценочную и функцию воздействия на аудиторию.

«...Анализ текста представляет собой переход от вещественного пространства линейной формы текста к абстрактному и нелинейному пространству его структуры, что дает возможность по-разному трактовать общее понятие пространство текста» [1, 140]. Авторы рекламного технического текста должны всесторонне знать свою аудиторию — мировоззрение, религию, возраст, нацию, культуру,

историю и общественное положение, социальную иерархию. Чтобы коммуникация была успешной, необходимо логично и удачно соединить все составляющие компоненты рекламного технического текста, особенно лексические и морфологические составляющие, и правильно выбрать стиль, соответствующий условиям общения и читательским интересам и целям.

Прилагательные обладают яркими экспрессивными свойствами. Наиболее часто употребляются качественные прилагательные, указывающие на размер, цвет, вес, форму и другие свойства, особенно прилагательные в формах разных степеней сравнения.

1. Китайская техническая реклама:

5700K亮白光线 · 明亮纯净的照明体验 · Яркий белый свет 5700K, яркое и чистое освещение (компания OPPLE, 2018 г.).

采用光学分子高透光率灯罩 · 质感更佳 · 透光性好 · Использование оптического молекулярного абжжура с высокой светопропускаемостью обеспечивает лучшую текстуру и хорошее светопропускание (компания HUANAWWEIXIU, 2021 г.).

加厚高承重吸顶盘 · 七重电镀工艺处理 · 不掉色更耐用 · 稳定坚固 · Утолщенная потолочная плита с высокой несущей способностью, семикратная обработка методом гальванопокрытия, не выцветающая, более долговечная, стабильная и крепкая (компания PULIDI, 2020 г.).

— антонимы и синонимы в технической рекламе способствуют усилению эмоционального тона, могут указывать на эмоциональную доминанту текста [5], имеют свойство пробуждать эмоциональное отношение к теме, вызывать положительное или отрицательное чувство к определенному товару, выражая преимущества или недостатки предмета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богуславская В. В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция: монография / В. В. Богуславская. — М., 2017.

2. Казачук И. Г. Жанрообразующая функция прилагательных в загадках / И. Г. Казачук, Н. О. Тубольцева // Метеор-Сити. — 2016. — № 1. — С. 16–18.

3. Колосько Е. В. Метафорические значения сочетаний с качественно-притяжательными прилагательными / Е. В. Колосько // Семантика и функционирование языковых единиц разных уровней: сборник научных статей по материалам VIII международной научно-практической конференции. — 2015. — С. 179–185.

4. Махиева Л. Х. Об эмоционально-окрашенных синонимах в карачаево-балкарском языке / Л. Х. Махиева // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. — Нальчик, 2010. — С. 83–88.

5. Ионова С. В. Эмоциональная доминанта текста: некоторые лингвистические аспекты исследования / С. В. Ионова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. — 2023. — Т. 22. — № 1. — С. 13–27.

*Цзилиньский университет финансов и экономики
Юй Хунбо, аспирант*

*Jilin University of Finance and Economics
Yu Hongbo, Postgraduate Student*

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Богуславская В. В., доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации

E-mail: boguslavskaya@gmail.com

*Russian Language Institute named after A. S. Pushkin
Boguslavskaya V. V., Doctor of Philology, Professor of Russian
Literature and Intercultural Communication Department
E-mail: boguslavskaya@gmail.com*

ПРАВИЛА

для авторов серии «Филология. Журналистика» научного журнала «Вестник Воронежского государственного университета»

Серия «Филология. Журналистика» журнала «Вестник ВГУ» включена в список ВАК при Минобрнауки российских рецензируемых научных журналов, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленные в виде полных статей. Опубликованные статьи, а также статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Статьи проходят редакционное рецензирование и в случае положительной рецензии — научное и контрольное редактирование. В случае рекомендации статьи к опубликованию автору высылается лицензионный договор (все подписанные страницы договора сканируются и высылаются в редакцию).

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Журнал выходит **4 раза в год**

Почтовый адрес: 394068, г. Воронеж, ул. Хользунова, 40-а, уч. корп. № 6 ВГУ, факультет журналистики, к. 103, редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика».

Контактный телефон:

+7 (473) 266-17-50, 274-52-71

Контактный e-mail: tam1008@yandex.ru,

vlvtul@mail.ru

Полные статьи принимаются объемом до 10 страниц формата А4 рукописи. Текст статьи должен быть напечатан через полтора интервала на белой бумаге формата А4, с полями — 2,5 см с левой стороны, размер шрифта — 14 п. (Times New Roman Cyr). Информационная графика — черно-белая.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках [1], через запятую дается указание на страницы — [1, 165], через точку с запятой — другая ссылка (например, [1, 5; 2, 75]).

Список литературы дается в конце статьи с обязательной нумерацией и озаглаивается **ЛИТЕРАТУРА** (прописные буквы); оформляется в соответствии с *ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись*. Библиографическое описание, ссылки располагаются в порядке цитирования.

Кроме ссылок на литературу в тексте могут присутствовать **сноски**.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию (e-mail редакции: vlvtul@mail.ru) текст статьи, подписанный всеми авторами, УДК, таблицы, иллюстрации и подписи к ним (бумажный экземпляр, присланный по почте, или файлы текста и иллюстраций, а также сканы каждой из страниц).

Время рассмотрения, рецензирования и опубликования статей зависит от объема редакционного портфеля, формируемого из статей, рекомендованных к печати. Поэтому редакция не отвечает на вопросы типа «Как скоро может быть опубликована статья? Сколько времени занимает рассмотрение и рецензирование статьи? В течение какого срока автор получит номер журнала со статьей после его выхода?»

Редакция не гарантирует обеспечение авторов опубликованных статей бумажным экземпляром журнала, поэтому **желательно подписка** на журнал. Подписной индекс — 51174 в объединенном каталоге «Пресса России».

Редколлегия

Образец оформления статьи

УДК ...

(узнать в библиографическом отделе библиотеки)

**ОБРАЗЫ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ТЕКСТАХ
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ**

Е. В. Бавыкина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 июля 2021 г.

Аннотация: целью данного исследования является представление состава языковых средств, объективирующих космическое пространство в научно-фантастических произведениях, и описание семантики этих единиц. Источниками для исследования послужили произведения русских авторов и немецких фантастов.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, текст, научная фантастика, космическое пространство, прямые номинации, косвенные номинации, индивидуально-авторские номинации.

Abstract: the aim of this study is to present the composition of language means which objectify outer space in science fiction and to describe the semantics of these units. Works by Russian authors and German science fiction writers constituted the subject for study.

Keywords: cognitive linguistics, the text, science fiction, space, direct nominations, indirect nominations, individually-author's nominations.

Тексты научной фантастики¹ представляют собой практический интерес для исследователей в рамках когнитивной лингвистики как специфическая форма воплощения картины мира. Ключевым образом в текстах научной фантастики является космическое пространство [1, 5–9]. Анализируя языковые средства, объективирующие космическое пространство в научно-фантастических произведениях, можно выявить как общие, так и отличительные их признаки, связанные со спецификой национальных картин мира разных народов [2, 4–21].

ЛИТЕРАТУРА

(Список нумеруется в порядке цитирования)

После литературы указываются сведения об авторах на русском и английском языках (12 п., курсив): название университета; фамилия, инициалы; ученая степень, должность; электронный адрес.

Воронежский государственный университет

Бавыкина Е. В., преподаватель кафедры немецкой филологии

E-mail: phil27@mail.ru

Voronezh State University

Bavykina E. V., Lecturer of the German Philology Department

E-mail: phil27@mail.ru

Далее необходимо указать фамилию, инициалы автора и название статьи на английском языке (прописными буквами).

Bavikina E. V. IMAGES OF SPACE IN THE TEXTS OF SCIENCE FICTION

P. S. Рекомендуемые объемы статей (требование издателя)

2 журнальные страницы = не более 9100 знаков с пробелами

3 журнальные страницы = не более 14250 знаков с пробелами

4 журнальные страницы = не более 19500 знаков с пробелами.

P. P. S. Примеры названий ученых степеней, должностей и пр. на английском языке: Candidate/Doctor of Philology (кандидат/доктор филологических наук); Postgraduate Student (аспирант) / Lecturer (преподаватель) / Senior Lecturer (старший преподаватель) / Associate Professor (доцент) / Professor (профессор) of the Public Relations Department (кафедры связей с общественностью).

¹ Сноска